

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Тем, что эта книга дошла до Вас, мы обязаны в первую очередь библиотекарям, которые долгие годы бережно хранили её. Сотрудники Google оцифровали её в рамках проекта, цель которого – сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Эта книга находится в общественном достоянии. В общих чертах, юридически, книга передаётся в общественное достояние, когда истекает срок действия имущественных авторских прав на неё, а также если правообладатель сам передал её в общественное достояние или не заявил на неё авторских прав. Такие книги – это ключ к прошлому, к сокровищам нашей истории и культуры, и к знаниям, которые зачастую нигде больше не найдёшь.

В этой цифровой копии мы оставили без изменений все рукописные пометки, которые были в оригинальном издании. Пускай они будут напоминанием о всех тех руках, через которые прошла эта книга – автора, издателя, библиотекаря и предыдущих читателей – чтобы наконец попасть в Ваши.

Правила пользования

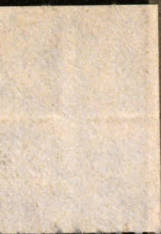
Мы гордимся нашим сотрудничеством с библиотеками, в рамках которого мы оцифровываем книги в общественном достоянии и делаем их доступными для всех. Эти книги принадлежат всему человечеству, а мы – лишь их хранители. Тем не менее, оцифровка книг и поддержка этого проекта стоят немало, и поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые меры, чтобы предотвратить коммерческое использование этих книг. Одна из них – это технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас:

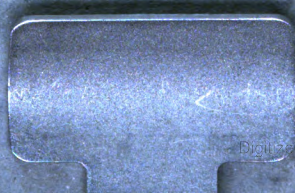
- **Не использовать файлы в коммерческих целях.** Мы разработали программу Поиска по книгам Google для всех пользователей, поэтому, пожалуйста, используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- **Не отправлять автоматические запросы.** Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого рода. Если Вам требуется доступ к большим объёмам текстов для исследований в области машинного перевода, оптического распознавания текста, или в других похожих целях, свяжитесь с нами. Для этих целей мы настоятельно рекомендуем использовать исключительно материалы в общественном достоянии.
- **Не удалять логотипы и другие атрибуты Google из файлов.** Изображения в каждом файле помечены логотипами Google для того, чтобы рассказать читателям о нашем проекте и помочь им найти дополнительные материалы. Не удаляйте их.
- **Соблюдать законы Вашей и других стран.** В конечном итоге, именно Вы несёте полную ответственность за Ваши действия – поэтому, пожалуйста, убедитесь, что Вы не нарушаете соответствующие законы Вашей или других стран. Имейте в виду, что даже если книга более не находится под защитой авторских прав в США, то это ещё совсем не значит, что её можно распространять в других странах. К сожалению, законодательство в сфере интеллектуальной собственности очень разнообразно, и не существует универсального способа определить, как разрешено использовать книгу в конкретной стране. Не рассчитывайте на то, что если книга появилась в поиске по книгам Google, то её можно использовать где и как угодно. Наказание за нарушение авторских прав может оказаться очень серьёзным.

О программе

Наша миссия – организовать информацию во всём мире и сделать её доступной и полезной для всех. Поиск по книгам Google помогает пользователям найти книги со всего света, а авторам и издателям – новых читателей. Чтобы произвести поиск по этой книге в полнотекстовом режиме, откройте страницу <http://books.google.com>.

LIBRARY
OF
PRINCETON UNIVERSITY

ЧЕРВЕНСКІЕ ГОРОДА.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ,
ВЪ СВЯЗИ СЪ ЭТНОГРАФІЕЙ И ТОПОГРАФІЕЙ
ЧЕРВОННОЙ РУСИ.

СОЧИНЕНІЕ

А. В. Лонгинова.

—X— 1 руб. 20 коп. —X—

ВАРШАВА.

ВЪ ТИПОГРАФИИ ВАРШАВСКАГО УЧЕБНАГО ОКРУГА.

1885.

**LIBRARY
OF
RINCETON UNIVERSITY**

ЧЕРВЕНСКІЕ ГОРОДА.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ,
ВЪ СВЯЗИ СЪ ЭТНОГРАФІЕЙ И ТОПОГРАФІЕЙ

ЧЕРВОННОЙ РУСИ.

СОЧИНЕНИЕ

A. V. Longinov
А. В. Лонгинова.

Приложеніе къ Холмско - Варшавскому Епархіальному Стнику.

ВАРШАВА.

—
ВЪ ТИПОГРАФІИ ВАРШАВСКАГО УЧЕБНАГО ОКРУГА.

—
1885.

16386

594

Съ дозволенія Духовной Цензуры.
Варшава, 15 іюля 1885 г.

Цензоръ, протоіерей К. Чеховичъ.

БІБЛІОТЕКА

3

ДУБЛЕТНИКЪ

ФОНДЪ

ОД. Ц. П. Б.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Стражица.

Происхожденіе названія Червенской земли. Хорватія. Племена, населявшія надкарпатскую страну, и ихъ объединеніе. 1 — 32.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Судьба южныхъ славянскихъ народовъ до XI вѣка. Отношенія ихъ между собою и къ народности Червоно-русской. Древній Холмъ 32 — 58.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Судьба Червенскихъ городовъ въ X и XI вѣкахъ. Объемъ Червонной Руси при Владимірѣ св. Связь съ нею Люблинской земли. Люблинъ 58 — 98.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Дробленіе Червонной Руси на удѣлы. Ихъ развитіе съ XI по XIV вѣкъ. Политическое значеніе Червенской земли въ системѣ Червононорусскихъ княжествъ. Отношеніе ихъ къ княжеству Владимірскому. 98 — 122.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Географическое положеніе Холмско-Червенской области среди других Червононорусских областей. Границы ея съ Польшей. Границы земли Червенской въ XIII вѣкѣ. Отношеніе Холмщины къ Волыни 122 — 176.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Мѣстоположеніе г. Червена. Признаки правового быта какъ начала, обуславливающаго этнографическое единство земель Люблинской и Холмско - Червенской. Процессъ образованія Червононорусскихъ городовъ и городовыхъ округовъ. Основаніе Замойскаго маіората. Замостье и его православныя церкви 176 — 220.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Историко-топографическое значеніе актовъ Замойскаго маіората. Червенскія поселенія: Щебрешинъ. Туробинъ. Красникъ. Изслѣдованіе первобытныхъ границъ земли Люблинской. Древніе слѣды русской народности и православія въ окрестностяхъ Холма и Влодавы. 220 — 262.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Православныя церкви Люблинскаго староства.— Червенскія поселенія: Городло, Грубешовъ и его памятники русской старины. Чернечинъ. Тышовцы. Грабовецъ. Рогозно 262 — 286.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Судьба Щекарева (Красностава) и его православныхъ церквей. Роль его въ борьбѣ православія съ латинствомъ въ Червонной Руси. Заключеніе 297 — 330.

П Р И Л О Ж Е Н І Е.

Дополнительныя свѣдѣнія о Червоно-русскихъ церк-
вахъ и монастыряхъ, Холмской епархіи, до начала XIX
вѣка. I. Сѣдлецкая губернія. II. Люблинская губернія. 331 — 368.

Замѣченныя опечатки и ошибки.

Напечатано:

Слѣдуетъ читать:

Стр. 9, прим. 1—Тошкевича.	Тошковича.
— 20, строка 9 свер. и въ примѣч.—Колюпановъ.	Ключевскій.
— 60, прим. 5, по смерти Мееодія 895	по смерти Мееодія 885.
— 70, строка 11 снизу,—въ 1664	въ 1654
— 77, строка 5 сверху—вольномъ сеймѣ	вальномъ сеймѣ
— 78, прим. 1—Мазовія окончательно	Мазовія впервые
— 93, прим. 1— <i>Źd. годъ Ram.</i>	<i>Źd. godne Ram.</i>
— 98, строка 10 снизу—околокъ	осколокъ
— 109, строка 14 сверху—Далиловичу	Даниловичу
— 155, примѣч. 3—по рѣка	по рѣкѣ
— 167, строка 10 снизу—сие пламени	сию же пламени.
— 168, прим. 2—Тарасевичъ	Гарасевичъ
— 198, прим. 2—выборческіѣ судей	выборныхъ судей
— 201, прим. 3—преаніямъ, ыта, авомъ	преданіямъ, быта, правомъ
— 204, строка 4 снизу—приспѣ	приспѣ
— 209, прим. 2—прототишъ	прототипонъ
— 225, прим. 1—клады	оклады
— 229, строка 13 сверху—яданна	данная
— 238, строка 8 сверху—возъ, имѣль	возымѣль
— 240, строка 10 сверху—Замость ¹⁾	Замость
„ „ 3 снизу—князей	князей ¹⁾
— 241, прим. — Сигизмундомъ Авг. въ 1270	Сигизмундомъ Авг. въ 1570.

Напечатано:

Слѣдуетъ читать:

— 247, прим. 4—Kowienski	Towienski
— 264, строка 4 снизу—кокормъ	покормъ
— 290, строка 7 снизу—всякія	всякіе
— 297—Красноставъ и его правосл.
церкви (заглавіе)	Глава девятая.
— 298 прим. 1—тотъ амый	тотъ самый
— 321, строка 1 снизу—въ изобіи	въ изобиліи
-

ЧЕРВЕНСКІЕ ГОРОДА.

(историческій очеркъ въ связи съ этнографіей и топографіей Червонной Руси).

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Область, лежащая между Вислою, Днѣстромъ и западнымъ Бугомъ, стала извѣстна подъ именемъ Червенской со времени присоединенія ея къ Русскимъ владѣніямъ Владиміромъ Святѣмъ въ концѣ X столѣтія. По общепринятому мнѣнію, происхожденіе этого названія обязано городу Червену¹⁾. Справедливость такого предположенія подтверждается тѣмъ, что отдѣльныя княжества какъ на Руси, такъ и въ Польшѣ, всегда назывались по имени главнаго своего города. Мало того. Понятіе о княжескомъ удѣлѣ до такой степени слилось съ понятіемъ о стольномъ городѣ, что лѣтописецъ, говоря о какомъ либо стольномъ городѣ, часто разумѣетъ всю

¹⁾ Вотъ, напримѣръ, слова г. Шараневича: „Видно що Червень былъ ровно знакомитымъ мѣстомъ якъ и Волинъ, коли отъ Волиня цѣлая околица Волинскою, а отъ Червеня города на Бузѣ и Санѣ, а може и на Днѣстрѣ, Червенскими городами названо (Исслѣдованіе по отечественной исторіи и географіи—1869 года стр. 21).

территорію, входившую въ составъ княжеской волости. Червень, бывшій нѣкогда важнѣйшимъ между Червенскими городами и столицей Червенскаго княжества, мало по малу утрачивалъ свое политическое значеніе, уступая первенство другимъ городамъ, и наконецъ исчезъ съ лица земли. Послѣ паденія Червена тому краю, который при Несторѣ слылъ Червенскимъ, присвоено было наименованіе Червондой или Красной Русы.

Попытаемся разрѣшить трудный вопросъ—откуда произошло названіе города Червена. Всѣ названія городовъ и селеній проистекаютъ изъ двухъ источниковъ—изъ именъ личныхъ и царцательныхъ, усложняясь, хотя не всегда, различными окончаніями. Большинство названий мѣстностей въ славянскихъ земляхъ происходитъ отъ именъ личныхъ, но изслѣдованіе ихъ труднѣе сравнительно съ остальными названіями, такъ какъ многія старославянскія собственныя имена намъ вовсе незнакомы и потому легко могутъ быть отнесены, по ошибкѣ, къ царцательнымъ. Затрудненіе увеличивается вслѣдствіе непостоянства окончаній. Одни и тѣже окончанія, за небольшими изытіями, встрѣчаются одинаково и въ тѣхъ и въ другихъ названіяхъ. Авторъ одного изъ новѣйшихъ сочиненій о Хорватіи Войцѣховскій историческое значеніе окончаній показываетъ на слѣдующемъ примѣрѣ. Въ *liber beneficiorum*, Краковской діоцезіи, читается Далеховъ и Далеховице. Оба названія отъ исчезнувшаго имени Далехъ, встрѣчающагося въ актахъ Великопольскихъ (*Dalek, DalecŹ*) и Чешскихъ (*DalesŹ, Dalicha*). Окончаніе на „овъ“ выражаетъ принадлежность (напр. Далеховъ дворъ), Далеховице наводитъ на мысль объ отчинѣ Далеха, перешедшей къ потомству. Далеховъ есть названіе первобытное, Далеховице—позднѣйшее. Происхожденіе

названія обнаруживается только тогда, когда намъ удастся возстановить его первоначальную форму. Такъ названія Скалмиръжъ, Внинъ, Чховъ постигаются лишь при помощи древнихъ документовъ, гдѣ эти мѣстности назывались: Скалмиръжъ—сначала Скарбимиръжъ, повднѣ—Скалбимиръжъ. Внинъ—Бениномъ; Чховъ—Чеховымъ. Подобная фильтрація показываетъ, что названія эти происходятъ отъ именъ собственныхъ (отеческихъ) родовыхъ или семейныхъ, Скарбимира, Бьена и Чеха съ прибавленіемъ къ нимъ окончаній. Большому искаженію подверглись названія нарицательныя. Бускъ именовался въ XII вѣкѣ Бужескомъ, село Судоль называлось въ XIII вѣкѣ Суходоломъ. Въ Краковскомъ повѣтѣ есть мѣстечко, названіе коего въ теченіи пяти столѣтій дотого измѣнилось, что безъ письменныхъ памятниковъ нельзя было бы доискаться до первоначальной формы. Мѣстечко это прозывалось сначала Сосенка, въ XV вѣкѣ Сосика, въ XVII Сонка, теперь же оно зовется Самка. Уразумѣнію первоначальнаго смысла названій мѣстностей не всегда помогаютъ стародавніе документы. Часто названія представляются въ нихъ уже сильно искаженными. Тогда приходится прибѣгать къ помощи этимологіи, мѣстной топографіи и археологіи. Разоблаченіе внутренняго смысла названій мѣстностей приближаетъ насъ, такъ сказать, къ самому зародышу славянскаго быта. Но нѣтъ надежды раскрыть значеніе всѣхъ названій. Немаловажнымъ препятствіемъ къ познанію первобытной основы названій служатъ многочисленные легенды, сложившіяся въ народѣ про ту или другую мѣстность. Таково баснословное сказаніе, по которому Гостерадовъ названъ потому, что тамъ всегда радушно принимали гостей. Между тѣмъ руководною нитью должно здѣсь служить окончаніе, указы-

вающее на родоначальника Гостерада, бывшего, вѣроятно, основателемъ упомянутого села. Окончаніе нерѣдко исчезало, но только тогда, когда утрачивалось понятіе объ истинномъ значеніи названія. Сохраненіе его до позднѣйшаго времени въ народной рѣчи свидѣтельствуетъ по большей части о неиспорченности кореннаго названія.—Показавъ исходную точку толкованія названій мѣстностей, Войцѣховскій приводитъ много примѣровъ, наглядно доказывающихъ историческую важность окончаній, на что, впрочемъ, давно уже было обращено вниманіе Чешскими, Болгарскими и Русскими учеными¹⁾. Непониманіе ихъ родъ и приводило къ печальнымъ недоразумѣніямъ. Такъ, напримѣръ, Бандке, а занимъ Шайноха ошибочно проповѣдывали, что корень окончаній мѣстныхъ названій въ Польшѣ и краяхъ Прибалтійскихъ отъ Одера до Рейна—на „виць“ и „вице“ есть сѣверное выраженіе „викъ“ (wik), означающее весь (wiés), подобно латинскому visus. Названіе горы Лассотки пытались объяснить тѣмъ, что на ней, какъ на горѣ лысой, не растетъ лѣсъ. Между тѣмъ оно сложилось отъ родового имени Лассота, даващаго начало многимъ названіямъ: Ласоцинъ, Ласосице и т. под. Первообразъ же лысой горы, въ славянской терминологіи, есть голень, голышъ, лысець. Ходаковскій утверждалъ, что начало Бялогоща подъ Львовомъ кроется въ славянской мифологіи (богъ Бѣлогость), тогда какъ названіе участка земли просто означаетъ, что она нѣкогда была собствен-

¹⁾ См. между прочимъ Шафарика Слав. древн. т. II кн. I стр. 66—73. Венелина. Критич. изслѣдов. объ исторіи Болгаръ, изд. 1849 г., стр. 148. Сравн. Иречекъ. Исторія Болгаръ 1878 года, стр. 153 и др.

ностью какого-то Бѣлогоста. — Особенную важность Войцѣховскій придаетъ этимологіи. Безъ ея помощи онъ совершенно справедливо, считаетъ невозможнымъ научную обработку исторіи. Изслѣдованію историческому должна, по его мнѣнію, предшествовать группировка названій данной мѣстности по ихъ этимологическимъ особенностямъ, послѣ чего слѣдуетъ сопоставить ихъ съ несомнѣнными документами. Правильная группировка и внимательное сравненіе открываютъ въ названіяхъ наслоенія, имѣющія много общаго съ формаціями геологическими. Сличеніе названій мѣстностей по документамъ показываетъ, что съ теченіемъ времени многія названія совершенно преобразились. Измѣненія вызывались переходомъ селенія отъ одного владѣльца къ другому, дробленіемъ земли, перемѣнами въ отношеніяхъ, съ одной стороны, между свободными сословіями и рабами или холопами, а съ другой — между княземъ и всѣмъ подвластнымъ ему населеніемъ. Только изученіе правового быта можетъ пролить полный свѣтъ на постепенное развитіе топографической номенклатуры¹⁾. Не стану излагать подробно теорію происхожденія названій мѣстностей, развиваемую Войцѣховскимъ²⁾, коснувшись ея настолько, насколько она можетъ расчислить путь къ намѣченной мною цѣли — объяснить названіе Червена, хотя въ данномъ случаѣ она не, оказываетъ существенной помощи,

¹⁾ Tadeusz Wojciechowski. Chrobatia. Rozbiór starożytności Słowiańskich T. I. Kraków 1873 г., стр. 145—340.

²⁾ Войцѣховскій мимоходомъ дѣлаетъ интересное замѣчаніе, что въ Краковскомъ и Сандомірскомъ округахъ такіа названія мѣстечекъ какъ „церковь, церковное, церквице“ измѣнились въ названія „костель, костелець, коцелискъ и т. под.

такъ какъ Червень не укладывается ни въ одну изъ рубрикъ, на которыя онъ дѣлитъ населенныя мѣстности, и которыя, въ концѣ концовъ, также какъ и подмѣченные Иречекомъ въ Болгарскихъ поселеніяхъ¹⁾, сводятся, на мой взглядъ, къ двумъ главнымъ группамъ: одна группа названій обусловливается преобладающимъ родомъ занятій жителей, ихъ качествами, или вообще ихъ бытомъ, другая же—отражаетъ въ себѣ тѣ или другія особенности окружающей природы.

Основное понятіе, кроющееся въ словѣ Червень, всего лучше постигается при сравненіи его съ Богемскимъ *szegwena*—кровоѣ. На Виндскомъ, Кроатскомъ и Славонскомъ нарѣчіяхъ *kečv* (лат. *signor*). Въ словѣ о полку Игоревѣ говорится „кровоавы зори свѣтъ повѣдаютъ“.— На старославянскомъ языкѣ Червень, Червленецъ употреблялось часто какъ синонимъ багряницы, или вообще означало пурпуровую одежду, матерію. Червленница—багровая краска. Но *Szegwień* на польскомъ и нѣкоторыхъ другихъ славянскихъ нарѣчіяхъ означаетъ также темно-красный цвѣтъ (лат. *rubor*). Отсюда. *Szegwepes*, *szegwopcsuk*, червонецъ. Отсюда же—червеный, червленый, Польск. *szegwony*, Богем. и Лужиц. *szegweny*, *szegweni*, *zegwoni*, *Szegweni*. Кроатск. *cherlyen*, *cherleni*, Далматск. *szarlyen*, *zarlień*, Боснійск. *sarglien*, *serglien*, Рагузск. *zarwen*, *zarglień*, Славонск. *serljep*, Виндскомъ *zerlen*²⁾. На церковно-славянскомъ языкѣ вмѣсто червеный, пишется чаще чермный. Старославянское слово червенскій, червеный и новѣйшаго образованія—червенный имѣетъ двоякій смыслъ. Оно означаетъ или багряный

¹⁾ Исторія Болгаріи, стр. 133—137.

²⁾ См. словарь Ланде, Мямлошича и др.

цвѣтъ, или вообще такое свойство, которое придаетъ предмету внутреннее, или внѣшнее достоинство. Въ этомъ смыслѣ равносильный эпитетъ „красный“ наиболѣе употребителенъ въ народной рѣчи, въ народныхъ пѣсняхъ и былинахъ. Но для обозначенія цвѣта чаще употреблялось въ древнѣйшихъ памятникахъ письменности выраженіе „червленый“. Въ словѣ о полку Игоревѣ читаемъ: „чърленъ стягъ“, „чърлена чолка“ (бунчукъ), „чърленныя щиты“¹⁾. Поэтому догадка Окольскаго и Нарушевича, связывавшихъ названіе Червонной Руси съ многочисленными *кровопролитными* войнами, отъ которыхъ она страдала, оказывается совершенно несостоятельною²⁾. Еще менѣе удачно объясненіе М. Кояловича, производящаго названіе червоноруссовъ отъ темнокраснаго цвѣта овецъ³⁾. Древнеславянскія, удержавшіяся отчасти донинѣ, названія мѣсяцевъ подтверждаютъ мой выводъ. Вотъ эти названія: Просинець, Сѣчень, Сухый, Цвѣтень, Травень, Исокъ (Червень), Червецъ (Липецъ), Серпень, Зарень (Вресень), Листопадъ, Грудень, Студень. Въ евангеліи 1144 г., хранящемся въ Синодальной библіотекѣ, названы Апрель—Березозолъ, Іюль—Червень, Августъ—Заревъ, Сентябрь—Рюень. Необходимо замѣтить, что приведенныя названія не у всѣхъ славянскихъ племенъ пріурочивались и нынѣ пріурочиваются къ однимъ и тѣмъ же мѣсяцамъ. Такъ, наприм., Червецъ (у Чеховъ Червенець), означающій у Поляковъ Іюнь, у нѣкоторыхъ другихъ славянъ относится къ Іюлю; Липецъ, означающій у Малороссовъ и Поляковъ Іюль, у

¹⁾ По редакціи Максимовича.

²⁾ Нарушевичъ. Hist. nar. Pol., изд., 1860 г., т. V, стр. 80 прим.

³⁾ Чтенія по исторіи зап. Россіи, 1884 г. стр. 29.

Хорватовъ и Хорутанъ относится къ Іюню, называемому малороссами и Богемцами Червенеиъ, и т. под. Различіе это, безъ сомнѣнія, зависитъ отъ климатическиххъ условій. Соотвѣтствіе нѣкоторыхъ названій мѣсяцевъ со состояніемъ растительнаго міра или средней температуры всякому бросается въ глаза. Таковы Цвѣтень, Травень, Студень. Иныя названія наглядно объясняются нашею начальною лѣтописью. Въ ней говорится: „поидоша — по грудну пути: бѣ бо мѣсяць Грудень“. Мѣсяць Іюнь названъ Червенеиъ не въ силу краснаго цвѣта ягодъ, растущихъ въ Іюнѣ, какъ думали многіе, въ томъ числѣ и Карамзинъ, но въ силу той красоты, которою чаруетъ человѣка міръ Божій въ самомъ разгарѣ лѣта, въ силу той полноты развитія, которой достигаютъ тогда произрастанія земли. Лѣто — красное, и въ этомъ народномъ воззрѣніи слышится предпочтеніе, отдаваемое лѣту предъ другими временами года, — а начало астрономическаго лѣта, какъ извѣстно, совпадаетъ съ началомъ іюня. Иногда эпитетъ „красный“, „чермный“ — присоединялся даже къ именамъ, преимущественно лицъ княжескаго рода. Въ словѣ о полку Игоревѣ Романъ Святославичъ названъ Краснымъ. Всеволодъ Святославичъ, женатый на дочери Казиміровой Маріи (1195 г.), назывался Чермнымъ. Въ Волынской лѣтописи упоминается Семьонка Чермный. Князь Василій Острожскій (1447 г.) назывался „Красный“. Послѣ всего сказаннаго мною, кажется, едва ли остается мѣсто сомнѣнію, что названія мѣсяца Іюня и главнаго города Червенской области выросли изъ одного и того-же корня и сводятся къ одному и тому-же значенію.

Когда началось великое переселеніе Славянъ, то, по естественному порядку вещей, одни племена заняли земли плодородныя, на долю — же другихъ достались зе-

или мало или вовсе не производительныя. Монахъ Афонской горы Паисій въ своей исторіи Славено-Болгарской 1762 г., говоритъ, что Болгаре, занявъ Фракію, Македонію и Иллирію, „обрѣли толико земля красна и изобильна“¹⁾. Такія названія мѣстностей, которыя происходятъ отъ „червн“ или „красн“ наичаще встрѣчаются у южныхъ и западныхъ славянъ и, по моему мнѣнію, обязаны своимъ происхожденіемъ преимущественно плодородію почвы, но многіе изъ нихъ, очевидно, сложились такъ по живописному или же выгодному въ какомъ либо отношеніи географическому положенію. Тожество подобныхъ названій, свидѣтельствуя о славянскомъ ихъ происхожденіи, не даетъ права расширять границы Несторовыхъ Червенскихъ городовъ, и убѣждаетъ лишь въ томъ, что у славянъ искони былъ обычай давать городамъ и селамъ названія, выражавшія воззрѣніе народа на общее качество мѣстности, независимо отъ ея частныхъ свойствъ.

Первыя достовѣрныя извѣстія о Червенской области совпадаютъ съ концомъ X вѣка. Утверждая это, я долженъ коснуться весьма распространеннаго, особенно между Польскими учеными, мнѣнія, будтобы Несторовы Червенскіе города имѣютъ тѣсную связь съ предѣлами древней Червонной Хорватіи. Всѣ свѣдѣнія о послѣдней почерпаются, какъ я думаю, изъ повѣствованія Діоклейскаго лѣтописца (полов. XII в.)²⁾. Ранѣе его никто объ

¹⁾ Старѣйшій списокъ лѣтописи Паисія, на который ссылаюсь, хранится у Н. С. Тошкевича—въ Одессѣ.

²⁾ Хроника—Anonymus presbyter Diocleas (жилъ около 1161 года) напечатана S. Luici De regno Dalm. et Croat. VI. Amst. 1666 г., и въ Schwandtneri script. rer. Hung. Vind. 1746. т. III.

ней не писадѣ. Константинъ Багрянородный и Несторъ, жившіе—первый около половины X в., второй—въ концѣ XI и началѣ XII в., знали только Бѣлую или Великую Хорватію (Βελοχώρατι — Хорвате Бѣли) и Хорватовъ вообще. Другіе старѣйшіе лѣтописцы также не упоминаютъ о Червонной Хорватіи. Ясно поэтому, что Червонной Хорватіи вовсе не существовало. Древняя этнографія Червенской страны до IX в. покрыта едва проникаемою темнотою. Въ ней обитали многія славянскія племена, которыхъ иностранцы называли различно. Иногда называли ихъ общими именами Виндовъ, Споровъ или Сербовъ, Гетовъ¹⁾, Антоу и Словенъ, или Склавиновъ, иногда же различали племенные имена. Однимъ извѣстны были туземныя названія только нѣкоторыхъ отдѣльныхъ племенъ, другіе знакомы были со многими изъ нихъ. Наиболѣе подробное перечисленіе ихъ сдѣлано только въ половинѣ IX в., Мюнхенскимъ географомъ. Но и въ подробномъ перечисленіи попадаются имена, подъ которыя другіе подводили всѣхъ славянъ. — При сравнительной оцѣнкѣ этихъ свидѣтельствъ нельзя упускать изъ виду: 1) что они по большей части касаются такого историческаго періода, когда переселеніе славянскихъ племенъ еще не окончательно завершилось, и 2) что писатели, знакомящіе насъ съ расселеніемъ Славянъ и ихъ развѣтвленіями, описываютъ разные моменты и притомъ съ разныхъ точекъ зрѣнія. При такой предосторожности кажущіяся противорѣчія сглаживаются и вмѣсто фактовъ повидимому другъ друга исключających, раскрывается передъ

¹⁾ Польскіе изслѣдователи приписываютъ Гетамъ славянское происхожденіе, отвергаемое Шафарикомъ.

нами, благодаря поясненіямъ Мюнхенскаго географа, Императора Константина и Нестора, болѣе или менѣе полная этнографическая картина. Конечно, нельзя спорить противъ того, что границы Бѣло-Хорватіи и Бѣло-Сербіи обозначены Императоромъ Константиномъ далеко не вполне опредѣленно, но нельзя оспаривать и того, что Бѣло-Хорваты въ описываемое имъ время могли затмить названія другихъ прикарпатскихъ племенъ или по своему господству надъ ними, или славою своихъ военныхъ подвиговъ. Недаромъ они были призваны Императоромъ Иракліемъ для борьбы съ Аваарами, наводнившими Иллирикъ. Какъ бы нибыло, но только послѣ завоеванія Св. Владиміромъ Червена, Перемишля и иныхъ соѣднѣнныхъ градовъ, весь этотъ вновь присоединенный къ Руси западный край сталъ извѣстенъ подъ именемъ Червенскаго, въ отличіе отъ другихъ областей, входившихъ въ составъ державы великаго князя, и такимъ образомъ понятіе о первоначальномъ Червенскомъ округѣ, прилежавшемъ собственно къ Червену, сразу расширилось, а это и повело, кажется, къ тому, что нѣкоторые писатели (XVIII в.) перенесли это названіе на часть не точно обозначенной Константиномъ Багрянороднымъ прикарпатской Хорватіи, забывая, что названіе Бѣлой или Великой Хорватіи не позволяетъ противопоставлять ее Червонной, такъ какъ противоположность Бѣлой (свободной) страны составляетъ, по терминологіи древнихъ историковъ и географовъ, страна Черная или зависимая¹⁾. Много можно былобы привести соображеній въ подтвер-

¹⁾ См. подробн. разсужд. объ этомъ у Мацѣевскаго. *Pierwsze dzieje Polski i Litwy*. 1846 г. стр. 112.

жденіе моей мысли, но достаточно и свидѣтельства императора Константина и Нестора, ни слова не проронившихъ о Червонной Хорватіи. Несторъ же не сдѣлалъ ни малѣйшаго намека на то, чтобы „Перемышль и инны грады“ были называемы Червенскими до занятія ихъ Владиміромъ Святѣмъ. Впрочемъ, могла быть и другая причина заблужденія. Нѣкоторые историки южной Кроаціи (напр. Дюканжъ) открыли въ ней слѣды дѣленія на Бѣлую и Червонную. Отсюда выводятъ, что и надкарпатская Хорватія имѣла такое же дѣленіе. Нарушевичъ такъ былъ убѣжденъ въ этомъ, что на картѣ, приложенной къ его исторіи Польши, пространство между Вислой, Днѣстромъ и Бугомъ раздѣлилъ на двѣ части — Бѣло-Хорватію и Червонную-Хорватію, помѣстивъ первую на западѣ, а вторую на востокѣ, что совершенно не согласно съ описаніемъ границъ Бѣло-Хорватіи Константиномъ Багрянороднымъ, которыя должны были захватывать всю восточную Галицію.—Тѣмъ не менѣе нельзя отрицать существованіе и въ южной Кроаціи Червенскаго округа, такъ какъ, по свидѣтельству Шафарика¹⁾, въ Палтенской долинѣ, въ верхней Штиріи, гдѣ издавна могли обитать Хорваты, переселившіеся сюда съ сѣвера, одна мѣстность называлась Червенемъ (въ грамотѣ 1048 года). О южномъ Червенѣ упоминаетъ также Гильфердингъ въ своей исторіи Сербіи и Болгаріи. Но неизвѣстно—было ли это названіе занесено Хорватами или происхожденіе его восходитъ къ древнѣйшему времени.

Очертить границы Червонной Руси съ конца X по XIV в. со всею точностью, совсѣми постепенными ихъ из-

¹⁾ Слав. древн. т. II кн. 2, стр. 103.

мѣненіями—задача не осуществимая. Возможно обрисовать ихъ только приблизительно, возможно уловить только наиболѣе выпуклые ихъ изгибы. Приступая къ этому важному отдѣлу моего изслѣдованія, я долженъ сознаться, что оно подобно темному лѣсу, въ которомъ легко заблудиться. До какой степени предметъ труденъ и какъ смутны представленія ученыхъ о пространствѣ прежней Червонной Руси—лучше всего показываетъ заключеніе объ этомъ Зубрицкаго, болѣе всѣхъ потрудившагося надъ ея исторіей. По его словамъ, границы Червонной Руси или древней Галиціи и Лодомиріи обнимали: на западѣ часть нынѣйшей Галиціи, за р. Попрадъ близъ Дунаевца, съ округами Саноцкимъ, Ясельскимъ и Сандецкимъ, всю территорію отъ истоковъ Вислока до впаденія въ р. Санъ, потомъ по Сану до границы Царства Польскаго; на востокѣ же часть Волини, Подолья и Подлясья. Вслѣдъ затѣмъ Зубрицкій свелъ Червонорусскіе предѣлы къ землямъ, лежащимъ въ окрестностяхъ Холма, Белза, Любачева и Перемышля, созвавшись въ неточности вышеприведеннаго описанія¹⁾.—Червенская область, достигшая при Владимірѣ Святѣмъ наибольшихъ своихъ размѣровъ, скоро распалась. Одни ея части образовали Галичское, Перемышльское и Белзское княжества, другія примкнули къ княжеству Владимірскому; но послѣднія не долго тяготѣли къ городу Владиміру, выдѣляясь отъ времени до времени въ самостоятельную волость княжескую, стольнымъ городомъ которой долго былъ Червень. Есть даже основаніе предполагать, что въ немъ находилась нѣкогда спи-

¹⁾ Критич. пов. врем. лѣтъ Чер. Руси, перев. Бодянского, стр. 16, 25, 26 и 304, примѣч.

скопская кафедра. Поэтому знаніе того—гдѣ находился г. Червентъ—представлялось бы надежною точкою опоры при отысканіи древнихъ границъ Червонной Руси,—но, къ сожалѣнію, ни одинъ историкъ не подвергалъ вопроса о мѣстоположеніи Червена всестороннему обсужденію. Между тѣмъ, по упомянутому вопросу высказывалось нѣсколько различныхъ мнѣній. Нельзя присоединиться къ какому либо изъ нихъ безъ строгой ихъ повѣрки, а послѣдняя требуетъ довольно сложныхъ изысканій, которые, какъ я полагаю, должны предшествовать: во 1-хъ, историческая топографія Червонорусской области въ первоначальномъ ея объемѣ, и во 2-хъ. очеркъ границъ отдѣльныхъ княжествъ, на которыя она раздробилась, расположенный по главнѣйшимъ моментамъ ихъ послѣдовательныхъ измѣненій. Затѣмъ слѣдуетъ сгруппировать всѣ данныя, служащія указаніемъ мѣстоположенія Червена. Но таково свойство предмета, что я не могу всему этому не предпослать этнографическаго обзора Червонной Руси, который бы послужилъ преддверіемъ топографическому очерку.

Съ незапамятныхъ временъ Славяне размѣстились въ странахъ прикарпатскихъ, въ древней Дакіи.—Первыя болѣе достовѣрныя свѣдѣнія о поселеніяхъ Славянъ относятся къ половинѣ VI вѣка. Иорнандъ, писавшій около 550 г., говоритъ, что Славяне обитали на пространствѣ отъ города Новѣтунскаго до озера Музіанскаго по Днѣстръ и по Вислу. — Гильфердингъ сдѣлалъ весьма остроумное предположеніе, что подъ озеромъ Муискъ Иорнандъ разумѣлъ Ильменское озеро, а Новѣтунъ, являющійся подъ именемъ Navego при исчисленіи Иорнандомъ племенъ, покоренныхъ Готскимъ королемъ Эрманарикомъ,

есть ничто иное какъ Новгородъ¹⁾. Предположеніе свое Гильфердингъ основываетъ на томъ, что въ Скандинавскихъ памятникахъ озеро Ильмень называется Муискомъ, а Типъ есть древнее Германское и Скандинавское слово, сохранившееся у Англичанъ и означающее городъ (town)²⁾. При императорѣ Юстиніанѣ II, въ половинѣ VII столѣтія, вся страна отъ Адриатическаго моря до Родопы носила названіе Славиніи. Если свидѣтельство Страбона и Діокассія о завоеваніи Норикъ и Панноніи въ началѣ I вѣка имперетаромъ Августомъ и порабощеніи обитавшихъ тамъ народовъ не касается собственно славянскихъ племенъ, то съ удаленіемъ Лонгобардовъ появленіе Славянъ въ этихъ областяхъ уже не можетъ быть оспариваемо. По словамъ Прокопія, съ воцареніемъ Юстиніанина 1-го (527 г.) ни одного года не проходило, чтобы Славяне не нападали на разныя провинціи Римской имперіи. Нападенія эти производились изъ Дакіи (т. е. съ сѣверной стороны Дуная). Впрочемъ, уже въ III вѣкѣ въ борьбѣ съ Римскими императорами за обладаніе при-Дунайскихъ странъ и Балканскимъ полуостровомъ, принимало вмѣстѣ съ Готами дѣятельное участіе сильное славянское племя Карповъ, побѣжденныхъ затѣмъ при Деоклеціанѣ въ 292 года и поселенныхъ въ Мизіи, Фракіи и Панноніи. По мнѣнію Дринова, этимъ было положено начало колонизаціи Балканскаго полуострова. Позднѣе на Балканскомъ полуостровѣ уже встрѣчаются имена Дреговичей, Сѣверянъ, Смолянъ и др., бывшихъ, очевидно, одного про-

¹⁾ Лелевель полагаетъ, что Новгородъ основанъ не ранѣе 600 г. Narody na ziemiach Slawiańskich. 1853 г. стр. 590.

²⁾ Гильфердингъ. Собр. соч. т. 2 стр. 436 и 437.

исхожденія съ племенами, упоминаемыми Несторомъ, подъ тѣми же названіями.

Не вдаваясь въ изысканія по запутанному вопросу о передвиженіи славянскихъ племенъ, распространеніе которыхъ по Европѣ во всѣ стороны началось въ IV вѣкѣ и продолжалось до VIII вѣка¹⁾, — посмотримъ — какія племена обитали въ Червенской странѣ до лѣтописнаго періода. Изъ сопоставленія описаній, оставленныхъ Константиномъ Багрянороднымъ въ сочиненіи „*de administrando imperio*“ и безыменнымъ составителемъ географическихъ записокъ въ Мюнхенской рукописи, Шафарикъ пришелъ къ заключенію, что въ окрестностяхъ Карпатъ, въ округахъ нынѣшней Галиціи: Сандецкомъ, Ясельскомъ, Саноцкомъ, Самборскомъ и Стрыйскомъ обитали Бѣло-Хорваты, западную границу которыхъ Лелевель полагаетъ у истоковъ Эльбы²⁾. Въ сосѣдствѣ съ ними, по Шафарику, въ предѣлахъ нынѣшней Польши, въ забужной Руси жили Бѣло-Сербы, названные Баварскимъ географомъ „*žeriuani*“, съ чѣмъ соглашается Лелевель, и включенные Константиномъ Багрянороднымъ въ число племенъ, платившихъ дань Руссамъ. Бѣло-Хорва-

¹⁾ Lelewel—*Narody na ziemiach Sławianskich*. 1853 г. стр. 586. Иречекъ—*Исторія Болгаріи*, стр. 117. Справ. Дринова, Заселеніе Балканскаго полуострова славянами 1873 г. и статью о славянахъ въ *Unsere zeit*. 1883 года. книга 12 стр. 874. Одинъ изъ важнѣйшихъ источниковъ соч. Исидора Шараневича. *Kritische blicke in die Geschichte der Karpaten—Völker*. Lemberg. 1871 г.

²⁾ *Narody na ziemiach Sławianskich*, стр. 658. Маѣвскій помѣстилъ Бѣлохорватовъ въ округахъ Самборскомъ, Стрыйскомъ, Станиславововскомъ, Коломыйскомъ и Чортковскомъ, отличая ихъ отъ Хорватовъ, жившихъ между Вислою и Эльбой. *Pamiętniki o dz. Słowian*. 1839 г. стр. 65.

ты Императора Константина называются Птолемеями Карпіанами или Карпами (отъ Карпатъ, сѣверная часть коихъ отъ Сачева до истоковъ Вислы называлась въ X в. Хрбы, Хрвы, Хрваты). Въ Сербской Далимиловой лѣтописи (около 1310 г.) слову Сербъ придается широкое значеніе и говорится, что Хорваты жили въ странахъ Сербовъ (или Виндовъ по Иорнанду). На пространствѣ между Вислой и западнымъ Бугомъ Шафарикъ помѣщаетъ также древнія славянскія племена Сабоковъ, жившихъ въ окрестностяхъ Сана, гдѣ находилась столица ихъ Санокъ, — Бурговъ, жившихъ близъ истоковъ Вислы, Бѣсовъ — въ восточной Галиціи, и Тирангетовъ по Плинію или Туреготовъ по Страбону (около IV в.). Между Хорватами и Ятвягами, поселившимися съ незапамятныхъ временъ въ древней Прусской и Жмудо-Литовской Судавіи, а также въ нынѣшней Ломжинской губ. и (сѣверо западной части Гродненской, обитали пѣкогда Будины или Гелоны, поселенія коихъ простирались на значительную часть нынѣшней Волыни и Бѣлоруссіи. Во время Геродота въ окрестностяхъ западнаго Буга до р. Нурки и Нарева, въ землѣ, называвшейся съ незапамятныхъ временъ Нурской, обитали Невры, по мюнхенскому географу — Неривани, Неревяне. Сюда они переселились въ 513 году до Рождества Христова изъ первоначальныхъ жилищъ, простиравшихся, по Геродоту, отъ истоковъ Днѣстра на сѣверозападъ, занявъ прежнія жилища Будиновъ. Помпоній Мела говоритъ, что р. Днѣстръ беретъ начало у Невровъ. Птоломей именуетъ ихъ Наварами. О нихъ же подъ именемъ Будиновъ говорятъ и другіе древніе писатели. Основываясь на томъ, что Геродотъ называетъ Будиновъ старожилami, говорящими языкомъ отличнымъ отъ Гелоновъ, на описаніи ихъ нравовъ, обы-

чаевъ и типа, а также на описаніи ихъ города Буди или Будина, Шафарикъ приписываетъ имъ славянское происхожденіе, отождествляя съ Венетами, главною вѣтвю великаго Сербскаго племени. Въ Польшѣ насчитывается около 200 мѣстечекъ, названія коихъ происходятъ отъ корня „Буд.“ По мнѣнію Шафарика, Невры и Будины были отраслями одного племени. Онъ утверждаетъ, что народное сказаніе, сохраненное Геродотомъ, объ обращеніи людей, въ землѣ Нурской, въ волковъ, составляетъ и теперь повѣрье въ этой землѣ и сосѣднихъ краяхъ, особенно на Волини и въ Бѣлоруссіи. Шафарикъ приводитъ вѣскія доказательства филологическія, что „Нуръ“ на древне-славянскомъ языкѣ значитъ земля и что Невры или Нурыне, Нурины—одно и тоже¹⁾. Всѣ эти народы извѣстны были во времена Геродота, за V в. до Рожд. Христ., подъ общимъ названіемъ Скифовъ. Перечисляя славянскіе народы, жившіе многими вѣками позднѣе, отъ бассейна Вислы до береговъ Чернаго моря, Несторъ прибавляетъ: „да то ся зваху отъ Грекъ Великая Скуфь“. При Птоломѣ, во 2 в. по Рождествѣ Христовомъ, вся эта обширная страна получила отъ иностранцевъ названіе Сарматіи. Въ началѣ своей космографіи Несторъ различаетъ Скуфію отъ Сарматіи. Къ Сарматамъ Птоломей относитъ Языговъ (Ятвяговъ) и Роксоланъ, коихъ Иловайскій считаетъ Россами, полагаясь на свидѣтельство Амміана, Юрнанда и географа Равенскаго (Роксоланъ, Рокасъ, Ро-

¹⁾ Лелевель сближаетъ названіе Nerjuni Баварскаго географа съ р. Неретвою въ Подгорской жупаніи. *Narody na ziemiach sław.* 1853 г., стр. 689.

соманъ, Роксъ или Росъ)¹⁾.—Познакомившись съ аборигенами Червенской области, мы, къ сожалѣнію, не имѣемъ источника, который бы раскрылъ намъ всѣ фазисы страшнаго переворота, произведеннаго въ судьбѣ славянъ насильствіемъ иноплеменныхъ народовъ и имѣющаго аналогію съ переворотомъ вулканическимъ. Одни славянскія племена исчезли почти безслѣдно, другія смѣшались съ племенами болѣе могущественными, третьи наконецъ были отброшены далеко отъ прежнихъ мѣстъ осѣлости.—Никому еще не удавалось прослѣдить отъ начала до конца эту этнографическую метаморфозу, изслѣдовать всѣ пути, по которымъ совершились эти передвиженія. По чистосердечному признанію послѣдняго изслѣдователя этого предмета—Житецкаго, при скудости нашихъ знаній о долѣтописномъ періодѣ нельзя и думать о представленіи послѣдовательныхъ перемѣнъ въ составѣ населенія Руси и постепенныхъ измѣненій быта отдѣльных племенныхъ группъ²⁾.—Нашъ первый лѣтописецъ въ своей космографіи причисляетъ славянъ къ достоянію Афета, получившаго сѣверныя и западныя страны. „Отъ сихъ же 72 языку бысть языкъ словѣнескъ, отъ племени Афетова, нарицаеміи Норци, еже суть Словѣне“. Много было безплодныхъ попытокъ разяснить значеніе слова Норци (Норици, Нарцы, по нѣкоторымъ спискамъ). Не извѣстно, разумѣлъ ли здѣсь Несторъ Нурянъ (Невридовъ Герадота), или просто обитателей древней Норики, или что либо иное. Трудно догадаться, какой историческій моментъ разумѣлъ Несторъ, говоря, что „по многѣхъ време-

¹⁾ См. его статью: „Поборники Норманизма и Туранизма. Русская Старина. Декабрь 1882 г., стр. 605.

²⁾ Киевская старина. Май 1883 г., стр. 19.

нехъ сѣли суть Словѣни по Дунаевѣ, гдѣ есть нынѣ Угорская земля и Болгарская“. Далѣе, подъ 898 г., Несторъ поясняетъ: „ту бо есть Илюрикъ, ту бо бѣша Словѣни первое“. Но едва ли онъ и самъ могъ дать себѣ ясный отчетъ о томъ необъятномъ промежуткѣ времени, который протекъ отъ потопа до сосредоточенія славянъ на Дунаѣ. Изъ сопоставленія извѣстій Арабскаго географа Х в. Массуди съ преданіями Кіевской лѣтописи XI вѣка г. Колюпановъ выводитъ три существенныхъ факта: 1) промежуточной стоянкой восточныхъ славянъ по выселеніи ихъ съ Дуная былъ край по склонамъ Карпатъ; скупившись здѣсь, славяне составляли нѣкогда большой политическій союзъ; 2) изъ этой страны прикарпатскаго водораздѣла славяне разошлись по тѣмъ мѣстамъ, на которыхъ помнитъ ихъ нашъ лѣтописецъ; 3) это разселеніе сопровождалось тѣмъ политическимъ ихъ раздробленіемъ, въ которомъ застаешь ихъ лѣтописное преданіе¹⁾. — Почерпнемъ изъ лѣтописи Нестора тѣ свѣдѣнія, какія извѣстны ему были о разселеніи славянскихъ племенъ въ предѣлахъ Червенскихъ. Всѣ изслѣдователи, касавшіеся этого предмета, сталкивались съ двумя затрудненіями: а) между разными списками лѣтописи замѣчаются существенныя разногласія; б) нѣкоторыя мѣста лѣтописи хотя не испорчены переписчиками, но изложены такъ темно, что при самомъ тщательномъ ея изученіи остаются непонятными. Отсюда проистекаетъ коренное разногласіе между комментаторами. За отправный принимается Лаврентьевскій списокъ, какъ старѣйшій (XIV в.), по въ

¹⁾ Колюпановъ. Боярская дума древней Руси, глава IV.

него не вошло многое, что находится въ другихъ спискахъ. Поэтому необходимо имѣть постоянно въ виду сводную лѣтопись, которою я преимущественно и руководствуюсь¹⁾. Несторъ говоритъ, что славянскія племена селились по рѣкамъ и получали свое названіе смотря по мѣсту осѣдлости: „прозвашася имени своими, гдѣ сѣдше на которомъ мѣстѣ“. Замѣтивъ, что одни племена назывались отъ рѣкъ (Морава, Бужане, Полочане), другіе отъ лѣсовъ (Древляне), и т. д., Несторъ не объясняетъ происхожденія большей части племенныхъ именъ. При изученіи Несторовой лѣтописи раскрывается въ пей тройкое, далеко не однообразное, перечисленіе племенъ, съ трудно уловимыми оттѣнками. Первое—основное—обнимаетъ вѣтви западныхъ и восточныхъ Славянъ (Морава, Чехи, Бѣло-Хорваты, Сербы, Хорутане, Ляхи съ ихъ подраздѣленіями на Полянъ, Лутичей, Мазовшанъ и Поморянъ,—Поляне (Днѣпровскіе), Древляне, Дреговичи, Словѣне (Ильменскіе), Сѣверяне, и сопровождается рассказомъ о нашествіи на нихъ Волоховъ, т. е. разныхъ народовъ Романскаго происхожденія²⁾). Второе и третье перечисленіе касаются восточныхъ славянъ и племенъ иноязычныхъ, причемъ второе перечисленіе славянскихъ племенъ разбивается на двѣ части: а)

¹⁾ Сводная лѣтопись изд. Лейковича 1876 года. Къ сожалѣнію, въ ней часто игнорируется Кенигсбергскій списокъ, изд. акад. наукъ 1767 г.

²⁾ Потоцкій въ древней исторіи Волынской гуд., перев. Руссова 1829 г., стр. 6, замѣчаетъ, что Влахы извѣстны у Татарскихъ писателей подъ именемъ Илаховъ. Влахъ—одно и то же что у Римлянъ Аланъ. Алановъ же Потоцкій считаетъ потомками Тисса-Гетовъ. Удачное разъясненіе слова Влахъ сдѣлано Иречкомъ (ист. Болгаріи, стр. 291 и слѣд.).

перечень *имѣвшихъ особое княженіе* славянскихъ племенъ послѣ кончины Кія, Щека, Хорива и Лыбеди (Поляне-Днѣпровскіе, Древляне, Дреговичи, Новгородцы, т. е. Словѣне Ильменскіе, Полочане, Кривичи, Сѣверяне), и б) перечень славянскихъ племенъ *въ Руси во время Нестора* (Поляне Днѣпровскіе, Древляне, Новгородцы, которые, какъ пояснено въ другомъ мѣстѣ подъ 862 годомъ, прежде были Словѣни,—Полочане, Дреговичи, Сѣверъ, Воляннѣ, называвшіеся прежде Бужанами). Третьему перечисленію предшествуетъ описаніе нашествія Козаръ, Угровъ Бѣлыхъ и Печенѣговъ. Въ него входятъ: Поляне Днѣпровскіе, Древляне, двѣ отрасли Ляховъ—Радимичи и Вятичи, Сѣверъ, Бужане, Хорваты, Дулѣбы (суцая Словѣны), Лучане и Тиверцы. (Хорваты въ иныхъ спискахъ опущены). Первое перечисленіе относится къ древнѣйшей эпохѣ. Думаю такъ особено потому, что въ него Дулѣбы—Бужане (Воляннѣ) не включены; Хорваты же названы Бѣлыми,—здѣсь, несомнѣнно, разумѣются Бѣло-Хорваты и Сербы предкарпатскія, такъ какъ кромѣ ихъ въ предкарпатской странѣ, по первому перечисленію, Несторъ не помѣстилъ ни одного племени. Притомъ въ первомъ перечисленіи упоминается о Хорутанахъ, занимавшихъ обширныя пространства отъ Дуная до Адріатическаго моря, къ которымъ принадлежали нѣкоторыя вѣтви Хорватовъ, вмѣстѣ съ Стодорянами и Сусельцами¹⁾, умалчивается о Дулѣбахъ и Кривичахъ—отрасли Словѣнъ—и объ отдѣленіи Радимичей и Вятичей отъ Ляховъ, послѣдовавшемъ позднѣе.—Когда великое переселеніе славянскихъ народовъ приближалось къ концу, говоритъ Шафарикъ,

¹⁾ Шафарикъ Слав. древн. т. II, кн. 2, стр. 82—95.

„Сѣверотатранскіе края назывались своимъ роднымъ именемъ Сербія или Бѣлосербія, а полуденные предѣлы ея, опиравшіеся о Татры, Бѣлохорватіей, въ той и другой обитали разные славянскіе народы, употреблявшіе свое особенное нарѣчіе и имѣвшіе особенныя свои названія. Съ переселеніемъ же значительной части коренныхъ обитателей, къ коимъ Шафарикъ относитъ Чеховъ и Моравянъ, произошла, вѣроятно уже въ VII и VIII вѣкахъ, перемѣна названій¹⁾.—Истолкованіе всѣхъ различій въ Несторовомъ перечисленіи племенъ завело бы меня слишкомъ далеко и, въ виду искаженія лѣтописи позднѣйшими вставками переписчиковъ, едвали возможно. Ограничусь замѣчаніемъ о племенахъ, отнесенныхъ Несторомъ къ Словѣно-Русскимъ. Изъ сопоставленія выраженій: „се бо токмо Словѣнескъ языкъ въ Руси“—„а се *суть* иніи языци иже дань *даютъ* Руси“—оказывается несомнѣннымъ, что перечисленіе Словѣно-Русскихъ племенъ обнимаетъ только тѣ изъ нихъ, которыхъ Несторъ считалъ важнѣйшими и которыя сохранили свое особое названіе во время написанія лѣтописи²⁾. Съ призываніемъ Рюрика, Синеуса и

¹⁾ Славянскія древности т. 2, книга II, стр. 184—185, 219—222 и 288.

²⁾ Несторъ пришелъ въ Печерскій монастырь незадолго до 1073 года. Въ Патерикѣ значится, что онъ повѣсть свою писалъ въ монастырѣ. Когда онъ кончилъ писать—неизвѣстно. По нѣкоторымъ выраженіямъ лѣтописи видно, что онъ продолжалъ ее въ 1096 году. Несторъ жилъ еще послѣ 1113 года. По этому и изъ приписки игумена Кіевского Михайловскаго Выдубицкаго монастыря Сильвестра подъ 1110 годомъ Погодинъ и другіе заключаютъ, что послѣдній годъ составляетъ конечную границу собственно Несторовой лѣтописи.

Трувора Словѣно-Новгородская народность (при-Ильменская) стала первенствующею и мало по малу поглотила нѣкоторыя другія родственныя ей стихіи, подобно тому какъ преобладающимъ туземнымъ именемъ Славяно-Болгарскаго народа въ началѣ среднихъ вѣковъ было „Словѣне“¹⁾. Дриновъ полагаетъ, что имя Словѣне, бывшее прежде всего извѣстнымъ Римлянамъ и Грекамъ, мало по малу перешло какъ у чужеземцевъ, такъ и у самихъ славянъ, отъ обозначенія сначала различно называвшихся славянскихъ племенъ на цѣлый славянскій народъ²⁾.— Позднѣе другихъ Словѣнъ утратило свою самостоятельность племя Полочанъ. Съ перенесеніемъ политическаго центра тяжести въ Кіевъ при Олегѣ, Полочане продолжали пользоваться ею довольно долго подъ верховною властью племенныхъ князей. Такъ еще въ 980 г. Полочане управлялись независимымъ отъ Руси княземъ Рогвольдомъ. Въ этомъ году Владиміръ, собравъ Варяговъ, Словѣнъ, Чудь и Кривичей, пошелъ на Рогвольда. Съ тѣхъ поръ и на Полочанъ распространяется названіе Словѣнъ. Такъ въ 1034 г. Ярославъ „собралъ вои многы—Варяги и Словѣны—приде Къеву“ и т. д.—Полное же политическое объединеніе Словѣно Руссовъ совпадаетъ съ первыми набѣгами Печенѣговъ и крещеніемъ Руси въ 989 г. „И крестивъ все люди Русскіе и намѣстницы по всей земли“ (Въ нѣкоторыхъ спискахъ вмѣсто люди Русскіе поставлено и „словены“, а „намѣстницы“ пропущено). Итакъ вотъ гдѣ кроется послѣднее и могучее звѣно, закрѣпившее взаимную связь разрозненныхъ частей Словѣно-Русскаго народа.

¹⁾ Сравни. Иречекъ. Исторія Болгаріи, стр. 145.

²⁾ Дриновъ. Заселеніе Балканскаго полуострова.

Перечисленіе Нестора не исчерпываетъ всѣ славянскія племена при концѣ ихъ великаго переселенія. Но сопоставляя сказаніе Нестора съ Новгородскою лѣтописью, древними грамотами и свѣдѣніями, сообщаемыми Константиномъ Багрянороднымъ, Баварскимъ и другими географами, я не рѣшаюсь помѣстить въ предѣлы Червенской земли того времени какія либо другія племена, кромѣ Вельнянъ и Тиверцевъ, слишкомъ смѣло отождествляемыхъ Шафарикомъ съ Attorozi Мюнх. геогр. Изъ всѣхъ другихъ племенъ съ наибольшимъ основаніемъ можно было бы присоединить къ обитателямъ Червенскихъ краевъ Лучанъ (Łączanie Łęczanie), коихъ Шафарикъ считаетъ вѣтвью Кривичей,—Улучей (Unlizi), называемыхъ нѣкоторыми Угличами¹⁾ и неправильно Суличанами²⁾, и Нярелянъ (Neripani Мюнх. геогр.), но мѣсто жительства первыхъ двухъ племенъ опредѣляется лишь гадательно и весьма различно³⁾. Притомъ же переписчики Нестора смѣшивали Улучей съ Угличами и съ Лучанами, а иногда Лутичами⁴⁾. Интересно разъясненіе о Лучанахъ оріенталиста графа Потоцкаго. Онъ утверждаетъ, что Лучане были извѣстны Арабскимъ и Персидскимъ географамъ подъ названіемъ Дулѣбовъ,—что между II и VI вѣками, Буланы или Буланы (Воляннѣ), поселившіеся первоначально между

¹⁾ См. Голубинскаго исторія Русской Церкви томъ I стран. 37—39.

²⁾ См. напр. Ю. Венелина. Критич. изслѣд. по исторіи Болгаръ 1849 г. стр. 298—299.

³⁾ Срав. Шаф. Слав. древн. т. II, кн. I, стран. 179—181, 207—211.

⁴⁾ Срав. Шлецера о Несторѣ томъ I стр. 212, о различіи между ними см. Максимовича собр. соч. т. I стр. 108.

Вислою и Вепремъ, захватили на востокъ значительную площадь лѣсныхъ и болотистыхъ пространствъ, которыя съ того времени и получили названіе Волини, называвшейся Латинскими авторами Оліумъ, или Скифо-Оліумъ, какъ видно изъ нѣкоторыхъ изданій Иорнанда¹⁾. Правдоподобнѣе объясненіе Шафарика и Мацѣевского, что Буданы Птолемея были предки Полянъ, обитавшихъ на Вислѣ и называвшихся также Вислянами (Vuislane)²⁾.—Не говоря о Луцкѣ (древнемъ Луческѣ), быть можетъ слѣды Лучанъ, отличающихся отъ Уличей большинствомъ изслѣдователей, въ томъ числѣ Максимовичемъ³⁾, остались въ названіи Ленчны и Луцкой гмины, Любартовскаго уѣзда, Люблинской, и Лукова, Сѣдлецкой губерній. Дреговичей я не ввожу въ забужную область, вопреки мнѣнію г. Барсова, потому, что, по Нестору, они сидѣли между Припятью и Двиною, и Дрогичинъ на западномъ Бугѣ едва ли имѣеть что либо общее съ названіемъ Дреговичей, происходящимъ, по Шафарiku и Иречку, отъ корня „Драг“ (фамалія Драговичей, по словамъ Иречка, преобладаетъ у Сербовъ и Хорватовъ⁴⁾). Съ Тиверцами (вѣроятно потомки древнихъ Тирангетовъ, обитавшихъ въ окрестностяхъ Тираса, т. е. Днѣстра⁵⁾) Олегъ велъ войну въ 885 г., а въ 904—907 года они участвовали въ

¹⁾ Древняя исторія Волынской губерніи, изд. Руссова 1829 г., стр. 16.

²⁾ Слав. древн. т. II кн. 2, стр. 198.—Pierw. dz. Polski i Litwy, стр. 29 и слѣд.

³⁾ Собр. соч. т. I. стр. 108.

⁴⁾ Истор. Болг., стр. 133 и 149.

⁵⁾ Шафарикъ допускаетъ родство Тиверцевъ съ Тверичами, Слав. древ. т. II кн. I, стр. 214.

походъ его на Грековъ, по инымъ же спискамъ и въ походъ Игоря на Грековъ въ 944 г. Что касается Воляннъ, то подъ ними разумѣются прежніе Дулѣбы и Бужане, жившіе по запад. Бугу (Bussani¹⁾ Мюнх. географа, имѣвшие 250 городовъ), а г. Иловайскій идетъ такъ далеко, что сближаетъ названіе Воляннъ съ племенемъ Хвалисовъ или Хвалыновъ, (море Хвалынское—Каспійское)²). Мѣстностей, напоминающихъ, по своимъ названіямъ, Дулѣбовъ, весьма много въ западной Россіи и отчасти Польшѣ. Они подробно перечислены Шафарикомъ, Костомаровымъ, Барсовымъ и другими. Обращу лишь вниманіе на первоначальную династію Болгарскихъ князей Дуло³). Изъ поселеній Бужанъ самое видное мѣсто занимаетъ Бускъ, прежній Бужескъ, у истоковъ зап. Буга. Къ ихъ поселеніямъ причисляетъ Шараневичъ и городъ Червень⁴). Тяготѣніе этого племени къ западному, а не къ южному Бугу становится очевиднымъ изъ превращенія Бужанъ, по Нестору, въ Воляннъ. Городъ Волянъ (нынѣ с. Городокъ) при устьѣ р. Гучвы признается однимъ изъ главнѣйшихъ поселеній Воляннъ, которыхъ напоминаетъ и Воляннанка, протекающая въ Грубешовскомъ уѣздѣ. Нѣкоторые (Венелинъ, Максимовичъ и др.) отыскиваютъ родину Воляннъ въ Помераніи, опираясь на свидѣтельство

¹⁾ Мелевель полагаетъ, что отъ нихъ названіе Босніи. *Nar. na ziem. Slawiańskich*, стр. 688.

²⁾ Иловайскій. *Поборники норманизма и туранизма*. Рус. стар. Дек. 1882 г., стр. 611.

³⁾ Иречекъ. *Ист. Болг.* стр. 157 и 164.

⁴⁾ Шараневичъ. *Исторія Галицко-Володимірской Руси 1863 г.* стр. 4.

современника Несторова, монаха Адама Бременскаго¹⁾. Описывая, въ своей церковной исторіи, водный сорокатрехъ дневный путь изъ Волина (близъ устья р. Одера) въ Новгородъ, Адамъ Бременскій называетъ Волинъ (Велынъ, Юлинъ или Винета) однимъ изъ величайшихъ и цвѣтущихъ городовъ, населеннымъ славянами. Шафарикъ считаетъ жителей послѣдняго города особымъ племенемъ, но бездоказательно²⁾. Максимовичъ предполагаетъ, что выходцы изъ Балтійскаго поморья сначала поселились у западнаго Буга, а потомъ распространились далѣе и своимъ именемъ покрыли прочихъ жителей сего края³⁾. Подробное разсужденіе о Волинѣ представлено недавно Колюпановымъ⁴⁾. Основываясь на достовѣрномъ сказаніи арабскаго географа Массуди въ его книгѣ „золотые дуга“, составленной въ половинѣ X вѣка, что изъ различныхъ славянскихъ племенъ Валинана—одно изъ коренныхъ, имѣвшее своихъ царей,—нѣкогда соединило подъ свою власть другія славянскія племена, но вслѣдствіе междоусобій распалось и каждое колѣно избрало себѣ старѣйшину; г. Колюпановъ, въ развитіе мысли Шафарика⁵⁾, пишетъ: „Валинана Массуди—Велыняне или Волинѣяне нашей лѣтописи. Такъ становится нѣсколько понятнымъ—почему изъ временъ Аварскаго нашествія на восточныя славянскія племена уцѣлѣло извѣстіе о судьбѣ однихъ Дулѣбовъ и уцѣлѣло въ преданіяхъ со-

¹⁾ См. Венелина о нашествіи Завислянскихъ Славянъ на Русь изд. 1848 г., 24—35.

²⁾ Слав. др. т. II кн. I, стр. 192—193.

³⁾ Максимовичъ. Собр. Соч. т. I, стр. 107 и 108.

⁴⁾ См. Бояр. дума древн. Руси, глава IV.

⁵⁾ Слав. древ. т. II кн. I стр. 192.

всѣмъ другаго племени“. „Это случилось потому же“ разсуждаетъ Колюпановъ, „почему въ послѣдствіи племена, зависѣвшія отъ Кіевской Руси, стали зваться Русью“. — Трактатъ свой о Волынянахъ онъ оканчиваетъ указаніемъ на сходство извѣстія Массуди о распаденіи славянскихъ племенъ и избраніи отдѣльныхъ царей съ извѣстіями нашего лѣтописца о расселеніи и политическомъ раздѣленіи славянскихъ племенъ, причемъ у каждаго изъ нихъ было свое княженіе. — Нельзя не согласиться съ г. Колюпановымъ, что приведенный имъ взглядъ устанавливаетъ полное тождество между „Валинана“ Массуди и Велынянами Нестора.

Таковы были народности, населявшія Червенскую, область при началѣ лѣтописнаго періода. Послѣ покоренія Червенскихъ городовъ Владиміромъ св. въ 981 г. названія отдѣльныхъ племенъ постепенно вытѣсняются и все населеніе этого края воплощается въ общее названіе Русн. „Во сторой половинѣ IX в., по прибытіи Варяго-Русовъ, чужеземное названіе Руссовъ распространилось съ такою необычайною скоростью въ славянскихъ земляхъ сѣверо-восточной Европы, что оно, послѣ соединенія, волею и неволею, мелкихъ, бывшихъ до того независимыми, славянскихъ народовъ въ одно цѣлое, восторжествовало надъ всѣми туземными названіями и сдѣлалось, съ X столѣтія до нашего времени, всеобщимъ именемъ сѣверо-славянскаго государства“¹⁾. Изысканія филологическія приводятъ къ убѣжденію, что между упомянутыми народностями издревле существуетъ тѣсное взаимное родство, выражающееся въ языкѣ, хотя фи-

¹⁾ Ibid. стр. 145.

лологи и не пришли еще къ единогласію объ его видовыхъ подраздѣленіяхъ. „Несмотря“, говоритъ Максимовичъ, „на областныя названія, имя Русина остается общимъ родовымъ именемъ, которымъ и теперь зоветъ себя коренной народъ земли Галицкой, которымъ и весь южно-русскій или малороссійскій народъ отличаетъ себя отъ Поляковъ, Чеховъ, Сербовъ и другихъ Словенъ. До XIII вѣка, когда Кіевъ былъ средоточіемъ древняго Русскаго міра, во всѣхъ его концахъ именемъ Руси или Русской земли называлась преимущественно земля Кіевская.... Потому-то и въ Царѣ-городѣ Константинъ Багрянородный писалъ, что Великій Новгородъ находится внѣ Россіи. Такъ и у Поляковъ Русью назывался преимущественно южно-русскій народъ въ отличіе отъ Москвитянъ или Великороссіянъ“¹⁾.— Костомаровъ, въ статьѣ „Двѣ русскія народности“, выражается такъ: „Въ Червонной Руси южно-русскому народу, ставшему нѣ сопрякосновеніе съ чуждыми народностями, естественно было удержать древнее названіе въ частномъ названіи. Галицкій Червоно-Руссъ остался Русиномъ“.... По отвоеваніи Червенскихъ городовъ и смерти Мстислава въ 1034 г. „переевласть его всю Ярославъ и бысть самовластецъ Русьстѣй земли“.—Имя Русина на славянскомъ языкѣ встрѣчается впервые въ договорѣ Олега съ Греками. „Аще кто убьетъ или хрестыанина Русинъ, или хрестыанинъ Русина да умереть“.... „Аще украдетъ что Русинъ любо у хрестыанина, или паки хрестыанинъ у Русина“.... Далѣе: „Аще полоняникъ обою страну держимъ есть или отъ Руси, или отъ Грекъ, приданъ въ ону страну,“

¹⁾ Максимовичъ. Собр. соч. т. 1. стр. 105 и 106.

„аще обращаться ли Русинъ, ли Гречинъ“. Подобныхъ выражений въ договорѣ — нѣсколько. И въ договорѣ Игоря съ Греками сказано: „Аще створить тоже Грѣчинъ Русину“... „Аще ли ключится украсти Русину отъ Грекъ что, или Грѣчину отъ Руси“... „Аще убьетъ хрестыанинъ Русина, или Русинъ хрестыанина“, и т. д. Въ приведенныхъ пунктахъ Русинъ противопоставляется Греку—христіанину. Все это привожу между прочимъ для того, чтобы показать ошибочность весьма распространеннаго мнѣнія, принимающаго, подобно Зубрицкому, Щавинскому¹⁾ и др. встрѣчающееся въ Русской Правдѣ Ярослава выраженіе „Русинъ“ не въ смыслѣ народности, а въ смыслѣ особаго сословія или разряда населенія: ст. 1. „Ачели будетъ (убитый) Роусинъ, любо гридь, любо коупецъ, любо тивоунъ боярескъ, любо мечникъ, любо изгой, любо Словенинъ²⁾“,—то 40 гривенъ, положить занъ“. Погодинъ переводитъ такъ:—за Русина, гридня, купца, тиуна боярскаго, мечника, изгоя и славянина—40 гривенъ. Мнѣ кажется переводъ Погодина неправильнымъ. Статью слѣдуетъ понимать иначе: „за Русина, (т. е. если убьютъ Русина, то), будетъ ли онъ гридь, купецъ, тиунъ боярскій, мечникъ, изгой или словеннъ.—Здѣсь Русинъ является родовымъ понятіемъ, а Словенинъ видовымъ; здѣсь кладется отѣнокъ между Русью Кіевскою и Русью Новгородскою. Подтверждаетъ

) Галичанинъ. 1862 г. вып. I. Выводы о началку имени Русь, стр. 165.

²⁾ Списокъ 1284 г. Правды, дополненный сыновьями Ярослава и внукомъ его — Владимиромъ Мономахомъ, по редакціи Погодина, помѣщ. во 2 т. его древн. Русск. исторіи до Монгольскаго ига, стр. 724 и слѣд.

ся это договоромъ Новгородскаго князя Ярославъ Володиміровича съ Нѣмецкими послами около 1199 г., гдѣ говорится о Новгородцахъ и Русинахъ, и договоромъ Смоленскаго князя Мстислава Давидовича 1228 г. съ Ригю и Готскимъ берегомъ, въ существѣ согласнымъ съ Русскою Правдою, гдѣ Русинъ какого-бы ни было сословія. противостоится только Нѣмчичу: Напр. ст. 13 „А иметь Русинъ Нѣмчина у своей жены, ино за соромъ 10 гривенъ серебра: такоже Русину, въ Ригѣ и на Готскомъ берегу¹⁾.“ Въ договорѣ Русскою землею называются волости князей Смоленскаго, Полоцкаго и Витебскаго, а Русинами ихъ жители. Не слѣдуетъ забывать, что Русская Правда составлена первоначально въ Кіевѣ при Владимірѣ и названіе Русская земля, какъ справедливо замѣчаетъ Максимовичъ, утвердилось первоначально въ Кіевской области. Съ приходомъ Олега въ Кіевъ, названный матерью Русскихъ городовъ, имя Русина распространяется на другія области, состоявшія подъ державою Русскаго князя. При Владимірѣ св. оно распространилось и на всю Червенскую страну. Имя Русина встрѣчается во всѣхъ славянскихъ памятникахъ съ XI—XVI в.; испорченная же форма Россіининъ внесена греческими исправителями церковныхъ книгъ²⁾.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Мой очеркъ былъ бы не полонъ, если-бы я не пред-

¹⁾ Ibid. стр. 758—761.

²⁾ О происхожденіи назв. Русиновъ отъ *rutili* см. разсужденіе Мацѣевскаго. *Polska pod względem obyczajow i zwyczajow.* т. II стр. 69. изд. 1842 г.

ставилъ никакихъ аргументовъ въ подкрѣпленіе защищаемаго мною положенія, выставленнаго еще Августомъ Шлецеромъ, что политическая связь между Русью и всею Червенскою страпою установилась не ранѣе конца X столѣтія. Чтобы убѣдиться въ справедливости этого, необходимо хотя въ самомъ сжатомъ изложеніи прослѣдить судьбу южныхъ славянскихъ народовъ до XI столѣтія и отношенія ихъ какъ между собою, такъ и къ народности Русской.

Въ началѣ VII вѣка кочевое племя Аваровъ вторглось въ Иллирикъ. Устрашенный близкимъ ихъ соседствомъ, императоръ Ираклій призвалъ на помощь Хорватовъ изъ страны надкарпатской. Отдѣлилось нѣскольکو родовъ, имѣя во главѣ пять братьевъ и двѣ сестры, пришли въ Далмацію и вытѣснили Аваровъ (610—641), послѣ чего выходцы-Хорваты раздѣлились на двѣ вѣтви: южную—приморскую, и сѣверную—около рѣкъ Савы и Кулпы. За Хорватами двинулась большая часть Сербовъ, обитавшихъ въ соседствѣ съ Бѣло-хорватами. Ираклій отвелъ Сербамъ Солунскую область, но она имъ не понравилась и, по ихъ настоянію, Ираклій отдалъ имъ опустошенный Иллирикъ, гдѣ они и поселились на востокъ отъ Хорватовъ, отъ р. Вербаса до предѣловъ Дарданіи (р. Ибръ и Колубары). На югъ они раскинулись по берегу Адриатическаго моря до г. Бара (Антивари). Подобно Хорватамъ и Сербы раздѣлились на двѣ вѣтви—сѣверо-восточную и юго-западную, и оба народа признали верховную власть Ираклія. Часть ихъ приняла крещеніе еще въ VII вѣкѣ. Затѣмъ до IX вѣка о Сербяхъ и Хорватахъ исторія умалчиваетъ. Между тѣмъ, около половины VII вѣка возникаетъ государство Болгарское, основанное предводителемъ заволжскихъ кочевниковъ Аспару-

хомъ (или Исперихомъ) и упроченное его преемникомъ Тервелемъ. Утвердившись въ Мизіи, Болгаре перешли Балканы и разбили войска императора Юстиніана II при возвращеніи его изъ Македоніи въ 688 г. По смерти Тервеля въ Болгаріи почти около ста лѣтъ происходили постоянныя междоусобія. Въ началѣ IX вѣка, послѣ покоренія Аваровъ (791—799), Хорватія подпадаетъ подъ власть Карла Великаго. Далмація была признана Франскою областю въ 811 г. Въ то же время могущество Болгарскаго государства, во главѣ котораго становится Крумъ, усилилось, раздвинувшись, съ окончательнымъ разгромомъ Аварскихъ полчищъ, до юго-восточныхъ отроговъ Карпатскихъ горъ. Древнѣйшій Венгерскій лѣтописецъ нотарій Бела говоритъ, что великій князь Болгарскій Крумъ занялъ также земли между Дунаемъ и Тиссою и отъ Тителя до предѣловъ Русскихъ и Польскихъ, т. е. нынѣшнюю восточную Венгрію, Банатъ, Валахію и большую часть Трансильваніи. Съ 809 г. начинаются войны Болгаріи съ Византіею, преимущественно изза обладанія южнымъ склономъ Балканскихъ горъ, такъ называемымъ Загорьемъ. Около 818 года жестокости Франковъ вызвали въ Хорватіи возстаніе и вождь Франковъ Коцилинъ былъ убитъ. Хорваты нерѣдко вели также войну и съ Болгарами, временно завладѣвшими, около 827 г., сѣвровою Хорватіею. Княземъ Хорватіи въ то время былъ Моиславъ, до 839 г., за нимъ Терпимиръ, грамота коего, отъ 852 г., считается древнѣйшимъ славянскимъ памятникомъ. Въ ней говорится, что князь утверждаетъ разныя дарованныя, отчасти предмѣстникомъ его Моиславомъ, права за Солинскою митрополіею, простирающейся до берега Дуная по всему почти государству Хорватскому, въ возмездіе за подаренное

Петромъ архіепископомъ Солинскимъ серебро на сосуды для утвари церкви монастыря, построеннаго Терпиміромъ по совѣщаніи со всѣми его жупанами.—Политическая и церковная самостоятельность Хорватовъ была упрочена Враниміромъ въ 879 г. Въ половинѣ IX вѣка начинается просвѣтительная дѣятельность Кирилла и Меѳодія. Болгарскій народъ принялъ крещеніе при Византійскомъ императорѣ Михаилѣ, по примѣру князя своего Бориса. У Нестора мы находимъ краткое извѣстіе подъ 853—858 годами что царь Михаилъ пошелъ на Болгаръ съ войскомъ. Болгары не могли оказать сопротивленія, просили окрестить ихъ и покорились Грекамъ. Греческій царь крестилъ Болгарскаго князя Бориса и всѣхъ бояръ и заключилъ миръ съ Болгарами. По Иречку, Борисъ принималъ крещеніе около 864 г. безъ посторонняго вліянія, послѣ продолжительныхъ войнъ съ Греками, Сербамъ, Хорватами и Франками. Споры, возникшіе между Греческою и Римскою церквами по поводу возведенія Фотія на патріаршество, а быть можетъ и другія соображенія, побуждали Бориса послать посольство въ Римъ просить у папы присылки наставниковъ и книгъ съ тѣмъ, чтобы въ Болгаріи былъ учрежденъ отдѣльный патріархатъ или по крайней мѣрѣ архіепископство. Папа Николай послалъ къ Борису епископовъ съ наставленіями и книгами. Епископы начали вводить латинскіе обряды взамѣнъ греческихъ и добились удаленія греческихъ проповѣдниковъ. Михаилъ былъ убитъ въ 867 г.—Императоръ Василій, возбудившій къ себѣ расположеніе Иллирійскихъ славянъ удачнымъ (при помощи Хорватовъ и Сербовъ) отраженіемъ Арабовъ, опустошавшихъ Далмацію (въ 868 г.), свергнулъ Фотія и ввѣрилъ патріаршество Игнатію. Религіозныя волненія, не помѣшавшія, какъ можно судить

по словамъ Нестора, распространенію христіанства по всей землѣ Болгарской, повели къ созванію въ 869 г. собора (уже при папѣ Адріанѣ II), кончившагося въ 870 г. тѣмъ, что землѣ Болгарской было предоставлено возвратиться къ св. Константинопольской церкви. Примѣру Болгаръ послѣдовали Сербь и Хорваты, но около 880 г. послѣдніе подчинились снова западной церкви, хотя продолжали свято хранить славянскія письмена и богослуженіе, а въ Сербіи оно повсемѣстно укоренилось не ранѣе XII столѣтія. Такъ заключаютъ по древнимъ житіямъ и свидѣтельству Византійскихъ историковъ.

Въ славянскомъ мірѣ первенствующая роль принадлежала въ то время Великой-Моравіи, основанной Моймиромъ. Владѣнія ея въ концѣ IX в. простирались отъ предѣловъ Болгаріи до сѣверныхъ склоновъ Карпатскихъ горъ, на западѣ до Эльбы и Салы, а на востокѣ до Буга и Стиря¹⁾. При Ростиславѣ, преемникѣ Моймира, свергнутомъ съ престола нѣмецкимъ королемъ въ 846 г., были, чрезъ посредство царя Михаила, призваны въ Моравію Кириллъ и Меѳодій. Проповѣдническая дѣятельность ихъ проникла до береговъ Вислы, гдѣ князь „силенъ вельмы сѣдя въ Вислѣхъ“ былъ убѣжденъ къ принятію христіанства. По Нестору, въ этомъ призваніи участвовалъ племянникъ Ростислава Святополкъ, имѣвшій особый удѣлъ Нитрскій, и Коцель, князь Блатенскій или Паннонскій. Ростиславъ нѣсколько разъ побѣдоносно отражалъ нападенія нѣмецкихъ королей. Конецъ его царствованію былъ положенъ роднымъ племянникомъ

¹⁾ Авг. Бѣлевскій. Wstęp krytyczny do dz. Polski. 1850 г. стр. 489.

Святополкомъ. Ростиславъ, захваченный и выданный нѣмецкому императору, былъ осѣпленъ и заключенъ въ монастырь. Святополку Моравія обязана пріобрѣтеніемъ полной независимости отъ нѣмецкихъ императоровъ. Верховную власть его признали: Чехія, принявшая затѣмъ, по почину своего князя Боривоя, крещеніе отъ Меодія, и нѣкоторыя другія славянскія племена на сѣверъ отъ Чехіи¹⁾.

По проискамъ западнаго духовенства и, вѣроятно,

¹⁾ Доказательствомъ того, какъ сильно отразилось вліяніе Кирилла и Меодія и на древнюю Польшу, Польскій ученый Августъ Бѣлевскій, въ предисловіи къ словарю Линде, между прочимъ приводитъ слѣдующее: „Выработанный между Моравскими славянами первый письменный языкъ, на которомъ распространяема была вѣра Христова, сдѣлался образцомъ письменности и все, что писалось въ Польшѣ туземцами, какъ тогда, такъ и долгое время потомъ, писалось не иначе какъ изобрѣтенными Кирилломъ буквами; — ясно свидѣтельствуется объ этомъ древняя легенда о Кириллѣ, монета Болеслава Храбраго съ Кириловскою надписью, хроника Ярослава каноника Плоцкаго, писанная имъ кириллицей въ 1219 году, на которую ссылался Пруссскій епископъ Христіанъ и слѣды которой отысканы въ Кенигсбергскомъ архивѣ, еще древнѣйшія польскія книги, писанныя этою азбукою и упоминаемые Пиасецкимъ и другими достовѣрными свидѣтелями. Отдѣльныя Кирилловскія буквы, невольно вылившіяся изъ подъ пера переписчика Маргаритиной псалтыри, и другіе подобные памятники достаточно утверждаютъ справедливость того, что Кириллица была нѣкогда повсемѣстно употребляема въ Польшѣ и написанныя Меодиємъ и его пріемниками церковно-славянскія книги были образцомъ, по которому Поляки, какъ и прочіе славяне, воздѣлывали нашъ первоначальный письменный языкъ, пока онъ, около XIV вѣка, не былъ вытѣсненъ вліяніемъ Чешскаго“.

самого Святополка, встрѣтившаго въ лицѣ Мееодія грознаго обличителя своихъ пороковъ, Мееодій вынужденъ былъ двукратно ѣздить въ Римъ для оправданія передъ папой. Подверглись изгнанію и главные ученики Мееодія Гораздъ, Климентъ, Лаврентій и др. По словамъ житія Климента, при смерти Мееодія (6 апрѣля 885 г.) въ Великой Моравіи было до двухъ сотъ образованныхъ имъ священниковъ. Послѣ вторженія Венгровъ или Мадьяровъ, пришедшихъ изза Волги и поселившихся около Днѣстра, Прута и Серета (900—907), во владѣніяхъ Святополка не осталось ни одной церкви и все православное духовенство удалилось въ сосѣднія славянскія земли, преимущественно въ Болгарію, куда переселились и упомянутые ученики Мееодія. Въмѣстѣ съ тѣмъ,—по удачному выраженію Гильфердинга, Моравію какъ бы покинула духовная сила. Послѣ отраженія Венгровъ, призванныхъ ополчившимся на Святополка Германскимъ королемъ Арнульфомъ, при содѣйствіи Хорватскаго князя Брячислова, Святополкъ умеръ въ 894 г., а занимъ погибла и Велико-Моравская держава около 907 г. Венгры завоевали земли между Карпатами, Дравой и Дунаемъ, а Чехія вынуждена была признать надъ собою власть Германскаго императора Оттона I. Но и Чешское государство распалось около 999 г., по смерти Болеслава II, и вскорѣ (1002—1004 г.) на всегда подняло въ вассальное подчиненіе нѣмецко-латинской имперіи.

Въ Болгаріи, послѣ мирнаго и долговременнаго царствованія Бориса и отреченія его отъ престола, правленіе перешло къ Симеону, (888—927). Торговые интересы побудили его предпринять войну противъ Грековъ. Императоръ Левъ Философъ обратился за помощію къ Венграмъ. Несторъ свидѣтельствуетъ, что Венгры (Угры)

разбили Болгаръ, такъ что Симеонъ едва успѣлъ убѣ-
 жать въ Дерстеръ (Силистрію). Вслѣдъ за тѣмъ Болгары
 отомстили Венграмъ и возвратили всѣхъ своихъ плѣн-
 ныхъ. Потерпѣвъ пораженіе, кровавадыне и алчныя къ
 завоеваніямъ, какъ называетъ ихъ лѣтописецъ Бела, Вен-
 гры направили свои жестокіе набѣги по окрестностямъ
 нижняго Дуная и по восточному склону Карпатскихъ
 горъ (Буковина и часть Галиціи) и разгромили великую
 Моравію. Полагаютъ, что тогда же погибло и государ-
 ство Хорватовъ между Дравою и Савою. Покрайней
 мѣрѣ о королевствѣ Брячислава уже болѣе нигдѣ не упо-
 минается. Царствованіе Симеона считается золотымъ
 вѣкомъ Болгаріи. При немъ церковно-славянская пись-
 менность достигла высшаго своего развитія и процвѣта-
 нія. Но книжное дѣло не помѣшало ему доблестно от-
 стаивать матеріальные интересы своего народа. Заду-
 мавъ овладѣть Константинополемъ для пріобрѣтенія пол-
 ной самостоятельности Болгаріи, онъ воспользовался без-
 порядками при дворѣ Константина Багрянороднаго, со-
 правителемъ котораго былъ полководецъ Романъ Лака-
 нинъ, женившій Константина на своей дочери, опусто-
 шилъ Фракію и Македонію, навесъ Грекамъ нѣсколько
 поражений, подступилъ къ Царьграду и заключилъ съ
 Романомъ почетный миръ. Извѣстіе это записано Несто-
 ромъ подъ 921—929 г.—Симеонъ принялъ титулъ царя
 Болгарскаго, самодержца Римлянъ, и получилъ отъ папы
 императорскій вѣнецъ. Возгордясъ духомъ, говорить
 Византійскій историкъ Кедринъ, Симеонъ уже замыслилъ
 сдѣлаться повелителемъ Римской имперіи. Но для этого
 ему нужно было соединить подъ своею властью сосѣдніе
 славянскіе народы. Первый ударъ его былъ направленъ
 на Сербію, гдѣ въ то время происходили смуты вслѣд-

ствіе захвата Мунтиміромъ, современникомъ Бориса, удѣловъ у своихъ братьевъ. Смуты эти продолжались долго. Является нѣсколько притязателей на Сербскій престолъ. Одни опираются на Грецію, другіе пользуются покровительствомъ Симеона, третьи, наконецъ, обращаются за помощью къ Хорватамъ. Симеону удалось овладѣть Сербією и подчинить вассальной своей зависимости. Увлеченный успѣхомъ, Симеонъ послалъ своего полководца Алоботура съ сильнымъ войскомъ противъ Хорватовъ, но Хорваты отразили нападеніе и истребили непріятельскій отрядъ. Послѣ 39 лѣтняго правленія, Симеонъ умеръ въ 927 г. — по Византійскимъ источникамъ, а по Нестору — въ 942 г. Послѣдній прибавляетъ, что Симеонъ въ этомъ году ходилъ на Хорватовъ, но былъ ими побѣжденъ. При сынѣ его Петрѣ, царствовавшемъ до 968 года, начинается упадокъ Болгаріи. Съ Греками заключается миръ, скрѣпленный бракомъ Петра съ внучкою императора Романа — Маріей. Этотъ бракъ былъ какъ бы новымъ залогомъ господства Византіи надъ Болгаріей. Но, утративъ независимость политическую, Болгарія пріобрѣла самостоятельность церковную и Болгарскій архіепископъ Даміанъ возведенъ въ санъ патріарха по постановленію Царьградскаго духовенства и повелѣнію императора Романа, (царствовавшего до 945 г.). Прекратились пріязненныя отношенія къ Хорватіи. Сербія отпала отъ Болгаріи. — Въ двухъ походахъ Русскаго князя Игоря на Грековъ, отнесенныхъ Несторомъ первый къ 934—941, а второй къ 944 г. и предпринятыхъ вслѣдъ за новымъ нашествіемъ Венгровъ на Грецію, Болгаре предупредили царя, что Русскіе идутъ на Царьградъ. Изъ побужденій ли мести, или для обезпеченія себѣ безопаснаго отступленія въ Кіевъ, Игорь, по принятіи мирныхъ

предложеній Грековъ, приказалъ Печенѣгамъ опустошать Болгарскую землю. Послѣдующіе походы Русскихъ на Болгаръ и Грековъ при Святославѣ, въ 967 и 971 г., имѣли мѣсто уже тогда, когда отношенія Болгаріи къ Греціи, послѣ продолжительнаго мира, совершенно измѣнились. Греческій полководецъ и императоръ Никифоръ Фока отказалъ Болгарскимъ посламъ уплатить обычную дань. Нашествіе Святослава на Болгаръ объясняется тѣмъ, что Никифоръ Фока опасался вступить одинъ въ борьбу съ сильнымъ противникомъ въ неудобныхъ для наступательныхъ дѣйствій мѣстностяхъ Болгаріи. Основываясь на договорахъ, заключенныхъ съ Русскими 945—957, по которымъ они обязались доставлять Византіянамъ вспомогательное войско, онъ пригласилъ на помощь Святослава, расположивъ его, какъ утверждаютъ, денежнымъ подаркомъ въ 1500 литръ золота. Святославъ побѣдилъ Болгаръ, занявъ 80 городовъ по Дунаю, и поселился въ Переяславцѣ. Болгаре заключили союзъ съ Греками, когда во главѣ послѣднихъ стоялъ уже Цимисхій, достигшій императорской власти убійствомъ Фоки. Описаніе Несторомъ послѣдняго похода Святослава на Болгарію, предпринятаго, по мнѣнію Иречека, ради собственныхъ интересовъ, когда пріязненныя отношенія Болгаріи и Византіи возстановились, нѣсколько противорѣчитъ извѣстіямъ Греческихъ лѣтописцовъ, приписывающихъ, вопреки Нестору, побѣду Грекамъ въ знаменитыхъ двухъ битвахъ подъ Адріанополемъ и Дрестромъ (Силистріею) послѣ плѣненія царя Бориса. Положеніе Святослава подъ Дрестромъ, гдѣ онъ принужденъ былъ выдержать трехмѣсячную осаду, было критическое. Всѣ шансы и численный перевѣсъ были, несомнѣнно, на сторонѣ Римскихъ полководцевъ. Величественны слова,

которыя нашъ лѣтописецъ влагааетъ при этомъ случаѣ въ уста Святослава; „ляжемъ костыми, мертвымъ намъ позора не будетъ,” и т. д. Но заключенный имъ миръ, по которому онъ отъ всей подвластной ему Руси обязался никогда не поднимать оружія ни на Грековъ, ни на Болгаръ, едвали можетъ считаться почетнымъ¹⁾. — По удаленіи Святослава Болгарія была занята Греческими войсками, утративъ свою независимость.

Въ концѣ X вѣка политическое значеніе Хорватіи среди сосѣднихъ славянскихъ народовъ значительно возрасло. Преемникъ Томислава Красиміръ овладѣлъ всей Босніей, а преемникъ послѣдняго Держиславъ получилъ королевскій титулъ, утвержденный Византійскимъ императоромъ. Торговое соперничество и поддержка, оказываемая Венеціанцами латинскимъ городамъ въ Далмаціи, послужили поводомъ продолжительной войны ихъ съ Хорватами. Сербія, слагавшаяся изъ сплоченныхъ Чеславомъ четырехъ горныхъ областей (Травунія, Захолмія, Зема и Подгорія), въ составъ коихъ входила и Черногорія, начала распадаться вслѣдствіе междоусобій

¹⁾ Монахъ Паисій пишетъ, что Никифоръ Фока, поссорившись съ Борисомъ „послалъ Калокира къ Святославу князю Русьскому подвигнути его на Болгари. Той-же поступилъ съ войско на Болгарію, и оттуду взялъ пленъ много и корысть, пошелъ въ Россію паки, на други годъ паки пошелъ на Болгарію и покорилъ болшая часть подъ свою державу и умыслилъ перенести престолъ свой и поставить въ Болгарію, понеже возлюбилъ землю Болгарскую ради плодородства и изобиліе, тако совѣтовалъ ему Колокиръ, егда возьметъ царство Болгарское, можетъ вскоре взети и Греческое. Егда уразумѣлъ совѣты Колокировы Іоаннь Цинисхія наслѣдникъ Никифоровъ воздвигалъ воинство на Святослава и прогналъ его въ Россію.“

и нападений Болгаръ и Хорватовъ, и велико-жупанская власть въ ней прекращается.—Вскорѣ послѣ завоеванія Болгаріи, гдѣ уничтоженъ былъ и патриархатъ, Цимисхій умеръ въ 976 г. Въ Болгаріи вспыхнуло возстаніе. Ему благопріятствовалъ споръ изза престола между сыномъ Романа Василиемъ и провозгласившимъ себя императоромъ полководцемъ Вардою. Провозглашенный государемъ Болгаріи Самуиль соединилъ подъ своимъ знаменемъ разрозненныя славянскія племена, нанесъ жестокое пораженіе Грекамъ въ Ихтиминскихъ ущельяхъ и завладѣлъ всѣмъ Балканскимъ полуостровомъ отъ Дуная и Адриатическаго моря до Константинополя. Затѣмъ послѣдовало завоеваніе и присоединеніе къ Болгаріи большей части Сербіи. — Сербскій король Владимиръ попался въ плѣнъ и заключенъ въ темницу. По преданію, записанному Діоклейскимъ лѣтописцемъ, онъ былъ обязанъ своимъ спасеніемъ самоотверженію дочери императора Самуила Косарѣ, сдѣлавшейся его женою, и ему были возвращены его владѣнія и королевство его отцовъ.... Долговременная (11 лѣтняя) война Самуила съ Греческимъ императоромъ Василиемъ имѣла для Болгаріи плачевные результаты. Потерявъ важные стратегическіе пункты, она представляла печальную картину опустошенія. Но еще большимъ бѣдствіемъ для нея была смерть Самуила (1014), постигшая его, какъ говорятъ, въ ту минуту, когда къ нему привели нѣсколько тысячъ Болгарскихъ воиновъ съ выколотыми глазами. Ему наследовалъ сынъ Гавріиль - Радоміръ, котораго убилъ двоюродный его братъ Владиславъ по подговору императора Василия. Воцарившись, Владиславъ заключилъ миръ съ Греціей, а вслѣдъ за тѣмъ совершилъ другое злодѣяніе. Онъ пригласилъ къ себѣ короля Владимира, пра-

вившагося южною Сербією и сѣверною Албанією. Когда король Владиміръ пріѣхалъ въ Преспу, гдѣ находился дворецъ Владислава, его схватили по повелѣнію Владислава во время молитвы и предали смерти. „По произволенію Божію“, разсказываетъ Діоклейскій лѣтописецъ, — „многіе страждущіе недугами, помолившись надъ гробомъ мученика, получили исцѣленіе, а супруга блаженнаго Владиміра долго оплакивала его великимъ плачемъ. Императоръ Болгарскій, видя чудеса, пораженъ былъ страхомъ и позволилъ Косарѣ взять тѣло мужа. Она отвезла его въ Крайну, гдѣ былъ его дворецъ и положила въ церкви Дѣвы-Маріи. Тамъ лежитъ тѣло его нетлѣнно, благоухая ароматами и въ рукахъ его тотъ самый крестъ, который онъ получилъ отъ Владислава, чрезъ Косару, въ знакъ клятвы не покушаться на его жизнь“.

Въ лѣтописи Нестора есть извѣстіе, что въ 985 году Русскій князь Владиміръ съ зятемъ своимъ Добрыней, въ союзѣ съ Турками, ходилъ на Болгаръ, побѣдилъ ихъ и заключилъ съ ними вѣчный миръ. Татищевъ добавляетъ, что въ походѣ участвовали войска Волынскія и Червепскія и что Болгаре дѣйствовали въ союзѣ съ Сербамъ. Такой-же удачный походъ на Болгаръ описывается подъ 992 г. Вѣроятно это тотъ самый походъ, о которомъ упоминаетъ Византійскій историкъ. Русскія войска дѣйствовали противъ Болгаръ въ качествѣ вспомогательной дружины по приглашенію императора Василя, на сестрѣ котораго женился Владиміръ. Хотя Несторъ и приписываетъ Русскимъ побѣду, но изъ словъ Добрыни, сказанныхъ Владиміру; „видѣлъ я плѣнныхъ, всѣ они въ сапогахъ, они намъ дани платитъ не будутъ, пойдемъ искать тѣхъ, кто ходитъ въ лаптяхъ“, можно заключить, что походъ былъ безуспѣшенъ. За тѣмъ Владиміръ разъ под-

нялъ оружіе на Хорватовъ въ 993 г. По словамъ Татищева, онъ ходилъ на Семиградскую и Хорватскую земли. Къ сожалѣнію, Несторъ умалчиваетъ и о поводахъ, и объ исходѣ этой войны. Вѣроятно, Владиміръ и здѣсь дѣйствовалъ въ союзѣ съ Греческимъ императоромъ, ибо Кедринъ, описавъ завоеваніе Василиемъ, по смерти Владимира, всей Болгаріи съ ея двумя столицами Охридомъ и Преспой и всей Сербіи, упоминаетъ и о покореніи имъ сосѣднихъ племенъ Хорватскихъ (около 1018 года). Гильфердингъ догадывается, что подъ именемъ Хорватской земли разумѣли въ Константинополѣ нынѣшнюю Герцеговину и Боснію.

Ходъ изложенныхъ мною событій въ странахъ придунайскихъ, уясняя географическое положеніе Хорватскаго народа съ его развѣтвленіями и отношеніе къ задунайскихъ Хорватамъ Русскихъ князей, вмѣстѣ съ тѣмъ бросаетъ нѣкоторый свѣтъ на южныя границы Бѣлохорватіи, показывая, что они простирались вплоть до Дуня, обнимая большую часть Галичины, Буковины, Молдавіи и Семиградья и всю Угорскую Русь, чему помимо приведенныхъ мною данныхъ представлены вѣскія доказательства Угро-Русскими историками. Такому выводу нисколько не противорѣчатъ изысканія Шафарика, Добровскаго и другихъ филологовъ, распространяющихъ древнія предѣлы Бѣло-Хорватіи на всѣ земли населенныя Русняками (Русинами), исключая лишь тѣхъ мѣстностей, которыя примыкаютъ къ Литвинамъ и Латышамъ, начиная съ западнаго Буга на сѣверо-востокъ, и которыя чешскими славистами отводятся подъ Бѣло-Сербію въ виду указаній Далимиловой лѣтописи и другихъ источниковъ. Непротиворѣчитъ потому, что на всемъ пространствѣ отъ самыхъ сѣверныхъ предѣловъ Карпатскаго края

жа до Дуная жили съ давнѣйшихъ временъ родственныя племена, которыя въ Византіи извѣстны были до конца Х вѣка подъ именемъ Хорватовъ, и на большую часть которыхъ съ того времени распространилось названіе Русиновъ. Угорская Русь даже въ крайнихъ западныхъ своихъ областяхъ по занятіи ихъ Мадырами продолжала называться Русью и въ грамотахъ Угорскихъ королей, и въ сочиненіяхъ западно-европейскихъ писателей¹⁾. Угорскіе ученые такой именно широкой объемъ и придаютъ Бѣло-Хорватіи, основываясь на крайне сбивчивомъ описаніи Константина Багрянороднаго. Какъ географъ, онъ больше интересовался названіемъ земель, чѣмъ племенъ, ихъ населявшихъ. Повидимому, онъ и не зналъ многихъ ихъ названій, а нѣкоторые до того извращены имъ, что ихъ можно понимать различно. Такъ, именуя племена, платившія дань Руссамъ, онъ рядомъ съ Дреговичами, Кривичами и Сербамъ называетъ какихъ то „Vervianogum“, коихъ Шафарикъ принялъ за Тиверцевъ, хотя правильнѣе почитать ихъ за Деревлянъ. Слѣдовательно, нашъ лѣтописецъ, упоминая съ 907 г. о Хорватахъ, чаще разумѣетъ тѣхъ, которые жили на южныхъ склонахъ Карпатъ,—въ Червенской области, куда не могъ забраться Болгарскій царь Симеонъ, ходившій по Нестору, въ 942 году на Хорватовъ, и тѣхъ, которые заняли сѣверо-западный уголъ Балканскаго полуострова. Выраженіе Нестора: „и живяху въ мирѣ Поляне и Деревляне и Сѣверъ и Бужане и Радимичи и Вятичи и Хорвате“, на которое такъ налегалъ Шафарикъ и многіе другіе, если и разумѣтъ

¹⁾ См. Ист. Угорщины. В. Ф. Сасинека стр. 1—15 Дѣяны народа Чешскаго. Паллацкаго. т. I стр. 296.

Хорватовъ надкарпатскихъ, чего я не отвергаю, то относится къ эпохѣ предшествовавшей выселенію ихъ въ Иллирикъ. На это указываютъ приведенное вслѣдъ за тѣмъ извѣстіе о Тиверцахъ, которые „сѣдяху по Днѣстру при сѣдаху къ Дунаевѣ“ и помѣщенные въ лѣтописи нѣскольکو далѣе (послѣ описанія племенныхъ нравовъ) слова: „по сихъ же лѣтѣхъ наидоша Козаре“... такъ какъ нападенія Козаръ на восточныхъ славянъ начались въ первой четверти VIII столѣтія. Участіе Хорватовъ и Тиверцевъ въ войскѣ Олега при движеніи его на Грецію само по себѣ не указываетъ на покореніе ихъ Олегомъ. Они сопутствовали ему скорѣе въ качествѣ наемнаго или союзнаго ополченія. Упомянутый походъ Олега болѣе или менѣе совпадаетъ съ войною между Сербіей и Болгаріей, вызвавшей столкновеніе южныхъ Хорватовъ съ Греціей, и предположеніе объ участіи ихъ въ походѣ Олега гораздо естественнѣе, нежели предположеніе о томъ, что здѣсь идетъ рѣчь о Хорватахъ надкарпатскихъ. По этому нѣтъ никакого повода приписывать Олегу завоеваніе всей Червенской страны, тѣмъ болѣе, что такому завоеванію мѣшало нашествіе Мадьяровъ на Велико-Моравскую державу, на которое есть намекъ и у Нестора: „Угри начаша воевати на Мораву и на Чехи“. Перечисляя города, на которые Олегъ „заповѣдалъ Грекамъ даяти уклады“, Кіевъ, Черниговъ, Полоцкъ, Ростовъ и Любечъ, а по инымъ спискамъ—Переяславль и Смоленскъ, Несторъ не назвалъ ни одного города, лежащаго въ предѣлахъ Бѣло-Хорватіи, даже хорошо извѣстныхъ ему Перемышля и Червена. Хотя же онъ прибавилъ: „и прочая гради по темъ бо городамъ сediaху князи, подъ Олгомъ суще“, но такимъ княземъ не могъ быть около того времени какой либо Хорватскій князь, такъ какъ по словамъ императора

Константина, въ его время, т. е. 945—959 г., въ *языческой* Бѣло-Хорватіи, лежавшей, какъ онъ описываетъ, за Багиваріей, въ горахъ, за Турціей, не подалеку отъ Франціи или Саксоніи, по сосѣдству съ Бѣло-Сербіей, былъ собственный князь (*proprio principii subjecti sunt*), зависѣвшій отъ Нѣмецкаго императора Оттона I-го. Ясно, слѣдовательно, что всѣ толки о завоеваніи Олегомъ нынѣшней Галиціи, объ отложеніи надкарпатскихъ Хорватовъ отъ Русн, и т. п. представляются не болѣе какъ плодомъ недоразумѣнія. Все это не мѣшаетъ, однако, по моему мнѣнію, отодвинуть сѣверо-западную границу Русскихъ владѣній при Олегѣ къ юго-западной части земли Ятвяжской, принявъ въ соображеніе названіе рѣки *Олеги*, близъ города Визны, до которой гналъ Ятвяговъ Даниилъ Романовичъ послѣ пораженія ихъ въ 1251 г. „Перешедшимъ рѣку Олегъ“, рассказываетъ Волынскій лѣтописецъ, „гнаша до рѣки Ольга“.

Еслибы признакомъ Русской народности считать исключительно грековосточное исповѣданіе, то пришлось-бы признать, что значительная часть Сандомірской области была издревле населена Русскимъ народомъ. Такъ, описывая осаду Татарами, въ 1261 г., подъ предводительствомъ Буранды, Сандоміра, куда они подошли по направленію отъ Холма чрезъ Люблинъ и Завихость, лѣтописецъ говоритъ: „Церкви (sic) бѣше въ городѣ томъ камена, велика и предивна сіяюще красотою, бѣшетъ бо создана бѣлымъ камнемъ тесянымъ; и та бысть полна людій“. Деревянная церковная крыша загорѣлась и въ церкви сгорѣло „безчисленное множество людій“. Завтраже игумени съ попы и съ дьяконы изрядивше крилось и отпѣвши обѣдную и начашася причащатися, первое сами, и потомъ бояре съ женами и съ дѣтми, таже вси отъ мала и

до велика и начаша исповѣдаться, ово ко игуменомъ, друзіи-же къ попомъ и къ дьяконамъ: зане бѣше людій множество въ городѣ“. Избивъ всѣхъ жителей Сандоміра, Татары пошли къ городу Лысцю (Радомской губерніи, Опатовскаго уѣзда), „церкви же бѣше въ немъ каменная святоѣ Троицѣ“¹⁾. Въ 1286 г. умеръ великій князь Лестко Казиміровичъ Краковскій, „епископъ же, и игумени и попове и дьякони, спрятавши тѣло его, пѣвши обычныя пѣсни и тако положиша тѣло его въ Краковѣ городѣ во церкви святѣй Троицѣ“. Впрочемъ, несомнѣнно, что въ Сандомірской и Краковской областяхъ было въ то время не мало Русскаго населенія. Какъ будто самъ лѣтописецъ считалъ Сандоміръ городомъ болѣе Русскимъ, чѣмъ Польскимъ, сказавъ, что, переправившись чрезъ Вислу, Татары „начаша воевати землю Лядскую. Потомъ же придоша къ Судомірю“. Да иначе и не могло быть, ибо 1) Сандоміръ былъ резиденціей Словено-Русскихъ епископовъ въ древнее время, о чемъ свидѣтельствуютъ гробницы ихъ въ церкви св. Якова²⁾. 2) На правомъ берегу Вислы, въ землѣ Люблинской, существовали нѣкогда православные храмы во многихъ мѣстахъ, напр. Казимержѣ, какъ видно изъ надписи на одномъ евангеліи, описанномъ Востоковымъ, что оно было даро-

¹⁾ Съ этимъ извѣстіемъ согласно описаніе нашествія Батия у Кромера и Длугоша.—Послѣдній распространяется объ опустошеніи Татарами Люблина, Завихоста и Сандомірской области.

²⁾ Сейковский. Dni roczne ś. zakonu kaznodziejskiego. Kraków 1743 г. Сравни. Петруш. Холм. епархія и святители ея, стр. 7 и 14.—Его же, Краткое изв. о введ. христ. въ предкарп. странахъ, стр. 66.

вано гражданиномъ Иваномъ Шаникомъ, въ XV в., православной церкви въ Казиміръ¹⁾, и 3) не задолго до нашествія Батя, именно въ 1236 г., было съ соизволенія папы учреждено для Русскаго населенія, между Люблиномъ и Опатовымъ, православное Опатовское епископство Силезскимъ княземъ Генрихомъ Бородатымъ, управлявшимъ тогда Малопольшей во время опеки надъ Болеславомъ Стыдливымъ. Когда Люблинская земля отошла отъ Польши, въ 1244 или 1245 г., то Генрихъ даровалъ Опатовъ епископу Любускому, который съ того времени сталъ называться Русскимъ епископомъ. Любускіе епископы старались впослѣдствіи распространить свою юрисдикцію на всю Червонную Русь; но власть ихъ была уничтожена папою Григоріемъ XI, въ 1375 г., съ учрежденіемъ въ Руси четырехъ самостоятельныхъ латинскихъ епархій: въ Галичѣ, Перемышлѣ, Холмѣ и Владиміръ-Волынскомъ²⁾).

Сдѣлавъ поверхностный этнографическій обзоръ Червенской области, я долженъ нѣсколько остановиться на рубежѣ, отдѣляющемъ древнѣйшій періодъ ея исторіи отъ втораго періода, начало котораго я приурочиваю къ концу X столѣтія, когда она слилась съ Русскими областями. Руководствуясь пока преимущественно данными этимологическими, я постараюсь провести крайнія границы населенія Червенской страны, назвавшася со времени Владимира Св. Русскимъ или Малорусскимъ. Судя по Нестору,

¹⁾ Опис. рукопис. Румянц. музея, стр. 185.

²⁾ Смот. Петрушевичъ. Холм. епархія и святит. ея, стр. 243. Чистовичъ. Очеркъ исторіи Запад. Руск. Церк., стр. 13 и 14. Маѣвскій. Истор. перв. христ. у славянъ. Примѣч. 365. — Подробн. о Русскихъ Опатовскомъ и Любускомъ епископствахъ въ его же соч. *Pamiętniki o dz. Słowian* 1839. т. 1 стр. 185 и слѣд.

отрасли жившихъ въ ней племень, также какъ и отрасли Словенъ восточныхъ, медленно утрачивали свой оригинальный типъ. По крайней мѣрѣ послѣднія перемѣны въ судьбѣ Тиверцовъ, Бужанъ и Дулѣбовъ и даже сѣверныхъ Сербовъ (если только это имя было мѣстнымъ) хорошо памятли были въ XI и XII столѣтіяхъ. Филологическія изысканія обнаруживаютъ весьма незначительныя отгѣнки въ говорѣ Малороссовъ и только немногіе ученые замѣчаютъ въ немъ особыя нарѣчія. На востокъ населеніе Забужное и Днѣстрянское Червенскаго края, по главнымъ формамъ своего языка рѣзко отличаясь отъ нарѣчія Ляшскаго, составляетъ какъ бы одно цѣлое съ сосѣднимъ населеніемъ Волыни, гдѣ Головацкій находитъ незначительное разнорѣчіе, которое онъ называетъ Волынско-Подольскимъ въ отличіе отъ Галицкаго или Надднѣстрянскаго (юговосточная Галичина) и Горскаго¹⁾ Максимовичъ называетъ это разнорѣчіе прикарпатскою разнорѣчивостію говора собственно Малороссійскаго или Украинскаго. Мнѣ кажется, въ отличіи Ляшскаго нарѣчія отъ Малороссійскаго заключается самый сильный доводъ противъ поддержаннаго Шафарикомъ и съ большимъ остроуміемъ развиваемаго до послѣдняго времени Польскими писателями²⁾ мнѣнія, будтобы Поляне Вислянскіе и Поляне Днѣпровскіе суть отрасли одного и того-же племени³⁾. Граница Русскаго и Польскаго населенія въ нынѣшней Галиціи съ

¹⁾ О языкѣ южно-Рускомъ и его нарѣч. стр. 38—47.

²⁾ См. Соч. Ликовскаго. *Historija unii kosciola Ruskiego z kosciolem Rzymskim*. 1875 г., стр. 1—6.

³⁾ Шафарикъ, повидимому, впадаетъ въ противорѣчіе, относя народъ Ляшскій, подобно другимъ лингвистамъ, къ разряду западныхъ славянъ по началамъ языкословнымъ—Слав. древ. т. II, ч. I, стр. 80.

точностью обозначена Зубрицкимъ и Шафарикомъ. Она идетъ на западъ за рѣкою Вислокою (не Вислокомъ), на пространствѣ около 50 квадратныхъ миль по Венгерской границѣ въ горахъ Карпатскихъ, простираясь влѣво за рѣку Попрадъ въ сосѣдствѣ Дунайца, по правой его сторонѣ, и лишь немного не доходитъ до Кракова. Русины обитали тамъ въ отдаленнѣйшія времена до покоренія Руси Казиміромъ Великимъ¹⁾. Область Малорусскаго языка въ Галиціи обнимаетъ округа: Перемышльскій, Львовскій, Жолковскій, Злочевскій, Тернопольскій Бережанскій, Самборскій, Саноцкій, Стрыйскій, Станиславскій, Коломыйскій, Чертковскій, и части Решовскаго, Ясельскаго, Новосандецкаго и Черновецкаго²⁾. Определеніемъ этнографической границы въ губерніяхъ Люблинской и Сѣдлецкой мы главнымъ образомъ обязаны Шафарику³⁾, Эркерту и Риттиху. Первый проводитъ границу между Малороссійскимъ и Польскимъ нарѣчіями отъ м. Сарнаки на Бугѣ къ западу, затѣмъ къ Бѣлѣ, къ Межирѣчью, на Радинь, Вогинь, по Вепру до Щебрешина. Оттуда влѣво чрезъ Туробинь, на юго-западъ къ Сану у Крешова. Уѣзды Луковскій, Сѣдлецкій и часть Бѣльскаго и Радинскаго Шафарикъ отнесъ къ населенію Польскому. Описаніе Эркерта — почти такое же. Гораздо точнѣе этнографическая карта Риттиха. Онъ составилъ двѣ

¹⁾ Зубрицкій. Критич. пов., стр. 16, 24 и 26, и его же: o granicach między Ruskim i Polskim narodem 1848 г. и: Граница между Русскою и Польскою націями въ Галиціи. Вѣстн. ю. зап. и зап. Россіи 1863 г. стр. 90 и слѣд.

²⁾ Срав. Я Головацкаго. О языкѣ вжно-русскомъ и его нарѣчіяхъ, стр. 17 и 18.

³⁾ См. его карту Słowansky zemevid.

карты—одну по исповѣданіямъ, другую по племенамъ, принявъ въ соображеніе личныя свои наблюденія надъ языкомъ, правами и обычаями. Вотъ показанная имъ граница, начиная съ самаго сѣвернаго Русскаго пункта на р. Бугъ м. Стердыня: Венгровъ,—отъ него прямо на Зелеховъ, Иванъ-Городъ (проникаетъ къ западнымъ окрестностямъ Гарволина и до Пулавъ), по р. Тысменицѣ, по долину Вепря, у верховьевъ коего близъ Щерничина и Туробина проходитъ на лѣвую сторону Вепря, проникая въ Люблинъ, клиномъ вдается на сѣверо-западъ, не доходя около двадцати верстъ до Красника, (Русскія села Отрочъ и Браневъ); а на югъ идетъ чрезъ Бѣлго-рай и Крешовъ къ Сану. Изслѣдованія Шафарика, Эркerta и Риттиха подтверждаютъ мнѣніе г. Барсова, принятое и Щебальскимъ, будто-бы верховья рѣки Кржны, берущей начало недалеко отъ Лукова и впадающей въ Бугъ около Бреста, были въ древнѣйшія времена западною границею Русскаго населенія¹⁾. Мы имѣемъ несомнѣнныя историческія указанія на то, что Русинская народность значительно оттѣснена была на востокъ отъ Вислы. Іоаннъ Кразинскій, уставщикъ и каноникъ въ Краковѣ и Гнѣзнѣ (1612 г.), называя Червонную Русь Роксоланіей, говоритъ, что она заключаетъ въ себѣ области: Львовскую, Люблинскую, Белзскую, Подляхію, Волинь, и проч., доходитъ до Карпатскихъ горъ, начинаясь недалеко отъ города Кракова²⁾. Географъ Старовольскій

¹⁾ См. объясненіе къ картѣ Русскаго Забужья, изд. Щебальскимъ, и Очерки Русск. историч. геогр. Барсова. стр. 103 и слѣд.

²⁾ См. соч. Кразинскаго: Polonia, въ Миклеровскомъ собран. 1 стр. 418.

(1656 г.) западную границу Червоно-русской народности проводить по рѣкамъ Вислокъ и Вепрю¹⁾. Согласно съ Старовольскимъ опредѣляетъ границы Червонной Руси писатель XVII в. Александръ Целларій²⁾.

Напрасны были-бы наши усилія прослѣдить сокровенные пути, какими совершался внутренній процессъ политическаго объединенія племенъ, заброшенныхъ судьбою въ Червенскую область. Судя по преданіямъ Скандинавскимъ оно началось гораздо ранѣе, нежели у сосѣднихъ славянскихъ народовъ. Какъ-бы ни была велика примѣсь вымысла въ этихъ преданіяхъ, нельзя, однако, безусловно отвергать ихъ историческое значеніе. Въ каждомъ преданіи есть доля истины. Поэтому я и позволяю себѣ извлечь изъ интересной *Vilkina Saga*, относящейся къ событіямъ приблизительно IV и V вѣковъ, факты, имѣющіе непосредственную связь съ судьбами Червенской страны до лѣтописнаго періода. Въ ней содержится сказаніе, что въ восточной Европѣ находятся области *Kaenugardhia*, *Holmgardhia*, *Palltescia* и *Smalenskia*. Всѣмъ восточнымъ царствомъ обладалъ князь Руссовъ Яровить, столицей котораго былъ Холмоградъ. Вельтманъ разумѣетъ подъ *Kaenugardhia*—Кіевъ, подъ *Palltescia*—Пултускъ, подъ Холмоградомъ—г. Холмъ, Люблинской губерніи, подъ *Smalenskia* — Смоленскъ³⁾. Шафарикъ же полагаетъ, что *Palltescia*—Полоцкъ, а *Holmgardhia*—Новгородъ, не отвергая, впрочемъ, что *Holmgarder* (отъ Скандинав. *holm-*

¹⁾ *Polonia sive status regni Poloniae descriptio*,—второе Данцигское изд. стр. 112. (по ссылкѣ Зубрицкаго).

²⁾ *Descriptio regni Poloniae*.

³⁾ Вельтманъ. *Аттила или Русь IV и V в.*, сводъ историч. и пародн. преданій изд. 1858 г.

insula) означаетъ островистую область, тождественно въ слав. Хлумъ, Хлѣмъ, Холмъ и не имѣетъ ничего общаго съ Холмогорами. Относительно Кіева и Смоленска онъ замѣтилъ тоже, что и Вельтманъ¹⁾. Кажется, толкованіе Вельтмана ближе къ истинѣ. Holm—несомѣнно Холмъ, а gardhia, gardher—городъ, замокъ, какъ объясняетъ Олай Валерій въ сагѣ Готрика и Ролфа²⁾. Palltescia скорѣе Пултускъ (Ломжинской губерніи), упоминаемый первый разъ въ Волинской лѣтописи подъ 1279 г., нежели Полоць (Полотескъ). Когда въ землѣ Ятвяговъ начался голодъ, то, по просьбѣ ихъ, Владиміръ Васильковичъ изъ Бреста послалъ имъ запасы хлѣба на ладьяхъ. „Идущимъ же имъ по Бугу, и тако возіидоша на Наровъ и поидоша по Нарови... и придоша подъ городъ подъ Полтовескъ“. Холмская Русь (Colmisland) при Эрманарикѣ была покорена Готами, а за тѣмъ подпала подъ власть вожда Гунновъ Аттилы. Въ числѣ князей, платившихъ дань Готамъ, упоминается, въ сагѣ, Олимиръ Холмоградскій. Вельтманъ приводитъ и родословную князей Холмскихъ съ III по V столѣтіе, изъ коей видно, что послѣ Яровита царствовалъ въ Холмоградѣ сынъ его Владиміръ, владѣвшій кромѣ того и Польскою землею. Баеръ увѣрялъ, что во всей сѣверной исторіи ничего нѣтъ славнѣе Холмограда, называемаго царскою столицею, куда собирается великое множество пріѣзжихъ. Снорро о Норвежскомъ королѣ Гаральдѣ рассказываетъ, какъ онъ былъ у Русскаго царя Ярослава и, сочетавшись законнымъ бракомъ съ дочерью его Елизаветою, весною отошелъ изъ

¹⁾ Славн. древн. т. II кн. I стр. 72, 73, 140 и 150.

²⁾ Баеръ, Географія Россійская X вѣка, составленная по сѣвернымъ писателямъ. изд. Имп. акад. наукъ 1767 г. стр. 48 и 49,

Холмограда и, отправившись въ Алдейго-боргаръ (находившійся во владѣніяхъ Русскаго царя Валдемара, какъ видно изъ саги Сноррона), оттуда отплылъ въ судахъ. Баеръ полагалъ, что Алдейго-боргаръ находился въ Кареліи, недалеко отъ Балтійскаго моря, а Холмоградъ—столица обширной страны, къ которой принадлежала и Финляндія и которая часто называлась Гардарикією. По описанію же Олая Валерія, Гардарикією называлась область, принадлежавшая Холмоградскому царю. Я не вижу ничего невѣроятнаго въ приведенномъ преданіи, такъ какъ постройка города Холма Данииломъ Романовичемъ¹⁾

¹⁾ Годъ основанія Данииломъ города Холма не извѣстенъ. Съ достовѣрностью можно только сказать, что онъ существовалъ ранѣе нашествія Куремсы, (отнесеннаго по Ипатьевскому списку къ 1259 г.), но былъ построенъ позже 1233 г., ибо во время этого нашествія въ немъ произошелъ пожаръ отъ „окаянныя бабы.“ Хотя въ Ипатьевскомъ спискѣ противъ первоначальнаго извѣстія о созданіи Данииломъ Холма выставленъ 1223 годъ, но этотъ годъ не отмѣченъ ни въ Хлѣбниковскомъ, ни въ Ермильевскомъ спискѣ. При томъ, противъ этого года упомянуто о созданіи Холма какъ бы случайно, при исчисленіи Владимірскихъ епископовъ за время Даниила и Василька; здѣсь лѣтописецъ говоритъ въ такомъ смыслѣ: „когда созданъ былъ Давиломъ градъ именемъ Холмъ, то поставленъ былъ Иванъ епископъ“, и т. д. Въ періодъ времени съ 1223 по 1259 годы, подъ коимъ мы встрѣчаемъ уже подробное описаніе постройки Холма, первымъ достовѣрнымъ хронологическимъ указаніемъ слѣдуетъ считать 1233 годъ, ибо этотъ годъ выставленъ во всѣхъ трехъ спискахъ. Съ 1223 по 1233 г. хронологіи совсѣмъ нѣтъ въ спискахъ Ермильевскомъ и Хлѣбниковскомъ. —Если принять во вниманіе, что при изложеніи событій, слѣдовавшихъ послѣ 1233 г., лѣтописецъ говоритъ, что „Кондратови ставшу, гдѣ нынѣ градъ Холмъ стоитъ“ (по Ипатьев. 1235 г.), и что „воеваша Ятвязи около Охожѣ и Бусовна“, и „еще

вовсе не исключаетъ возможности существованія древняго города Холма еще въ IV или въ V вѣкѣ. Весьма вѣроятно, что на мѣстѣ, гдѣ Даниилъ построилъ Холмъ, или около него, находилось поселеніе съ такимъ названіемъ. Когда, проѣзжая близъ горы и увидѣвъ на ней мѣсто на окраинѣ вышшняго Холма, онъ спросилъ *туземца*—какъ именуется *мѣсто*, ему отвѣтили „Холмъ“ Если бы тамъ не было селенія, то Даниилъ, конечно, не предложилъ бы такого вопроса туземцу, ибо Холмъ расположенъ у подножія природнаго довольно высокаго холма. Догадка подтверждается текстомъ лѣтописи: „и створи градець малъ,... и созда градъ иный его же Татарове не возмогша пріяти“¹⁾. По Длугошу, Кромеру и Нарушевичу, при Болеславѣ Смѣломъ въ составъ княжества Владимірскаго входила и земля Холмская, главный городъ которой Холмъ былъ по своему гористому положенію трудно доступенъ для непріятеля и имѣлъ замокъ, выстроенный, по старинному обычаю, изъ дерева и глины. Потому-то Болеславъ Смѣлый въ 1073 г. не могъ взять его, ограничившись опустошеніемъ окрестностей²⁾; слѣдовательно Холмъ существовалъ уже въ XI столѣтіи и, если вѣрить указанію Никоновской лѣтописи, что въ 1072 г. при торжественномъ поднятіи въ Вышегородѣ мощей Бориса и Глѣба въ составѣ духовенства былъ Іоаннъ Холм-

бо Холму не поставлену бывшую Даниломъ (по Ипатьев. 1248 г.), то оказывается, что новый городъ (до пожара) не могъ быть поставленъ Даниломъ ранѣе 1233 г.

¹⁾ Сравн. мнѣніе составителя брошюры о Холмѣ и его древн. святынѣ, 1882 г., и Любл. епископа Модеста, Холм. Варш. епарх. вѣстн. 1884 г. № 4.

²⁾ Нарушевичъ. Hist. nar. Pol. т. 1 стр. 358, изд. 1859 г.

скій, а также свидѣтельству Холмскаго униатскаго епископа Якова Суши, будтобы на одномъ изъ столбовъ Холмскаго храма св. Богородицы былъ высѣченъ 1001 годъ и будтобы въ древнихъ актахъ Любомльской церкви содержалась запись объ основаніи этого храма Владимиромъ Святѣмъ, то нельзя не придти къ заключенію, что Холмъ былъ однимъ изъ древнѣйшихъ Червенскихъ поселеній. Допуская справедливость Скандинавскаго сказанія, молчаніе Нестора о Холмѣ можно приписать тому, что укрѣпленія его были разрушены Готами или Гуннами и съ тѣхъ поръ онъ надолго пришелъ въ запустѣніе, пока князь Галицко-Владимірскій не возстановилъ его прежнее величіе.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Во всѣхъ спискахъ Несторовой лѣтописи помѣщено извѣстіе о захватѣ въ 1018 году княземъ Польскимъ Болеславомъ Червенскихъ городовъ при отступленіи его изъ Кіева послѣ измѣны союзника своего Святополка, съ которымъ онъ началъ войну противъ Ярослава, и объ отнятіи снова Червенскихъ городовъ отъ Поляковъ братьями Ярославомъ и Мстиславомъ въ 1030 году, причемъ Польская земля подверглась опустошенію. Еслибы удалось обнаружить,—какіе именно это были города, то тѣмъ самымъ разрѣшился бы и вопросъ о предѣлахъ Червонной Руси при Владимірѣ Святѣмъ; ибо Червенскіе города, входившіе въ составъ Святополкова Мораво-Паннонскаго княжества¹⁾, были, такъ сказать, ея первообра-

¹⁾ Границы его при Святополкѣ простирались на западъ до Эльбы и Салы, на сѣверо-востокъ до Буга и Стиря.—О постепен-

зомъ въ концѣ X столѣтія. Повѣствуя о походѣ Владиміра при Мечиславѣ I, Несторъ называетъ только два Червенскіе города, занятые Владиміромъ, Перемышль и Червень. Густынская лѣтопись, подъ 1018 годомъ, поясняетъ, что Болеславомъ Польскимъ были заняты тѣже самыя Червенскіе города, которые завоеваны были Владиміромъ; „занятъ же и грады Червенскія яже подъ ними Володымеръ прежде взять“. Съ приведеннымъ свидѣтельствомъ Нестора сопоставимъ показаніе Длугоша, описывающаго эти событія такъ: Въ 985 г. князь Русскій Владиміръ объявилъ Польскому князю Мечиславу войну, окончившуюся побѣдою надъ Поляками. Владиміръ завоевалъ и занялъ Польскія крѣпости Перемышль, Червень и другія (lib. 2, pag. 108). Въ 1026 году, узнавъ о смерти Болеслава, Русскіе князья Ярославъ и Мстиславъ съ многочисленнымъ войскомъ вторглись въ предѣлы Польши и завоевали крѣпости Червень и другія, опустошивъ часть Польскихъ владѣній (lib. 2, pag. 181). Разница въ хронологіи здѣсь не существенна, но важно слѣдующее разногласіе: Владиміръ, по Нестору, „иде къ Ляхомъ“, а по Длугошу—пошелъ на Мечислава. Даже лучшіе Польскіе историки, съ Лелевелемъ во главѣ, не допускаютъ, чтобы завоеваніе Владиміромъ Червенскихъ городовъ коснулось Польскихъ владѣній¹⁾. Червенская область не могла въ X вѣкѣ входить въ составъ Польскаго Государства, начавшаго зарождаться при Мечиславѣ I. Лишь Болеславъ

номъ возрастаніи Моравскаго политическаго союза см. между прочимъ К. Я. Грота. Моравія и Мадьяры съ половины IX до начала X вѣка. 1881 г., стр. 110—137.

¹⁾ Lelewel, Dzieje Litwy i Rusi стр. 39.

Храбрый въ 999 году предѣлы Польскаго государства раздвинулъ до Кракова, принадлежавшаго предъ тѣмъ Богемскому князю Болеславу II¹⁾. На картѣ Лелевеля (1847 г.) въ 992 г. между Польшей и Русью помѣщены Богемскія владѣнія. Такого же мнѣнія о зависимости Червенской области отъ Богемскаго князя, около 981 г., держатся Бандке, Бѣлевскій²⁾, Паллацкій и многіе другіе ученые. Оно сдѣлалось преобладающимъ, несмотря на упорныя возраженія тенденціозной партіи Польскихъ историковъ и несмотря на попытку Добровскаго и нѣмецкихъ ученыхъ³⁾ доказать подложность грамоты Нѣмецкаго Императора Оттона II и папы Бенедикта VI, данной Пражскому епископству въ 973 г. на основаніяхъ, утвержденныхъ папою Іоанномъ XIII⁴⁾, которою границы его означены до р. Буга и Стыря⁵⁾. Противники опира-

¹⁾ Roepell. Geshichte Polens. 1840 г. т. 1 стр.145. Мацѣевскій. Pierw. dz. Polski i Litwy стр. 370—373.

²⁾ Особенно важно изслѣдованіе Авг. Бѣлевскаго въ третьей книгѣ его сочиненія *Wstęp krytyczny do dziejów Polski*. 1850 г. стр. 468—542.

³⁾ Дюмлеръ, Гизебрехтъ, Бюдингеръ, Цейсбергъ и Лозертъ.

⁴⁾ Позволяя учредить епископство въ Прагѣ, 967 г., папа Іоаннъ XIII внушалъ Болеславу II, чтобы онъ поставилъ епископа „non secundam ritum aut sectam Bulgaricae gentis, vel Russiae aut slavonice lignuae, sed clericum latinis litteris eruditum.

⁵⁾ inde ad orientem hosfluvios habet terminos, Bug scilicet et Styrium Kracovia civitate... inde Ungararum limitibus additis usque ad montes guibus nomen Titri dilatata procedit (Cosmas chron. Boh. lib. II p. 167). До учрежденія самостоятельнаго епископства Чехія, по смерти Мееодія (895 года), была подчинена вѣдомству Регенсбургскаго епископа. Польская латинская церковь

ются на Нестора, толкуя его слова въ томъ смыслѣ, что „Перемышль, Червенъ и иные грады“ были отняты Владиміромъ отъ Ляховъ, подвластныхъ Мечиславу, а по убѣжденію нѣкоторыхъ, отъ Ляховъ, пользовавшихся полною независимостью. Я нахожу, что весьма важное извѣстіе Нестора, записанное имъ подъ 981 годомъ, имѣетъ совершенно иной смыслъ. „Иде Володимеръ къ Ляхомъ и зая грады ихъ Перемышль, Червенъ, и ины грады иже суть и до сего дне подъ Русью“. Слова Нестора слѣдуетъ понимать такъ: Владиміръ пошелъ къ Ляхамъ и занялъ: I ихъ города, II Перемышль Червенъ и другіе города, которые и нынѣ принадлежать Руси. Къ такому заключенію я прихожу по слѣдующимъ причинамъ: 1) если слово „иже“ отнести ко всѣмъ означеннымъ у Нестора городамъ, то пришлось бы, вопреки здравому смыслу Нестора, признать, что всѣ Червенскіе города (Перемышль, Червенъ и ины грады) были заселены Ляхами. Но не говоря уже о „иныхъ“ Червенскихъ городахъ, даже одинъ только округъ Перемышльскій не могъ быть населенъ Ляхами въ концѣ X вѣка. Поэтому выраженіе „иде къ Ляхомъ“ (по всѣмъ спискамъ, исключая Кенигсбергскаго, гдѣ сказано: „иде на Ляхы“) — выраженіе, не устраняющее, конечно, понятія о нападеніи, — будучи отнесено къ Червенскимъ городамъ, явно противорѣчило бы разсказу

еще позднѣе получила самостоятельность, освободившись отъ власти Нѣмецкаго Магдебургскаго архіепископа 1000 г. при Оттонѣ III, разрѣшившемъ Болеславу учредить епископскую кафедру въ Гнѣзні съ правомъ архіепископіи. — Грамота 973 г. воспроизведена въ грамотѣ Генриха IV отъ 1086 г. — Объ этихъ грамотахъ см. талантливое изслѣдованіе Регеля. Сб. статей по славяновѣд. — 1883 года, стр. 266—330.

Нестора о размѣщеніи Ляшскаго племени и сглаживало бы этнографическую черту, пролегающуюся между нимъ и Русскимъ населеніемъ; 2) Если признать, что Перемышль и Червень были отобраны отъ Ляховъ, то пришлось бы слова „иже суть до сего дне подъ Русью“ отнести только къ „инымъ градамъ“ въ виду двукратнаго повторенія слова „грады“, тогда какъ во время написанія лѣтописи Несторомъ (1088—1110 г.) Перемышль и Червень также принадлежали Руси и, слѣдовательно, выраженіе „иже“ и т. д. должно относиться къ Перемышлю, Червеню и инымъ градамъ, а выраженіе „ихъ грады“ должно относиться къ особой категоріи градовъ, не состоявшихъ подъ властію Руси во время написанія лѣтописи. 3) Слово „ихъ“ (грады) можетъ само по себѣ имѣть двойное значеніе—оно можетъ: или указывать на принадлежность Ляхамъ извѣстныхъ городовъ не только въ моментъ занятія таковыхъ Владиміромъ, но и при составленіи лѣтописи, или-же вообще на племенную ихъ особенность какъ коренныхъ Ляшскихъ поселеній. Первое значеніе, при моемъ толкованіи, гораздо вѣроятнѣе, какъ отчасти параллельное заключительнымъ словамъ: „иже суть и до сего дне подъ Русью“, а принявъ первое значеніе, неизбежно приходится подразумѣвать подъ „ихъ градами“ такіе, которые не имѣютъ ничего общаго съ Перемышлемъ, Червенемъ и иными градами. 4) Подъ 996 годомъ Несторъ записалъ: „И бѣ живя (Володимерь) съ князи окольними миромъ, съ Болеславомъ Лядьскимъ, и съ Стефаномъ Угрскимъ, и съ Андрихомъ Чешскимъ, и бѣ миръ межу ими и любы“. Слѣдовательно, въ самомъ исходѣ X вѣка западная граница Русскаго государства встрѣчалась съ границею государствъ Польскаго, Чешскаго и Венгерскаго. Угры, принявъ христіанство въ

1000 году при королѣ Стефанѣ, вступили въ договоръ съ Польшею и съ Русью, по которому граница между Уграми, Польшею и Русью была установлена вдоль рѣки Топли, или Теплы (Serla¹⁾). Входъ изъ Руси въ Венгрію и изъ Венгріи въ Русь записанъ съ одной стороны такъ называемыми Русскими воротами (porta Russiae montana), чрезъ которыя впослѣдствіи проходилъ Батый²⁾, а съ другой— Венгерскими воротами, находившимися около г. Санока, какъ сказано въ Волынской лѣтописи подъ 1231 г., „гнаша до Санока воротъ Угорскихъ“. Владѣнія Чешскаго князя около 996 г. столкнулись съ владѣніями Русскими около Кракова, какъ видно изъ помѣщенной у Мураторія извѣстной записи второй жены Ме-Числава Оды³⁾. Поэтому о принадлежности Червенскихъ городовъ Полякамъ предъ 981 годомъ не могъ говорить нашъ лѣтописецъ, не впадая въ явное противорѣчіе съ самимъ собою и непогрѣшая противъ исторической правды. Наконецъ 5) въ доказательство того, что оружіе Владимира дѣйствительнаго далеко проникло за Вислу и что именно тамъ онъ взялъ „ихъ грады“, т. е. Польскіе города, возвращенные вслѣдъ за тѣмъ Поляками по его отступленіи, ссылаюсь на свидѣтельство Волынской лѣтопи-

¹⁾ Мѣстные ученые распространяютъ Угорскую Русь, вошедшую до XV в. въ составъ Венгріи, на все пространство, орошаемое рѣками Иполемъ, Грамомъ, Шаевымъ, Керешомъ, Тиссою, Саномъ, Бодрогомъ, Горнадомъ, Теплою, Удавою, Латорцемъ, Унгомъ и Ондавою.

²⁾ Шараневичъ. Исслѣдованіе по отечеств. истор. и геогр., стр. 54.

³⁾ Сравни. Мацѣевскій. Pierwotne dzieje Polski i Litwy, 1836 года, стр. 374. Зубрицкій—Критич. пов. врем. лѣтъ Черв. Руси, стр. 39, примѣч. 26.

си. Описывая походъ Даниіла и Василька къ Калишу въ 1229 г. и осаду ими этого города въ качествѣ союзниковъ старшаго изъ рода Пястовичей Конрада Казиміровича послѣ убійства брата его Лестко возмутившимися боярами¹⁾, лѣтописецъ замѣтилъ, что „ни одинъ Русскій князь не проникалъ такъ далеко въ глубь земли Польской кромѣ Владиміра Великаго“, (яный бо князь не входилъ бѣ въ землю Лядскую толь глубоко, проче Володимера великаго, иже бѣ землю крестилъ). И это, прибавлю, вполне согласно съ описаніемъ Владимірова похода за Вислу, сдѣланнѣмъ Татищевымъ, по словамъ котораго Владиміръ, собравъ войско „пошедъ на Польскаго князя Мечислава за Вислою, побѣдилъ такъ, что едва не все войско и съ воеводами побилъ или въ плѣнъ взялъ²⁾“).

Свидѣтельство Волынскаго лѣтописца оправдывается тѣми неизгладимыми слѣдами, которыми запечатлѣлось пребываніе Владиміра въ нѣдрахъ Польши. Замѣчательно, что въ Калишской губерніи есть шесть селъ, называемыхъ Владиміръ; Владиміровка: три въ Турецкомъ, два въ Слупецкомъ и одно въ Ленчицкомъ уѣздѣ. Кромѣ того, есть три такихъ же села въ Петроковской губерніи: два въ Петроковскомъ и одно въ Ласкомъ уѣздѣ³⁾. Въ Радомской же губерніи въ с. Шмелѣ (выше Опатова), гдѣ по словамъ Собѣщанскаго была Русская

¹⁾ Конрадъ былъ сынъ ихъ двоюродный сестры Елены и стремился къ поддержанію правъ Болеслава Стыдливаго, сына Русской княжны Гремиславы.

²⁾ По Іоакимовской лѣтописи, „Владиміръ вся грады Ляцкія взялъ. Мещъ же испроси миръ у Владиміра, отдавъ ему пять городовъ“.

³⁾ Skorowidz Król. Polskiego I. Zimberg. 1877 года.

церковь, дѣйствовали Русское право и Русскіе обычаи до 1505 г., когда они были отмѣнены королемъ Александромъ при преобразованіи этого села въ городъ¹⁾.

Казалось бы, если не Ляхамъ, то кому же другому какъ не Чехамъ принадлежали Червенскіе города при занятіи ихъ Владиміромъ? Такъ какъ границы Пражскаго епископства 973 г. (возстановленныя въ 1086 г.) не могли совпадать съ политическими границами Чехіи, что хорошо сознаютъ Паллацкій, Дудикъ, Лелевель и другіе, произвольно измѣняя р. *Žtyr* — притокъ Припяти—въ *Žtryi*—притокъ Днѣстра²⁾, то, очевидно, Червенская область находилась тогда въ политической зависимости своихъ племенныхъ (но не Ляшскихъ) князей и что принадлежность ея Чехіи крайне сомнительна³⁾. Свое мнѣніе, кромѣ умолчанія Нестора о томъ, у кого были взяты Червенскіе города, я основываю главнымъ образомъ на словахъ Воынскаго лѣтописца, сказавшаго, что до Даніила Романовича „не бѣ бо въ землѣ Русцѣй первѣе иже бѣ воевалъ землю Чешьску, ни Святославъ Хоробры, ни Володимерь Святый“, —и нѣсколько далѣе: „не бѣ бо нѣкоторый князь Рускый воевалъ землѣ Чешскоѣ“ (см. 1254

¹⁾ Петрушевичъ. О введ. христіан. въ предкарп. странахъ, стр. 67.

²⁾ Регель. Учредительн. грамоты Пражской епархіи (сб. статей по славянов). стр. 327.

³⁾ Многочисленныя названія селеній въ Люблинскомъ, Холмскомъ, Грубешовскомъ, Радзинскомъ, Гарволинскомъ и другихъ уѣздахъ Люблинской и Сѣдлецкой губерній вродѣ Чехъ, Чехи-Чеховъ, Чеховице, рѣка Чеховка—притокъ Быстрыцы—и предмѣстье Чеховское въ Люблинѣ доказываютъ только, что Забужье было начальнымъ жилищемъ Чешскаго племени.

годъ). Двукратно твердитъ намъ лѣтописецъ одно и то же, а г. Иловайскій и слушать его не хочетъ, замѣчая провически, будтобы „книжникъ забылъ походы Владимира Мономаха и Олега Святославича съ Болеславомъ Смѣлымъ на Чеховъ въ 1076 г.“. Странно слышать такія сужденія отъ высокоталантливаго ученаго. Можно смѣло утверждать, что ошибается г. Иловайскій, а не Волинскій книжникъ. „Ходи Володимеръ, сынъ Всеволожь и Олегъ Святославль Ляхомъ въ помощь на Чехы“... Последнее извѣстіе Кіевской лѣтописи или не точно, какъ полагалъ Нарушевичъ, потому что Болеславъ враждовалъ не столько съ Чехами, сколько съ Нѣмцами¹⁾, или, если и вполнѣ вѣрно, то изъ него еще вовсе не слѣдуетъ, чтобы упомянутые князья *проникли въ землю Чешскую, ее завоевали*, что именно и отрицаетъ Волинскій книжникъ. Притомъ г. Иловайскій, кажется, забылъ рассказъ самаго Мономаха: „Та пославъ мя Святославъ *въ Ляхы*: ходивъ за Глоговы до Чешскаго лѣса, ходивъ *въ земли ихъ* 4 мѣсяца²⁾. Нѣсколько позднѣе Владиміръ заваялъ Ятвяжскія земли съ ихъ городомъ Визной³⁾ при сліянніи Бобра съ Наревомъ. Ятвяги, однако, не долго оставались въ повиновеніи у

¹⁾ Hist. Nar. Pol., т. 1, стр. 366, примѣч. 2 (изданіе 1859 года).

²⁾ Этотъ самый походъ совершенъ въ 1076 г. Такого же мнѣнія и Линниченко. Взаимн. отнош. Руси и Польши, 1884 г., стр. 115 и 119.

³⁾ О Визнѣ встрѣчаются лѣтописныя извѣстія подъ 1145 и 1251 г. Изъ перваго видно, что въ началѣ XII вѣка онъ былъ во власти Поляковъ уступившихъ его Русскимъ въ 1145 году. Второе-же извѣстіе, описывающее походъ на Ятвяговъ Данила и Василька въ союзѣ съ Болеславомъ Польскимъ, довольно точно

у Ресскаго князя, что и побудило Ярослава снова вести съ ними войну въ 1038—1041 г.

Завоеваніе Червенскихъ городовъ у Поляковъ было совершено въ теченіи двухъ лѣтъ, въ два послѣдовательныхъ похода. Первоначально, въ 1030 г. былъ взятъ Ярославомъ Белзь¹⁾, а затѣмъ уже, въ слѣдующемъ году, всѣ остальные Червенскіе города „заяста грады Червенскыя опять“. Повидимому, предпринявъ первый походъ, Ярославъ не соразмѣрилъ своихъ силъ съ силами противника своего Мечислава II, потому, отправляясь вторично въ походъ, онъ соединился съ Мстиславомъ и при его помощи собралъ сильное войско, какъ сказано въ лѣтописи. Успѣху втораго похода должны были много содѣйствовать возникшія въ Польшѣ по смерти Болеслава смуты: „бысть мятяжъ въ земли Лядскѣ, вставше люды, избивша епископы и попы и бояры своя“²⁾.

И такъ, описывая судьбу Червенскихъ городовъ въ концѣ X вѣка и началѣ XI вѣка, Несторъ знакомить насъ

опредѣляетъ географическое его положеніе: „Даниилъ приде ко Визнѣ и перейде рѣку Наровъ.“ Зубрицкій считалъ Визну порубежнымъ городомъ между Русскими и Польскими владѣніями (исторія Галицкаго княжества т. II, стр. 65). Она вошла въ составъ Мазовіи.

¹⁾ Здѣсь хранилась чудотворная икона Божіей Матери, вывезенная, по преданію, Владиміромъ св. изъ Греціи вмѣстѣ съ другими дарами за царевной Анной и переданная имъ въ Белзкую церковь (Длугошъ, Нарушевичъ, Лелевель, Я. Суша и др.). Теперь она въ Ченстоховѣ.

²⁾ Смирно въ довѣрѣя больше Польскимъ источникамъ, относитъ эти смуты къ 1033—1034 г. См. его соч. „Судьбы Червонной Руси“.

съ названіями трехъ изъ этихъ городовъ—Белза, Перемышля, и Червена, изъ чего нельзя не заключить, что они были тогда важнѣйшими по своему стратегическому положенію и качеству своихъ укрѣпленій. Относительно мѣстоположенія двухъ изъ названныхъ городовъ не возникаетъ никакихъ сомнѣній. Белзь—въ сѣверо-восточной части Галиціи, при рѣкѣ Солокіѣ, впадающей въ западный Бугъ; а Перемышль (Пржемысль)¹⁾ въ сѣверо-западной Галиціи, на правомъ берегу р. Сяна, при устьи Вагра, какъ ясно видно изъ лѣтописныхъ извѣстій 1097, 1150, 1152 годовъ. Что касается Червена, то одни (Карамзинъ, Бѣляевъ) полагаютъ, что онъ обратился въ селеніе Чернеевъ—на югѣ отъ Холма. Другіе (Ходаковский, Шафарикъ, Зубрицкій, Мацѣевскій, Барсовъ, Иловайскій) находятъ слѣды Червена въ юго-восточной части Люблинской губерніи, въ Томашовскомъ уѣздѣ, на рѣкѣ Гучвѣ, близъ посада Тышовцы, тамъ гдѣ село Чермно (называемое неправильно Чермо). Третьи (Соловьевъ и и его послѣдователи) предполагали, что Червеаъ былъ тамъ, гдѣ нынѣ мѣстечко Червоно-городъ, въ Чортковскомъ округѣ Галиціи, при рѣкѣ Дзурошѣ, впадающей съ лѣвой стороны въ Днѣстръ²⁾. Наконецъ по убѣжденію Шараневича, Червень лежалъ надъ Гучвою выше города Воляня, находившагося у слиянія Гучвы съ Бугомъ³⁾. Въ своемъ мѣстѣ я представлю посильную оцѣн-

¹⁾ О немъ см. Leopold Hauser. Monografia Miasta Przemysła. 1883 г.

²⁾ Такого же мнѣнія придерживался сначала Зубрицкій, но впоследствии отъ него отказался.

³⁾ Исслѣдованіе по отечественной исторіи и географіи, стр. 21.

ку этихъ мѣнѣй. Теперь-же попытаюсь опредѣлить объемъ Червенской страны, присоединенной Владиміромъ къ Русскимъ владѣніямъ и затѣмъ, послѣ завоєванія ее Поляками, снова возвращенной Ярославомъ и Мстиславомъ. Нѣкоторую помощь при опредѣленіи положенной завоєваніями Владиміра Святославича граничной черты между Русью и Польшей оказываютъ намъ народныя преданія и пѣсни. Такъ, въ пространномъ универсалѣ Богдана Хмѣльницкаго, данномъ подѣ Бѣлою Церковью въ 1648 году, послѣ побѣдъ, одержанныхъ надъ Поляками при Желтыхъ водахъ и подѣ Корсунемъ, и разосланномъ въ Малороссійскую Украину по обѣимъ сторонамъ Днѣпра и во всѣ дальніе города Русскіе, говорится, между прочимъ, что „Ляхи, расплотившись на пространныхъ чужихъ земляхъ надѣ Вислою и за Вислою, возстали напрасно и безсовѣстно на Руссовъ, своихъ братьевъ, и подѣ предводительствомъ короля своего Казиміра Великаго въ 1333 или 1339 году, покорили ослабѣвшихъ Кіевскихъ Острожскихъ и другихъ истинныхъ природныхъ нашихъ князей, и наши ископанныя земли и провинціи Сарматійскія, казакорусскія отъ Подоля у Волохъ *по Вислу* и ажъ до самаго Вильня и Смоденска долгіе и обширніе границѣ свои имущія, а именно: Кіевскую, Галицкую, Львовскую, Хелмѣнскую, Белзскую, Подольскую, Волынскую, Премыслскую, Мстиславскую, Витепскую и Полоцкую, и не только въ поименованныхъ земляхъ и провинціяхъ нашихъ *Русскихъ* славное имя наше козацкое уничтожили, но, что всего прискорбнѣе, всѣхъ братьевъ нашихъ Роксолановъ¹⁾

¹⁾ Въ этихъ словахъ не заключается ли одинъ изъ доводовъ

отринули отъ отческой вѣры православной греко-русской и насильно, жестокими мученіями, привели къ пагубной уніи¹⁾. Богданъ Хмѣльницкій въ рѣчи своей къ Адаму Кислю и его товарищамъ, пріѣзжавшимъ къ нему по-слами отъ Рѣчи-Посполитой, говорилъ: „Дойду до Вислы, стану надъ нею и скажу далеко живущимъ за нею Ляхамъ: сидите себѣ, Ляхи, да молчите, вашу всю знать, всѣхъ вашихъ князей туда загоню, а если станутъ за Вислою кричать, то я ихъ и тамъ найду“. Угрозы Хмѣльницкаго, отражающія въ себѣ взглядъ козачества на Забужье какъ на Русское достояніе, не были пустымъ хвастовствомъ. Онъ привелъ ихъ въ исполненіе въ 1649 г., двинувъ свои войска къ самому Люблину. По преданію, городъ не былъ взятъ только благодаря появившемуся на небѣ знаменію; но черезъ нѣсколько лѣтъ (въ 1664 году) козаки, при помощи Московскаго войска, захватили Люблинъ съ окрестными землями и завладѣли почти всѣмъ Забужьемъ.

Въ одной южно-русской пѣснѣ поется: „Нависли Ляхи, нависли²⁾, словно вороны на вишнѣ, не уступимъ мы Польшу Ляхамъ, пока въ насъ жизни есть сила“. По разъясненію Костромарова, здѣсь разумѣется та Польша, которая населена южно-русскимъ народомъ, сочувствовавшимъ возстанію Украины. Слово Польша имѣетъ для южно-русскаго народа только географическое значеніе, а

въ пользу Роксоланской теоріи г. Иловайскаго? (см. его разысканія о началѣ Руси. 1882 г.).

¹⁾ Лѣтопись Величко.

²⁾ Мнѣ кажется, что нависли есть игра словъ—на Вислѣ.

не означало тотъ панско-шляхетный государственный организмъ, противъ котораго такъ усиленно боролся Русскій народъ“. Пѣсня заключается такъ: „Ну-те, козаки, теперь скачите, беритесь въ боки,—загнали мы Ляховъ даже за Вислу“. Въ думѣ напоминающей изгнаніе Ляховъ изъ Украйны (1652 г.) Ляхъ, пораженный козакомъ, произноситъ „О, лучше-бы мои глаза стали на затылкѣ, чтобъ я могъ изза рѣки Вислы глядѣть позади себя въ Украйну“. Ляхи умоляютъ козаковъ пустить ихъ хоть въ однихъ рубахахъ за Вислу, куда козаки ихъ бросали. Козаки же приговариваютъ: „когда—то надъ этой рѣкой козаковали наши дѣды и спрятали на ея днѣ большіе клады. Когда найдете эти клады и подѣлитесь съ нами, тогда мы съ вами будемъ жить какъ съ родными братьями“. „И здѣсь“, замѣчаетъ г. Костомаровъ „какъ и въ другихъ народныхъ произведеніяхъ, р. Висла назначается рубежомъ между Польшею и Русью. Козаки правый берегъ этой рѣки считаютъ какъ бы наслѣдственнымъ достояніемъ Русскаго народа. То было вѣковое, глубоко укоренившееся вѣрованіе“¹⁾.

Народныя преданія не полагаютъ различія между землями, прилегавшими къ Вислѣ съ востока и съ юга, считая ихъ одинаково исконнымъ достояніемъ Руси. Это фактъ знаменательный; онъ служитъ символомъ того, что войны, которыя вели князья Романъ Мстиславичъ и сынъ его король Даниилъ за обладаніе Люблинскою землею, были не слѣдствіемъ алчнаго стремленія къ новымъ территорияльнымъ приобрѣтеніямъ, но вытекали изъ условій

¹⁾ Костомаровъ. Исторія козачества въ памятникахъ южно-Русск. народно пѣсен. творч.

племенныхъ. Правое побережье Вислы на всемъ ея среднемъ и верхнемъ теченіи было гранью, отдѣлявшею населеніе Ляшское отъ другихъ племенъ славянскихъ, тяготившихъ къ Руси. Различіе это выражалось въ обычаяхъ, языкѣ и вѣрованіяхъ, хотя и не въ такихъ формахъ, которыя бы исключали возможность сліянія Ляховъ съ сосѣдными имъ восточными племенами при иныхъ обстоятельствахъ. Изъ приведеннаго универсала Хмѣльницкаго и многихъ другихъ памятниковъ мы видимъ, что козаки, являвшіеся выразителями чувствъ и воззрѣній Малороссійскаго народа, считали Ляховъ своими братьями. Вражда между Ляшской и Русинской народностями возникла исключительно на почвѣ религіозной, благодаря бѣдственному для славянскаго міра отчужденію западной церкви отъ восточной въ XI столѣтіи. Въ то время христіанство, бросило уже глубокіе корни и въ Польшѣ, и въ прикарпатскихъ странахъ. Есть достовѣрныя историческія свидѣтельства, что Меѳодій во всей прикарпатской странѣ проповѣдывалъ евангеліе чрезъ своихъ учениковъ. Въ Паннонскомъ жизнеописаніи Меѳодія упоминается, что по настоянію его принялъ крещеніе: „поганескъ князь силенъ вельми сѣдя въ Вислѣхъ“; въ Легендахъ о Кириллѣ говорится, что онъ проповѣдывалъ слово Божіе у Моравянъ, Ляховъ и Чеховъ, по словамъ же монаха Паисія, Кирилъ и Меѳодій (названные имъ Болгарскими апостолами) съ своими учениками Климентомъ, Савою, Наумомъ, Еразмомъ и Ангеляріемъ „собирали речи изредны и прави и отъ Болгаръ, отъ Сербіе, отъ Руси, отъ Москве, отъ Словяне, отъ Ляхове... за много время ловили речи отъ тѣхъ народи докле суоставили псалтирь и евангеліе и други книги... Послѣ же были поставлены епископы въ Морава Славяномъ... тамо были за неколико

епископствовали и учили славяны вѣру христіанскую¹⁾. Съ 980 г. миссіонерская дѣятельность Меѳодія хотя и была поставлена въ границы архіепископства Моравскаго (грамота паны Іоанна), но на востокѣ эти границы не были опредѣлены, такъ какъ задача его состояла не только въ разширеніи церковной юрисдикціи и просвѣщеніи крещенныхъ народовъ, но и въ распространеніи христіанства среди язычниковъ²⁾. Западные лѣтописцы приписываютъ первую попытку распространенія христіанства въ прикарпатскихъ странахъ Трирскому монаху, впоследствии архіепископу Магдебургскому, Адальберту, явившемуся проповѣдникомъ въ Червонной Руси послѣ основанія императоромъ Оттономъ епископства въ Майнцѣ, и Пражскому епископу Войцѣху. Перваго скоро изгнали язычники, а второй былъ убитъ. Въ одномъ житіи говорится: „Пришедъ Войцѣхъ латинскій въ Мораву и въ Чехи и въ Ляхи, разруши вѣру православну и Русскую грамоту отверже и Латинскую вѣру и грамоту постави“, и проч. Войцѣхъ, крещенный сначала по славянскому обряду и перекрещенный Адальбертомъ, былъ послушнымъ орудіемъ Нѣмецко-латинской политики, и въ Червенской области дѣятельность его, также какъ и многихъ другихъ западныхъ проповѣдниковъ, изъ коихъ наиболѣе извѣстенъ монахъ Бруно (въ началѣ XI вѣка³⁾), направлена была не столько къ обращенію язычниковъ въ христіанство, сколько къ обращенію принявшихъ христіанство по

¹⁾ Истор. Славѣно-Болгар. (списокъ Н. С. Тошкевича).

²⁾ Регель. Учредительныя грамоты Пражской епархіи. Сб. ст. по славянов. стр. 298 и слѣд. Сравни. Лавровскаго. Кирилъ и Меѳодій. 1863 г. стр. 318 и слѣд.

³⁾ Голубинскій. Истор. Русск. церкви. т. I стр. 190—193.

греко-восточному обряду въ латинскую вѣру, первые слѣды которой въ Польшѣ появились въ 930 г.¹⁾ Греко-восточное богослуженіе было окончательно водворено Владиміромъ Равноапостольнымъ во всей Червенской области. Обращенное къ нему похвальное слово монаха Іакова содержитъ въ себѣ прямое о томъ удостовѣреніе: „Блаженный же князь Володимеръ всю землю Русскую крести отъ конца до конца“. Татищевъ, основываясь на недошедшихъ до насъ лѣтописяхъ, рассказываетъ, что „Владиміръ ходилъ къ Днѣстру съ двумя епископы, много людей научая, крести и построилъ въ землѣ Червенской градъ въ свое имя Владимиръ. Древнѣйшимъ памятникомъ христіанства во всей Червенской Руси считается церковь св. Николая въ Люблинѣ, на предмѣстьѣ Чвартекъ, близъ Русской улицы, въ сосѣдствѣ съ Спасо-Преображенскою церковью, построенная, по Кадлубеку, въ 986 г. и превращенная затѣмъ въ костель²⁾ неизвѣстно когда, но во всякомъ случаѣ не позже XV-го вѣка, какъ я заключаю изъ сопоставленія извѣстія объ ней писателя XVII вѣка Старовольскаго съ древними актами Люблинскаго архива. Около того-же времени, вѣроятно, былъ введенъ въ Червонной Руси уставъ Владиміра о церковныхъ судахъ и десятинахъ³⁾ и строй земельный. Послѣ крещенія Мечислава I-го въ 965 г. Чешскимъ священникомъ Боговидомъ по греко-славянскому обряду послѣдній съ такою же быстротою распро-

¹⁾ A. Bielowski, Wstęp kryt. do dz. Polski, стр. 510.

²⁾ Объ этомъ упоминаетъ и Серпинскій въ своемъ описаніи Люблина.

³⁾ См. изслѣдов. К. Неволина. О пространствѣ церковнаго суда въ Россіи до Петра Великаго. Собр. соч. т. VI.

страшился между Ляхами какъ и въ Червонной Руси. Преслѣдованіе его въ Польшѣ началось по смерти Мечислава, въ концѣ X вѣка, изгнаніемъ греко-славянскаго духовенства, о чемъ упоминается и въ житіи Антонія Печерскаго. Эти насильственные мѣры при Болеславѣ Храбромъ и вызвали описанное Несторомъ возмущеніе. По занятіи Червенскаго края Поляками въ 1018 г., гоненіе, начатое тамъ противъ греко-восточнаго обряда, не могло въ короткое время ихъ владычества нанести ему существеннаго вреда. Покушеніе искоренить его было установлено Русскими князьями Ярославомъ и Мстиславомъ въ 1030 г.¹⁾; но преслѣдованія его возобновились и приняли чудовищныя формы когда Червонная Русь подпала подъ власть Казимира Великаго въ 1340 г. Исслѣдователи церковной старины единогласно утверждаютъ, что фанатическій Казиміръ безпощадно передѣлывалъ Русскія церкви въ костелы. „Въ лѣто 6857“¹⁾ говоритъ въ хроникѣ Русской изд. Даниловичемъ, „прійде король Краковскій со многою силою и взя лестью землю Волинскую и много зла христіанамъ створи, а церкви святыя претвори на латинскія, богомерзкое служеніе“. Самое названіе поселеній, напоминавшихъ православіе, под-

¹⁾ До какой степени греко-восточный обрядъ былъ распространенъ въ Червонной Руси въ половинѣ XII вѣка показываютъ, между прочимъ, слова епископа Краковскаго Матвѣя, вызывавшаго Клервоскаго аббата Бернарда въ надвислянскій край для обращенія Русскихъ въ латинство: „это Русское племя, безчисленное подобно небеснымъ свѣтиламъ, исповѣдуетъ Христа номинально, поведеніемъ же своимъ уподобляется язычникамъ. Если Орфей своею сладкозвучною лирой укрощалъ каменные сердца, то мы убѣждены, что аббатъ обратитъ къ Богу этотъ многомиліонный народъ“.

вергалось измѣненіямъ. Въ критическую минуту спасителемъ православія и Русской народности въ Червенскомъ краѣ явился знаменитый Даниилъ Острожскій, потомокъ князей Туровскихъ и Пинскихъ. Соединившись въ 1343 году съ правившимъ въ то время западно-Русскими областями Дмитріемъ Детко или Дашко Перемышльскимъ и призвавъ на помощь Татаръ, онъ выбилъ Казиміровы гарнизоны изъ Галичскихъ городовъ, занялъ правый берегъ Вислы, ворвался въ землю Сандомірскую и, подступивъ къ Кракову, заставилъ трепетать всю Польшу¹⁾: „Дашко староста Премысльскій и Даниилъ Острожскій и прочія князи боячися, абы Ляхи не чинили имъ якого насилія въ вѣрѣ, понеже многихъ уже прелестиша на свою вѣру, и взбунтовавшися призваша множество Татаръ на польскую землю, но Казиміръ король не пусти ихъ презъ Вислу“ (густ. лѣт.).

Если мы не примемъ въ расчетъ кратковременнаго владычества Владиміра св. въ областяхъ населенныхъ Ляхами и Ятвягами, то древнѣйшая западная граница Руси окаймлялась среднимъ теченіемъ Вислы и, переходя чрезъ нее гдѣ либо выше Завихоста, захватывала часть Радомской губерніи, прилегающую къ Вислѣ²⁾. Однимъ изъ украинскихъ городовъ на югозападѣ былъ городъ Тернава, нынѣшній Тарновъ, близъ рѣки Дунаевца, по мнѣнію большинства изслѣдователей. Во время войны Шварна Даниловича съ Болеславомъ Стыдливымъ въ 1269 года свиданіе для мирныхъ переговоровъ было назначено въ Тернавѣ. Бѣляевъ ошибочно по-

¹⁾ Шараневичъ. Истор. Гал. Влад. Руси, стр. 160—162. Зубрицкій. Истор. Гал. Русск. княж. т. I стр. 64.

²⁾ Березинъ относитъ г. Радомъ къ Червенскимъ городамъ (энцикл. лекс.).

лагають, что городъ этотъ лежалъ тамъ, гдѣ нынѣ находится мѣстечко Тарногура, на берегу Вепря, южнѣ Красностава¹⁾, такъ какъ оно основано-только въ 1548 г. Сигизмундомъ 1-мъ, какъ видно изъ грамоты его, пожалованной въ этомъ году, на Петроковскомъ вольномъ сеймѣ, въ понедѣльникъ предъ обращеніемъ св. Павла²⁾. Кому принадлежала тогда Тернава—Русскимъ или Полякамъ — не извѣстно³⁾. На сѣверо-западѣ граничной чертой, отдѣлявшей Русскія владѣнія отъ Ятвяжскихъ, была р. Нура или Нурецъ и низовья р. Буга у впаденія въ него р. Нурца, гдѣ находится городъ Нуръ⁴⁾, нѣсколько выше Стердыня, нынѣ крайняго

¹⁾ Бѣляевъ. О географическихъ свѣдѣніяхъ въ древней Россіи (зап. Импер. Русск. геогр. общ. 1852 г. кн. VI стр. 129).

²⁾ Вотъ содержаніе грамоты, подлинникъ которой хранится въ Люблинскомъ архивѣ древнихъ актовъ: “На пустошахъ королевскаго села Ослицы, въ землѣ Холмской, въ уѣздѣ Красноставскомъ, именно на тѣхъ, которыя образовались отъ выкорчеванія лѣса, закладываю городокъ Тарногуру и увольняю его жителей на 20 лѣтъ отъ всякихъ податей и на 12 лѣтъ отъ панщины. Вмѣстѣ съ тѣмъ устанавливаю въ томъ городкѣ двѣ ярмарки въ годъ,—одну на св. Софію, другую на св. Вацлава, а также недѣльные базары, долженствующіе происходить каждый четвертокъ. Кромѣ того, дарю тому городу право нѣмецкое или Магдебургское, дозволяя жителямъ безпрепятственную рубку въ принадлежащихъ къ селамъ Избицѣ и Ослицѣ королевскихъ лѣсахъ, какъ на постройку, такъ и на отопленіе, и предоставляя въ ихъ пользованіе три лана пашни, принадлежащихъ къ селамъ Избицѣ и Устржицѣ (Устъръчье), и одинъ ланъ на пастбище для скота“.

³⁾ Зубрицкій. Истор. Галич. Княж. т. III стр. 201.

⁴⁾ О Нурѣ, какъ пограничномъ городѣ, см. Погодина, изслѣзанія. и Лекціи по Русск. исторіи, т. IV.

Русскаго поселенія. О Нурѣ упоминается впервые подъ 1102 г., какъ о Русскомъ городѣ, гдѣ проживалъ одно время Ярославъ Ярополчичъ. Въ качествѣ пограничнаго города Нуръ является еще въ 1250 г. Василько Романовичъ съ Кондратомъ Мазовецкимъ собрались на Ятвяговъ, но по случаю выпавшаго снѣга „воротипаса на Нурѣ.“ Въ 1251 г. Даниилъ, переправившись чрезъ Наревъ, „придоста на землю свою“. Позднѣе, въ 1264 г., большая часть нынѣшней Ломжинской губерніи была присоединена къ Польшѣ Болеславомъ Стыдливымъ, окончательно покорившимъ Ятвяговъ Подляшскихъ. „Въ сіе лѣто Болеславъ Встыдливый, король Польскій до основанія искорени съ Подляша Ятвяговъ“ (густ. лѣт.). Такимъ образомъ обнаруживается полнѣйшее отсутствіе органической связи между областю Червенскихъ городовъ и входившимъ въ составъ Мазовіи¹⁾ Червинскимъ округомъ (разумѣю часть нынѣшней Плоцкой губерніи съ г. Червинскомъ на Вислѣ и часть Ломжинской губерніи, прилежающую къ Нареву, съ Червинскою гминою и посадомъ Червиномъ). Выѣстъ съ тѣмъ становится очевидно и нелѣпость сужденій, подобныхъ высказанному княземъ Трубецкимъ, доказывавшимъ въ своей брошюрѣ, „la Pologne n'est pas morte“, что границы владѣній Владиміра св. не шли далѣе слиянія Сана съ Вислою и слиянія Муховца съ р. Бугомъ около Бреста. При Болеславѣ Храбромъ всѣ земли по лѣвой сторонѣ з. Буга отошли къ Польшѣ. Такъ въ 1018 г. „Ярославъ совокупивъ Русь и Варяги п Словѣнѣ поиде противу Бо-

¹⁾ Мазовія окончательно присоединена къ Польшѣ въ половинѣ XI в. сыномъ Мечислава II Казиміромъ при помощи своего тестя вел. князя Ярослава, который въ 1041 г. ходилъ на Мазовшанъ въ ладьяхъ.

леславу и Святополку и приде Волюню и стаха оба поль рѣки Буга“. Со второй четверти XI столѣтія западная граница Руси начинается мало по малу раздвигаться по направленію къ правому берегу Вислы, утверждаясь по долину рѣки Быстрицы, впадающей въ Вепрь, и наконецъ, при Даниилѣ Романовичѣ, послѣ завоеванія имъ Люблинской земли, снова примыкаетъ къ Вислѣ и переходитъ за Санъ къ Дунаевцу.

Одна изъ важныхъ задачъ топографіи Червонной Руси заключается въ томъ, чтобы вѣрно очертить границы Люблинской земли.

Первоначальнаго ея образованія трудно доискаться. Вѣроятно, она образовалась такимъ же путемъ какъ и другія Червонорусскія земли. Въ началѣ земля составляла общинный союзъ. Для взаимной поддержки и упроченія внутренняго порядка роды разбивались на гмины (*pagus*). У Русиновъ каждый членъ гмины отвѣчалъ за внутренній порядокъ, поэтому у нихъ и въ Червонной Руси гмина съ своимъ округомъ называлась миромъ. У Поляковъ гмина называлась „*vicinia*“, „*opole*“, позднѣе „*osada*“. Различіе между ополемъ и Русскою вервью Мацѣвскій видитъ въ томъ, что первая слагалась изъ нѣсколькихъ гминъ, вторая же состояла изъ одной гмины. И тамъ и здѣсь, гмина отвѣчала за голову круговою порукою всѣхъ обывателей. Въ статутѣ Малопольскомъ земля отождествляется съ уѣздомъ (*terra seu districtus*). Первоначально Люблинская земля сливалась съ Сандомірскою землею въ административномъ и судебномъ отношеніи, съ самаго раздѣленія Польши на удѣлы при Болеславѣ Кривоустомъ (1138)¹⁾, до образованія Люблинскаго воеводства.

¹⁾ Мацѣвскій. Рам. о dz. Sław. т. II стр. 288—289. Dz.

Не сомнѣваюсь, что рамки Люблинской земли были созданы отчасти самою природою, географическимъ положеніемъ окрестностей Люблина, отчасти условіями этнографическими. Естественными ея границами были на западѣ—Висла, на востокѣ р. Быстрица, на югѣ р. Санъ и Таневъ, съ сѣверной же стороны низовья рѣки Вепря. Условія племенные нисколько не мѣшаютъ включить Люблинскую землю въ эти предѣлы¹⁾. Принимая въ расчетъ, что на правомъ берегу Вислы, въ нынѣшнемъ Ново-Александрійскомъ уѣздѣ, до XV в. существовали православныя церкви, напр. въ Казимержѣ), что коренное Русское населеніе и теперь еще довольно многочисленно въ самомъ Люблинѣ и прилежащихъ селахъ, и основываясь на чрезвычайно важной грамотѣ Владислава Ягеллы, 1420 г., удостоверяющей, что Туробинъ лежалъ въ *Рускомъ* краѣ, въ Холмской землѣ, и что въ немъ до того времени дѣйствовало *Русское* право²⁾, я прихожу къ убѣжденію, что связь между Русскимъ населеніемъ Люблинской земли и Русскимъ же населеніемъ, разбросаннымъ по долинѣ Вепря, была разорвана силою историческихъ обстоятельствъ. Кромѣ наплыва Поляковъ цѣлыми массами въ окрестности Люблина, куда они бѣжали отъ притѣсненій, голода³⁾ и т. под., особенно послѣ того какъ онъ, въ рукахъ Польскаго шляхетства, сдѣлался съ XV

Polski i Litwy стр. 260 и 281—282. Historia praw. Słow. т. I стр. 94—101.

¹⁾ См. прилож. къ матер. для этногр. Цар. Польск., г. уѣб. Люблинская и Августовская, 1864, стр. 12—33, Риттиха и этнографич. изслѣдов. по Люблинской губ. Кольберга, 1882 г.

²⁾ Съ этою грамотою, отысканною мною въ Люблинскомъ архивѣ древнихъ актовъ, я въ своемъ мѣстѣ ближе познакомлю читателя.

³⁾ Нѣсколько подобныхъ фактовъ приводитъ Линниченко. Взаимныя отнош. Руси и Польши, стр. 198.

столятія однимъ изъ важнѣйшихъ политическихъ и торгово-промышленныхъ центровъ, а также ранняго совращенія въ католицизмъ значительной части Русскаго народа, нельзя упускать изъ виду нѣмецкой колонизаціи, начавшейся чуть-ли не съ XV вѣка, и напора со стороны элемента еврейскаго, который, весьма понятно, не могъ не стремиться къ этому центру, гдѣ находили наибольшій разгулъ его алчные инстинкты. Зубрицкій справедливо замѣтилъ, что борьба Данила Романовича съ Польшей изза обладанія Люблинской землей, явившаяся естественнымъ продолженіемъ борьбы, начатой Романомъ¹⁾, опиралась на народное сочувствіе. Дѣйствительно, между населеніемъ Люблинской земли Русскій элементъ и тогда игралъ весьма видную роль. Хотя съ теченіемъ времени онъ значительно ослабѣлъ, въ западной ея части, но еще въ XVI вѣкѣ тамъ преобладало Русское населеніе. Къ такому выводу неизбежно мы придемъ даже тогда, когда, по недостатку уничтоженныхъ іезуитами русскихъ документовъ, станемъ руководствоваться одними только эрекціонными грамотами католическихъ костеловъ. Какой ничтожный процентъ польскаго населенія былъ нѣкогда въ югозападномъ углу Люблинской губерніи, называемомъ въ просторѣчїи *Заборщиной*, показываетъ, между прочимъ, грамота Стефана Баторія отъ 15 іюня 1581 г., данная въ Вильнѣ и внесенная въ Перемышльскіе акты, на учрежденіе костела въ мѣстечкѣ Воля Куленская или Навесь (*Nawsie*), близъ ручья Дѣвичій-Потокъ, основан-

¹⁾ Въ 1205 г. Романъ требовалъ отъ Поляковъ добровольной уступки ему Люблинской области, за помощь, которую оказывалъ Лешку Бѣлому, говоря: „дайте ми Люблинъ съ землею“ (Радзивил. лѣт.), а когда ему отказали, то „пришедъ къ Люблину, облеже и стоя подъ нимъ мѣсяць, но не може его взяти“, (Густ. лѣт.).

номъ королемъ Генрихомъ. Изъ нея оказывается, что въ Крешовскомъ округѣ, примыкающемъ съ правой стороны къ р. Сану, въ окрестностяхъ Воли-Куленской, туземное населеніе было *исключительно русское*, издавна державшееся греческаго обряда и имѣвшее привилегію отъ короля Генриха (Валуа) на постройку каменной церкви. Польскіе же выходцы селились тамъ съ цѣлію распространенія католицизма и ихъ при учрежденіи костела было въ Волѣ Куленской всего двадцать три человѣка, но въ привилегіи, дарующей имъ и мѣстному латинскому духовенству разныя льготы, а костелу участки, смежныя съ участкомъ *русскаго попа*, выражается увѣренность, что число это можетъ скоро умножиться. Копія съ этой пространной привилегіи находится при церкви села Липины (недалеко отъ Крешова) существующей, по преданію, съ XIII вѣка¹⁾.

¹⁾ Отмѣчу слѣды древняго существованія православія какъ въ этой, такъ и въ сосѣдней церкви села Потокъ: Въ записи на рукописномъ служебникѣ, хранящемся въ Липинской церкви, значится: „Въ 1614 г. сію книгу исправленія св. Божественной службы купилъ рабъ Божій Маварій Владавскій съ своею женою Тятяною и сыномъ Іоанномъ за 4 золотыхъ у веси въ Липинахъ и предалъ ей тоей церкви св. великомуч. и побѣдоносца Христова Деметрія. А. кто бы ихъ мель отъ тое церкви отлучити, я хочу занимъ судъ мети въ день воздаянія праведнаго. А хто будетъ съ нихъ исправляти повиненъ за не Господа Бога просити и уписанныхъ родичевъ упоминати“. На иконѣ, изображающей страшный судъ, сдѣлана надпись: „Сей образъ справилъ рабъ Божій Гавріиль Тобулка и съ женою своею Татіаною за свящ. іерея Андрея до храму св. мученика Деметрія, а писарь былъ Стефанъ Маляръ 1638 г.“

Въ грамотѣ Яна Замойскаго 1643 г., данной попу села Потокъ Авксентію Тернавскому на десятину сказано: „Когда Полякъ

Между Люблиномъ и Кіевскою Русью съ половины XI столѣтія возникли оживленныя торговыя сношенія. Торговыхъ путей было нѣсколько. Одинъ шелъ мимо р. Гучвы, гдѣ село Вакіевъ (Чермно), которое, по народнымъ понятіямъ, какъ убѣдили меня мѣстныя изысканія, не можетъ имѣть иного значенія кромѣ указанія дороги въ Кіевъ. Путь пролегалъ чрезъ Владиміръ-Волинскій, въ которомъ, по словамъ лѣтописца, былъ Вакіевъ дворъ, куда былъ помѣщенъ ослѣпленный Василько въ 1097 г. („Прииде же и Давидъ по немъ, яко звѣрь уловилъ, и посадиша и у дворѣ Вакіевѣ“). Королевскою грамотою 1450 г. предоставлены были большія льготы Русскимъ купцамъ, пріѣзжавшимъ въ Люблинъ. Здѣсь, неподалеку отъ церкви Спаса Преображенія, былъ нѣкогда *Русскій гостинецъ*, упомянутый въ дарственной записи отъ 5 мая 1601 г.¹⁾ Но не одни матеріальные интересы сближали Люблинъ съ Кіевомъ. Между ними издревле существовала неразрывная связь духовная. Поддерживалась она, по моему мнѣнію, преимущественно тѣмъ, что въ Люблинѣ были вывезены изъ Кіева части древа св. Креста. Исторія этой святыни, мало изслѣдованная, полна глубокаго интереса. Мать Константина Великаго Елена, послѣ обрѣтенія Креста Господня, большую его часть оставила въ Іерусалимѣ, а частицу послала своему сыну, который, по словамъ церковнаго историка Сократа (lib. 1, cap. 13), вѣруя, что Константинополь, обладая дре-

купить землю у Русскаго, то съ той земли десятину и др. повинности *по давнему обычаю* давать попу. Метрическія книги сохранились съ начала XVII столѣтія.

¹⁾ Арх. ю. з. Россіи, т. I, ч. 2 стр. 31. Гостинецъ въ смыслѣ Русской Правды значитъ—торговый трактъ.

вомъ св. Креста, будетъ хранимъ провидѣніемъ, вложилъ частицу его въ свой образъ, стоявшій на городской площади, на высокомъ мраморномъ столбѣ, а часть, оправивъ въ золото и драгоценные камни, отослалъ въ Римъ. Отъ той же части, которая осталась въ Константинополѣ, половина была отдана въ церковь, а половина положена въ государственную сокровищницу. Андрей Варгочкій, авторъ древнѣйшаго сочиненія объ упомянутой святынѣ¹⁾, описавъ подробно сношенія Владиміра св. съ Царьградомъ, сватовство его съ сестрою Императоровъ Константина и Василя Анною, крещеніе Владиміра въ Корсунѣ, такъ описываетъ дальнѣйшую судьбу одной части Древа изъ оставшихся въ Константинополѣ: „Возвращаясь въ Кіевъ, Владиміръ, взялъ съ собою много духовенства, протопопа Анастасія изъ Корсуни, священниковъ, дьяконовъ, пѣвчихъ, мастеровъ для постройки церквей и проч. При этомъ были вывезены имъ въ большомъ количествѣ св. мощи, церковныя книги и утварь. Анна выпросила у братьевъ частицу св. Креста, большую изъ двухъ, оправленную въ серебро, и привезла въ Кіевъ“.— Съ приведеннымъ рассказомъ согласно позднѣйшее изслѣдованіе Павла Рушлы²⁾ автора соч. „*deliciae Lublinenses*“³⁾. Но кажется, съ большею достовѣрностію можно предположить, что древо св. Креста было взято изъ Константинополя княгинею Ольгою. Митрополитъ Иларіонъ въ похвальномъ словѣ Владиміру Великому говорить: „Ты и

¹⁾ O drzewie krzyża S-go и проч. Замостье, 1620 г., въ бібліотекѣ Доминиканскаго монастыря въ Люблинѣ.

²⁾ Напечатано въ Люблинѣ 1655 см. изслѣд. князя Оболенскаго. Кіевлянинъ 1850 г. кн. 3, изд. Максимовича.

³⁾ Руксисъ—въ библ. Москов. гл. арх. Мин. Вн. дѣлъ.

бабка твоя Ольга, принесшая крестъ изъ Новаго Іерусалима, изъ Константинограда и поставившая его въ землѣ своей, вы утвердили вѣру“. По свидѣтельству же Сербскаго пролога крестъ, принесенный Ольгою, былъ помѣщенъ въ алтарѣ Софійскаго собора. Въ упомянутомъ мною сочиненіи Варгоцкаго и хранящейся въ Доминиканскомъ монастырѣ старинной брошюрѣ *Aga salutis egru sacratissima* и проч.) есть свѣдѣнія, что св. древо находилось въ Кіевѣ до времени Владислава Ягелло, который, окрестивъ Литву въ 1387 г. и Жмудь въ 1413 г., пытался водворить католическую вѣру и въ Русскихъ земляхъ. Главнымъ его орудіемъ былъ епископъ Андрей изъ Кракова. Пользуясь расположеніемъ къ себѣ Кіевского князя Ивана Георгіевича, онъ завладѣлъ святыней и перевезъ ее въ Люблинъ. Не стану приводить баснословныхъ рассказовъ, которыми фантазія іезуитовъ украсила совершенный будтобы епископомъ Андреемъ подвигъ. Кисть неизвѣстнаго художника, вдохновленного этою легендой, воспроизвела ее на стѣнахъ того самаго костела, гдѣ погребенъ епископъ Андрей въ 1434 г. и гдѣ теперь хранится знаменитая святыня. „Къ преданіямъ о св. Крестѣ“, говоритъ Волькенштейнъ¹⁾, „необходимо присовокупить весьма важное для насъ показаніе Доминиканскихъ монаховъ, что Кіевскій князь Иванъ, подарившій якобы св. крестъ епископу Андрею, скоро послѣ того долженъ былъ бѣжать изъ Кіева и нашелъ себѣ пріютъ у короля Ягеллы, дозволившаго ему жить въ Люблинскомъ королевскомъ замкѣ. Здѣсь князь Иванъ умеръ и похороненъ въ томъ же Доминиканскомъ костелѣ св. Станислава, ря-

¹⁾ Сравн. рукописное изслѣдованіе А. Е. Волькенштейна, 1865 г., находящееся у И. М. Дроздова, въ Люблинѣ.

домъ съ епископомъ Андреемъ. Во время поправокъ зданія въ 1848 г. одному изъ монаховъ удалось пролѣзть чрезъ образовавшееся случайно отверстіе въ склепъ и тамъ онъ видѣлъ два гроба: одинъ епископа Андрея, — другой князя Ивана¹⁾. Желая доискаться — какой именно князь Иванъ наложилъ святотатственную руку на святыню, принадлежавшую не одному Кіеву, а всему народу Русскому, Волькенштейнъ рассуждаетъ такъ: „князь Иванъ въ Кіевѣ никогда не княжилъ. Въ старшей линіи Олельковичей или князей Ольшанскихъ, княжившихъ въ Кіевѣ болѣе 100 лѣтъ, былъ князь Иванъ, родной братъ Александра или Олелька, внукъ Ольгерда, сынъ Владимира Кіевского (родоначальника князей Слуцкихъ), но этотъ Иванъ Владиміровичъ въ Кіевѣ никогда не княжилъ, а слѣдовательно и св. Креста епископу Андрею не дарилъ. Еслибы голословное показаніе польскихъ монаховъ мы и приняли за истинное, то подобный даръ можно объяснить развѣ только тѣмъ религіознымъ и политическимъ состояніемъ, въ которомъ находились наши юго-западные провинціи въ началѣ XV вѣка. Великіе князья Литовскіе не только сажали въ Кіевѣ своихъ намѣстниковъ, но и назначали митрополитовъ. При подобной зависимости попытка латинскаго епископа завладѣть такимъ священнымъ сокровищемъ, которое могло помочь католикамъ къ убѣжденію Русскаго народа въ единствѣ религіи восточной и западной и такимъ образомъ подчинить восточное православіе католицизму, — такая попытка легко могла удалиться безъ всякаго опасенія возбудить протестъ со стороны Кіева. Но есть другое преданіе — устное,

¹⁾ Мѣсто, гдѣ они похоронены, указываютъ двѣ лежащія рядомъ могильныя плиты.

которое ближе всѣхъ письменныхъ уясняетъ дѣло. Говорятъ, будто епископъ Андрей просто похитилъ древо св. Креста".—Съ біографіею Андрея Краковскаго можно ознакомиться по хроникамъ Быховца, Кояловича и другихъ. Такъ, извѣстно, что онъ состоялъ духовникомъ королевы Елизаветы и былъ назначенъ первымъ епископомъ въ Серетѣ (въ Молдавіи) вслѣдъ за учрежденіемъ этого епископства по иниціативѣ ея сына короля Угорско—Польскаго Людовика. Около времени крещенія Ягайлы въ Краковѣ, 1386 г. (причемъ приняли католическую вѣру Витольдъ и нѣкоторые Русскіе князья), Андрей за какія-то продѣлки попалъ въ тюрьму, откуда его выпустили около 1392 г., давъ ему небольшую область въ Литовской Руси. Этотъ самый Андрей считается предкомъ князей Трубецкихъ и Полубинскихъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что до самаго конца XIV вѣка жилъ Русскій князь Іоаннъ Георгіевичъ, правнукъ Даніила Романовича, хотя и нѣтъ свѣдѣній о его намѣстничествѣ въ Кіевѣ. Но я не вижу никакой надобности приписывать епископу Андрею ни похищеніе св. Креста, ни мошеническую сдѣлку его съ какимъ либо княземъ. Дѣло объясняется весьма просто. Польскіе лѣтописцы, такъ подробно и краснорѣчиво описывающіе исторію латинскихъ костеловъ, единогласно свидѣтельствуютъ, что въ Люблинѣ почти до конца XIII столѣтія послѣднихъ вовсе не было. Древнѣйшій изъ нихъ костель св. Михаила—построенъ Лешкомъ Чернымъ въ 1282 г. Отъ него нынѣ сохранился одинъ только колоколь (XVII в.), висящій на колокольнѣ кафедральнаго костела¹⁾. Мнѣ кажется,

¹⁾ На немъ сдѣлана слѣдующая надпись: 1634 г. S. Raphael

что Волыньскій лѣтописецъ, говоря, подъ 1268 г., о прибытіи къ Васильку изъ Люблина посла Болѣслава „пробоца Люблинскаго Григорія“ для приглашенія Русскаго князя начать мирные переговоры, разумѣть настоятеля православной церкви, быть можетъ, церкви св. Николая, („Болѣславъ князь присла посолъ свой къ Василькови, Григорію, пробоца Люблинскаго, тако река: свояче! соимевѣся“¹⁾). Длугошъ повѣствуетъ, что Ягайло, проѣзжая чрезъ Люблинь, нашелъ тамъ много католиковъ и велѣлъ построить для нихъ деревянный костелъ. Значить, тогда было въ Люблинѣ не болѣе одного—двухъ костеловъ. И дѣйствительно, лѣтописныя извѣстія и Люблинскя привилегіи, выданныя польскими королями, начиная съ 1307 г., и хорошо сохранившіяся отчасти въ подлинникахъ, отчасти въ харатейныхъ спискахъ, приводятъ къ неопровержимому выводу, что до самаго конца XIV столѣтія Люблинь имѣлъ не болѣе четырехъ костеловъ, считая и костелъ св. Троицы²⁾ при Люблинскомъ замкѣ, гдѣ была прежде православная часовня, построенная Даниломъ одновременно съ сооруженіемъ каменной башни; (латинскіе монастыри явились позже), населеніе же Люблина въ то время было весьма многочисленно. Хотя латинское богослуженіе проникло въ Люблинскую землю раньше, не ели въ нынѣшнюю Галицію, гдѣ первый латинскій костелъ основанъ былъ въ Глинянахъ въ

qui Thobiae fille piscis visum vestituisti ora pronobis A. D. и изображены: св. Михаилъ, Гавріиль и Рафаиль.

¹⁾ Неудивительно, что настоятель православной церкви названъ пробощемъ. Лѣтописецъ часто употребляетъ полонизмы.

²⁾ Изъ надписи на камнѣ предъ входомъ въ костелъ св. Троицы археологи заключаютъ, что онъ обновленъ при Казимирѣ Ягелловичѣ въ XV столѣтіи.

1397 г.¹⁾. Нельзя, однако, не дать вѣры преданіямъ, тщательно собраннымъ покойнымъ настоятелемъ Спасо-Преображенской церкви Коленковскимъ²⁾, что въ Люблинѣ нѣкогда было неменѣе шести православныхъ церквей,—особенно если мы глубже вникнемъ въ знаменательныя слова Волынскаго лѣтописца, что „Данило многи церкви постави и украси ихъ различными красотами“³⁾ и припомнимъ, что согласно послѣдней волѣ умершаго въ началѣ XVII вѣка воеводы Кіевскаго Дмитрія Путятича, душеприказчикъ его маршалъ Литовскаго княжества Михаилъ Глияскій значительную сумму назначилъ для главной церкви Спаса-Преображенія въ Люблинѣ⁴⁾, возобновленной на средства Кіевской княжны Маріи Ивановны въ 1447 г.⁵⁾. Слѣдовательно, нельзя не согласиться съ Зубрицкимъ, что были тогда въ Люблинѣ и другія православныя церкви. Тотъ же лѣтописецъ, какъ увидимъ ниже, трактуетъ о какомъ-то монастырѣ около самаго Люблина, очевидно православномъ, куда въ 1287 г. за-

¹⁾ Зубрицкій. Критич. пов. стр. 59, примѣч.

²⁾ См. его рукопись въ Холмѣ.

³⁾ О Владиміръ Васильковѣ лѣтописецъ также сказалъ, что онъ „созда церкви многи“.

⁴⁾ Въ такомъ смыслѣ позаялъ актъ Зубрицкій. Вѣстн. ю. з. Россіи 1863 г., стр. 101, примѣч. Сравни моеѣсоч. Памятникъ древн. правосл. въ Люблинѣ.

⁵⁾ Актъ этотъ, въ которомъ говорится также о пожертвованіи „на звѣчный купецъ“ въ Холмскій синодикъ 10 копъ грошей и „у Холмѣ на церковь Святое Пречистое Богоматери 10 копъ грошей“, утвержденъ польскимъ королемъ Александромъ 29 апрѣля 1506 г. I т. Акт. зап. Россіи, стр. 317. Въ Спасо-Преображенской церкви вѣроятно похоронены Константинъ и Иванъ Александровичи Острожскіе, умершіе въ Люблинѣ 1618—1619 года. Кіев. стар. Ноябрь 1883; статья Левицкаго объ Аннѣ кн. Острожской.

прятался Конрадъ Мазовецкій при приближеніи войска Юрія Львовича¹⁾. Между преданіями, живущими въ Русскомъ населеніи Люблина, одно имѣетъ прямое отношеніе къ судьбѣ древа св. Креста. На томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ теперь стоитъ костелъ св. Станислава, стояла построенная до XIII вѣка церковь православная. Кто либо изъ благочестивыхъ Русскихъ князей, быть можетъ тотъ-же Иванъ Георгіевичъ, передалъ въ нее вывезенную изъ Кіева часть древа св. Креста, которая и осталась тамъ при передѣлкѣ церкви въ костелъ. Юго-западная Русь всегда считала эту святыню своею исконною собственностью. Это выразилось въ томъ, что когда козаки ворвались въ Люблинъ въ 1654 г., то потребовали выдачи имъ древа св. Креста и взяли одинъ его осколокъ съ собою для передачи Хмѣльницкому²⁾. Аналогическій случай поруганія католиками правъ церковной собственности занесенъ въ Густынскую лѣтопись. При занятіи Львова въ 1340 г. Казиміръ Великій, въ числѣ разныхъ драгоценностей, отнялъ у православныхъ крестъ „отъ злата чиста посажена каменемъ многоцѣннымъ, а въ единомъ бѣ часть Животворящаго древа. Сей же нынѣ крестъ обрѣтается въ костелѣ на замку Краковскомъ“.

¹⁾ Православныхъ монастырей въ XIII вѣкѣ было немало въ Червонной Руси. Слѣды ихъ сохранились въ названіяхъ урочищъ „монастырь“ или „монастырець“, которыя наичаще встрѣчаются на древнемъ пути изъ Угорь въ Галичину и Забужье, начиная отъ Бескида у истоковъ Сана, Днѣстра, Стрыи и Тиссы, гдѣ стоялъ каменный столбъ, сооруженный Львомъ Даниловичемъ, съ надписью, означавшей, по свидѣтельству Длугоша, границу между Русью и Уграми.

²⁾ Grondski. De bello cosaco polonici стр. 236.

Такихъ примѣровъ обирація католиками православныхъ церквей можно насчитать тысячи. Все это возводитъ сохранившееся между Русинами преданіе о Люблинской святыньѣ на степень полной достовѣрности.

Насколько въ XIII в. сильна была Русская партія въ Люблинѣ, можно судить по слѣдующему извѣстію Волынской лѣтописи. Когда въ 1287 г. Конрадъ Семовитовичъ, претендентъ на Краковское княжество, на которое имѣлъ виды братъ его Болеславъ Плоцко-Мазовецкій и Генрихъ Вратиславскій, въ сопровожденіи Дуная, одного изъ приближенныхъ Владиміра Васильковича, подходилъ къ Люблину по передачѣ ему чрезъ какого-то ляха Яртака приглашенія жителей города (вѣроятно Польской партіи) сѣсть на княженіе въ Краковѣ по смерти Лешка-то Любляне заперли передъ нимъ ворота, какъ надо думать, потому, что Русская партія, болѣе многочисленная, протестовала противъ передачи Люблинской области Поляку, хотя его и поддерживали Русскіе князья. Другое, событіе, сообщенное Кромеромъ и Длугошемъ, показывающее, что Русины Люблинской земли не упускали удобнаго случая поддерживать интересы своего народа, относится къ 1351 году. Когда князья Литовскіе Кейстутъ и Любартъ вторглись въ Сандомірскую землю и подступили подъ Завихость, то два боярина Русскаго происхожденія Петръ Пшонка и Оттонъ Закликъ Тарло вступили въ тайныя сношенія съ Литовцами, сообщили имъ о движеніяхъ Польскаго войска и указали удобную переправу чрезъ Вислу. Измѣна была обнаружена. Пшонку постигла смертная казнь. Имѣнія обоихъ были конфискованы, и только наслѣдникамъ Оттона имѣніе ихъ предка было возвращено. Разсказъ, помѣщенный нашимъ лѣтописцемъ подъ 1287 г., характеризуетъ взаимныя отноше-

нія Польской и Русской народности въ Люблинской землѣ, служить вмѣстѣ съ тѣмъ доказательствомъ того, что Быстрица, на которой лежитъ Люблинъ, отдѣляла эту землю съ востока отъ другихъ Русскихъ областей, гдѣ не было примѣси Польскаго населенія. Не успѣвъ Конрадъ покончить переговоры съ Люблянами, какъ подошло къ Люблину Русское войско подъ предводительствомъ Юрія Львовича, который домогался для себя Люблина и Люблинской земли. Конрадъ, полагая, что это Литовцы, „вбѣже во столпъ ко мнихомъ съ бояры своими и слугами, и Дунай Володимировъ съ нимъ“. Но и Юрію не повезло. Граждане не сдавали ему города „и пристраивахуться крѣпко на бой. Юрьи-же позна леств ихъ. Онѣмъ-же молвящимъ: княже! лихо ѣздишь, рать съ тобою мала; прїѣдутъ Ляхове мнози, соромъ ти будетъ великъ. Юрьи же слышавъ си слова отъ нихъ, распусти дружину свою воевать, и взяша полона много, и жита пожгоша и села и не остася ни въ лѣсѣхъ, но все пожжено бысть ратными, и тако возвратися восвоеся со множествомъ полона, челяди и скота и коній; а Кондрадъ поѣха во свояси, вземъ собѣ соромъ великъ, лѣпши бы не живъ былъ“. Образъ дѣйствій жаднаго къ пріобрѣтеніямъ Юрія Львовича показываетъ, что онъ не могъ пользоваться расположеніемъ не только Польскаго, но и Русскаго населенія Люблинской земли. Притомъ въ насмѣшливыхъ словахъ гражданъ: „княже, лихо ѣздишь, рать съ тобою мала“ звучитъ полнѣйшее ихъ недовѣріе къ силамъ Холмскаго князя. Впрочемъ, причиною враждебнаго настроенія Люблянъ къ Юрію Львовичу могло быть и то, что Любляне въ то время предпочитали имѣть своимъ главою Владиміра Васильковича.—Тотъ же лѣтописецъ рассказываетъ намъ, что Люблинъ присоединенъ

къ Русскимъ владѣніямъ въ 1245 г.¹⁾ и что онъ находился подъ властью Руси 57 лѣтъ, до 1301 года, когда Поляки отняли его у Русскихъ²⁾. Густынская лѣтопись относитъ покореніе Люблина Поляками къ 1300 г., говоря, что „Русь собрася со вожемъ своимъ Петромъ Галкою и съ Татари и съ Литвою, въ Судомірскую страну, вшедше въ ширъ и въ должъ огнемъ и мечемъ попалиша и въ Корчинъ замокъ зажгоша и со великою користію возвратишася, но единаче погониша ихъ Ляхи подъ Люблиномъ и поразиша и побѣгоша въ Люблинъ, но и тамъ ихъ голодомъ поддатися принудиша³⁾“. Но, судя по извѣстіямъ Польскихъ историковъ, Люблинъ уже при Болеславѣ Стыдливомъ, (умершемъ въ 1279 г.), признавалъ надъ собою власть Поляковъ⁴⁾. Последнее вѣроятіе, такъ какъ, по лѣтописи S. Crucis⁵⁾ сынъ Лешка Краковскій князь Болеславъ „Lublin a Ruthenis recepit vacatis Ru-

¹⁾ Съ этимъ согласенъ и Нарушевичъ. *Histor. nar. Pol.* изд. 1860 г. т. IV стр. 50 и др.—Другошъ относитъ взятіе Люблина Данииломъ къ 1244 (l. VII p. 628). Тоже въ *annal. S. Crucis* (M. P. III. 72.) и въ *Źd. годѣ. Рам.* (M. P. III, 303).

²⁾ Последнее извѣстіе содержится только въ Ермиловскомъ спискѣ и не помѣщено археографич. комиссіею въ новѣйшемъ изданіи Ипатскаго списка, 1871 г.

³⁾ *Ibid.* стр. 55.

⁴⁾ Сравни. R. Traski, M. P. II, 833. Здѣсь говорится, что Русскіе владѣли Люблиномъ многіе годы. Также въ R. Sędz. M. P. II, 879 и M. P. III 188 и 189. Въ *annal. S. Cr.* M. P. III, 73, возвращеніе Люблина отнесено къ 1306 г. Липвиченко. Взаимн. отнош. Руси и Польши. 1884 г. стр. 178 прим. 4. (весьма дѣльное).

⁵⁾ M. P. III. 73.

thenis“, и въ нѣкоторыхъ грамотахъ Болеслава (Стыдливаго) упоминаются Люблинскіе каштеляны¹⁾. Полагать надо, что съ того времени до 1300 г. Люблинская земля находилась въ переходномъ состояніи²⁾. Съ точки зрѣнія топографической, я считаю важнымъ въ разсказѣ Волинскаго лѣтописца выраженіе Люблинскихъ гражданъ: „Рать съ тобою мала, придуть Ляхове мнози, соромъ ти будетъ великъ“. Значить, на пути слѣдованія Юрія Львовича къ Люблину Ляховъ вовсе не было и приходилъ онъ къ Люблину по Русскимъ владѣніямъ. Слѣдовательно, съ утвержденіемъ Польскаго владѣчества въ Люблинѣ и Люблинской землѣ въ исходѣ XIII вѣка территория близь праваго берега Быстрицы оставалась во власти Русскихъ.—Неменѣе важны для топографіи обстоятельства, непосредственно предшествовавшія взятію Люблина въ 1245 г. Даниилъ и Василько, начавъ войну съ Болеславомъ, вторглись во владѣнія Польскія четырьмя путями. Даниилъ воевалъ около Люблина, Василько по Изволи и по Ладѣ около „Бѣлое“, дворскій же Андрей по Сану, а Вышата у Подгорья. Набравши плѣнныхъ, вернулись обратно. „И наки изъидоста и повоеваста землю Люблянскую даже и до рѣки Вислы и Сяну и пріѣхаша подъ Завихость“. Вскорѣ Даниилъ и Василько, соединивъ свои силы, изъ Холма подступили къ Люблину. Когда камни и стрѣлы „яко дождь“ посыпались въ городъ, Ляхи стали просить пощады. Даниилъ и Василько

¹⁾ Nar. Histor. nar. Pol. т. IV стр. 145, прим. 2.

²⁾ Г. Иловайскій утверждаетъ, что Левъ Даниловичъ въ концѣ XIII в. временно завоевалъ у поляковъ Люблинъ (Истор. Россіи, ч. 2, стр. 512).

отошли, взявъ съ Люблянъ обѣщаніе не помогать Польскому князю. И такъ, южная граница Люблинской земли шла по Сану, на что указываетъ выраженіе: „Повое-васта землю Любльнскую даже до рѣкы Вислы и Сяну“. На юго-восточную границу указываетъ, приблизительно, движеніе Василька въ окрестности р. Изволи (въ Бѣлго-райскомъ уѣздѣ) и р. Лады, притока Танева, берущей начало въ Яновскомъ уѣздѣ, неподалеку отъ Горая,—и именно къ мѣстечку Бѣлое, около самага Янова. Полное подтвержденіе тому представляетъ движеніе, предприня-тое Поляками тотчасъ по возвращеніи Василька: „малу-же времени минувшу, приѣхавши же Ляхове и воеваша около Андреева“, а Андреевка находится недалеко отъ р. Лады, на югъ отъ Фрамполя. Всю сѣверную границу древней Люблинской земли нельзя съ точностью опредѣ-лить по лѣтописямъ. Едва-ли она простиралась выше Вепря, ибо далѣе на сѣверъ была уже земля Луковская, принадлежавшая въ половинѣ XIII вѣка къ Сандомірско-му округу, какъ видно изъ привилегіи Болеслава 1258 года¹⁾. Въ Волынской лѣтописи приведенъ слѣдующій фактъ, подкрѣпляющій мое предположеніе. „И воспомина-ну Володимеръ, оже прежде того Лестко, пославъ Лю-блинецъ, взялъ башеть у него село на въ краиницы име-немъ Воинъ (1282 г.). По изысканіямъ [Шараневича и епископа Модеста, село Воинъ (нынѣ Вогинъ)]—недалеко отъ устья рѣкы Тысменицы, впадающей въ Вепрь. Про-тивъ этого мнѣнія нельзя сдѣлать никакихъ возраженій, тѣмъ болѣе, что оно согласно съ надписью на камнѣ, ле-

¹⁾ Нарушевичъ. *Histor. nar. Pol.*, изд. 1860 г. т. IV стр. 37, прим. 1.

жащемъ въ четырехъ верстахъ отъ Вогина, по дорогѣ изъ Радина во Влодаву, означающею границу между Русскою и Польшею¹⁾. Проведенныя мною границы Люблинскаго воеводства сравнимъ съ тѣми, въ какія она была включена при образованіи Люблинскаго воеводства при Казимірѣ Великомъ, около 1342 года²⁾. Сравненіе намъ покажетъ, что первоначальныя ея предѣлы весьма не много измѣнились. Вогинъ (прежній Воинъ, какъ онъ называется и въ актахъ Вогинской православной церкви) остался украиннымъ поселеніемъ на сѣверѣ. Отъ него восточная граница Люблинскаго воеводства шла такимъ образомъ: Парчевъ, Островъ, устье Быстрицы. Далѣе она *огибала съ лѣвой стороны Туробинъ*. Проходила мимо Янова и упиралась въ р. Санъ около Радомысла³⁾. Позднѣйшее административное дѣленіе Польши въ XV столѣтіи увеличило объемъ Люблинскаго воеводства въ такой степени, что восточная граница его доходила до Вепря, гдѣ сталкивалась съ отодвинутой отъ Быстрицы границей Холмской земли, отнесенной къ Русскому воеводству.

Съ половины XI столѣтія наряду съ Люблинскою землею на территоріи Несторовыхъ Червенскихъ городов стали выдѣляться отдѣльныя области Брестская, Холмская, Белзская, Галицкая и Перемышльская. Вся остальная территорія, не вошедшая въ составъ этихъ областей, сохранила названіе Червенской земли. Но выдѣ-

¹⁾ Варшав. дневникъ 1884 г., № 51.

²⁾ Казимеръ кроль, въ 1340 г., собравъ сеймъ, на немъ же Русскую землю на повѣты и воеводства раздѣли. (Густ. лѣт.)

³⁾ См. карту Польши, составленную Zanoni 1788 г., и Bielski Widok król. Polsk.—1763 г.

леніе это не имѣло ничего общаго съ причинами этнографическими. Національныя особенности не имѣли на него никакого вліянія. Поэтому и границы упомянутыхъ областей были крайне неустойчивы. Съ минуты образованія въ западной Руси княжескихъ удѣловъ и до половины XIV вѣка рѣдкій годъ проходилъ, чтобы та или другая область не измѣняла внѣшнюю свою форму. Постоянный передѣлъ княжескихъ волостей дошелъ въ XIII вѣкѣ до такой степени, что услѣдить за измѣненіями границъ не представляется возможности, тѣмъ болѣе, что отъ времени до времени появлялись новыя области, на примѣръ Бусская, Дрогичинская, Терембовельская, Звѣнигородская, которыя затѣмъ снова сливались съ какимъ-либо княжествомъ. Изслѣдованіе топографическое затрудняется еще тѣмъ, что волости нерѣдко были черезполосныя. Размѣры Червенской земли, какъ политической единицы, постепенно сокращались насчетъ расширенія другихъ областей, и въ началѣ XIV столѣтія она сошла съ исторической сцены, подобно главному своему городу. Но самое ея названіе, переживъ многія столѣтія, воплотило въ себѣ понятіе еще болѣе широкое, чѣмъ то, какое связывалось съ нимъ съ X по XII столѣтіе. Къ сожалѣнію, въ нашей исторической литературѣ укоренился слишкомъ узкій взглядъ на предѣлы Червонной Руси. Мы забываемъ, что Польскіе географы прошлаго столѣтія причисляли къ Червонной Руси воеводства: Русское, съ землями Холмскою и Галицкою, Белзское и даже Волынское и Подольское, въ отличіе отъ Бѣлой Руси, подъ которою они разумѣли воеводства Смоленское, Полоцкое, Новогородское, Витебское, Мстиславское и Минское. (Кіевское, Брацлавское и Черниговское они называли Украйной). Правда, Люблинское воеводство они не причисляли

къ Червонной Руси, но это произошло отчасти потому, что русскій элементъ западной окраины Люблинскаго воеводства былъ поглощенъ польскимъ. Здѣсь громадное вліяніе имѣлъ и вопросъ вѣроисповѣдный. Кто знакомъ съ исторіей религіозной уніи и помнитъ, какую кровопролитную борьбу велъ противъ насильственнаго введенія уніи православный русскій народъ Люблинскаго воеводства, имѣя во главѣ доблестныхъ православныхъ князей Острожскихъ, Чарторыйскихъ, Вишневецкихъ, Сангушко, Корецкихъ и другихъ, кому извѣстно, какія адскія усилія употребляло латинское духовенство, при поддержкѣ польскаго шляхетства, въ своемъ стремленіи вырвать съ корнемъ все, носившее на себѣ печать Русской народности, тотъ пойметъ—почему Поляки не присоединяли Люблинскаго воеводства къ Червонной Руси. Подводные камни, встрѣчаемые на пути изслѣдованія границъ отдѣльныхъ княжествъ, на которыя разбилась территория Червенскихъ городовъ, не препятствуютъ, однако, прослѣдить эти границы настолько, чтобы отгѣнить околосъ Червенскаго края, принявшій съ XII вѣка названіе Червенской земли, и раскрыть его отношеніе къ Холмщинѣ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Червенскіе города были сплочены съ Владиміро-Волынскимъ княжествомъ Владиміромъ святымъ. Онъ подчинилъ ихъ сыну своему Всеволоду, посаженному во Владимірѣ. По Ярославову дѣленію власть надъ Владимірскою областью и Червенскими городами, повидимому, принадлежала Игорю Ярославичу (1054 г.). Когда Игорь

былъ переведенъ въ Смоленскъ, то удѣлъ его перешелъ къ великому князю Кіевскому Изяславу. Въ 1078 г. братъ Изяслава Всеволодъ отдалъ Владиміръ, съ придачей Турова, племяннику Ярополку Изяславичу, потомъ Давиду Игоревичу, большую же часть Червенскихъ городовъ, съ Перемышлемъ и Терембовлемъ, Рюрику, по смерти котораго они достались Володарю (Перемышль) и Васильку (Терембовль), сыновьямъ Ростислава, погибшаго въ Тмутаракани (1066 г.). Такъ началось дробленіе территоріи Червенскихъ городовъ. Владиміръ вмѣстѣ съ Червенемъ переходитъ, по волѣ Всеволода, къ Давиду Игоревичу¹⁾, которому Владиміръ былъ временно переданъ, въ 1085 г., Владиміромъ Мономахомъ, вѣроятно за возмущеніе Ярополка. Хотя въ 1097 г. Святополкъ Изяславичъ отнялъ Червень у Давида, но послѣднему удалось снова его занять. Въ 1099 г., желая изгнать Давида изъ Владиміра и Червена за участіе въ ослѣпленіи Василька, Святополкъ осадилъ Давида во Владиміръ, но, склонившись на мольбы Давида, снялъ осаду, длившуюся семь недѣль, и пришелъ въ Червень, а Давидъ удалился въ Польшу. Ярославъ Святополковичъ привелъ Венгровъ. Володаръ сталъ около Перемышля отъ нихъ отбиваться. Къ нему присоединился Давидъ, по возвращеніи изъ Польши. Война кончилась пораженіемъ Венгровъ. Ярославъ чрезъ Польскія владѣнія двинулся къ Бресту, а Давидъ „заимъ *Сутьскъ* и *Червень*, приде вне-

¹⁾ Давидъ располагалъ еще нѣкоторыми Червенскими городами: Всеволожемъ, Шеполемъ и Перемилемъ, какъ видно изъ переговоровъ его съ Василькомъ (Ист. Гос. Рос. Карамзина, т. II, стр. 18 и примѣч. 184).

запу и зая Володимерцѣ“. Въ Ипатскомъ спискѣ вмѣсто „Сутѣскѣ“ стоитъ „Сутѣйскѣ“, въ Никоновскомъ „Суетескѣ“, а у Татищева—„Сутенѣ“. Долго послѣ того, какъ Владиміръ достался, въ 1117 г., Ярославъ Святославичу, переходя изъ рукъ въ руки, Червень съ землею продолжалъ считаться волостью князя Владимірскаго, именно до второй половины XII вѣка. Въ 1119 г. Владиміръ былъ отданъ Мономахомъ сыну Андрею, по смерти другаго сына Романа, Ярославъ же, выгнанный изъ Владиміра Мономахомъ въ наказаніе за дурное обращеніе съ женою (внукою Мономаха), приходилъ, въ 1121 г., къ Червену, въ союзѣ съ Ляхами и Венграми, искать своей отчины, но безуспѣшно. Густынская лѣтопись передаетъ этотъ эпизодъ такими словами: „Прійде Ярославъ съ Болеславомъ королемъ Лядскимъ и Коломаномъ королемъ Угорскимъ къ Червну, стапа же противу ему князи Рускіе и бишася съ нимъ крѣпко идѣже и самъ Яроблавъ раненъ бысть яко ко смерти. Болеславъ же и Коломанъ ничтоже не успѣвше возвратишася во свояси“. Въ то время (1121 г.) посадникомъ въ Червень былъ Ома Ратиборовичъ, вѣроятно сынъ Тьмутараканскаго посадника Ратибора, выгнаннаго оттуда Давидомъ Игоревичемъ и Володаремъ Ростиславичемъ въ 1081 г., а затѣмъ, на челѣ дружины Владиміра Мономаха, принимавшей участіе въ убійствѣ Половецкаго посла Итвара¹⁾. По описанію Татищева, Ома Ратиборовичъ, сформировавъ значи-

¹⁾ О Оомѣ Ратиборичѣ упоминается также подъ 1116 г., когда онъ вмѣстѣ съ Вячеславомъ Владиміровичемъ Туровскимъ ходилъ на Дунай биться съ Половцами, но, прийдя къ Днѣстру, возвратился безъ всякаго успѣха. Въ числѣ Русскихъ князей, отстаивавшихъ Червень, главную роль игралъ, безъ сомнѣнія, Андрей Владиміровичъ, воевавшій Ляховъ и въ 1120 году.

тельное войско, собралъ всѣхъ жителей въ городѣ, а въ предградіи поставилъ вино и медъ въ видѣ приманки для непріятеля. Затѣмъ онъ послалъ къ Ярославу, въ качествѣ парламентаря, Василя Бора, съ предложеніемъ сдать городъ, и совѣтовалъ, для устрашенія жителей, послать войска на опустошеніе окрестностей. Совѣтъ былъ принятъ Ярославомъ и, когда часть его войска разбрелась по сторонамъ, а часть упиалась оставленными Оомою напитками, осажденные сдѣлали вылазку и разбили Поляковъ. За эту побѣду Мономахъ поставилъ его тысяцкимъ во Владимірѣ и пожаловалъ его гривною и золотою цѣпью.

Наряду съ Владимірско-Червенскимъ княжествомъ стало упрочиваться и расширяться, подъ властью Владимірко Володаревича (1141 г.), княжество Галицкое, образовавшееся изъ самостоятельныхъ до того волостей Перемышльской, Терембовельской и Звѣнигородской. По смерти Ивана Васильковича въ Галичѣ удѣлъ его занялъ Владимірко Володаревичъ, княжившій ранѣе въ Перемышлѣ. Владѣя обоими участками, какъ говоритъ лѣтописецъ, и своимъ и братнинымъ, онъ сталъ княжить въ Галичѣ¹⁾. Предполагаютъ, что Владимірко, — княжившій первоначально въ Звѣнигородѣ, съ 1125 г., одновременно съ братомъ своимъ, Ростиславомъ Володаревичемъ, княжившимъ въ Перемышлѣ, — по смерти Ростислава, въ 1126 г., завладѣлъ Перемышльскимъ удѣломъ и присоединилъ его къ Звѣнигородскому²⁾.

¹⁾ О Галичѣ см. позднѣйшее соч. Шараневича *Trzy opisy historyczne grodu Halicza w roku 1860, 1880 i 1882*. Львовъ. 1883 годъ.

²⁾ Зубрицкій. *Исторія Гал. княж.* т. II стр. 54 и т. III стр. 295. — Шараневичъ. *Истр. Гал. Волод. Руси* стр. 35 и 37.

Въ 1156 г. племянникъ Владиміра Андреевича, владѣвшаго Владимірскою областю послѣ Ізяслава Вячеславича, Мстиславъ Ізяславичъ выгналъ дядю изъ Владиміра. Тотъ бѣжалъ въ Перемышль къ Ярославу Галицкому. Въ слѣдующимъ году Владиміръ Андреевичъ съ Ярославомъ Галицкимъ, дядей Юріемъ Владиміровичемъ Кіевскимъ и сыновьями послѣдняго ополчился противъ Мстислава Ізяславича. Когда обложили г. Владиміръ, то Владиміръ Андреевичъ сталъ проситься въ походъ и направился къ Червену, съ намѣреніемъ завладѣть имъ безъ боя. „Червяне же затворишася въ городъ“. Подѣхавъ, онъ сказалъ гражданамъ: „вы были милы моему отцу, а я наслѣдственный князь вашъ, отворите ворота“. Кто-то изъ города пустилъ стрѣлу князю въ горло. Разсердясь, Владиміръ велѣлъ разорять все безъ пощады. Густынская лѣтопись прибавляетъ: „и тако пойде Володимеръ отъ Червна со студомъ“. Первое добровольное, по договору, отдѣленіе Червена отъ Владимірскаго княжества произошло въ 1173 г. вслѣдствіе уступки его Владиміру, сыну Ярослава Галицкаго, Святославомъ Мстиславичемъ Владимірскимъ. Находясь въ Червенѣ, говорилъ Владиміръ, скитавшійся тогда въ Польшѣ, мнѣ удобно будетъ сноситься съ Галичемъ (агъ ми будетъ ту сѣдячи добро слати въ Галичъ), а когда я займу Галичъ, то верну твой Бужескъ¹⁾ и еще три города прибавлю. Такъ образовалось временно отдѣльное

¹⁾ Бужескъ былъ утвержденъ за Давидомъ Игоревичемъ по Любечскому раздѣлу, какъ часть области Владимірской; Бусская земля выдѣлилась послѣ сѣзда князей въ Увѣтичахъ, 1100 г., на которомъ онъ лишенъ былъ Владимірскаго княжества съ отдачею ему въ удѣлъ Буска, Острога и Черторыйска.

Червенское княжество. Владиміръ жилъ въ Червенѣ съ своею матерью Ольгою Юрьевною, но уже въ слѣдующемъ году былъ вынужденъ бѣжать съ нею оттуда въ Луцкъ, опасаясь отцовской кары за непослушаніе и распутную жизнь. Въ это время Червенъ, вѣроятно, снова примкнулъ ко княжеству Владимірскому, которое наследовалъ, по смерти Мстислава Изяславича, сынъ его Романъ Мстиславичъ, — но уже не въ прежнемъ объемѣ, такъ какъ оно раздѣлилось между сыновьями Изяслава на три удѣла: Владиміръ, Луцкъ и Пересопницу¹⁾. Передъ смертью (1187 г.) Ярославъ раздѣлилъ Галицкое княжество на два удѣла — Галицкій и Перемышльскій. По завѣщанію онъ отдалъ ихъ сыновьямъ: первый Олегу, а второй Владиміру. Вопреки завѣщанію обоими удѣлами завладѣлъ Владиміръ. Въ 1188 г. княжества Галицкое и Владимірское соединяются въ первый разъ подъ властью Романа Мстиславича. Въ томъ же году Галичъ занялъ призванный Владиміромъ Ярославичемъ на помощь Венгерскій король Бѣла, посадившій туда сына своего Андрея. Позднѣе (1189 г.), при помощи поляковъ, Владиміръ завоевалъ Галичъ и княжилъ въ немъ до смерти (1198 г.). Между тѣмъ, пользуясь пребываніемъ Романа Мстиславича въ Галичѣ, Владиміромъ завладѣлъ братъ его Всеволодъ. По убѣжденію другихъ князей Владиміръ былъ возвращенъ Роману, а Всево-

¹⁾ Въ 1227 г. Луцкое княжество перешло къ Ярославу Ингваревичу, отъ котораго Луцкъ былъ отнятъ Данииломъ и присоединенъ снова къ Владимірскому княжеству, вмѣстѣ съ Пересопницей и Дорогобужемъ, поступившими во временный надѣлъ Василька Романовича.

лодь оставилъ за- собою Белзъ. Выдѣленіе княжества Белзскаго для насъ важно потому, что въ послѣдствіи оно долго дѣлило участь княжества Червенскаго. Очень можетъ быть, что княжество Белзское слилось, временно, съ Червенскимъ еще при жизни Всеволода Мстиславича, умершаго въ 1195 г., хотя лѣтописецъ объ этомъ прямо не говоритъ. По крайней мѣрѣ младшій сынъ его Всеволодъ въ 1205 г. сидѣлъ въ Червенѣ, доставшемся ему по наслѣдству. Въ 1204 г. другой сынъ Всеволода Мстиславича Александръ занялъ Владиміръ, отдавъ Белзъ Васильку Романовичу. Въ 1209 г. Владиміръ послѣдовательно переходитъ къ Святославу Игоревичу и Ингварю Ярославичу Луцкому. Въ 1211 года, когда на Галичскомъ престолѣ сѣлъ Даниилъ Романовичъ, къ Александру переходитъ снова Белзъ, отнятый у Василька¹⁾. Съ 1221—1231 г., съ небольшими перерывами, Белзъ и Червень сосредоточиваются въ рукахъ Александра. Время это совпадаетъ съ величайшими смутами въ Червонной Руси. Только соединенныя усилія короля Венгерскаго и князя Краковскаго водворили въ ней нѣкоторый порядокъ. Провозгласившій себя Галицкимъ княземъ самозванецъ Владиславъ заключенъ въ темницу. Галицкая область была раздѣлена на три части. Галичъ достался Венгерскому королевичу Коломану, Перемышльская земля—Лешку, а Любичевская воеводѣ Сандомирскому Пакославу. Благодаря посредничеству Лешка, Александръ вынужденъ былъ уступить Даниилу Романо-

¹⁾ Зубрицкій не понялъ смысла извѣстія подъ 1210 г., полагая, что Александръ „прія Белзъ и да Олександрова (Истор. Галич. княж. т. III стр. 52 примѣч. 41)“. Лѣтописецъ ясно говоритъ, что Лешекъ занялъ Белзъ и передалъ затѣмъ Александру.

вичу Владимірѣ. Отецъ Коломана Андрей отнялъ Перемышль у Лешка, а Любачевъ у Пакослава, и присоединилъ эти земли къ владѣніямъ Коломана. Въ 1220 г. Галичемъ овладѣлъ Мстиславъ Удалой при помощи зятя своего Данила Романовича. Въ слѣдующемъ году совершилось событіе, которое значительно облегчаетъ опредѣленіе границъ Червенской волости и мѣстоположенія г. Червена. Вотъ какъ описываетъ его Волынской лѣтописецъ: „*Въ субботу же на ночь поплнено бысть около Бѣлза и около Червена Даниломъ и Василкомъ, и вся земля поплѣнена бысть, бояринъ боярина плѣнивша, смердъ смерда, гридъ грида*¹⁾, якоже не остатися ни единой веси не плененѣ.—Сію же наричаютъ Бѣлжане злу ночь, сія бо ночь злу игру имъ сыгра: повоєвани бо бѣаху преже свѣта. Мстиславу же рекшу: пожалуй брата Олександра, и Данилъ воротися въ Володимиръ, отъиде отъ Бѣлза“. Замѣчательнъ и другой фактъ, отнесенный лѣтописцемъ къ 1225 году. Александръ не переставалъ питать вражду къ братьямъ Данилу и Васильку Романовичамъ. Пользуясь нерасположеніемъ Мстислава къ зятю, онъ вооружилъ его противъ Данила. Послѣдній обратился за помощію къ Лешку. „Данилу же князю воевавшю съ Ляхы землю Галицкую и около Любачева, и плени всю землю Белзкую и Червенскую, даже и до оставшихъ, Василку же князю многи плѣны приємшю“. Когда открытъ былъ заговоръ Александра и прогнанныхъ Галицкихъ боярѣ на убійство Данила Романовича, Василько ополчился на мятежнаго брата. Александръ бѣжалъ въ Перемышль, а Василько занялъ Белзъ, въ 1230 г. Засту-

¹⁾ Въ обоихъ изданіяхъ лѣтописи напечатано „градъ града“, но такого вздора не могъ сказать лѣтописецъ.

пившійся за Александра Венгерскій король Андрей въ 1231 г. взялъ Ярославль и Галичъ и пошелъ къ Владиміру. Въ городѣ находился воевода Мирославъ, который безъ вѣдома Даниіла и Василька заключилъ съ королемъ договоръ о возвращеніи Александру Белза и Червена. На упрекъ Даниіла и Василька—зачѣмъ поторопился заключить миръ, имѣя большое войско, Мирославъ возразилъ: „я по договору не отдавалъ Червена“. Король посадилъ въ Галичѣ сына своего Андрея и, простоявъ нѣкоторое время во Владимірѣ, возвратился въ Венгрію, а *Даниілъ произвелъ большое опустошеніе окола Бужска*. Густынская лѣтопись, не упоминая объ уступкѣ Мирославомъ Александру Белза и Червена, выражается короче: „Король Угорскій побра грады Ярославъ, Володимеръ, Галичъ и Червень“. Нѣкоторую помощь при отысканіи г. Червена оказываетъ описаніе Волынскимъ лѣтописцемъ борьбы, которую вели Даниілъ и Василько съ Болоховскими князьями, отложившимися Галицкими боярами и ихъ сторонниками Михаиломъ Черниговскимъ и Изяславомъ Новгородъ - Сѣверскимъ. Болоховскіе князья попались въ плѣнъ. Союзникомъ Михаила явился князь Мазовецкій Конрадъ „*Кондратови ставшу едѣ нымъ градъ Холмъ стоитъ, пославию ему ко Червѣну воевати*, Васильковичемъ же срътившимъ ѣ и бившимся съ ними поймаша Лядскіе бояре, приведоша ѣ передъ Данила въ Городокъ¹⁾, Михайлови же стоящу на Подгорьи²⁾ хотящу

¹⁾ Зубрицкій не могъ опредѣлить—какой Городокъ здѣсь разумѣется, тотъ ли, что между Львовомъ и Судовою Вишнею, или Грудекъ надъ Бугомъ близъ Грубешова (Ист. Гал. Княж. т. III стр. 70 и 122).

²⁾ Въ Перемышльской области склонъ Карпатскій. Въ геогра-

снятися съ Конрадомъ и ожидающую Половецъ съ Изяславомъ“. Такъ какъ Половцы не пришли, то Михайлъ возвратился въ Галичъ, „а Кондрать побѣже до *Ляховъ* черезъ ночь и потопилися бяшетъ отъ вой его во *Вепрю* множество“.—Послѣ бѣгства Александра въ Кіевъ къ тестю своему Владиміру, Белзская земля, вѣроятно, была уступлена Шварну. Поводомъ къ окончательному присоединенію Галичскаго княжества къ Владиміру послужилъ походъ, предпринятый на Литву правившимъ Галичскимъ княжествомъ Ростиславомъ (сыномъ Михайла). Воспользовавшись его отсутствіемъ, Данилъ прибылъ изъ Холма гдѣ въ то время проживалъ, и подчинилъ себѣ Галичъ. Зубрицкій и Шараневичъ единогласно утверждаютъ, что по смерти Данила Романовича (1264 г.) Шварно Даниловичъ княжилъ въ Холмѣ, Белзѣ и Червенѣ¹⁾. Не думаю, чтобы Червень принадлежалъ Шварну, такъ какъ въ 1268 г., послѣ похода противъ Поляковъ Шварнъ и Владиміръ Васильковичъ „поидоша во свояси: Шварно къ Холмови, а Володимеръ къ Червену, ту бяшетъ отецъ ему Василко“. Выраженіе это показываетъ, что Червень принадлежалъ Васильку Романовичу, по смерти котораго перешелъ, вмѣстѣ съ Владиміромъ и Брестомъ, къ сыну Владиміру, а Левъ нача княжити въ *Галичъ и Холмъ* по братѣ по своему Шварнѣ (1271 г.). Кажется, Зубрицкій и Шараневичъ были введены въ заблужденіе тѣмъ,

фическомъ указателѣ къ лѣтописи, издан. археографическою комиссією въ 1871 году (стр. 18) Подгорье ошибочно названо урочищемъ.

¹⁾ Шараневичъ, Ист. Гал. Влад Руси, стр. 108 и 109. Ср. его же стародавний Львовъ стр. 45. Зубрицкій. Истор. Галич. Княж.

что чрезъ 17 лѣтъ Червенъ очутился въ рукахъ Юрія Львовича. Последнее обстоятельство я объясняю переходомъ Червена къ Льву Даниловичу независимо отъ Шварновой волости¹⁾. Былъ-ли Червенъ занятъ Юріемъ съ согласія отца, или самовольно, какъ Брестъ,—неизвѣстно. Владиміръ Васильковичъ завѣщалъ свою волость Мстиславу Даниловичу (1287), но „легкосердый“ Мстиславъ, очевидно, не получилъ всего, что ему слѣдовало по завѣщанію. По смерти Владиміра бояре говорили Мстиславу: „пойди, займи первое городъ его Юрія Белзъ и Червенъ, потоже поидешь къ Берестью“. Здѣсь бояре какъ бы указываютъ на то, что Юрій не по праву владѣетъ Червенемъ. Кромѣ того, когда, въ 1288 г., Юрій требовалъ отъ Владиміра Бреста, говоря: „отецъ отнимаетъ у меня города, что ми былъ далъ Белзъ и Червенъ и Холмъ, Владиміръ отвѣтилъ: „Ты владѣешь“ (по праву) „тремя княжествами—Галицкимъ, Перемышльскимъ и Белзскимъ, и тѣмъ ты не сытъ“. О Червенѣ Владиміръ не упомянулъ.—Мстиславъ отказался отъ притязаній на Червенъ, опасаясь поступить противъ воли Льва Даниловича, котораго онъ жаловалъ, какъ старѣйшаго брата „по Бозѣ“. Онъ не рѣшался и Бреста требовать отъ Юрія, не спросивъ предварительно Льва: „своею ли волею сынъ твой сѣлъ въ Бересты“.

По смерти Мстислава Юрій Львовичъ соединилъ княжество Владимірское съ Галицкимъ, принявъ титулъ короля Русскаго и князя Владимірскаго. Люблинская же земля перешла къ Владиславу Локетку. Союзъ Юрія съ Нѣмецкими рыцарями и нападеніе на Новгородъ

¹⁾ Сравн. Густ. лѣт. подъ 1266 г.

докъ Литовскій вооружили противъ него Литву. Литовцы, подъ предводительствомъ Гедими́на, заняли Брестскую землю около 1315 г. Юрію наследовали Андрей II и Левъ II. Первый владѣлъ Галицко-Владимірскимъ княжествомъ, а второй Луцкимъ, которое скоро было отнято у него Гедиминомъ. Левъ палъ на полѣ сраженія 1319 г. Андрей умеръ 1324., оставивъ сына Юрія II-го. Вѣроятно этихъ-то умершихъ князей Андрея и Льва разумѣлъ Владиславъ Локетокъ въ письмѣ къ папѣ Іоанну XXII отъ 1324 г., прося его содѣйствія для огражденія Русскихъ земель отъ нападенія Татаръ (*ne occupent terram Ruthenorum et per consequens nos invadant*¹⁾). По смерти Юрія II верховная власть надъ Червонною Русью перешла къ Георгію Далиловичу²⁾, правнуку Данила Романовича, (внуку Мстислава Даниловича), какъ видно изъ грамоты его отъ 20 октября 1335 г. къ великому магистру Тевтонскаго ордена, гдѣ онъ именуется еще природнымъ княземъ всей малой Россіи³⁾). При немъ стольными городами Малой Руси были Владиміръ и Львовъ,—важнѣйшими послѣ нихъ—Луцкъ, Белзъ, и Перемышль. Въ это время Русская область между Люблинскою землею и Бугомъ досталась въ удѣлъ Болеславу Тройденовичу Мазовецкому, женатому на дочери Гедими́на Маріи, принявшей въ 1329 г. католическую вѣру по внушенію короля Владислава Локетка. По свидѣтельству Анонима Гнѣзненскаго, въ 1336 или 1337 г. князья и бояре Русскіе провозгласили Болеслава Тройденовича княземъ Галицко-Владимірскимъ. Въ письмѣ къ Локетку папа Іо-

¹⁾ Нарушевичъ т. V стр. 76 примѣч.

²⁾ Сравни. Зубрицкаго Ист. Галич. Княж. т. III стр. 285.

³⁾ Карамзинъ. Ист. гос. Рос. изд. 1842 г. примѣч. 276.

анъ ХХІІ назвавъ Болеслава „*nobilis vir Boleslaus dux Russiae propere tuus*“¹⁾. О княженіи его не сохранилось подробныхъ извѣстій. Несомнѣнно только, что онъ былъ отравленъ около 1340 г. Претендентомъ на Галицко-Владимірское княжество выступилъ Любарть Гедиминовичъ, женатый на сестрѣ Юрія ІІ-го. Съ 1343 г., послѣ освобожденія Червонной Руси Даниломъ Острожскимъ и Дмитріемъ Перемышльскимъ, по 1349 г. исторія Галицко-Владимірской Руси не поддается изслѣдованію. Сохранилось лишь извѣстіе, что земля Владимірская, Луцкая, Белзская, Холмская и Брестская находились подъ верховною властью Литовскаго князя Любарта²⁾. Густынский лѣтописецъ говоритъ подъ 1349 г. „Литва о Волынь съ Ляхами много которяхуся, дондеже во свою власть пріяша“. Въ 1349 г. Казиміръ одолѣлъ Любарта и покорилъ всю Владимір-Волинскую область, но между 1351 и 1353 гг. вынужденъ былъ уступить новопріобрѣтенныя земли Литовцамъ: Брестъ, Владиміръ, Холмъ и Белзъ взяты были силою оружія, а остальные города передались имъ добровольно, при содѣйствіи русиновъ. Опасаясь потерять и Галицкую область, Казиміръ заключилъ съ литовцами миръ, въ 1354 г. По договору, Литвѣ достались земли Владимірская, Луцкая, Холмская, сосредоточившіяся въ рукахъ Любарта, Белзская, которая досталась Георгію Даниловичу, и Брестская, доставшаяся Кейстуту, кромѣ Кобрина, собственности великаго князя Ольгерда; а Львовская и Люблинская земли остались за

¹⁾ Нарушевичъ Hist. nar. Pol. т. V. стр. 75 и 76 примѣч.

²⁾ Нарушевичъ. т. VI стр. 98 и 93. Сравни. Шараневича. Ист. Гал. Влад. Руси стр. 163.

Поляками. Въ 1367 г. Казиміръ предпринялъ новый походъ на Владиміръ-Волинскую область и пріобрѣлъ верховную надъ нею власть, уступленную ему Ольгердомъ. По раздѣлу Казиміръ выговорилъ себѣ, между прочимъ, Белзъ, Грабовецъ, Холмъ и Щебречинъ. Тогда же установлены были въ Городлѣ (на Бугѣ) пограничные судьи для разрѣшенія всякихъ споровъ, съ примѣненіемъ къ Полякамъ — Польскихъ, а къ Русскимъ — Русскихъ законовъ. Но это постановленіе, очевидно, относилось только къ тѣмъ Русскимъ, которые не были подданными Казиміра, такъ какъ по Вислицкому статуту 1347 г., не сдѣлано для Червоноруссовъ никакого изъятія изъ общихъ законовъ. Одни и тѣже правовыя нормы были признаны обязательными для всѣхъ подчиненныхъ Польской коронѣ земель¹⁾. По словамъ Длугоша, Казиміръ предоставилъ Юрію Холмскую и Белзскую земли въ ленное владѣніе. Утвердивъ свое владичество надъ Червонною Русью, Казиміръ именуется себя въ грамотахъ господиномъ, паномъ и дѣдичемъ Руси. Казиміръ умеръ въ 1370 г. Густыньскій лѣтописецъ въ лаконическихъ, но полныхъ ироніи словахъ, характеризуетъ царствованіе этого короля: „Казиміръ, Король Польскій, нечисто живяше, нареченъ бысть великій не для храбрства, ни мудрости ради и яко мурами многія грады омурова, такожде иже права волностей разнымъ народомъ въ Польской землѣ надавше; той и Естеръ жидовку имѣяше въ жену себѣ, и ея ради и жидомъ право волностей надалъ“²⁾. Преемникомъ Казиміра былъ венгер-

¹⁾ Vol. leg. т. 1. стр. 4—24. Само собою разумѣется, что Вислицкій кодексъ не могъ устранить дѣйствіе обычнаго Русскаго права въ покоренныхъ Польшею Русскихъ земляхъ.

²⁾ Развалины замка Естерки сохранились донныя около Казимержа на Вислѣ.

скій король Людовикъ (сынъ сестры Казиміровой Елизаветы). Родственникъ Казиміра Владиславъ Опольскій получилъ отъ него въ удѣлъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми польскими областями, Галицко-Львовскую землю и часть Забужной Руси между Вислою и Венромъ, въ сосѣдствѣ съ землею Люблинскою. Правленіе въ Польшѣ Людовикъ передалъ матери своей Елизаветѣ, обязавшись не отчуждать городовъ, гдѣ сосредоточивались центральныя правительственныя и судебныя учрежденія, въ томъ числѣ Сандоміръ, Завихостъ, Люблинъ, Сѣцѣховъ, Луковъ и Радомъ, въ области Сандомирской¹⁾. Царствование въ Червонной Руси Владислава Опольскаго ознаменовалось учрежденіемъ папою Григоріемъ XI латинскихъ епископскихъ кафедръ въ Перемышлѣ, Холмѣ и Владимірѣ и архіепископства Галичскаго²⁾. Воспользовавшись отсутствіемъ Людовика, земля Холмско-Белзская и Владимірская, гдѣ намѣстничество поручено было Казиміромъ, въ 1366 г., литовскому князю Александру Коріатовичу, отдѣлилась отъ Польши. По инициативѣ Юрія (пишетъ Анонимъ Гнѣзненскій) Любартъ и Кейстутъ двинулись на Поляковъ и произвели страшное опустошеніе въ областяхъ Люблинской, Сандомирской и Краковской, проникнувъ до самаго Тарнова. Людовикъ, собравъ рыцарство, поспѣшилъ въ Польшу. Польскія войска, подъ предводительствомъ воеводы Судивоя, взяли приступомъ сильно укрѣпленные города: Холмъ, Городло, Всеволожъ³⁾ и Грабовець съ окрестными пригородами и селами

¹⁾ Vol. leg. т. I стр. 24. Грамота 1374 г.

²⁾ Булла 1375 г. помѣщена у Наруш. т. VI стр. 72 примѣч.

³⁾ На мѣстѣ нынѣшняго села Воложки, близъ Ковеля. Бѣляевъ. Геогр. свѣд. въ др. Руси, стр. 133. Барсовъ. Матер. для истор. геогр. слов., стр. 43.

и осадили Белзъ. Юрій сдался, получивъ отъ короля, на ленномъ правѣ, г. Любачевъ. Нерасположеніе Русскихъ бояръ къ Владиславу Опольскому, слишкомъ ревностно заботившемуся о распространеніи въ своихъ владѣніяхъ латинской вѣры, побудило его уступить Людовику Русскія области. Взамѣнъ ихъ онъ получилъ отъ Людовика нѣкоторыя земли въ коренной Польшѣ. Правительственный центръ изъ Львова, гдѣ прежде проживалъ Владиславъ, переведенъ былъ въ Галичъ, откуда Венграмъ удобно было сноситься съ своимъ краемъ. Между тѣмъ умеръ Ольгердъ, 1377 г. Ему наследовалъ сынъ—Ягайло. Соединившись съ рыцарями нѣмецкаго ордена, онъ вооружился противъ дяди своего Кейстута и, заключивъ его въ темницу, завладѣлъ Брестскою землею, которую, пользуясь смутами, успѣлъ захватить князь мазовецкій Янушъ. Но, по договору 1384 г., Ягайло уступилъ Брестскую землю сыну Кейстута Витольду. По смерти Людовика, 1382 г., право на польскую корону перешло къ дочери его Маріи, именовавшей себя королевою Галиціи и Лодомиріи. Въ Червонной Руси ей подчинены были земли: Саноцкая, Львовская, Перемышльская, Галицкая и Терембовельская; остальные, вслѣдствіе измѣны венгерскихъ воеводъ, присоединились къ владѣніямъ Любарта, по кончинѣ котораго (1387 года) Владиміръ и Луцкъ перешли къ сыну его Феодору. Въ 1386 году, соединившись бракомъ съ сестрою Маріи Ядвигой, сдѣлался королемъ Польскимъ Ягайло, принявъ присягу въ вѣрности отъ западно-русскихъ князей. Въ числѣ ихъ грамоты указываютъ на братьевъ Федора и Михаила Даниловичей Острожскихъ и Іоанна Белзскаго. Одинъ только Русскій бояринъ Крупа, владѣвшій богатымъ имѣніемъ около Красностава,

отказывался признать надъ собою власть Ягайлы и долго защищался въ своемъ замкѣ, но долженъ былъ покориться силѣ. Львовско-Галицкая область, благодаря хитрой и ловкой политикѣ Ядвиги, также признала власть Польскаго короля, несмотря на противодѣйствіе Владислава Опольскаго¹⁾. Враждебная Маріи партія заключила ее въ темницу, гдѣ она содержалась до 1387 г., а мать ея Елизавету лишила жизни. Упомянутыя Русскія области, правленіе надъ которыми было поручено Іоанну изъ Тарнова, Ягайло даровалъ женѣ своей Ядвигѣ въ видѣ вѣна, а для успокоенія одного изъ важнѣйшихъ претендентовъ на Польскій престолъ, Семовита, князя Мазовецкаго, отдалъ ему Белзскую землю и часть Холмской, съ городами Белзомъ, Любачевымъ, Бужскомъ, Грабовцемъ, Городломъ и нѣкоторыми другими. Такимъ образомъ Юрій Белзскій съ сыномъ своимъ Іоанномъ остался непричемъ. Въ 1390 г. они, вмѣстѣ съ Витольдомъ, удалились къ рыцарямъ нѣмецкаго ордена, когда начались раздоры между Витольдомъ и Скиргайломъ. Великокняжеское достоинство, по произволу Ягайлы, послѣдовательно переходитъ отъ Скиргайлы къ Витольду. Когда (говорится въ лѣтописи Быховца) Витольдъ ослѣлъ Вильну и князьство Литовское, то при немъ былъ князь Юрій Белзскій. Князь Луцкій и Владимірскій Феодоръ Любартови чъ принужденъ былъ уступить ему свои владѣнія, получивъ взаменъ княжество Сѣверское (1392 г.). Скиргайлъ дана въ надѣлъ земля Брестская²⁾ Безпрестанные и опустошитель-

¹⁾ О Владиславѣ Опольскомъ—см. статью Шараневича. *Über Vladislaus von Oppeln Regierung in Russien*, Bibliotheka Ossolin-skich 1864 г., вып. 4, стр. 262—298.

²⁾ Къ нему же перешелъ Кіевъ послѣ того, какъ Владиміръ Ольгердовичъ былъ вытѣсненъ оттуда Витольдомъ (1395).

ные набѣги Татаръ и Турокъ на Литовско-Русскія земли вовлекли Витольда въ несчастную войну съ золотою ордою. Соединенныя силы Литвы и западно-Русскихъ князей потерпѣли страшное пораженіе на берегахъ Ворсклы, 1399 г. На полѣ битвы легли девять Русскихъ и Литовскихъ князей и въ числѣ ихъ Иванъ Юрьевичъ (Георгіевичъ) Белзскій¹⁾. По смерти Ядвиги (1399), на съѣздахъ въ Вильнѣ и Перемышлѣ (1401 г.) былъ скрѣпленъ союзъ Литвы съ Польшей на условіяхъ политической равноправности. Начало XV вѣка ознаменовалось борьбою Литвы и Польши съ нѣмецкимъ рыцарствомъ, къ которому примкнулъ и соперникъ Витольда Подольскій князь Свидригайло. Въ 1409 г. послѣдній, какъ политическій преступникъ, былъ заключенъ въ Кременецкій замокъ²⁾. Обезпечивъ себя со стороны опаснаго противника, Витольдъ соединился съ Ягайломъ, принявшимъ главное начальство надъ Польскими, Мазовецкими, Галицко-Русскими и Татарскими войсками, около Червенска надъ Вислою. Рыцари проиграли Грюнвальдское сраженіе. Къ польскому войску присоединилось семь хо-

¹⁾ Это извѣстіе помѣщено у Длугоша, Стрыйковского и въ хроникѣ Быховца и подробно изложено Шараневичемъ (Истор. Гал. Влад. Руси стр. 389). Здѣсь рѣчь идетъ, кажется, о томъ самомъ Иванѣ Георгіевичѣ, который, по преданію, похороненъ въ Люблинскомъ Доминиканскомъ костелѣ. Ничего нѣтъ невѣроятнаго въ томъ, что тѣло павшаго на берегахъ Ворсклы (притока Днѣпра) Ивана Георгіевича было перевезено въ Люблинъ, гдѣ онъ проживалъ, и тамъ предано землѣ.

²⁾ Въ послѣдствіи Свидригайло былъ освобожденъ князьями Острожскимъ Даниломъ Федоровичемъ и Пинскимъ—Александромъ Носомъ и бѣжалъ къ Венгерскому королю Сигизмунду, правившему страню послѣ смерти жены Маріи.

ругвей Русскихъ земель, подвластныхъ Польшѣ, въ томъ числѣ Галицкая, Перемышльская и Львовская. Особую хоругвь, съ изображеніемъ медвѣдя, имѣла земля Холмская, находившаяся тогда подъ владычествомъ князей Мазовецкихъ¹⁾. Дальнѣйшія событія не произвели существенныхъ территоріальныхъ перемѣнъ въ Червонной Руси, несмотря на всѣ усилія Свидригайлы и его сторонниковъ Θεодора Острожскаго и Александра Носа отнять у поляковъ Забужную и Галицкую Русь. Холмскую землю защищалъ приверженецъ Ягайлы русинъ Грицко Кердѣвичъ, мѣстный староста. По словамъ Длугоша, онъ разбилъ какого-то русскаго князя Сеньку Романовича и Александра Носа подъ Грубешовымъ. Изъ одного документа 1433 г. видно, что права короля Ягайлы на Холмъ, Грубешовъ, Красноставъ и Черманчинъ (Czermańczyn), Городло, Лопатинъ въ Белзской землѣ, Олесько у истоковъ Стыря, и Ратно, остались неприкосновенны²⁾. Административное устройство коренной Польши окончательно было введено Ягайлой во всѣхъ присоединенныхъ къ Польшѣ русскихъ земляхъ въ

¹⁾ Шараневичъ Истор. Галиц. Влад. стр. 300.

²⁾ Гдѣ находился Ратно? Зубрицкій полагалъ, что это былъ важный замокъ гдѣ либо въ Жолковскомъ округѣ Галиціи, на потокѣ Ратъ (Критич. пов. стр. 290, примѣч. 172). Шараневичъ думаетъ, что Ратно лежалъ въ Холмской области (Исторія Галицк. Владимірской Руси, стр. 373). И то и другое мнѣніе ошибочны. Ратно былъ нѣкогда центромъ особаго округа Ратинскаго, какъ видно изъ привиллегій Польскихъ королей, напр. привиллегіи Сигизмунда 1526 г. (Любл. арх. др. актовъ), выданной городу Грубешову, которою Грубешовскіе мѣщане подчинялись юрисдикціи паллатина Сандомірскаго, Белжскаго, Холмскаго, *Ратинскаго* и

1432 г. на съѣздѣ польскихъ пановъ въ Елинѣ¹⁾, а въ русскихъ городахъ введены нѣмецкіе порядки на началахъ Магдебурго-Тевтонскаго права. Однимъ изъ первыхъ городовъ Червонной Руси получилъ Нѣмецкое право гор. Холмъ. Грамотой, данной въ Любомлѣ, 1392 г., Ягайло объявляетъ, что обыватели Холма изземлются отъ дѣйствія правъ Польскаго и Русскаго и подчиняются праву Нѣмецкому или Бранденбургскому²⁾. Но, видно, нѣмецкое право туго прививалось къ Холму, такъ какъ 1425 г. (въ день св. Вацлава) послѣдовала подтвердительная королевская грамота о введеніи въ Холмѣ права нѣмецкаго (*jus Theutonicum*) вмѣсто права польскаго³⁾.

Красноставскаго. Нарушевичъ, въ своей исторіи Польши (томъ II стр. 65 и 66), основываясь на Кадлубкѣ, отводитъ подъ Холмское подлѣсье пространство отъ Холма на сѣверъ до Ратно (*ku Ratnowi*) или Ратинской землѣ (*Ratenszczyznie*), гдѣ, по его словамъ, оно встрѣчается съ подлѣсьемъ Брестскимъ.—Съ совершенною точностью опредѣлено положеніе Ратно Балинскимъ и Липинскимъ (*Starożytna Polska*, т. II, стр. 768). Онъ лежитъ въ Волынскомъ полѣсѣ, въ болотистомъ бассейнѣ между рѣками Припятью и Туріей, въ разстояніи 20 миль отъ Холма и 14 миль отъ Любомля. Сравни. *Swięcki. Opis starożytnej Polski*, томъ II стр. 65.

¹⁾ Vol. leg. т. I, стр. 42.

²⁾ Obl. grod. Chelm. кн. 178, стр. 996.

³⁾ Obl. grod. Chelm. кн. 178, стр. 994. Эта грамота не была извѣстна Балинскому и Липинскому, утверждающимъ, что грамота 1392 года, не снабженная якобы королевскою печатью, не имѣла дѣйствія, и что обыватели Холма стали руководствоваться нѣмецкимъ правомъ не ранѣе 1572 года, когда получили на то разрѣшеніе Сигизмунда Августа (*Starożytna Polska*, томъ II, стр. 757).

Ягайло, ревностно заботившійся объ искорененіи православія въ его русскихъ владѣніяхъ, стремился поднять экономическое благосостояніе русскаго населенія, въ конецъ разореннаго опустошительными войнами, Татарскимъ и Литовскимъ погромомъ. Въ этомъ убѣждаютъ многочисленныя выданныя имъ русскимъ городамъ привилегіи, коими они освобождались отъ разныхъ государственныхъ налоговъ и повинностей и получали разрѣшеніе на открытіе ярмарокъ и производство сборовъ исключительно на мѣстныя свои нужды. Всѣ подобныя грамоты по содержанію однообразны. Они послужили образцомъ для позднѣйшихъ привилегій въ такомъ же родѣ. Между послѣдними обращаетъ на себя вниманіе грамота, данная Холму въ 1439 г. Владиславомъ III и подтвержденная Сигизмундомъ II-мъ въ 1546 г., на учрежденіе ярмарки, начало которой должно было совпадать съ днемъ рождества Пресв. Дѣвы Маріи. Тою же грамотою Холмскіе мѣщане увольнялись отъ обязательной поставки подводъ, исключая четырехъ возовъ подъ королевскую кухню. Грамота подтверждена Сигизмундомъ I-мъ въ 1523 г. и Сигизмундомъ II въ 1546 г., съ прибавленіемъ нѣкоторыхъ льготъ, касающихся городского хозяйства¹⁾. Въ 1504 г. установлено въ Холмѣ еще двѣ ярмарки королемъ Александромъ (одна въ день св. Андрея апостола, другая въ день Св. Станислава), что подтверждено Сигизмундомъ III въ 1616 г.²⁾. — Въ

¹⁾ Obl. grod. Chelm., кн. 178 стр. 992.

²⁾ Obl. grod. Chelm. кн. 178 стр. 974 и 975. Какъ [на матеріалъ исторіи Холма, укажу еще на слѣдующія королевскія грамоты: Сигизмунда I отъ 1519 г., Сигизмунда II отъ 1541, 1550, 1556, 1558, Сигизмунда III отъ 1616 г. и Яна Казимира отъ 1659

законодательномъ актѣ 1432 г. положительно сказано, что на всѣ владѣнія польскія, включая и земли русскія, распространяются одни и тѣже правительственныя учрежденія. Червонная Русь (за исключеніемъ области Люблинской) получила названіе Русскаго воеводства и раздѣлилась на земли: Львовскую, Перемышльскую, Саноцкую, Галицкую и Холмскую (съ уѣздами). Белзская земля была присоединена къ Польшѣ въ 1446 г., по смерти послѣдняго Мазовецко - Белзскаго князя Казимира. Существенное измѣненіе границъ Польши и Литвы послѣдовало при Казимірѣ IV, присоединившемъ къ литовскимъ владѣніямъ часть русскихъ земель на лѣвомъ берегу Буга, въ нынѣшней Сѣдлецкой губерніи, Ломазы (на р. Зелявѣ) и Полубицы (около Городище). Кромѣ того, онъ согласился принять вѣнецъ лишь съ тѣмъ условіемъ, чтобы Поляки навсегда отреклись отъ своихъ правъ на Волинь, Подоль, Ратно, Лопатинъ, Городло и землю Олесьскую. Слѣдовательно, замѣчаетъ Зубрицкій, по поводу этихъ уступокъ въ пользу Литвы: „никто несомнѣвался въ томъ, что Поляки неимѣли никакого права на княжество Кіевское и Украину. Уступка же части губерніи Люблинской (Городло) и части Галиціи (Лопатинъ, Олесько) показываетъ, что эти земли не имѣли органической связи съ Польшей¹⁾“.

Исчерпавъ наиболѣе существенныя свѣдѣнія о политическомъ дробленіи Червонной Руси въ XI—XIV в., займемся дальнѣйшей топографіей этого края и приступимъ

и 1668 г. Obl. grod. Obelm. кн. 178 стр. 973, 976, 977, 981, 985 и 987.

¹⁾ Критическая повѣсть о Червонной Руси стр. 347, примѣч. 219.

къ изслѣдованію географическаго положенія Червенскаго княжества среди другихъ Червонорусскихъ княжествъ, состоявшихъ подъ державою Даниіла Романовича. Швараневичъ, перечисляя западно-русскіи области, находившіяся подъ верховною властью Даниіла, различаетъ княжества Галичское, Перемышльское, Владимірское и Белзское, подраздѣляя Владимірское на земли: Владимірскую, Луцкую и Брестскую, а Белзское на земли: Белзскую, Холмскую и Червенскую¹⁾. Мнѣ представляется это дѣленіе неполнымъ точнымъ. Въ виду безпрестанныхъ перемѣнъ княжескихъ волостей, правильнѣе, при перечисленіи княжествъ, въ предѣлы коихъ замыкалась Червонная Русь половины XIII вѣка, держаться болѣе дробнаго дѣленія, не смѣшивая по крайней мѣрѣ Холмскаго и Червенскаго княжества съ Белзскимъ. Если же мы станемъ объединять княжества, группируя ихъ около главныхъ политическихъ центровъ Червонной Руси того времени, то получимъ княжества Холмское, съ землею Люблинскою, Владимірское, съ землями Брестскою, Владимірскою и Червенскою, Галичское, съ землями Перемышльскою и Львовскою, и Белзское, съ землею Бускою и Любачевскою. Холмская земля (оставляю въ сторонѣ покрытую мракомъ начальную ея исторію) возвышается на степень отдѣльнаго княжества лишь послѣ поставленія Холма Данииломъ Романовичемъ. Ранѣе она покрывалась, на Руси, именемъ земли Червенской, извѣстной у Поляковъ подъ названіемъ Червенска (Длугошъ). Послѣ обособленія Холмской земли Червенская земля перестала умень-

¹⁾ Истор. Гал. Влад. Руси, стр. 103 и 109. Изслѣд. по отеч. истор. и геогр. стр. 67, — Стародавний Львовъ, стр. 41.

шаться въ объемѣ, доведенная до своего minimuma. Съ возрожденіемъ Холма Червенъ хотя и отодвинулся на второй планъ, но все таки до самаго исхода XIII вѣка онъ считался еще сильною крѣпостью. Съ начала же XIV вѣка въ историческихъ актахъ мы уже не встрѣчаемъ Червена. Виѣстъ съ тѣмъ названіе Червенской земли (прежняго княжества) затмилось названіемъ земли Холмской, границы которой такимъ образомъ значительно разширились, достигнувъ наибольшаго размѣра къ концу XIV вѣка, съ возвращеніемъ къ ней Русскихъ округовъ, временно прирѣзанныхъ къ землѣ Люблинской. Съ той поры до второй половины XV вѣка почти во всѣхъ случаяхъ, когда польскія хроники и королевскія грамоты трактуютъ о Холмщинѣ, они разумѣютъ ее въ этомъ увеличенномъ объемѣ. Во второй же половинѣ XV вѣка отъ Холмской земли была оторвана значительная часть и присоединена къ землѣ Белзской. Послѣ паденія Червена въ Русскихъ лѣтописяхъ если и сохранились позднѣйшія извѣстія о Червенской землѣ, то лишь въ видѣ смутнаго намека. Такъ, между прочимъ, по Никоновской лѣтописи, въ числѣ епископовъ, присутствовавшихъ, 1415 г., при избраніи, въ Новгородѣ, въ Литовско-Русскіе митрополиты Григорія Семивлаха, упоминается Червенскій епископъ Павелъ, тогда какъ въ соборной грамотѣ Литовско-Русскихъ епископовъ онъ не помѣщенъ¹⁾). Вслѣдствіе тѣсной преемственной связи между Холмскою землею и Червенской и невозможности провести между ними рѣзкую демаркаціонную черту до тѣхъ поръ, пока мы не найдемъ Червена, я иногда буду соединять ихъ, условно,

¹⁾ Срав. Галицкій истор. сбор. вып. 3, примѣч. 48.

ради удобства топографической техники, въ Холмско-Червенскую область.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Главнымъ источникомъ при разграниченіи Червоно-русскихъ владѣній отъ Польскихъ до конца XIII вѣка всегда останется Ипатская лѣтопись, но по краткости и отрывочности сообщаемыхъ ею топографическихъ извѣстій, изслѣдователю приходится обращаться и къ другимъ письменнымъ памятникамъ. Между ними самое видное мѣсто занимаютъ королевскія грамоты—учредительныя, дарственные и т. под. Не много сохранилось грамотъ за время Казимира Великаго. Уцѣлѣвшія изъ нихъ относятся по большей частіи или къ Великопольшѣ, или къ Галицко-Перемышльской области. Старѣйшія грамоты относящіяся къ Холмско-Червенскому краю, выданы Владиславомъ Ягеллой въ концѣ XIV и началѣ XV вѣка. Насильственная колонизація Червонной Руси, начавшаяся при Казимірѣ Великомъ, дѣлала быстрые успѣхи лишь въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ. Тамъ-же, гдѣ малорусское населеніе составляло плотную массу, связанную одною вѣрою, одними обычаями, одними преданіями, она встрѣчала сильный отпоръ. Наиболѣе неотразимымъ изъ этихъ преданій было, несомнѣнно, преданіе о подвигахъ Романа Мстиславича, Данила и Василька Романовичей. Но оно не въ одинаковой степени одушевляло Галицко-Владимірскую Русь. Гораздо слабѣе обаяніе его проявлялось тамъ, гдѣ еще до XIII вѣка русское населеніе подверглось раздробленію отъ прилива чуждаго элемента и гдѣ нѣмецко-латинская культура оказывала наибольшее про-

тиводѣйствіе культурѣ восточно - византійской. Въ такомъ именно положеніи находилась часть земли Люблинской, когда стала крѣпнущая держава Романа и Даниїла и когда подъ нею Червонная Русь стала слагаться въ государственный организмъ. Достигнуть полнаго сліянія Люблинской земли съ остальными частями Червонной Руси было не по силамъ ни Даниїлу Романовичу, ни Льву Даниловичу, такъ какъ, находясь подъ властью поляковъ съ момента занятія ея Болеславомъ Смѣлымъ до завоеванія Данииломъ, она не могла сохранить вполне сознаніе своего единства съ сосѣднею Русью, которое начало только зарождаться при Владимірѣ Святѣмъ¹⁾. Правда, греческій обрядъ почти до конца XIII вѣка былъ не только господствующимъ во всей Люблинской землѣ, но въ нѣкоторыхъ ея пунктахъ исключительнымъ, какъ примѣръ въ Люблинѣ, но до XIII вѣка, онъ былъ господствующимъ во всей Польшѣ; иначе лѣтописецъ не сказалъ бы, что „ляхи идуща на Василка керъ лѣпшъ поюща“²⁾, а славянскій языкъ вышелъ въ ней изъ употребленія не ранѣе XVI вѣка³⁾. Слѣды православія въ Польшѣ донныѣ замѣтны въ названіяхъ мѣстностей Радомской,

¹⁾ Зубрицкій не допускаетъ, чтобы Люблинская земля оставалась во власти Даниїла далѣе 1268 г. (Ист. Гал. Русск. Княж. Т. III. стр. 143—144), а Стадницкій (Synowie Gedemina Т. II. стр. 219—224, примѣч. 73) и Дашкевичъ (Даниилъ Гал. стр. 70) неосновательно отвергаютъ даже завоеваніе ея Данииломъ.

²⁾ См. по этому поводу замѣчаніе Зубрицкаго. Истор. Гал. Рус. Кн. Т. III стр. 148.

³⁾ Доказательства можно найти у Длугоша въ Liber beneficiorum. Краковъ 1864 г.

Петроковской, Плоцкой, Варшавской и Кѣлецкой губерній. Таковы „Церковь“, Церковизна, Церковна, Поповицы, Поповка и Поповы, причемъ подобныя названія переносятся изрѣдка на цѣлыя околотки, напримѣръ, Церковный приходъ въ гминѣ Закржевѣ, Радомскаго уѣзда. Тоже самое наблюдается въ во сточной окраинѣ Люблинской земли. (Поповицкій приходъ съ селомъ Поповице около Уржендова, село Попово около Вислы, между Юзефовымъ и Аннополемъ), но, вѣроятно, Русская народность была вытѣснена оттуда въ XI или XII вѣкѣ до самой Быстрицы¹⁾. Краснорѣчивымъ свидѣтельствомъ господства славянскаго языка въ Польшѣ остается до настоящей поры слѣдующая, тщательно охраняемая краковскими учеными, надпись въ такъ называемой Русской часовнѣ св. Креста въ кафедральномъ соборѣ въ Краковѣ, на предградьи Клепарѣ, въ которой, по свидѣтельству Длугоша, еще при немъ совершалось словенское богослуженіе (*in idiomate slavonico*) словенскими-бenedиктинами, призванными изъ Праги Ягайломъ и женою его Ядвигою. „Благоизволеніемъ, мудростію Бога Отца Всемогущаго пописана бысть сия капица повелѣніемъ великодержавнаго короля пресвѣтлаго Казимира, за Божіей милости короля Польскаго и великаго князя Литовскаго и Русскаго, Замотск(аго) и княжати Прускаго, па-

¹⁾ Путешественникъ, Вардумъ (протестантъ) во второй половинѣ XVII в. писалъ, что „въ Люблинѣ и его окрестностяхъ русская или греческая религія— самая распространенная. Часть ея послѣдователей присоединена къ Риму, но большинство состоитъ подъ властію Константинопольскаго патріарха“. (Холм. Варш. Еп. Вѣстн. 1880 г. № 5, стр. 81—83).

па и дедича и иныхъ многихъ земель господаря, и его королевское пренайяснѣйшей паней Елизаветы испоконѣвнѣя цесарскаго внука пренанезватѣжнейшаго цесаря Жигимонта пана земли Ракусское и Ческое Вѣгорской подѣлѣто нароженѣя Божьего 1492“¹⁾). Поэтому изслѣдователь легко можетъ впасть въ ошибку, если по однимъ признакамъ существованія нѣкогда православія въ данной мѣстности станетъ заключать объ исконномъ существованіи въ ней русской народности. Такіе признаки служатъ лишь *пособіемъ* въ топографическихъ изысканіяхъ. Гораздо существеннѣе тѣ польско-латинскіе акты, въ которыхъ выражается рѣзкое отличіе народностей. Являясь надежнымъ источникомъ этнографіи, они вмѣстѣ съ тѣмъ весьма близко могутъ подвести насъ къ государственной границѣ, отдѣлявшей нѣкогда народы одинъ отъ другаго, и дѣйствительно подводятъ тогда, когда актъ касается какой-либо украинной области и когда промежутокъ между изслѣдуемымъ временемъ и да-

¹⁾ Часовня эта построена женою Ягайлы, дочерью князя Голштинскаго и Вяземскаго Андрея Ивановича Софьей Андреевнѣй, которая тамъ и похоронена. Въ часовнѣ покоится прахъ сына ея Казимира Ягеллона и жены его Елизаветы. — Сравни ст. Киркора въ С. П. Б. вѣдом. 1876 г. № 110 и Славянскій Краковъ. Труды моск. арх. общ. Т. VI. в. 2. 1876 г. — Надпись эта приведена Сарницкимъ въ *Annalibus Poloniæ*, но въ искаженномъ видѣ. Напр. слова: „пописана бысть сѣя каплица“ замѣнены имъ словами: „побудованъ костелъ сѣя каплица“. Сравни Зубрицкаго (Критич. пов. стр. 30—34). Отъ трехъ словъ „повелѣніемъ“, Замотскаго и Цесарскаго сохранились только окончанія. Остальное замуровано. Точный снимокъ надписи я видѣлъ въ Ягеллоновскомъ музеѣ въ Краковѣ.

тою акта не слишкомъ великъ. Наибольшую цѣну придаю я декретамъ Ягайлы о введеніи въ Червоно - русскихъ городахъ нѣмецкаго права, такъ какъ въ нихъ кромѣ указанія на округъ или уѣздъ, упоминается и народность его населяющая и характеризуются юридическіе обычаи по ихъ національнымъ типамъ. Нельзя, конечно, допустить, чтобы земля, которую королевскій декретъ именуетъ Русскою и которой приписываются имъ Русскіе обычаи и законы, насажденные Русскими князьями, не была ихъ достояніемъ, хотябы обладаніе ею оспаривалось и нарушалось другими государствами. Если же королевскій декретъ приписываетъ землѣ только польскіе обычаи и законы, не называя ее Русскою, то хотя бы она и не была чужда Русскому народу, мы имѣемъ полное основаніе заключить, что связь ея съ другими Червонорусскими землями не успѣла утвердиться и пачала, положенныя въ ея основу Владиміромъ, были въ значительной степени парализованы въ XI и XII вѣкѣ. Такъ въ польскихъ законодательныхъ актахъ нигдѣ мы не найдемъ *прямаго* указанія на русскій элементъ въ городахъ Люблинской земли, за исключеніемъ одного Люблина. Хотя при введеніи въ немъ Нѣмецкаго права въ 1317 году о русскомъ правѣ небыло помину, но и тогда уже оно несомнѣнно тамъ существовало, на что есть косвенный намекъ въ грамотѣ Казиміра Великаго, данной въ Краковѣ 1342 г., на продажу Люблинскаго войтовства какому-то Франкону Могунцкому. Въ актѣ между прочимъ сказано: „Мы, Божією милостію, Казиміръ король Польскій, Краковскій, Сандомірскій, Сѣрадзскій, Ленчицкій, Куявскій и Поморскій, господинъ и дѣдичъ, постановляемъ, чтобы никто изъ воеводъ, каштеляновъ и судей нашего государства не вмѣшивался въ

разбирательство дѣлъ Люблинскихъ мѣщанъ, которое всецѣло предоставляемъ войту, — притомъ исключительно на основаніяхъ права Нѣмецкаго (Тевтонско - Магдебургскаго), а не *какого либо иного*¹⁾. Всѣ же населенныя мѣстности въ области, прилегающей къ Люблинской землѣ, съ правой стороны, и существовавшіе въ ней порядки всегда называются Русскими. Топографическія свѣдѣнія, почерпаемыя изъ разнаго рода грамотъ, я считаю полезнымъ пополнять, между прочимъ, старыми метрическими книгами православныхъ церквей. Въ нихъ изрѣдка попадаются весьма цѣнныя ссылки на мѣстности, откуда приходили Русины для исполненія религіозныхъ обрядовъ въ православныя церкви, обращенныя въ концѣ XVIII вѣка въ уніатскія почти повсемѣстно въ Люблинской губерніи²⁾.

Предѣлы Холмско-Червенской области отчасти уже выяснились изъ сдѣланнаго мною обзора ея судьбы и взаимныхъ отношеній отдѣльныхъ княжествъ, на которыя расчленилась Червонная Русь. Теперь постараюсь представить возможно подробное ихъ описаніе. Сѣверо-восточную границу Холмско-Червенской области я полагаю по долиинѣ рѣки Кросны³⁾, нынѣшней Кржны или Кршны, притока з. Буга. Въ 1243 г., при приближеніи Батня, Даніилъ затворилъ Холмъ и бѣжалъ во владѣнія Василька, а „татарове воеваша до Володавы по озерамъ“. Не видно, чтобы они проникли тогда въ Брестскую землю,

¹⁾ Кн. привил. г. Люблина, л. 2. (Любл. арх. др. акт.)

²⁾ Къ сожалѣнію, я могъ воспользоваться ими въ весьма небольшомъ объемѣ.

³⁾ Въ 1282 г. „Ляхове воеваша у Берестя по Кроснѣ“.

безъ сомнѣнія, хорошо защищенную предусмотрительнымъ и опытнымъ въ военномъ дѣлѣ Василькомъ. Когда въ 1229 г. Даниилъ и Василько пошли къ Конраду на помощь противъ Владислава, то поручили „Угровчанамъ и Берестянамъ стеречи земли отъ Ятвязь“; т. е. первые стерегли Холмскую землю, къ которой принадлежалъ Угровескъ, а вторые Брестскую. Сѣверо-западная граница Холмско-Червенской области оканчивалась не далеко слиянія Тысменицы съ Вепремъ, около села Война (Вогинъ), входившаго въ составъ Брестской земли и отобраннаго поляками отъ Владиміра Васильковича („Воспомыну Володимеръ, оже Лестко взялъ у него село на въкраиницѣ—Войнъ“)“. Отъ Война на югъ начиналась сѣверо-восточная граница Люблинской земли. Она шла по долинѣ Вепря до впаденія въ него Быстрицы, затѣмъ по рѣкѣ Быхавкѣ (правый притокъ Быстрицы), къ которой прилегалъ съ одной стороны Туробинскій округъ, обнимая, такимъ образомъ, всю восточную часть Любартовскаго и Люблинскаго уѣздовъ. Нынѣ въ Любартовскомъ уѣздѣ Русскій элементъ группируется только въ селахъ Дратовѣ (православная церковь), Людвинѣ и отчасти Зезюлинѣ и г. Ленчинѣ, гдѣ до 1820 г. былъ особый православный приходъ; но если мы обратимся къ прошлому столѣтію, то въ старыхъ актахъ найдемъ слѣды Русской

¹⁾ Одною изъ древнѣйшихъ церквей между Войномъ и Влодавкой я считаю св. Николаевскую, въ с. Ополѣ, Влодавскаго уѣзда,—которой въ 1521 г. неизвѣстно кѣмъ дарованы три души крестьянъ и десятина съ сель: Ополя, Русиль, Грабовки, Мостова, Конючкова, Головни, Залеца, Калинокъ, Любичина, Хороштыча, Зарайки и Липовки, и по копѣ ржи съ земель. (Акты Вилен. арх. ком. III. № 5).

народности во всемъ уѣздѣ¹⁾. Существуетъ предположеніе, что Любартовъ основанъ Литовскимъ княземъ Любартомъ Гедиминовичемъ²⁾. Однако, грамота Сигизмунда Августа отъ 1543 г. устраняетъ всякое сомнѣніе въ томъ, что первоначальное его названіе было Левартовъ, которое, съ разрѣшенія короля, дано ему основателемъ города Люблинскимъ воеводою Петромъ Фирлеемъ, изъ Домбровиць, герба Левартъ³⁾. Переименованіе Левартова въ Любартовъ послѣдовало въ 1744 г. по повелѣнію короля Августа III, вслѣдствіе просьбы владѣльца его, одного изъ потомковъ Любарта, маршала великаго княжества Литовскаго Павла Ольгердо-Сангушки⁴⁾. Павелъ Сангушко былъ ревностный католикъ и наиболѣе прославился какъ покровитель капуциновъ, которыхъ поселилъ въ Любартовѣ и Люблинѣ, гдѣ и похороненъ въ капуцинскомъ костелѣ⁵⁾. Но знаменитые его предки держались православія до XVII вѣка. Такъ, напримѣръ, воевода Брацлавскій и гетманъ княжества Литовскаго Романъ Ѳеодоровичъ Сангушко въ завѣщаніи, написанномъ собственноручно, по русски, 10 мая 1571 года, отказалъ на нужды бѣдныхъ греческой вѣры, госпиталей и православ-

¹⁾ Ее напоминаютъ и такія названія, какъ Русская воля недалеко отъ Любартова, съ правой стороны Вепры.

²⁾ Narbutt. Dzieje nar. Litew. т. IV, стр. 86.

³⁾ Obl. Ziemsk. Lubel: кн. 3. стр. 874. Подлинный актъ—въ коронной метрицѣ.

⁴⁾ Бал. и Лип. Star. Pol: т. II.

⁵⁾ Bieg życia Pawła Karola Sanguszka. 1651. Lublin.—Фамилія Ольгердо-Сангушко перешла къ потомкамъ Любарта собственно отъ внука его, сына Ѳеодора Любартовича Ольгерда.

ныхъ церквей 150 копъ (9 тысячъ грошей литовскихъ); относительно же своего Мелецкаго монастыря, гдѣ онъ завѣщалъ себя похоронить, и принадлежащихъ къ нему деревень сдѣлалъ оговорку, что это имѣніе можетъ переходить въ собственность только тѣхъ его родственниковъ, которые будутъ исповѣдывать греческую вѣру¹⁾. Я. Суша, приводя списокъ знаменитыхъ лицъ, занесенныхъ въ помянникъ при Холмскомъ соборѣ, перечисляетъ имена Любартовичей—отъ Любарта, сына Гедимины. Между многими лицами этого дома въ помянникѣ записаны: князь Любартъ-Федоръ съ своими предками и семействомъ (онъ и похороненъ въ Холмѣ), священникъ Феоdorfъ, Анна Любартовна, Іона Блаженный, Гавріилъ, Сильвестръ, Алексѣй, Анастасія и Василиса Сангушки, изъ коихъ первые двое жили въ монастырѣ²⁾. Давнее водвореніе Любартовичей въ Холмщинѣ до самой Влодавы, которая принадлежала имъ въ XVI в., указываетъ на то, что земли, прилегавшія къ Вепрю, сѣвернѣе впаденія въ него Быстрицы, и на востокъ отъ Вепря до Буга, были родовымъ достояніемъ Сангушковъ, исповѣдавшихъ греческую вѣру по примѣру предка своего Любарта³⁾. По-

¹⁾ Кн. городская Рожанская. (Шлоцк. арх. др. акт.). Обращая также вниманіе на отступную запись князя Ивана Сангушки Дорманскому монастырю 1512 г. и жалованную грамоту князю Василию Сангушкѣ на право „подаванья“ церкви св. Василія во Владиміръ-Волинскомъ 1523 г. (Акт. зап. Россіи, т. II. стр. 109 и 154).

²⁾ Елеонскій. Холмская старина. Холм. мѣсяц. 1867 годъ, стр. 93.

³⁾ Сангушки владѣли также, и теперь еще владѣютъ, большими имѣніями на Волыни.

слѣдній никогда не владѣлъ Люблинскою землею, покрайней мѣрѣ въ Люблинскихъ актахъ нѣтъ на это ни малѣйшаго намека, но Холмская Русь или значительная ея часть въ силу договора Литвы съ Польшею 1354 года¹⁾. состояла подъ его верховною властью, до 1366 г., когда, по словамъ Длугоша, Холмъ былъ взятъ Казиміромъ. Предѣлы же Руси въ сѣверо-западной части нынѣшней Люблинской губерніи должны были въ то время оканчиваться тамъ, гдѣ оканчивалась восточная граница Сандомиріи, подъ которой въ Польско-королевскомъ титулѣ (rex Sandomiriæ) обыкновенно подразумѣвалась вмѣстѣ съ Сандомирскою и Люблинская область²⁾,—и гдѣ, началось сплошное Русское населеніе. Изъ метрическихъ книгъ Люблинской Спасо-Преображенской церкви, съ 1744 г., видно, что къ ея приходу принадлежали въ числѣ другихъ и мѣстности, разбросанныя между Любартовомъ, называемымъ въ старыхъ метрикахъ Левартовымъ, и Быхавой, по рѣкамъ Быстрицѣ и Быхавкѣ, гдѣ, слѣдовательно, до половины прошлаго столѣтія сохранились слѣды Русской народности³⁾. На западъ отъ Воина, за рѣкой Тысменицей, начинались Польско-Мазовецкія владѣнія, простиравшіяся на сѣверъ, по присоединеніи къ нимъ значительной части Ятвяжскихъ земель, до сліянія Бобра съ р. Нетой. Пултускъ лежалъ уже въ глуби-

¹⁾ Акт. зап. Россіи, т. 1, стр. 12.

²⁾ Въ грамотѣ Казиміра Великаго о введеніи Тевтонскаго права въ Краковѣ 1356 г. (Vol. leg. т. I стр. 67) онъ называетъ себя „dominus et haeres Russiae“ что относится только къ Львовской или Галицкой области.

³⁾ Метр. кн. № 1, стр. 14, 26 и др.

нѣ Мазовецкихъ владѣній. Когда Владиміръ Васильковичъ послалъ Ятвягамъ жито въ ладьяхъ, то около Пултуска, ночью, на его людей сдѣлано было нападеніе и ладьи потопили. По этому поводу Владиміръ сказалъ Конраду: „подъ твоимъ городомъ избиты мое людье“. Болѣе точное понятіе о сѣверо-восточной границѣ Мазовіи даетъ позднѣйшій документъ 1358 года о раздѣлѣ земель между Литовскимъ княземъ Кейстутомъ и Семовитомъ Тройденовичемъ Мазовецкимъ, изъ котораго видно, что весь Визнинскій округъ принадлежалъ Мазовіи до р. Неты и Бобра¹⁾. Впрочемъ, Визна находилась нѣкоторое время, съ половины XII в., подъ властью Руси, будучи уступлена Польскими князьями Болеславомъ и Мечиславомъ русскимъ князьямъ Игорю, Святославу и Владиміру въ 1145 г. Въ XIII в. она уже принадлежала къ Мазовецкимъ владѣніямъ, какъ видно изъ того, что въ 1251 году Даніилъ, возвращаясь съ Ятвяжскаго похода, „придѣ ко Визнѣ и преиде р. Наровъ, придоста на землю свою“. Къ Мазовіи принадлежала и большая часть Мазовецкаго уѣзда, какъ показываетъ самое его названіе. Если же крупные слѣды кореннаго русскаго населенія и существуютъ въ Высоко-Мазовецкѣ и окрестностяхъ (по направленію къ Брянску), гдѣ есть села Старая Русь, Новая Русь и Русь Соколы, если древле-православная Косьмодемьянская церковь въ Высоко-Мазовецкѣ имѣетъ за собою не менѣе четырехъ столѣтій²⁾, то водвореніе

¹⁾ Ипатск. лѣт. стр. 227 и 540. Мацѣевскій. Hist. prawod. słow. т. I стр. 503, примѣч. Въ актѣ упоминается еще г. Райгородъ, Торговицкъ (около Сувалокъ), рѣка Малая Сухолда и другія названія, которыя трудно разобрать.

²⁾ См. Холм. Варш. Епарх. Вѣстникъ 1877 года, № 8, стр. 12—18.

русского элемента въ этой окраинѣ, по сосѣдству съ Мазурами, относится или къ концу X вѣка или, скорѣе, къ XI вѣку, ко времени продолжительной борьбы Ярослава Великаго съ Мазовшанами¹⁾. Къ пограничнымъ городамъ между Русью и Мазовіей съ половины XIII вѣка слѣдуетъ отнести Дрогичинъ, Луковъ и Венгровъ. Въ 1237 г. Конрадъ Мазовецкій предоставилъ Дрогичинъ какимъ-то Добржинскимъ съ обязательствомъ охранять землю Мазовецкую отъ непріятельскихъ вторженій²⁾. Очевидно, впрочемъ, что Дрогичинская земля весьма не долго находилась подъ властью Мазовецкаго князя, временно отдѣлившаго ее отъ Брестскаго княжества, часть коего она составляла и ранѣе и позднѣе. Въ 1240 г., когда Даниилъ возвратился въ свою землю изъ Польши, гдѣ онъ искалъ жену и дѣтей, бѣжавшихъ отъ Татаръ³⁾, и хотѣлъ вступить въ Дрогичинъ, то его не пустили, несмотря на возраженіе, что этотъ городъ ему принадлежитъ, „и отъиде мысля си, аже Богъ послѣ же отмстые створи держателю града того и вѣдасть и въ руцѣ Данилу, и обнови въ и

¹⁾ Нельзя, однако, отвергать возможности того, что Русь засѣла здѣсь еще при Олегѣ, давшемъ названіе р. Олегъ, близъ р. Лыка (с. в. часть Ломж. губ.). Гонимая за Ятвягами послѣ перехода рѣки Олегъ, Даниилъ заблудился. Ему показали дорогу какой-то Пруссъ, переправившій его чрезъ р. Лыкъ.

²⁾ *Castrum Drochicin et totum territorium quod ex eadem parte castrę continetur a medietate flumіnum Bug et Nur, usque ad metas Ruthenorum, iure hereditario perpetuo.* Балинскій и Липинскій, *Staroż. Polska*, т. II, стр. 1263.

³⁾ Лѣтописецъ говоритъ, что Даниилъ нашелъ свою семью на рѣкѣ Полцѣ. Полагаю, что здѣсь разумѣется рѣка Пилица.

созда церковь прекрасну святое Богородици, и рече: сего градъ мой, прежде бо прияхъ и коньемъ¹⁾. Косвенное указаніе на пограничное положеніе Дрогичина сохранилось въ грамотѣ, данной въ 1494 г. великимъ княземъ Литовскимъ Александромъ Дрогичинской церкви святой Троицы. Въ грамотѣ говорится о введеніи Магдебургскаго права какъ для населенія, исповѣдующаго греческій обрядъ и живущаго по одной сторонѣ рѣки, такъ и для приверженцевъ латинскаго обряда, живущихъ по другой ея сторонѣ²⁾. Городъ издавна дѣлился на Русскій и Лядскій кварталы. Первый на правомъ, второй на лѣвомъ берегу Буга. Но и въ Лядской части были три православныхъ церкви³⁾. Обстоятельство это, а также сохранившіеся явственныя признаки Русской народности въ сѣверо-восточномъ углу Сѣдлецкой губерніи (г. Соколовъ и лежащія по правой его сторонѣ села съ православными церквями⁴⁾) показываютъ, что нормальная граница Мазовіи въ XIII вѣкѣ не простиралась дажѣ рѣки Ливца (притокъ Буга), гдѣ лежитъ Венгровъ⁵⁾, рѣки Збучинки (притокъ Ливца) и верховьевъ Кржны или Кршны, надъ которой расположенъ городъ Луковъ и которая извѣстна Волинскому лѣтописцу подъ именемъ Кросны. Въ Луковѣ, какъ и въ Дрогичинѣ, преобладало

¹⁾ Metr. lit. 192, стр. 3.

²⁾ Балинскій и Липинскій. Staroż. Polska т. II, стр. 1267—1268.

³⁾ См. „Память о древн. правосл. въ Соколовѣ“ (Холм.-Варш. Епархіальный Вѣстникъ 1877 г. № 10, стр. 1—16).

⁴⁾ О немъ см. соч. Балинскаго и Липинскаго т. II, 1262.

Русское населеніе, чѣмъ и объясняется неудача, постигшая проектъ Бартоломея Чеха объ основаніи Луковскаго католическаго епископства, имѣвшій цѣлью подчинить его юрисдикціи сосѣдніе Русскіе края. Хотя разрѣшеніе на учрежденіе епископства и послѣдовало отъ папы Александра IV въ 1257 г., но этому воспротивился епископъ Русско-Любушскій¹⁾. У верховьевъ р. Кросны, недалеко отъ Лукова, въ Межирѣчьи находится весьма древняя церковь, которой еще въ 1581 г. Троцкій воевода Стефанъ Зборовскій пожертвовалъ десятину съ Межирѣчья-Нового²⁾. Восточнѣе, въ с. Кіевцѣ, на той же Кроснѣ—неменьше древняя церковь св. Димитрія, гдѣ хранится евангеліе 1575 года, пожертвованное Кіевецкимъ мельникомъ въ 1602 году³⁾. Луковская земля и въ церковн. и въ политическомъ отношеніи состояла въ тѣсной связи съ землею Люблинскою. Судя по приведенной у Нарушевича привиллегіи Болеслава отъ 1258 г., каштеляны и замки обоихъ земель первоначально были подчинены воеводѣ Сандомірскому, пока не было образовано самостоятельное воеводство Люблинское въ 1471 г., (съ уѣздами Люблинскимъ, Луковскимъ и Уржендовскимъ). Что касается Брестской

¹⁾ Нарушевичъ Hist. nar. Polskiego т. IV стр. 37, примѣчаніе 1.

²⁾ Rosiej o dziesięcinach, стр. 24.

³⁾ См. статью въ Холм. Варш. Епарх. Вѣстн. 1879 года, № 14 и 17, священника Владиміра Татарова, по мнѣнію котораго названіе Кіевца происходитъ отъ Кіева.—Я думаю, что Кіевецъ на Кроснѣ заложенъ строителемъ Кіева Кіемъ также, какъ городище Кіевецъ на Дунаѣ.

области, то, кромѣ Дрогичина и Бреста, къ ней принадлежали г. Рай, Нуръ, Кобринъ, Мѣльникъ и построенные Владиміромъ Васильковичемъ Каменецъ и Бѣльскъ. Изъ большей ея части образовано было Сигизмундомъ I-мъ, въ 1520 г., Подляское воеводство, въ которое вошли округа (*districtus, territorium*) Дрогичинскій, Брестскій, Каменецкій, Мѣльницкій и Кобринскій¹⁾. Нурская же земля отошла къ Мазовецкому воеводству, переформированному Стефаномъ Баторіемъ въ 1576 году²⁾. Брестская область была покорена Владиміромъ Святѣмъ вѣроятно вмѣстѣ съ другими Червенскими городами. Брестъ назывался Берестѣмъ (*Brzeście Ruthenicale*,—по Длугошу). Подъ этимъ именемъ онъ впервые упоминается въ 1019 году, въ исполненномъ драматизма разсказѣ лѣтописца о скитаніяхъ „окаяннаго“ Святополка, преслѣдуемаго и Ярославомъ, и угрызеніемъ своей совѣсти послѣ убійства, Бориса и Глѣба. Доведенный до изнеможенія, онъ уже не въ силахъ былъ сѣсть на коня. Его потащили въ носилкахъ. Кровавыя видѣнія не давали злодѣю покоя. Ему все чудилась рука мстителя, готовая схватить его, и онъ въ ужасѣ восклицалъ: „бѣгите, бѣгите скорѣе,—за нами гонятся“. „Принесоша и къ Берестю”.—Брестъ, лежавшій „на Бузѣ”, какъ показываетъ лѣтописное извѣстіе 1097 года³⁾, по большей части былъ тѣсно связанъ съ Владимірскимъ княжествомъ. Временно онъ отдѣлил-

¹⁾ Нарушевичъ. *Hist. nar. Pol.* т. III, стр. 69 примѣч.

²⁾ L. Tatomin. *Geografia ogólna i statystyka ziem dawnej I'olski.* Краковъ. 1868 г. стр. 151 и 152.

³⁾ Изъ Бреста было послано продовольствіе Ятвягамъ въ ладьяхъ, плывшихъ по Бугу, (1279 г.).

ся отъ него и примкнулъ къ княжеству Туровскому, но затѣмъ, въ концѣ XII вѣка, вновь присоединенъ къ первому. Романъ, часто проживавшій въ Брестѣ, защищалъ его отъ Литовцевъ и Ятвяговъ. По настоянію жителей Бреста, питавшихъ къ Роману большую привязанность, Лешекъ, въ 1204 г., далъ княжество Брестское Данилу и Васильку, но власть Руси была упрочена надъ нимъ не ранѣе 1213 г.—Брестскою областью долго владѣлъ Василько Романовичъ. Отъ него она перешла къ Владиміру Васильковичу, за исключеніемъ Дрогичина и нѣкоторыхъ другихъ городовъ, присоединенныхъ къ удѣлу Льва Даниловича¹⁾. Изъ Бреста Владиміръ Васильковичъ, вмѣстѣ со Львомъ и въ союзѣ съ Литвою, ходилъ на Болеслава къ Вышегороду (на Вислѣ) и къ Люблин у (1282 г.) Владиміру же Васильковичу лѣтописецъ приписываетъ построеніе нынѣшняго г. Бреста. „Сруби Берестій... въ Берестіи же сзда стлѣпъ камень“ (1288 г.). Затѣмъ Брестомъ владѣлъ Мстиславъ Даниловичъ, который, по словамъ лѣтописи, „миръ держа съ околными сторонами — съ Ляхи, съ Нѣмци и съ Литвою“ (1289). Сосѣдство Мстислава съ Прусами поясняется предъидущимъ рассказомъ лѣтописи о томъ, какъ Владиміръ Васильковичъ предъ смертію учинялъ рядъ съ Мстиславомъ Данило-

¹⁾ Левъ домогался и Литовскаго княжества, какъ видно изъ того, что онъ „уби Войшелка завистью, оже бяшетъ далъ землю Литовскую брату его Шварнови“ (1268 г.). Не этимъ ли объясняется, что когда сталъ княжить въ Литвѣ „окаянный, беззаконный, проклятый и немилостивый Тройденъ“, то Левъ „живяше съ нимъ въ велицѣ любви“. Поссорившись со Львомъ, Тройденъ „по-сла Городнянъ велѣ взять Дорогичинъ“ (1274 г.).

вичемъ о землѣ своей. Рядъ происходилъ въ г. Раѣ, куда Владиміръ поѣхалъ изъ Каменца. Очевидно, такимъ образомъ, что Рай-городъ (на границѣ Ломжинской и Сувалкской губерній¹⁾), принадлежалъ къ Брестской области, составляя крайнюю ея сѣверо-западную границу, которая до Нура шла по рѣкамъ Бобру, Нареву и Лизѣ. Шараневичъ, говоря, что Райгородъ принадлежалъ Литвѣ въ то время, когда Визна къ Мазовіи, а Дрогичинъ къ Волини принадлежали, едвали не ошибается²⁾. Граничная черта между Брестскою и Владимірскою областями опредѣляется, кажется мнѣ, теченіемъ впадающей съ правой стороны въ Бугъ р. Мухавца и притока ея Тросцяницы. Отсюда до р. Горыни и Случа раскинулась Владимірская область, сливавшаяся на юго-востоку съ Кіевскою землею, а на сѣверѣ съ Пинско-Туровскимъ Полѣсьемъ. Крайнимъ городомъ Мстислава Даниловича съ восточной стороны былъ Чарторыйскъ, гдѣ онъ построилъ каменный столпъ въ 1291 г. Отъ Литвы же Брестскія владѣнія временно при Даниилѣ, по взятіи имъ въ 1253 г. Гродна и Новгородской земли, и въ 1260 г. Волковыйска, возвращеннаго затѣмъ литовцами, а при Мстиславѣ, получившемъ отъ князя Бурдивиды Волко-

¹⁾ Возвращаясь съ похода на Ятвяговъ въ 1255 г., Даниилъ, идущу по озеру и видѣ при березѣ гору красну и градъ бывшій на ней прежде именемъ Рай".—По Стрыйковскому и Нарупевичу, Райгородъ основанъ Тройденомъ (см. Балинскій и Липинскій, т. 2 стр. 1330).

²⁾ См. Истор. Галиц. Влад. Руси, стр. 136, примѣч. 60.

выйскъ („абы съ нимъ миръ держалъ“¹⁾), отдѣлялись рѣками Нѣманомъ и Шарою²⁾.

Границы, отдѣлявшія въ Холмскомъ Забужьи Русскія владѣнія отъ Польши въ XIII вѣкѣ, ранѣе присоединенія къ нимъ Люблинской земли, до которой Ярославъ Великій отодвинулъ границы Польши, проводятся обыкновенно по рѣкѣ Вепрю, съ правой стороны которой лежала линія городовъ, отбитыхъ Даниломъ въ 1213 г. отъ Поляковъ: Верещинъ, Столпье, Комовъ,— на томъ, между прочимъ, основаніи, что лѣтописецъ, назвавъ ихъ рядомъ съ Брестомъ и Угровескомъ (нынѣ село Угрускъ на Бугѣ, южнѣе Влодавы), прибавилъ о занятіи Даниломъ всей Украйны³⁾. Опредѣлю сначала мѣстоположеніе Верещина, Столпье и Комова, а затѣмъ скажу, почему я несогласенъ съ распространеннымъ мнѣніемъ о древней границѣ между Русью и Польшей. Верещинъ —

¹⁾ Ипат. лѣт. стр. 561 и 614.

²⁾ Шара встрѣчаются въ лѣтописи подъ именемъ Шары (Ипатск. стр. 543).

Мѣстные изслѣдователи иногда ошибочно принимаютъ Брянскій округъ съ г. Брянскомъ, Грод. губ., между Бѣльскомъ и Мазовецкомъ, за особый княжескій удѣлъ, смѣшивая этотъ заштатный городъ съ уѣзднымъ городомъ Брянскомъ, Орловской губ. на Деснѣ (Ипат. лѣт. стр. 242, тоже въ Ников.), бывшамъ, нѣкогда стольнымъ городомъ Брянскаго княжества. Изъ Брянскихъ, князей наиболѣе извѣстенъ Романъ, выдавшій дочь свою Ольгу за Владиміра Васильковича (Ипат. лѣт. стр. 569).

³⁾ Полагая р. Вепрь границею между Русью и Польшею въ XIII вѣкѣ, Бѣляевъ ссылается на свидѣтельство лѣтописи подъ 1213 г. о томъ, что когда Ляхи стали воевать около Буга, то Данилъ выслалъ противъ нихъ свои полки, которые поразили ихъ у Сухой Дорогвы (вѣроятно Суходоль у Файславицъ) и гнали до Вепря. Но это, по моему мнѣнію, ничего не имѣетъ общаго съ вопросомъ о границахъ. Сравн. очеркъ границъ Галицко-Влад. княж. въ соч. Шараневича: Стародавний Львовъ стр. 38—41 и Исторія Галицко-Влад. Руси стр. 102.

на юго-западъ отъ Влодавы, на самой границѣ Сѣдлецкой и Люблинской губерній¹⁾; Столпы — на сѣверо-западъ отъ Холма, близъ Павлова, Комовъ—въ двухъ миляхъ отъ Холма, на югъ, нынѣшній Кумовъ, какъ правильно полагаютъ Бѣляевъ, Барсовъ и еп. Модестъ. Комовъ нельзя сближать съ Космовымъ, близъ Крылова, Грубешовскаго уѣзда, какъ это сдѣлалъ Погодинъ. Въ извѣстной вкладной записи древняго евангелія 1376 г., описаннаго Востоковымъ, говорится „се я, князь Юрій Холмскій, по смерти сына моего князя Семена придала семо къ церкви Божіей пречистой Богоматери на Богомоле село Стрижово, Слепче, Космово, Цуцнево зовомо обануль Бугу“. Въ записи, очевидно, разумѣется нынѣшній Космовъ, Грубешовскаго уѣзда, по сосѣдству съ сохранившимися прежнее названіе селами Слипче и Стрижовъ. Считаю здѣсь уместнымъ сослаться на привилегію короля польскаго Яна Альберта, выданную въ Краковѣ, 1494 г., гдѣ въ числѣ городовъ, принадлежащихъ къ Холмской католической епископіи и освобожденныхъ отъ таможенныхъ пошлинъ при перевозѣ товаровъ, приводятся Скирбешовъ, Павловъ, Савинъ и Кумовъ (Комовъ)²⁾. Слѣдовательно село Кумовъ или Комовъ — весьма давняго происхожденія. Какъ-то разъ въ Галичѣ

¹⁾ Барсовъ ошибочно принялъ Верешинъ, не подалеку отъ Грубешова, за Верещинъ. Матер. для истор. геогр. словаря Россіи, стр. 27.

²⁾ Akt. grod. Chelm. obl., книга 173 стр. 60. Любл. арх. др. акт.

По свидѣтельству Балинскаго и Липинскаго, Кумовъ и Савинъ, гдѣ въ половинѣ XV в. введено Матвѣемъ изъ старой Ломжи Нѣмецкое право вмѣсто Русскаго и Польскаго, были дарованы

Даніилъ сказалъ Мстиславу про Лешка, что онъ „отчину мою держитъ“. Даніилъ считалъ присвоенныя поляками Русскія земли наслѣдственнымъ своимъ достояніемъ, а такъ какъ при князѣ Романѣ Русскія владѣнія придвигались къ Люблинской землѣ, то и подъ украиной лѣтописецъ разумѣлъ не одну линію городовъ съ близкими окрестностями по правой сторонѣ Вепря, какъ полагають Шпараневичъ ¹⁾ и Иловайскій ²⁾, но все пространство отъ этихъ городовъ до восточныхъ предѣловъ Люблинской

католическому епископу Владиславомъ Ягеллой — первый въ 1417, второй въ 1456 г. (Starożytna Polska, т. II стр. 766). Имѣнія эти, вѣроятно, отняты были отъ православнаго духовенства подобно тому, какъ отобраны были Сигизмундомъ, 20 октября 1533 года, принадлежавшія православной Холмской епископіи села Чессинъ и Стржижевицъ съ фольваркомъ Скурдеевымъ (ниже Грабовца) и переданы латинскому епископству (метр. кор. кн. 49, стр. 14. Поцѣй о десятинахъ, стр. 24). Позднѣе уніатскіе епископы не пренебрегали никакими средствами ради обогащенія. Особенною наглостью въ этомъ отношеніи отличался Афанасій Пакоста. По словамъ Суши, онъ оттягалъ мною имѣній даже у магнатовъ. Подтвержденіе свидѣтельства Суши находится въ Холмскихъ судебныхъ актахъ. Такъ, напримѣръ, въ 1623 г. Афанасій Пакоста предъявилъ неосновательный искъ къ князю Владиславу Острожскому, владѣльцу имѣнія Стульно, желая завладѣть его деревней Бутынъ (на с. в. отъ Савина) и взыскать съ него громадную сумму понесенныхъ будто бы убытковъ. (Act. grod. Chelm. obl. и relat. кн. 49, стр. 659 и 773). Въ позывѣ къ суду Пакоста голословно ссылается на принадлежность Бутына его предшественникамъ.

¹⁾ Изслѣд. по отеч. истор. и геогр. стр. 41, примѣч. 54.

²⁾ Ист. Россіи, ч. II, стр. 22.

земли¹⁾. Въ подобномъ же смыслѣ употреблено выраженіе лѣтописца, по поводу похода Льва Даниловича къ Сандоміру: „Левъ восхотѣ себѣ части въ землѣ лядской города на въ крайне“, т. е. всей Люблинской области, лежавшей тогда въ польской украинѣ по отношенію къ Русскимъ владѣніямъ, къ которымъ принадлежалъ и Воинъ, выше Вепря (село на въ краиницѣ). Люблинскихъ Ляховъ лѣтопись называетъ украинянами (1268 г.). Широкий смыслъ придается мною слову „украина“ сообразно съ понятіемъ, какое всегда съ нимъ связывалось встарину, да и теперь еще связывается съ украиной Днѣпровской. Такъ въ 1187 году, когда умеръ Владиміръ Глѣбовичъ Переяславскій, то вся „украина“ о немъ много жалѣла. Для означенія собственно граничной черты былъ употребителенъ въ западной Руси другой древній терминъ—„межа“. Нѣкоторые, согласно съ Карамзинымъ и Арцыбышевымъ²⁾, придаютъ значеніе границы лѣтописному выраженію „сутеска“ или „сутейскъ“, куда Владиміръ Мономахъ ходилъ „мира творити съ Ляхы“, но различно его объясняютъ. Напримѣръ, Петрушевичъ производитъ его отъ „су“ и „теку“ (сутечь), сближая съ польскимъ Sandec (Sądec, Sącz), Santok³⁾. Вѣроятно, Петрушевичъ разумѣетъ принадлежавшій къ Русской Перемышльской епархіи Сандецъ (у слиянія Дунайца съ Попрадомъ)⁴⁾, о которомъ говоритъ Шараневичъ,

¹⁾ Линниченко основательно замѣтилъ, что Русская Украина еще до XIII в. перешла за Вепрь. Взаимн. отнош. Руси къ Польшѣ стр. 181.

²⁾ Истор. Госуд. Рос. т. II, примѣч. 117 и 192.

³⁾ Холм. епарх. и святители ея, стр. 12 примѣч. 16.

⁴⁾ Гарасевичъ. Annales ecclesiae ruthenae—1862 г. стр. 303.

что Римляне называли его Азанца¹⁾ и который, по свидетельству Зубрицкаго, былъ подаренъ Болеславомъ Цѣломудреннымъ женѣ его Кунегундѣ въ 1257 г.²⁾— Изъ словъ Шараневича можно заключить, что, по его мнѣнію, названіе Сутейскъ означаетъ вообще мѣстоположеніе около сліянія рѣкъ. Барсовъ, нашедшій въ Забужьи много названій, напоминающихъ Сутѣскъ или Сутѣйскъ, считаетъ ихъ прежними порубежными мѣстами³⁾; другіе полагаютъ, что Сутѣйскъ есть городъ. Ходаковский указывалъ на *несуществующій* Сутейскъ въ Красноставскомъ уѣздѣ Люблинской губерніи. Шафарикъ нашелъ существующую Сутеску въ Подольской губерніи. Къ послѣднему мнѣнію присоединился и Линниченко, основываясь на Воскресенской лѣтописи, гдѣ Сутескъ помѣщенъ въ числѣ городовъ (литовскихъ⁴⁾). Я также не вижу основанія не довѣрять упомянутой лѣтописи, полагая, что Сутейскъ лежалъ гдѣ либо по близости Червена (Давидъ зая Сутейскъ и Червень); отнесенъ же онъ къ Литовскимъ городамъ потому, что во время составленія Воскресенской лѣтописи онъ находился подъ властію Литвы.

Въ данномъ случаѣ, такъ называемые столпы, остатки которыхъ сохранились во многихъ мѣстахъ и которые нѣкоторыми считаются пограничными знаками до XIV в., въ топографіи Червонной Руси не могутъ намъ оказать

¹⁾ Исслѣд. по отеч. ист. и геогр. стр. 19.

²⁾ Границы между Русск. и Польск. нар. Вѣст. ю. з. Россіи 1863 г. стр. 90—118.

³⁾ Очеркъ истор. геогр. и матер. для истор. геогр. слов. Россіи.

⁴⁾ Взаим. отношен. Россіи и Польши, стр. 117, примѣчаніе I.

никакой помощи¹⁾. Столпы обыкновенно воздвигались вѣ города, предѣ городскими воротами, имѣя значеніе крѣпостнаго форпоста, прикрывавшаго городъ. Въ походѣ на Литву 1277 г. князья Владиміръ, Мстиславъ и Юрій долго не могли взять Городна (Гродно²⁾).—„Столбъ бо бѣ камень высокъ стоя передѣ ворота города и бяху въ немъ заперлися Прузи и не бысть имъ мимо оны поити къ городу, но побивахуть бо со столпа того: и такъ приступиша къ нему и взяша и, страхъ же великъ и ужасъ паде на городъ и быша аки мертвы стояще на забролѣхъ города, о взятіи столпа, зане то бысть упованіе ихъ“. Миѣ кажется, что столпъ, стоявшій недалеко отъ городскихъ воротъ Люблина, находился въ непосредственной связи съ княжескимъ дворомъ и монастыремъ, постройки которыхъ могли быть разрушены татарами. „Выбѣже Конрадъ во столпъ ко мнихомъ, съ бояры своими и слугами“. Шараневичъ полагаетъ, что и во Львовѣ былъ монашескій укрѣпленный столпъ, оборонявшій городъ съ западной стороны³⁾, Люблинскій

¹⁾ Нельзя столпы смѣшивать съ вѣжами. Половецкія и Татарскія вѣжи—временныя деревянныя укрѣпленія. Подобная вѣжа была въ Холмѣ „создана древомъ тесанымъ“, вѣроятно для наблюденія за непріятелемъ—отъ корня „вѣд“.—Впослѣдствіи вѣжа служила мѣстомъ заключенія: „Князей, пановъ и землянь у вѣжу не сажати“, сказано въ уставной грамотѣ 1509 г. (Ак. зап. Рос. т. II, № 54).

²⁾ Шараневичъ (Стародавний Львовъ, стр. 27, примѣч. 69) смѣшалъ, по ошибкѣ, Городно съ Новгородкомъ, къ коему предпологали сначала двинуться князья, но, узнавъ о занятіи его Татарами, пошли къ Городну (Сравни. Илов. Истор. Россіи, часть II, стр. 495).

³⁾ Старод. Львовъ стр. 27.

столпъ находился на горѣ. „Ста Конрадъ на горѣ у мниховъ“. — Близъ самаго Люблина мнѣ извѣстны три горы: на одной —меньшей — построены костелъ св. Николая, другая—Бѣлковская гора— не представляетъ ничего замѣчательнаго, —третья, весьма значительная по высотѣ и объему, есть та самая, на которой утверждена древняя каменная башня круглой формы). Эту башню построилъ Данииль. Въ лѣтописи S. Crucis подъ 1244 г. говорится: „Rutheni per diversos insultus Lublin et totum territorium devastant et succendunt et *castrum* pro se aedificare ceperunt et turrin muratam fecerunt“. По словамъ Длугоша, Данииль „In Lublin adveniens tam *castrum* quam *civitatem* capit et universam terram Lublinensem sibi appropriat et usurpat... Turrim rotundam ex coctis lateribus in *castri* medio aedificat“ (I. VII, p. 628, 1244.). Нѣкоторые недовѣрчиво относятся къ приведеннымъ извѣстіямъ, противопоставляя имъ выраженіе, употребленное Данииломъ и Василькомъ въ переговорахъ съ Люблинянами по взятіи города въ 1245 г.: „не помогайте князю своему“, полагая, что Люблинъ остался за Болеславомъ Студивымъ. Это — очевидное недоразумѣніе, такъ какъ приведенный „завѣтъ“, обращенный къ *горожанамъ-Ляхамъ* тогда, когда они „начаша просити милости“, вовсе не исключалъ подчиненія ихъ Даниилу. Тѣже *горожане-Ляхи* не впустили въ Люблинъ Конрада Мазовецкаго и Юрія

¹⁾ Такая же башня есть около Каменца. О ней см. Иловайского Ист. Россіи, ч. II стр. 500.

Въ Люблинской башнѣ устроено нѣсколько просторныхъ камеръ со входомъ по широкой винтообразной каменной лѣстницѣ ведущей на самую вершину. Стѣны башни въ нѣсколько локтей толщиною—имѣютъ амбразуры.

Львовича въ 1287 г., сказавъ первому: „голова намъ Краковъ, тамо и воеводы наши и бояри велици; оже имешъ княжити во Краковъ тотъ мы готовъ твой“. Считая построеніе Данииломъ круглой каменной башни безусловно достовѣрнымъ, я отношу его къ тому самому столпу, гдѣ нашелъ себѣ убѣжище Конрадъ Семовитовичъ. Длугошъ отличаетъ „castrum“ отъ „civitas“, говоря, что башня воздвигнута in medio castrі. Подъ castrum онъ разумѣетъ замокъ, построенный впервые Болеславомъ Храбрымъ на горѣ, гдѣ находится столпъ, и возобновленный Данииломъ, а впоследствии подвергавшійся неоднократнымъ перестройкамъ. Подъ „civitas“ онъ разумѣетъ самый городъ. Связь столпа съ княжымъ дворомъ доказывается всей исторіей Люблинскаго замка), гдѣ долго проживалъ Длугошъ при дворѣ Казимира IV, и въ особенности тѣмъ, что въ юго-западной Руси и Мало-Польшѣ княжьи дворы обыкновенно устраивались внѣ города. Такъ, по удостовѣренію Волынской лѣтописи, въ Перемышлѣ „бже дворъ княжъ внѣ города на лузѣ¹⁾, надъ Саномъ,“ тогда какъ самый городъ былъ расположенъ „надъ рѣкою надъ Вагромъ“. Когда въ 1229 году Данииль подступилъ къ Галичу, то „Галичъ бо бѣ ся затворилъ, Данииль же взя дворъ Судиславъ“. Расположеніе Люблина и характеръ населенія его въ XIII вѣкѣ лучше всего уяснится, если мы сравнимъ его съ расположеніемъ Кракова. Описывая осаду Болеславомъ Семовитовичемъ г. Кракова, захваченнаго соперникомъ его

¹⁾ Исторія этого замка подробно изложена Зѣлинскимъ въ его монографіи „miasta Lublina 1879 г.

²⁾ Ипат. лѣт. 1871 г. стр. 310.

Генрихомъ Вратиславскимъ (1290), лѣтописецъ говоритъ: „Болеславу пришедшу... въѣха въ *мѣсто*, а въ *городъ* нельзѣ бысть въѣхать ратными зане боряху крѣпко на него пороки и самострѣлы тѣмъ же немощно бысть приступити къ нему и стаща около города въѣдающе села.... *мѣстиче* же) не бяхуса по Болеславѣ съ *горожаны*“.

Здѣсь сравнительный методъ толкованія лѣтописи приноситъ намъ великую услугу. Подобно тому, какъ Краковъ состоялъ изъ двухъ частей — изъ города, куда Генрихъ Вратиславскій помѣстилъ засаду (гарнизонъ) изъ лучшихъ своихъ мужей нѣмцевъ, и изъ мѣста, обыватели коего—мѣстичи (мѣщане) не предпринимали противъ войскъ Генриха Вратиславскаго никакихъ враждебныхъ дѣйствій, хотя, повидимому, Болеславъ и рассчитывалъ на ихъ поддержку; — точно также и Люблинъ дѣлился на двѣ половины—на городъ, обнесенный стѣною, и на мѣсто или предградье. — Въ первомъ, весьма небольшомъ тогда по своимъ размѣрамъ, обитали преимущественно поляки, во второмъ — преимущественно, если не исключительно, русскіе. Улица Русская, гостинецъ Русскій, церкви Св. Николая и Спаса Преображенія находились въ мѣстѣ, центромъ котораго былъ княжескій дворъ. Костелъ Св. Михаила былъ построенъ Лешкомъ Чернымъ на одной изъ окраинъ города. Первобытный видъ Люблинскаго мѣста напоминаетъ мнѣ „градецъ малъ“, расширенный впослѣдствіи, но заложенный первоначально Данииломъ около стараго Холма, на

¹⁾ Выраженіе „мѣстичи“ часто встрѣчается въ актахъ юго-западной Россіи. Зубрицкій неточно зоветъ ихъ помѣщиками (см. Критич. пов. о Червонной Руси стр. 136, прим. 38).

горѣ, по наклонности его ставить города на трудно доступныхъ высотахъ. Съ теченіемъ времени и съ увеличеніемъ народонаселенія раздвигались предѣлы города, мѣсто получило названіе предмѣстья, а рядомъ съ нимъ возникли новыя предмѣстья, изъ коихъ нѣкоторые или слились съ городомъ, или вовсе исчезли¹⁾. Люблинское мѣсто обнимало, вѣроятно, два нынѣшнихъ смѣжныхъ предмѣстія—Чвартекъ и Калиновщину, расположенныхъ по рѣкѣ Быстрицѣ, съ восточной стороны города. Мнѣніе мое о томъ, что Люблинскіе „мѣстичи“ были русскіе по происхожденію и по вѣрѣ, оправдывается изысканіями Шараневича, что въ Червонорусскихъ областяхъ, присоединенныхъ къ Польшѣ, малоруссы вытѣснялись изъ городовъ въ предмѣстья, почему въ большинствѣ случаевъ не пользовались городскими привиллегіями²⁾. —Разъяснивъ значеніе столповъ, обращаюсь снова къ прерванному топографическому изслѣдованію, принимая за исходную точку статутъ Казимира Великаго 1347 года, узаконившій искони существовавшій въ Червонной Руси обычай опредѣлять земельныя границы теченіемъ рѣкъ и ручьевъ³⁾.

¹⁾ Процессъ образованія мѣстъ въ западной Руси наглядно изображенъ въ грамотѣ Сигизмунда отъ 22 марта 1523 г., жителямъ королевской Клещелязской отчины, Бѣльскаго уѣзда. „У Клещелязѣхъ... люди почалися были мѣсто садити“ и т. д. Люди тѣ названы „мѣщанами“. (Акты западной Россіи, томъ II, № 123).

²⁾ Rys wewnętrznych stosunków Galicyi wschodniej w drugiej połowie XV wieku. Lwow. 1869 г. стр. 110, 197 и др.

³⁾ Vol. leg. т. 1. стр. 6.

Авторитетъ, которымъ пользуются мнѣнія такихъ ученыхъ, какъ Шараневичъ, Бѣляевъ, и Иловайскій, налагаетъ на несогласнаго съ ними изслѣдователя обязанность противопоставить ихъ выводамъ свидѣтельство достовѣрныхъ актовъ. Я буду опираться преимущественно на два документа большой важности: 1) грамоту Владислава Ягайлы отъ 1420 г. и 2) грамоту Познанскаго воеводы Андрея и Викентія Швыдвовъ—Шамотульскихъ отъ 1510 г. Сущность первой грамоты заключается въ слѣдующемъ: По просьбѣ вельможнаго и шляхетнаго Доброгоста изъ Шамотулъ и жены его Елизаветы, Владиславъ Ягайло преобразовалъ въ городъ ихъ родовое село Туробинъ, находящееся въ землѣ Русской и уѣздѣ Холмскомъ, съ предоставленіемъ имъ сохранить нынѣшнее названіе Туробинъ или замѣнить его какимъ либо инымъ и съ распространеніемъ на новой городъ правъ привиллегій, вольностей и обычаевъ, какими пользуются иные города. Вмѣстѣ съ тѣмъ Ягайло навсегда изъялъ его отъ дѣйствія правъ Польскаго, Русскаго и всякаго другаго и подчинилъ праву Нѣмецкому, называемому Магдебургскимъ, съ упраздненіемъ права Польскаго, Русскаго и иного, несогласнаго съ тѣмъ правомъ Нѣмецкимъ. Поэтому, (говорится въ грамотѣ), „освобождаетъ всѣхъ обывателей упомянутаго города, въ томъ числѣ православныхъ (schismaticis) и иныхъ невѣрныхъ отъ подчиненія всякимъ нашего королевства воеводамъ, каштелянамъ, судьямъ, подсудкамъ и подвѣдомственнымъ имъ должностнымъ органамъ, съ тѣмъ, чтобы ни въ одномъ дѣлѣ, какъ важномъ, такъ и маловажномъ, не становились передъ ними въ случаѣ позыва, не привлекались къ отвѣту передъ ними, и по ихъ распоряженіямъ не подвергались наказаніямъ, но всецѣло подлежали бы юрисдикціи

своихъ войта и радцевъ, а войтъ, въ случаѣ принесенія на него жалобы, да отвѣтствуетъ только или передъ своимъ паномъ, или передъ нами. По такимъ преступленіямъ какъ кража, убійство, поджогъ, причиненіе ранъ и тому подобное, предоставляемъ войту полную власть судить, постановлять приговоры, подвергать карамъ или увольнять отъ наказаній согласно съ предписаніями Нѣмецкаго права, соблюдая неприкосновенность нашихъ королевскихъ прерогативъ¹⁾“. Вторая грамота, выданная г. Туробину (лежащему, какъ сказано въ грамотѣ, въ землѣ Холмской, въ уѣздѣ Красноставскомъ) по ходатайству Туробинскихъ мѣщанъ, вслѣдствіе опустошенія города Татарами и гибели всѣхъ документовъ, содержитъ въ себѣ: а) подтвержденіе правъ на пользованіе городскими землями, съ уплатою опредѣленной денежной повинности, на взиманіе пошлинъ какъ за привозъ товаровъ къ ярмаркамъ, коихъ установлено двѣ—одна въ день св. Ядвиги, а другая въ день Петра и Павла, такъ и за переправу чрезъ рѣку *Бродню* (*Brodne*), и б) указаніе на порядокъ окончанія возникшихъ и производства вновь возникающихъ дѣлъ гражданскихъ и уголовныхъ. Всѣ эти дѣла должны рѣшаться на основаніи права Нѣмецко-Магдебургскаго съ нѣкоторыми изъятіями для дѣлъ, подвѣдомыхъ королевской власти. Особеннаго вниманія заслуживаютъ два пункта привилегіи: одинъ, опредѣляющій районъ, на который распространяется дѣйствіе Магдебургскихъ законовъ. Въ этотъ районъ грамота включаетъ принадлежавшія къ Туробинскому округу села *Бере-*

¹⁾ Тою же грамотою установлена въ Туробинѣ еженедѣльная ярмарка.

зовую-Волю (Brzozowa Wola) и Олыпанки (Olszchankas). Другой пунктъ, опредѣляющій имущественное положеніе Туробинскаго священника. Въ немъ между прочимъ трактуется о предоставленіи послѣднему въ собственность строенія, находящагося за *Русскою церковью*. Едва ли можно требовать болѣе полновѣснаго подтвержденія того, что весь Туробинскій округъ еще въ началѣ XV вѣка былъ *Русскою* землею съ сплошнымъ русскимъ населеніемъ греко-восточнаго исповѣданія, имѣвшимъ свои церкви. Если при введеніи Магдебургскаго права наряду съ Русскимъ упразднилось польское право, то это понятно, такъ какъ Вислицкій статутъ, съ нѣкоторыми ограниченіями относительно обычнаго Русскаго права, введенъ былъ Казиміромъ Великимъ во всѣхъ Русскихъ земляхъ, присоединенныхъ къ Польшѣ. Я, впрочемъ, несколько не отвергаю, что приливъ Польскаго элемента въ забужную Украину достигъ въ то время значительныхъ размѣровъ. Но этотъ приливъ, какъ я уже замѣтилъ, имѣлъ колонизаціонный характеръ, подобно переселенію нѣмцевъ и евреевъ, вытѣснившихъ русское населеніе изъ многихъ городовъ и селъ Холмскаго забужья. Казиміръ Великій въ опустошенныхъ войною русскихъ краяхъ раздавалъ нѣмецкимъ поселенцамъ значительные участки земли за небольшую плату въ мѣстностяхъ бесплодныхъ¹⁾. Въ Туробинѣ процентъ евреевъ

¹⁾ Зубрицкій. Границы Русск. и Польск. народ. въ Галиціи *Вѣстн. ю. з. и з. Россіи* 1863 г. стр. 117.—Я. Головацій утверждаетъ, что до Казиміра Великаго не было на Русской землѣ ни Польскихъ поселеній, ни ксендзовъ, ни костеловъ (Карпатская Русь. Ж. М. Н. П. Іюнь 1875 г., стр. 366), и что Польское народонасе-

уже въ XVI вѣкѣ былъ весьма великъ, какъ видно изъ грамоты владѣтеля (дѣдича) Туробина воеводы Познанскаго, старосты Бусскаго, Кольскаго и Ушицкаго графа Станислава Горки отъ 1589 г. Въ ней жида, имѣвшие свои недвижимости въ Туробинѣ, обязываются отбывать всѣ городскія повинности, а упорствующихъ предоставлено городской управѣ подвергать наказаніямъ). И теперь преобладаетъ въ Туробинѣ и на юго-западъ отъ него—въ селахъ Отрочѣ и Брапевѣ-русское населеніе, становясь рѣже по направленію къ сѣверу до д. Старая-Весь, у истоковъ рѣки Быхавки, по если мы хотимъ утвердить на прочныхъ устояхъ западную границу Холмско-Червенской области, то для насъ важно убѣдиться, что это явленіе—не случайное, а есть органическій продуктъ того положенія вещей, которое мы унаслѣдовали отъ среднихъ вѣковъ;—для насъ важно почерпнуть изъ официальныхъ польскихъ источниковъ доказательства правъ гражданства русской народности не только въ самомъ Туробинѣ и ближнихъ юго-западныхъ окрестностяхъ, но и въ селахъ, лежащихъ на сѣверъ и западъ отъ него и имѣвшихъ нѣкогда значеніе его пригородовъ. Такими селами были двѣ Ольшанки, одна нѣсколько выше Отроча, другая немного правѣ посада Быхавы, и Березовая Воля, нынѣ Березовка или Бржозувка, въ Яновскомъ уѣздѣ, между Красникомъ и Яновымъ. Поэтому за-

леніе сосредоточивалось по большей части въ городахъ и мѣстечкахъ, въ селахъ же было не въ большомъ количествѣ (тамъ же стр. 374).

¹⁾ Апелляція приносилась на имя замковаго правленія. Въ большіе христіанскіе праздники запрещалась жидамъ всякая публичная дѣятельность подъ угрозою штрафа въ сто гривенъ.

адная граница Холмско-Червенской области, известной у Поляковъ подъ именемъ Русской земли, должна была проходить между Быстрицей и Гелчевомъ, притокомъ Поры, огибая Быхаву¹⁾, и между рѣками Санною (притокъ Вислы) и р. Поръ, на которой лежитъ Туробинъ. Далѣе граница Холмской украины шла по верховьямъ Лады, Тарнева и Бѣлой, гдѣ она должна была встрѣчаться съ сѣверной границей Галицко-Перемышльской области.

Такимъ образомъ Тарногородъ (около южной границы Бѣлгорайскаго уѣзда Люблинской губерніи) лежалъ, несомнѣнно, въ Перемышльской области. Такъ какъ и некоторые склонны смѣшивать Тарногородъ съ Тернавой²⁾, то я считаю необходимымъ указать на время его основанія, по содержанію учредительной грамоты короля Сигизмунда Августа, данной на Петроковскомъ генеральномъ сеймѣ, въ среду послѣ дня Св. Станислава, въ маѣ 1567 г.,— тѣмъ болѣе, что грамота содержитъ въ себѣ драгоцѣнный слѣдъ Русской народности и православія въ Заборщинѣ, тяготѣвшей сначала и въ церковномъ отношеніи къ Перемышльской епархіи. Вслѣдствіе просьбы воеводы Сандомирскаго Станислава Тарновскаго, владѣльца ключа Крешовскаго, о томъ, что въ имѣніяхъ этихъ есть мѣстность „Tschoningrod“, удобное для zaloженія города, и ради увеличенія доходовъ съ Кре-

¹⁾ Старѣйшій документъ, касающійся Быхавы, есть грамота Сигизмунда отъ 1587 г. о предоставленіи дѣдичу Быхавы каштеляну Львовскому Николаю Пильчинскому заложить г. Клетно (Obl. grod. Lub., кн. 6., стр. 150).

²⁾ Напр. Линниченко. Взаимн. отнош. Руси и Польши, стр. 181, примѣч. 3.

шовскихъ имѣній, король уполномочилъ шляхетнаго Флоріана Сланку (Slanka) основать городъ подъ именемъ Тарногородъ, предназначивъ 60 лановъ земли для распределенія ихъ между мѣщанами подъ постройки, съ тѣмъ, чтобы вновь поселенные мѣщане были освобождены отъ платежа всякихъ податей на 20 лѣтъ. „Устанавливаемъ“, говорится далѣе въ грамотѣ, „въ новомъ городѣ годовыя ярмарки и недѣльные базары. Дозволяемъ мѣщанамъ заниматься всякаго рода ремеслами. Изъедемъ учреждаемый городъ изъ подъ права Польскаго и *Русскаго* и даемъ ему право Нѣмецкое или Магдебургское. Жалуемъ для *Русскаго священника* (рго ророне Rutheno) поланокъ земли. Самому-же Флоріану Сланкѣ дозволяемъ образовать войтовство въ томъ городѣ, для чего предоставляемъ въ его собственность шесть лановъ невыкорчеванной земли и мѣсто на постройку войтовскаго двора, съ правомъ устраивать „саджавки“ и проч. Войту предоставляемъ право суда надъ мѣщанами, самъ же войтъ отвѣтствуетъ токмо предъ земскимъ судомъ“¹⁾. Эта привиллегія была подтверждена канцлеромъ и фельдмаршаломъ войскъ Рѣчипосполитой, старостою разныхъ земель Яномъ Замойскимъ, получившимъ во владѣніе Крешовскія и Замѣховскія имѣнія, какъ видно изъ привиллегіи его, данной 28 іюля 1590 г., въ Новомъ-Замостьѣ, въ подтвержденіе всѣхъ королевскихъ грамотъ, пожалованныхъ жителямъ этихъ имѣній²⁾. Справедливость требуетъ сказать, что въ концѣ XVI вѣка завелся въ Тарногородъ и Латинскій костелъ, постройка котораго

¹⁾ Oblat. grod. Lubelsk. кн. 456, № 117.

²⁾ Oblat. grod. Lubelsk. кн. 456, стр. 107.

разрѣшена Сигизмундомъ Августомъ привилегіей, данной на генеральномъ сеймѣ въ Люблинѣ 17-го іюля 1569 года ¹⁾.—Границы русскаго воеводства, въ составъ коего вошла впослѣдствіи Холмско-Червенская область въ томъ видѣ, въ какомъ она показана на давнѣйшей и лучшей картѣ Люблинскаго воеводства Karola de Perthée 1786 г. ²⁾, хотя не совпадаютъ съ указанною мною, однако, на ней часть Туробинскаго округа, вмѣстѣ съ Туробиномъ, отнесена къ Русскому воеводству. Здѣсь-то, въ окрестностяхъ Туробина, между Тарнавкой, близъ Красника, и Тарнавой ³⁾, рядомъ съ Ольшанкой, была знаменитая Тернава, гдѣ заключались договоры между Русскими и Польскими князьями и куда, вѣроятно, изъ Гостынина „любимаго Болеславева мѣста” (Варш. губ.) звалъ на сеймъ князя Василько Романовича Болеславъ Семовитовичъ черезъ Люблинскаго священника. Тарновъ же никогда не назывался Тернавой. Въ привилегіи, данной Тынецкому монастырю въ началѣ XII вѣка, упоминается впервые Тарновъ (Tharnov), очевидно тотъ

¹⁾ Ibid., стр. 100. Въ этой привилегіи, которою предоставлялось обывателямъ выстроить костель, на свой счетъ, и право избирать ксендза по своему усмотрѣнію, весьма характеристиченъ мотивъ, въ силу котораго запрещалось жидамъ проживать и строиться въ городѣ и окрестностяхъ. „Дабы устранить общеніе паршивыхъ овецъ съ вѣрными овечками Іисуса-христіанами..

²⁾ Издана въ Парижѣ Tardieu.

³⁾ Тарнавой, или Тернавой по произношенію туземныхъ крестъ инъ, называется мѣстность на протяженіи цѣлой версты по рѣкѣ Поръ. Въ томъ же околоткѣ, близъ Отроча, на горѣ, рѣстьяне указываютъ слѣды древняго города.

самый, который многие считают сеймовымъ городомъ, такъ какъ онъ поименованъ въ привилегіи рядомъ съ Пильзно (Pilzno) и Мысловицами (Misłowici¹⁾). Замѣчу, что и на рѣкѣ Санѣ было до 1441 г. мѣстечко Терновое поле (Therņowe pole), которое королевскимъ декретомъ этого года замѣнено названіемъ Тернова (Therņowa)²⁾. До половины XV вѣка въ Тарновѣ, на предмѣстьи Борки, было Русское населеніе. Тамъ, въ церкви Св. Богородицы, какъ утверждаетъ Длугошъ, — Кіевскій митрополитъ Исидоръ, потомъ Римскій кардиналъ, совершалъ въ 1440 г. богослуженіе по греческому обряду (more suo graeco).

Предъ изслѣдованіемъ южной границы Холмско-Червенской области необходимо внимательно обозрѣть предѣлы Галицкаго княжества съ XII в., въ исходѣ котораго оно разрослось до крайнихъ своихъ размѣровъ, — со включеніемъ областей, составлявшихъ ранѣе самостоятельныя княжества, Перемышльской, Терембовельской и Звѣнигородской, — необходимо особенно въ виду высказаннаго нѣкоторыми историками предположенія, что Червень могъ преобразиться въ Червоногородъ (въ юго-восточной Галиціи)³⁾. Однимъ изъ украинскихъ горо-

¹⁾ Wojciechowski. Chrobascja. Т. 1, стр. 247. Тынецъ, упоминаемый Ипатскою лѣтописью (стр. 615), близъ Кракова, на Вислѣ. Тынецкій монастырь основанъ Казиміромъ I въ 1014 г. (Длугошъ. Lib. benefic. III, 181, 183).

²⁾ Stadnicki. O Wsiach tak zwanych Woloskich. 1848, стр. 31.

³⁾ Червоногородомъ владѣли князья Русскіе до 1240 г., пока Татары не заняли всего Подолья. Въ 1331 г. владѣлъ имъ кн. Корiatовичъ, получившій его отъ Ольгерда. Въ грамотѣ Казиміра Ягелловича 1448 г. о введеніи Магдебургскаго права онъ названъ

довъ распространеннаго Галичскаго княжества былъ Терембовль (у слиянія р. Гнѣзны съ Середомъ¹⁾), какъ оказывается изъ описанія войны Владимірка Галицкаго съ Всеволодомъ Ольговичемъ Кіевскимъ 1144 г. Войска встрѣтились подъ этимъ городомъ. Ихъ раздѣляла рѣка Середъ. Войска пошли каждое по своему берегу, внизъ по рѣкѣ. Украинное положеніе Терембовля выясняется также изъ описанія похода, предпринятаго въ 1153 году Изяславомъ Мстиславичемъ противъ Ярослава Галицкаго. Изяславъ отрядилъ Владиміра Андреевича и сына своего Мстислава съ Черными Клобуками завязать съ Галицкимъ войскомъ бой черезъ р. Середъ, а самъ выступилъ къ Терембовлю. На другой день утромъ Изяславъ перешелъ рѣку Середъ и остановился. Ярославъ поспѣшилъ къ Терембовлю черезъ Сновъ, но Изяславъ еще до прихода его переправился черезъ Середъ. Произошла кровопролитная битва, продолжавшаяся отъ полудня до вечера. Галичане бѣжали въ свой городъ Терембовль. Въ концѣ XII вѣка часть сѣверо-восточной Галиціи отошла къ Владимірской области. Въ 1196 году Владиміръ Ярославичъ Галицкій „пожегъ волость Романа Мстиславича (Владимірскую) у Перемиля. Даніилъ считалъ Перемиль своимъ наслѣдственнымъ достояніемъ, отобравъ этотъ городъ, при помощи Василька, отъ Александра въ 1211 г., завладѣвшаго имъ по смерти Романа.

Червоныгородомъ (Бал. и Лип.). По мнѣнію Нарушевича, Червоногородъ во время завоеванія Владиміромъ Червенскихъ городовъ находился во власти Печенѣговъ (т. II стр. 292).

¹⁾ О Теремболѣ см. монографію Ильницкаго, изд. въ Львовѣ 1862. Стародавн. Галицк. города ч. III.

Во второй половинѣ XIII в. Перемиль находился въ рукахъ Владиміра Васильковича, располагавшаго всею Брестско - Владимірскою областю. Описаніе встрѣчи Телебуги Русскими князьями (съ питьемъ и дарами, въ знакъ покорности) подтверждаетъ какъ сліяніе съ Волыною части Галичины, такъ и то, что Перемиль находился на р. Липѣ, впадающей въ Днѣстръ, — вѣроятно у верховьевъ ея на югъ отъ Буска. Князья встрѣтили Телебугу въ слѣдующемъ порядкѣ: на р. Горыни Мстиславъ Даниловичъ Луцкій, въ *Перемиль, на рѣкѣ Липѣ*, Владимиръ Васильковичъ, а у Бужковичей Левъ Даниловичъ¹⁾. Умаленіе Галичины произошло, мнѣ кажется, во время смутъ, порожденныхъ безпутнымъ поведеніемъ сына Ярослава Осмомысла Владиміра, отнявшаго Галичъ отъ брата Олега, коему онъ былъ завѣщанъ отцемъ, что и вызвало призваніе боярами на Галицкій столъ Романа Мстиславича. — На восточную границу древней Галичины указываетъ также битва Святополка съ Володаремъ и Василькомъ 1099 г. на полѣ *Рожни*, откуда пораженный Святополкъ бѣжалъ во Владиміръ. Одержавъ побѣду, Володарь и Василько сказали: „довлѣетъ нама на межи своей стати“ и далѣе не пошли. По мнѣнію Зубрицкаго, хотя можно полагать мѣстомъ одержанной Ростиславичами побѣды дер. Рожковице въ Тарнопольскомъ округѣ, на сѣверъ отъ Збаража, но правдоподобнѣе, что Рожне поле означало просто ржаное поле, удобное для сраженія²⁾. Съ мнѣніемъ Зубрицкаго нельзя согласится. Рож-

¹⁾ Ипат. лѣт. стр. 558.

²⁾ Истор. Галич. русск. княж. т. II стр. 33.

не поле, какъ правильно замѣчено Барсовымъ, скорѣе находилось тамъ, гдѣ нынѣ село Рожнево, между верховьями Стыря и Серета, на с. отъ Бужска, по дорогѣ къ Бродамъ. Этому не противорѣчитъ и извѣстіе подъ 1144 г., что Всеволодъ Ольговичъ и Владиміръ Галицкій, встрѣтившись у Терембовля, не могли сразиться, будучи раздѣлены рѣкою Серетъ: „Идоша обои подле рѣку занедѣлю къ Звѣнигороду и на Рожки-поли немогошася бити, зане Володимеръ стоя на Голыхъ горахъ“. Изъ приведенныхъ словъ Володаря и Василько видно, что Рожне-поле составляло крайній пунктъ Галицкихъ владѣній на сѣверо-востокѣ. За ними лежала земля Луцкая, между верховьями р. Луги (притокъ з. Буга) и р. Стыремъ, близъ сліянія его съ р. Иквою. Слѣдовательно Бужская земля въ концѣ XII вѣка сливалась съ Галицкой областью, къ которой она принадлежала и по присоединеніи Галичины къ Венгріи, какъ можно судить по нападеніямъ Данила на окрестности Бужска въ 1231 г. Восточная граница Галицкихъ владѣній простиралась еще далѣе на сѣверъ, гдѣ крайнимъ городомъ былъ Прѣсенскъ или Шѣсньскъ и, быть можетъ, Збыражъ, оба на границѣ Владиміръ-Волинскихъ владѣній, упоминаемые—первый подъ 1188 и 1232, второй подъ 1211 год. Романъ Волинскій, по приглашенію Галичанъ, послалъ свой передовой отрядъ занять Прѣсенскъ. Порабитіи Галичанъ и ихъ союзниковъ Угровъ и Чеховъ на Бобринѣ, союзники Данилъ и Лешекъ, не будучи въ состояніи взять Галичъ, взяли нѣсколько городовъ, въ томъ числѣ Збыражъ. Въ вѣнкѣ на обжинки Русинамъ есть свидѣтельство что на мѣстѣ г. Прѣсньска существуютъ окопы и великіе курганы, поросшіе лѣсомъ, не далеко отъ Под-

горца, между Бродами и Злочевымъ (Бѣляевъ)¹⁾. Нѣсколько выше Терембовля, на мѣстѣ нынѣшняго Микулинца, былъ граничный городъ Микулинъ. Въ 1144 г. Микулинъ былъ занятъ союзникомъ Всеволода Изяславомъ Давидовичемъ послѣ взятія Ушицы (въ Подольской губерніи, на Днѣстрѣ) и переправы черезъ Середъ, выше Терембовля. Въ 1202 г. Рюрикъ пошелъ на Галичъ. Его встрѣтили Галицкіе и Владимірскіе бояре у Микулина на Середѣ²⁾. Когда, въ 1169 г. Мстиславъ Всеволодовичъ подступилъ къ Микулину, то „придоша къ нему Берендичи вси и Торки и Печенѣзи, и весь Черный Клобукъ”. Съ юго-востока Галицкое княжество прилегало къ владѣніямъ князей Болоховскихъ, что вполне согласуется съ изслѣдованіемъ Бѣляева, помѣщающаго ихъ въ нынѣшней Подольской губерніи, по берегамъ восточнаго Буга. Южная граница Галицкаго княжества при Ярославѣ Осмомыслѣ доходила до р. Дунай. Въ словѣ о полку Игоревѣ, пѣвецъ, взывая къ Ярославу, говоритъ: что онъ „затворилъ Дунаю ворота.... суды рядить до Дуная”. Въ 1159 г. Иванъ Берладникъ съ Половцами заняли по-дунайскіе города и обижали тамъ Галицкихъ рыболововъ. Въ XIII вѣкѣ, Галицкія владѣнія раскинулись за карпатскія горы до предѣловъ Буковины и Трансильваніи (Бѣляевъ).

¹⁾ Согласно съ Бѣляевымъ Шараневичъ помѣщаетъ Прѣсенскъ между верховьями р. Стиря и Буга (Изслѣд. по истор. и геогр. стр. 38).

²⁾ По мнѣнію Зубрицкаго, Микулинъ былъ или порубежнымъ городомъ Галичско-Теремб. княж., или находился внѣ предѣловъ его, напр. дер. Микулинце близъ Литина, Подольской губерніи. (Ист. Гал. Русск. княж. Т. II стр. 61).

Изъ упоминаемыхъ лѣтописью Галицкихъ городовъ къ юговосточнымъ слѣдуетъ отнести—Бакоту, въ нынѣшней Подоліи, на Днѣстрѣ, ниже Хотина, Калиусъ на лѣвомъ берегу Днѣстра, въ Ушицкомъ уѣздѣ, и Коломью на лѣвомъ берегу Прута (1241 и 1242 г.¹). На сѣверѣ Галицкія владѣнія съ одной стороны врѣзывались въ землю Белзскую, часть которой несомнѣнно къ нимъ принадлежала при Владимірѣ Володаревичѣ. По крайней мѣрѣ такого мнѣнія Зубрицкій и Шараневичъ. Подтвержденіе этого не заключается ли въ томъ, что въ 1150 г., когда Венгерскій король собирался выступить противъ Владимірка, то послѣдній располагался станомъ („стояще“) у Белза. — Далѣе Галицкая область захватывала землю Любачевскую, какъ это видно изъ раздѣла Галицкой области Венгерскимъ королемъ Андреемъ, въ 1211 г., между сыномъ Коломаномъ, посаженнымъ въ Галичѣ, Польскимъ княземъ Лешкомъ, получившимъ Перемышль, и воеводой послѣдняго Пакославомъ, получившимъ Любачевъ²). Отсутствіе единства между Червенскою землею и Любачевскою, называвшеюся по главному ея городу Любачеву (на правомъ притокѣ Сана Любачевкѣ) и обусловливавшееся системою рѣкъ Любачевки, Танева и Сана, лучше всего показываетъ противоположеніе ихъ въ извѣстіи 1225 года: „Князь Данилъ съ

¹) Лѣвая сторона средняго теченія Днѣстра, называвшаяся Понизьемъ (впослѣдствіи Подольемъ) въ противоположность горной страны Перемышльской (Подгорье), граничила съ Половецкою степью, имѣя средоточіемъ своимъ г. Бакоту (Иловайскій. Ист. Россіи; ч. II., стр. 29).

²) Въ томъ же году Лешекъ далъ Владимірекое княженіе Данилу, но Холмская украинъ оставалась въ рукахъ Лешка и отнята Даниломъ въ 1213 г.

Поляками опустошилъ окрестности Любачева, всю землю Белзскую и Червенскую¹⁾. Последнюю лѣтописецъ считаетъ какъ-бы частью земли Владиміръ-Волинской. Это очевидно изъ замѣчанія его, сдѣланнаго по поводу нападенія Литвы и Ятвяговъ на восточную часть Холмско-Червенской области въ 1205 г. „Бѣда бо бѣ въ землѣ Володимерстей отъ воеванія Литовскаго и Ятвяжскаго²⁾. Сѣверная граница Галицкой земли приблизительно выясняется изъ слѣдующихъ словъ лѣтописи: „Даніилъ (1229 г.) землю Галицкую собра отъ Боброка дажѣ до рѣкы Ушицѣ и Прута“. Истоки р. Бобрки начинаются нѣсколько южнѣ Львова. Поэтому сѣверные предѣлы собственно Галицкой земли не могли переходить за рѣку Полтву, омывающую Львовъ.

Недалеко отъ р. Сана Галицкая земля граничила съ землею Перемышльскою. Изяславъ, ополчившись на Владиміра Галицкаго, сталъ около Сана, ниже Перемышля, „оттуда вшедше въ землю Галицкую“. Въ Перемышльской землѣ, кромѣ главнаго ея города Перемышля, замѣчательны: Ярославль, на Санѣ, упоминаемый подъ 1152, 1231 и 1249 г. Ярославская земля простиралась съ сѣверо и юго-запада до г. Ложайска (надъ притокомъ Сана Любоміркою) и крѣпости Чудеца, (надъ Висло-

¹⁾ Хотя церковное дѣленіе не всегда совпадало съ политическимъ, но его полезно принимать въ соображеніе. Любачевская земля принадлежала къ Перемышльской православной епископіи. На нее же простиралось вѣдомство католическаго Перемышльскаго епископа въ концѣ XIV вѣка. Зубрицкій. Критич. пов. стр. 227 и 228.

²⁾ Длугошъ, описывая походъ Болеслава Смѣлаго на Русь, говоритъ, что Болеславъ изъ Перемышля двинулся въ Холмскую землю „in terram Chelmensem quae prius Wladimiriensis vocabatur и что главные города ея были Волянъ, Владиміръ и Холмъ.

комъ), какъ упомянуто въ грамотѣ Казимира Великаго отъ 1354 г.¹⁾. — Затѣмъ Саноку (у верховьевъ Сана), упоминаемый подъ 1150, 1202 и 1231 г. и бывший въ близкомъ сосѣдствѣ съ Венгерской границей. Венгерскій король, перейдя горы, занялъ сначала Саноку (ворота Угорскія), а затѣмъ ближайшія къ Перемышлю селенія Грамота Владислава Ягеллы 1434 г. гласитъ, что Саноцкій округъ лежалъ въ предѣлахъ земли Русской²⁾. — Значительнѣйшими крайними западными городами считаются: Переворескъ, нынѣшній Пржеворскъ (на Млечкѣ), Ржешовъ (у слиянія р. Струги съ Вислокомъ) и Роги (на притоку Вислока Любатовѣ). Въ 1281 году „иде Лестко на Льва и взя у него г. Переворескъ.“ Въ грамотахъ Казимира Великаго 1348 и 1354 г. сказано, что Роги и Решовъ лежатъ въ землѣ Русской. Граница Решовскаго округа означена въ тѣхъ грамотахъ отъ дер. Домбровки прилегающей къ землѣ Сандомірской, до Ложайска³⁾. Самымъ украиннымъ городомъ Перемышльской земли на сѣверозападъ я считаю г. Ропшицу (близь притока Вислоки р. Старой). По свидѣтельству Длугоша, сборнымъ пунктомъ Польскаго войска въ 1266 г. былъ г. Ропшица, откуда оно вступило во владѣнія Шварна (itum in terris Svarnovis). Сраженіе происходило на мѣстѣ, называемомъ Piątka или Pieta, около р. Ропы (при-

¹⁾ Зубрицкій. Границы Русск. и Польск. нар. въ Галиціи Вѣстн. ю. з. Россіи 1863 г., стр. 97.

²⁾ Ibid. стр. 98.

³⁾ Зубрицкій. См. привед. соч., стр. 92—98. Нынѣ Решовскій уѣздъ, считавшійся, до самаго паденія Польши, въ воеводствѣ Русскомъ, весь ополяченный и окатоличенный, потерялъ свою первоначальную народность. (Я. Головацкій. Карпатская Русь. Ж. М. Н. П. Июнь 1875 г., стр. 362).

токъ Вислоки¹⁾. Такимъ образомъ, сѣверозападная граница Галицко-Перемышльской области запиралась р. Вислокою и верховьями Вислока. Однимъ изъ украинскихъ югозападныхъ городовъ былъ Тыличъ, около р. Попрада. Въ 1262 г. ѣздилъ Даніилъ чрезъ Тыличъ къ Уграмъ. Вѣсть о побѣдѣ Василько надъ Литвою передали его послы Даніилу у Тылича, гдѣ и теперь живетъ Русскій народъ. Мѣстоположеніе остальныхъ древнихъ городовъ Галицко-Перемышльскихъ не имѣетъ важнаго значенія для предмета моего изслѣдованія, исключая Львова, впервые упоминаемаго лѣтописью въ 1259 г. и построеннаго королемъ Даніиломъ, между 1250 и 1255 г., для защиты отъ татаръ²⁾,—неподалеку отъ Звѣнигорода, лежавшаго у слиянія Полтвы съ Бѣлкою³⁾.

Обзоръ границъ Галицко-Перемышльской области приводитъ меня къ заключенію, что южная граница Холмско-Червенской области проходила между верховьями Танева и Вепря, направляясь къ р. Гучвѣ, вдоль сѣверныхъ границъ земель Ярославской и Любачевской. Теперь намъ нужно разрѣшить слѣдующій существенный вопросъ: къ какой именно области принадлежало пространство между Гучвою и Бугомъ? Отъ разрѣшенія

¹⁾ По убѣжденію Шараневича, эту именно мѣстность разумѣлъ Волынскій лѣтописецъ, описывая поражение Шварна въ „Воротахъ“. (Изслѣд. по отеч. ист. и геогр. стр. 66, примѣч. 95 Сравни. Нарушевича т. IV стр. 77 и 78).

²⁾ Зубрицкій. Границы Польши и Руси. Также Шараневичъ о г. Львовѣ, стр. 40, пр. 99.

³⁾ Шараневичъ. г. Львовъ. Изд. 1861 г. стр. 12. Время основанія Львова въ точности не могъ указать и Зубрицкій (Kronika miasta Lwowa).

⁴⁾ О Звѣнигородѣ см. монографію Ильницкаго.

его, очевидно, зависит и опредѣленіе границы, отдѣлившей Холмско-Червенскую область отъ земли Белзской. За исходную точку нашихъ топографическихъ изысканій по этому вопросу недостатокъ матеріаловъ заставляетъ насъ принять позднѣйшія административныя дѣленія въ Русскомъ Забужьи, хотя въ межевыхъ актахъ XV и послѣдующихъ столѣтій сохранилось и не много ясныхъ слѣдовъ того положенія вещей, какое имѣло мѣсто въ XIII вѣкѣ. Оказывается, что Белзская земля, по присоединеніи къ Польшѣ въ 1462 г. и образованіи изъ нея войтовства, состояла изъ уѣздовъ Бѣлзскаго, Грабовецкаго, Городельскаго, Любачевскаго и земли Бусской¹⁾. Изъ административнаго устройства части забужной Руси во время Литовскаго владычества мы узнаемъ, что Городельскій округъ обнималъ тогда почти весь нынѣшній Грубешовскій уѣздъ. По крайпей мѣрѣ г. Дубно на Бугѣ (нынѣ Дубенка), учрежденный Сигизмундомъ III въ 1588 г. на мѣстѣ села Дубно, входилъ въ предѣлы этого войтовства. Южная граница древняго Грубешовскаго уѣзда, который образовался изъ Грубешовскаго староства, существовавшего уже въ 1377 г.²⁾, простиралась ниже села Модрыня, принадлежавшаго королев-

¹⁾ Балинскій и Липинскій. *Star. Polska*, т. II стр. 1173. Бусская земля принадлежала къ Белзскому уѣзду еще въ самомъ началѣ XV вѣка. Князь Мазовецкій и Белзскій Земовитъ ввелъ здѣсь Магдебургское право въ 1411 г. *Ibid* стр. 1184. Сравни. *Tatomir. geogr. i statyst. ziem dawn. Polski* стр. 159. Любачевская земля была отдана королемъ Людвигомъ, въ 1377 г., Белзскому князю Юрію, извѣстному у Поляковъ подъ именемъ Наримунтовича, Бал. и Лип.).

²⁾ *Tatomir. Geogr. ogólna i statystyka ziem dawniej Polski.* стр. 159.

ской Рубежовской экономіи въ началѣ XV вѣка, какъ сказано въ грамотѣ Владислава Ягеллы, выданной въ 1406 г. Модрынской св. Покровской церкви¹⁾. Слѣдовательно граница уѣзда Белзскаго, прототипомъ котораго была первоначальная Белзская земля, не простиралась на сѣверъ далѣе верховьевъ Гучвы и рѣки Сулимовки, впадающихъ въ Бугъ. Самымъ вѣскимъ доводомъ въ пользу моего предположенія является земскій *Холмскій* статутъ 1477 г., постановленный въ Красноставѣ для округовъ (*terra et districtibus*). Холмскаго, Красноставскаго, Грубешовскаго и Щебрепинскаго, какъ сказано во вступленіи къ нему, и регулирующий личныя и имущественныя права кметей²⁾. Изъ содержанія четырнадцати параграфовъ статута обнаруживается, что округа Холмскій, Красноставскій, Грубешовскій и Щебрепинскій относились къ Холмско-Червенской области какъ части къ цѣлому ибо во всѣхъ параграфахъ статута округа эти оговѣдствуются съ землей Холмской³⁾. Нельзя не видѣть въ этомъ дѣленіи признаковъ того, что Белзская зѣмля, поглотившая въ XV вѣкѣ землю Червенскую, оторвавъ ее отъ Холмщины, не переходила въ XIII вѣкѣ на сѣверо-востокъ долину р. Гучвы, отъ которой позднѣе она отѣснена была еще далѣе на сѣверъ. Къ XVI вѣку западная граница Белзской земли приближалась уже къ верховьямъ Вепря, захвативъ г. Томашовъ съ окрестностями, помѣщаемый въ грамотѣ короля Владислава IV, данной въ

¹⁾ Холм. Варш. епарх. вѣст. 1881 г., стр. 186—195.

²⁾ Статутъ помѣщенъ въ приложеніяхъ къ исторіи славянскихъ законодательствъ Мацѣевского, т. VI. стр. 413—416.

³⁾ Раздѣленіе Холмской земли на уѣзды Холмскій и Красноставскій послѣдовало въ 1377 г. по присоединеніи ее къ Польшѣ. *Tatominir. Geogr. ogólna i statyst. Ziemi Dawn. Polski.* стр. 159.

Туробинѣ 1 го Сентября 1634 г.,—въ воеводствѣ Белзскомъ¹⁾. Вслѣдствіе сего, въ 1567 г., на очистку Венри была установлена повинность (по два гроша съ лапа) не только въ Холмской землѣ, но и въ Белзской²⁾. До XVII вѣка, повидимому, не производилось точныхъ топографическихъ съемокъ въ Червонной Руси, что подавало поводъ къ безпрестаннымъ спорамъ изза границъ, особенно усилившимся въ XVI вѣкѣ, и къ учрежденію комиссій для ихъ разрѣшенія, какъ напримѣръ комисіи, назначенной въ 1581 г. королемъ Стефаномъ для улаженія пререканій между староствомъ Брестскимъ великаго княжества Литовскаго и землей Холмской воеводства Русскаго³⁾. Волынская лѣтопись даетъ намъ довольно вѣрное понятіе только о южной границѣ Белзской земли. Когда при наступленіи Татаръ, подъ предводительствомъ Куремсы, въ 1259 году загорѣлся Холмъ, то „сие пламени бывшу яко же со всѣ земли зарѣ видити якоже и со Львова зряще видити *по полемъ Белзскимъ* отъ горѣнія сильнаго пламени“. Слова лѣтописи показываютъ, что южная граница Белзской земли начиналась въ небольшомъ разстояніи отъ Львова, гдѣ она примыкала къ обрзовавшейся во второй половинѣ XIII вѣка землѣ Львовской. Итакъ, въ XIII вѣкѣ Белзская земля простиралась къ сѣверу приблизительно не далѣе рѣки Сулимовки, гдѣ встрѣчалась съ землею Холмско-Червенской,

¹⁾ Замостье съ окрестностями также принадлежало къ Белзскому воеводству. Подлин. грамоты въ Люблинскомъ архивѣ древн. актовъ.

²⁾ Vol. leg. т. II стр. 75. Городъ Белзецъ (на ю. з. отъ Томашова) основанъ въ 1607 г., какъ видно изъ учредительной грамоты Сигизмунда III, въ предѣлахъ прежней Белзской земли (Bal. i Lip. Star. Pol. т. II стр. 1182 г.). По словамъ Длугоша, Потыличъ лежалъ также въ землѣ Белзской.

³⁾ Vol. leg. т. I стр. 207—208.

прилегавшей съ запада къ землѣ Люблинской¹⁾. Въ послѣдней какъ я показалъ, было нѣкогда многочисленное русское населеніе, глубоко заходившее въ западную часть Сандомірской области. Если мало приведенныхъ мною данныхъ, то я сошлюсь еще на описаніе путешествія доминиканца Рикарда при Белѣ IV (1235—1270) гдѣ упоминается „*dux magnae Sandomiriae, quae est terra Ruthenorum*“²⁾. — Зная объемъ и взаимное положеніе областей Галицко-Перемышльской, Холмско-Червенской и Владиміръ-Волинской, не трудно уже, въ общихъ чертахъ, намѣтить географическое положеніе собственно Червенскаго княжества. Изъ моего топографическаго изысканія самъ собою вытекаетъ выводъ, что Червенская земля находилась въ предѣлахъ нынѣшней Люблинской губерніи. Рубежъ, отдѣлявшій Червенскую землю отъ Холмской, лучше всего выяснится, если мы обратимся къ распредѣленію княжескихъ волостей въ Червонной Руси въ XIII вѣкѣ. До какой-бы крайкости ни доходило дробленіе волостей, какъ бы ни были часты ихъ передѣлы, но они весьма рѣдко нарушали географическую

¹⁾ Для Холмской и Белзской земель издавна существовала одна общая епископія. Въ упомянутой мною вкладной харатейнаго евангелія за 1376 г. Калликстъ именуется епископомъ Холмскимъ и Белзскимъ. Въ другихъ православныхъ западно-русскихъ епархіяхъ епископы назывались: Во Владимірской—Владимірскимъ и Брестскимъ; въ Луцкой—Луцкимъ и Острожскимъ, въ Львовской Львовскимъ и Каменецъ-Подольскимъ, иногда же и Галицкимъ, въ Перемышльской сначала Перемышльскимъ и Самборскимъ, потомъ прибавлено „Саноцкимъ“. Бентышъ Каменскій Историч. изв. объ уніи стр. 37 и 38.

²⁾ Pray Dissert. de Hung.; p. 316. Deserici. De initis Hung. 1. p. 170. Тарасевичъ. Annales ecclesiae ruthenae. Львовъ 1862 г. стр. 303.

связь между частями княжеского удѣла. Едва ли не единственный случай чрезполосности княжескихъ владѣній въ Червонной Руси—случай, замѣченный Зубрицкимъ, представляетъ первоначальный удѣлъ Льва Даниловича, состоявшій изъ Галича и части Брестской области (Дрогичинъ и нѣкоторые другіе города). Но и здѣсь чрезполосность была устранена присоединеніемъ къ удѣлу Льва волости Шварна Даниловича по смерти послѣдняго въ 1271 г.¹⁾ Владѣнія же „великаго умомъ и храбростію“ Василько Романовича²⁾ (Брестъ, Владиміръ, Червень), благодаря которому, брату его Данилу удалось довершить дѣло объединенія Червонной Руси, начатое Романомъ Мстиславичемъ, и поставить ее на высшую степень величія, несмотря на частыя нападенія Поляковъ, Литвы, Ятвяговъ, Угровъ и Татаръ и интриги младшихъ князей и крамольныхъ галицкихъ бояръ,— владѣнія его, конечно, не могли быть чрезполосными уже потому одному, что ихъ разрозненность затрудняла бы сношеніе съ ними и защиту ихъ отъ непріятеля. Такъ какъ Холмско-Червенская область, судя по указаніямъ Волинской лѣтописи и другимъ приведеннымъ мною даннымъ, лежала между Брестскою, Владимірскою, Белзскою, Галицко-Перемышльскою и Люблинскою землями, то Червенская земля, будучи смежною съ Владиміръ-Волинскою областю, безъ всякаго сомнѣнія, занимала юговосточный (наиболѣе плодородный) уголъ нынѣшней

¹⁾ О переходѣ Белзской земли, вмѣстѣ съ Холмскою, отъ Данила Романовича къ Льву Даниловичу см. разсужденіе Шараневича. Стародавний Львовъ, стр. 42—45.

²⁾ Въ другомъ мѣстѣ лѣтописецъ называетъ Василька „Христіюлюбивымъ и великимъ“,—говоря, что онъ и умомъ великъ и дерзостью“, (т. е. отвагою).

Люблинской губерніи, и именно: части Грубешовскаго и Замостскаго уѣздовъ и весь Томашовскій уѣздъ, отдѣляясь отъ Волыни р. Бугомъ, а отъ Холмской земли верховьями Вепры и Гучвой.

Очень вѣроятно, что во времена Нестора и почти до конца XIII вѣка Червенская земля наравнѣ съ землями по правой сторонѣ р. Буга носила также названіе Волыни. Такое предположеніе оправдывается до извѣстной степени переименованіемъ Бужанъ — Волынянами, — приходомъ Всеволода на *Волынь* въ 1077 г. къ брату Изяславу, располагавшему тогда Владимірскою областью и всѣми Червенскими городами, присвоеніемъ лѣтописью князю Льву Даниловичу названія *Волынскаго* (1283) и т. под. — Впослѣдствіи названіе Волыни стало присваиваться преимущественно землямъ, лежащимъ по правой сторонѣ Буга. Зубрицкій старался доказать, что еще въ XIV вѣкѣ Белзское княжество называлось Волынью, основываясь при этомъ на житіи, возведеннаго въ 1308 г. въ митрополиты, игумена Петра, гдѣ сказано, что Петръ родился „въ единѣмъ отъ мѣстъ земля Волынская, на р. Ратѣ“, которую Зубрицкій полагаетъ въ Жолковскомъ округѣ нѣкогда земли Белзской, но родиной Петра скорѣе слѣдуетъ признать мѣстность близъ Ратно — Волынской губерніи¹⁾. У иностранцевъ Волынь или собственно Владимір-Волынская область выродилась въ названіе Лодомеріи, распространившееся и на часть Галичины. Вотъ что говоритъ по этому поводу Бѣлевскій въ статьѣ

¹⁾ Сравни. Хойнацкаго, Очерки ист. прав. цер. на Волыни стр. 81 и слѣд. и разсужд. еп. Модеста въ Холм. Варш. еп. вѣстн. 1884 г., № 11, стр. 180.

„Halicko-Włodzimierskie księstwo, później królestwo“¹⁾. „Подъ именемъ Галиціи разумѣлись нѣкогда двѣ совершенно различныя области. Въ XI — XII в. королевствомъ Галиціи прозывалась область всецѣло лежащая въ нынѣшней Венгріи. Границы ея начинались у Дуная и р. Сайо, а оканчивались съ южной стороны Карпатъ, примыкая къ самому ихъ хребту. Столицей ея былъ Галичъ надъ р. Тугеромъ, который цѣлымъ вѣкомъ старше надднѣстрянскаго Галича и, кромѣ имени, не имѣлъ съ нимъ ничего общаго²⁾. Въ другую эпоху, именно въ концѣ XII и началѣ XIII вѣка, Галичъ надднѣстрянскій, при князѣ Романѣ Мстиславичѣ, образовалъ съ Владиміромъ-Волынскимъ единую державу. По смерти Романа 1205 г., во время малолѣтства его сыновей, область его, именовавшаяся Галиціей и Лодомеріей, частью перешла въ руки князей Венгерскихъ. Сынъ Андрея Коломанъ, вѣнчаннй 1214 г. королемъ Галиціи, царствовалъ въ ней съ перерывомъ около шести лѣтъ, и нѣсколько долѣе—младшій братъ его Андрей. Кромѣ ихъ никто изъ венгерскихъ властителей не былъ истиннымъ королемъ надднѣстрянскою Галиціи. Однако въ ту пору былъ обычай присоединять къ королевскимъ именамъ или настоящимъ, или наслѣдственные титулы: такъ въ нѣкоторыхъ дипломахъ Андрея II, Бѣлы IV и другихъ встрѣчается также титулъ: „rex Galiciae et Lodomeriae.“ Прибавленіе „Lodomeriae“ имѣло, кажется, единственною цѣлью отличить Галицію надднѣстрянскую отъ Галиціи Словацкой, ибо ни одинъ изъ королей Венгерскихъ въ такъ называемой Лодомеріи или Владимірскомъ кня-

¹⁾ Bibl. Ossol. 1864. т. IV, стр. 1—76.

²⁾ Сравн. ст. Петрушевича: Было ли два Галича. Научовый сб. 1865 г., вып. 1.

жествъ не владѣлъ ни клочкомъ земли. Наконецъ, та Галиція, которая въ 1772 г. обособилась при первомъ раздѣлѣ Польши, обняла воеводство Русское вмѣстѣ съ частями воеводствъ Подольскаго, Волинскаго, Белзскаго, Люблинскаго, Сандомірскаго и Краковскаго¹⁾. — По словамъ Наумовича, нынѣшняя Галичина, составлявшая значительную часть великой русской державы и по сему называвшаяся Русью Червоной, иначе Галиціей и Лодомеріей, названіе это удержала даже въ тѣ времена, когда ее заняли Поляки, и называется такъ донынѣ Австрійскими императорами¹⁾. Относя къ Червепской землѣ пространство между Гучвою и з. Бугомъ, я не могу не коснуться нѣсколько подробнѣе древняго города Воляня, такъ какъ его обыкновенно помѣщаютъ близъ Грубешова, съ лѣвой стороны Буга, на мѣстѣ нынѣшняго села Городка. Мѣстоположеніе Воляня было, кажется, впервые опредѣлено Адамомъ Чарноцкимъ, извѣстнымъ подъ именемъ Зоріана Ходаковскаго, — по остаткамъ валовъ и кургановъ, которые и теперь еще видѣются по обоимъ берегамъ Буга. Чарноцкій (Ходаковскій) высказалъ предположеніе, что городъ этотъ первоначально, въ 981 г., былъ завоеванъ Владиміромъ Великимъ и понесъ строгую кару за упорную оборону, а чрезъ одинадцать лѣтъ тотъ же князь неподалеку заложилъ другой городъ, давъ ему свое имя²⁾. Мнѣніе Ходаковскаго опирается на показаніи Длугоша. Перечисляя притоки Буга, Длугошъ пояснилъ: „Устье рѣки Гучвы (Uczew) находится у села Городка (Groddek), гдѣ прежде возвышалась древняя крѣпость Волянь, давшая названіе Воляни землямъ, которыя называются теперь (т. е. въ

¹⁾ Апелляція къ Папѣ Льву XIII. 1883 г. стр. 15.

²⁾ Москвитянинъ 1837 г., кн. I, стр. 10.

XV в.) Холмскою и Луцкою. Откуда почерпнулъ Длугошъ это свѣдѣніе — неизвѣстно, но оно отчасти подтверждается нашею начальною лѣтописью, въ томъ отношеніи, что Волинь лежалъ близъ Буга. Въ 1018 году Болеславъ съ Святославомъ ополчились на Ярослава. Послѣдній собралъ сильное войско, пошелъ противъ нихъ и „приде Волиню и стаха оба полъ рѣки Буга“. Потому-то взглядъ Ходаковского на мѣстоположеніе Волиня утвердился и въ Русской¹⁾, и въ Польской литературѣ. Таковъ взглядъ Бѣлевскаго, считающаго Волинь главнымъ поселеніемъ Волинянъ въ то время, когда они жили еще отдѣльными родами и когда рѣки были единственными надежными путями сообщеній, имѣя громадное вліяніе на образованіе и взаимныя отношенія пародностей²⁾. Не имѣя вовсе намѣренія оспаривать то, что почитается историками непреложною истиною, я считаю, однако, не менѣе достовѣрнымъ, что до половины XVI вѣка существовалъ городъ Волинь, но не тамъ, гдѣ слѣды его открыли ученые, а въ бывшемъ Подляскомъ воеводствѣ. Грамотой отъ 12 марта 1569 г., данной на сеймѣ генеральпомъ въ Люблинѣ, король Сигизмундъ Августъ предоставилъ во владѣніе каштеляну Радомскому, старостѣ Пилязненскому, графу Іоанну Тарло изъ Тенчина королевскія имѣнія *въ землѣ Подляской*, переданныя въ распоряженіе короля подканцлеромъ великаго княжества литовскаго придворнымъ маршаломъ и старостою Кобринскимъ, а именно города Волинь, (Wolinie), Годміржъ

¹⁾ Изъ нашихъ историковъ далеко не всѣ высказываются опредѣленно. Напр. Карамзинъ помѣщалъ Волинь между Владиміромъ и Львовомъ. (Истор. Гос. Рос. т. I, примѣч. 70).

²⁾ A. Bielewskiego. Halicko-Włod. księstwo. Biblioteka Ossolińskich, 1864 г. т. 4, стр. 1—76.

(Hodmierz) и Ломазы, со всѣми селами, фольварками, угодьями и принадлежностями¹⁾. Упомянутый въ грамотѣ городъ Волянъ находился, быть можетъ гдѣ либо неподалеку отъ слиянія Кросны съ Бугомъ, на притокѣ которой Зелявѣ лежатъ Ломазы. Но во всякомъ случаѣ весьма далеко на сѣверъ отъ слиянія Гучвы съ Бугомъ. Здѣсь-то, около Кросны, Крсны или пыпѣшней Кржпы — „ad fluvium Rubessa“ — отъ корня „rub“ (Russia rubra) происходила описанная Длугошемъ битва Владиміра Великаго съ Поляками и Печенѣгами въ 981 году (lib. 1. p. 123). Здѣсь-то сталкивались первоначальныя границы Польши и Руси по увѣренію Кадлубека, Галла и другихъ хроникъ (Rubessa fluvius regna limitans²⁾). Никакой р. Рубежи, которою многіе считаютъ Rubess'у, не существуетъ въ описываемой мѣстности и, вопреки мнѣнію Шафарика³⁾, ничего общаго нѣтъ между Rubess'ой и Грубешовымъ, упомянутымъ въ Волинской лѣтописи (въ 1255 г. Давилу идущу до Грубешова⁴⁾). Кросну не слѣдуетъ также смѣшивать съ рѣкой Пресной или Просной, которую хорошо зналъ Волинскій лѣтописецъ⁵⁾. Описывая походъ Данила и Василька къ Кали-

¹⁾ Ob. grod. Lubel. кн. 18 стр. 49.. Любл. арх. др. акт. Нарушевичъ упоминаетъ о селѣ Wielinie, подъ 1384 г., но не указываетъ, гдѣ оно находилось. Histor. nar. Pol. т. VI, стр. 212. Есть село *Волянка* недалеко отъ Грубешова.

²⁾ Сравни. Нарушевича Hist. Pol. т. I стр. 83 и 84, примѣч. 2 и 4.

³⁾ Слав. древ. т. II, кн. I, стр. 169.

⁴⁾ Въ XV или XVI вѣкѣ Грубешовъ сталъ называться Рубежовымъ.

⁵⁾ Лѣтопись не упоминаетъ притокъ Кросны Зеляву; называя лѣвый притокъ Нѣмана Зелву, гдѣ войско Данила боролось съ захватившими въ плѣнъ его сына Романа Литовцами. „Воева по Зелеви“ (Ипат. лѣт. стр. 561).

шу, въ 1229 г., онъ говоритъ: „Даніилъ же и Василько придоша къ Кондратови и сгадавшими имъ идоша къ Калешю, и придоша *Ветру* вечеръ, наутрѣ же свѣтающе, прѣидоша рѣку Пресну, и поидоша къ городу.“ Издатели Ипатьевской лѣтописи, затемнили смыслъ приведенныхъ мною выраженій, напечатавъ вмѣсто *Ветру* „Вепру“, предпологая здѣсь ошибку, какъ сказано въ примѣчаніи къ изданію археографической комисіи 1871 г. (стр. 503). Дѣло въ томъ, что Даніилу и Васильку не было никакой надобности переправляться черезъ Вепрь въ походѣ къ Калишу. Лѣтопись вѣроятно разумѣетъ нынѣшнее селеніе Ветровице въ Кольскомъ уѣздѣ, Калишской губерніи, близъ Бабяка, откуда переходъ къ рѣкѣ Проснѣ, впадающей въ притокъ Одры Варту и омывающей Калишъ, могъ быть легко сдѣланъ въ нѣсколько часовъ, а между Просной и Пресной нельзя не видѣть полнѣйшаго тождества¹⁾. Неудачная поправка археографической комисіи очевидно объясняется тѣмъ, что она Пресну полагала въ Галиціи, куда и отнесла ее въ географическомъ указателѣ, приложенномъ къ своему изданію (стр. 19), назвавъ притомъ Прѣсной по сходству съ Прѣсненскомъ.

Обнаруживъ предѣлы Червенской земли, изъ которой въ XIII вѣкѣ сложилось удѣльное Червенское княжество,—этого, такъ сказать, гнѣзда Червонной Руси, и исчерпавъ всѣ главнѣйшіе историческіе матеріалы, сохранившіе намъ отрывочныя извѣстія о знаменитомъ

¹⁾ Просной она называлась въ законодательныхъ актахъ половины XV вѣка, въ перечисленіи рѣкъ судоходныхъ, между коими упоминаются: Висла, Санъ, Стырь, Стрый, Наревъ, Варта, Дунаецъ, Вислока, Бугъ, Бруки, Вепрь, Тысменица, Нида и Просна (Vol. leg. т. II стр. 85).

Червень, мы можемъ уже смѣло приступить къ его отысканію безъ опасенія впасть въ крупную ошибку.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Сгруппированныя мною данныя указываютъ съ достаточною ясностью на совершенную несостоятельность мнѣнія, помѣщающаго Червень на притокѣ Днѣстра Дзурошѣ (Червоногородъ), и вообще не позволяютъ удалять его въ предѣлы Галиціи. Одинаковый выводъ получается и тогда, когда въ основаніе нашего топографическаго изысканія мы положимъ походы къ Червенской землѣ Ятвяговъ, Литовцевъ и Ляховъ, постоянно стремившихся оторвать Забужье отъ русскихъ владѣній. Червень, какъ сильнѣйшая крѣпость въ русскомъ Забужьи до постройки Холма, бывшая по своему стратегическому положенію ключемъ къ обладанію Холмско-Червенскою землею, естественно находился всегда, такъ сказать, подъ перекрестнымъ огнемъ враждебныхъ народностей, изъ коихъ едва ли не наиболѣе докучливыми были Ятвяги. Еще Владиміръ Равноапостольный ходилъ на Ятвяговъ въ 983 г., побѣдилъ ихъ и занялъ всѣ ихъ земли, но скоро они отложились и вынудили Ярослава, въ 1038 г. предпринять походъ для ихъ усмиренія. Тогда-то Ятвяги (Pollesiani) были вытѣснены изъ Дрогичина, бывшаго, по словамъ Кадлубека и Богуфала, главнымъ ихъ укрѣпленіемъ, присоединеннымъ къ русскимъ областямъ¹⁾ Послѣ того война съ ними Руси и Польши не прекраща-

¹⁾ Кадлубекъ и Богуфаль свидѣтельствуютъ, что Полѣсянъ (Ятвяговъ) начали именовать Подлишанами, а землю ихъ Полѣсье—Подляшьемъ съ XIII вѣка.

лась до XIV столѣтія. Ходилъ на нихъ Романъ Мстиславичъ въ 1196 г. отомстить за страшное опустошеніе Червенской земли. Особенно упорную борьбу съ ними вели Даниилъ и Василько Романовичи, которымъ удалось наконецъ въ 1251 г. усмирить ихъ и соплеменныхъ имъ Зелппцевъ, Крисменцевъ и Покинцевъ и наложить на нихъ дань. Вскорѣ послѣ окончательнаго покоренія Ятвяговъ Болеславомъ Стыдливымъ въ 1264 г., около 1270 г., по свидѣтельству лѣтописи Быховца, значительная часть Ятвяжской земли около Бобра была присоединена къ сосѣднимъ (на сѣверовостокѣ) Литовскимъ владѣніямъ княземъ Наримонтомъ и уступлена брату его Тройдену.—Борьба Руси съ Литвою началась при Ярославѣ въ 1040 г. Болѣе подробныя свѣдѣнія о Литовцахъ восходятъ къ 1215 г. Въ этомъ году Литовскіе князья чрезъ своихъ пословъ предлагали вдовѣ Романа, Даниилу и Васильку заключить миръ. Послѣ того Литовцы помогали Русскимъ князьямъ отражать Поляковъ и истощили Польшу до такой степени, что побудили Лешкѣ въ 1221 г. прекратить военныя дѣйствія противъ Русскихъ. Миръ былъ непродолжителенъ. Литовцы, утвердившись въ землѣ Ятвяжской, не переставали дѣлать набѣги на польскія и русскія владѣнія, пока, въ XIV в., они не захватили почти все западно-русскія области. Лѣтописныя сказанія удостовѣряютъ, что въ XII и XIII в. Ятвяги и Литовцы направляли свои набѣги преимущественно по обѣимъ сторонамъ з. Буга,—то разоряя окрестности Охожи и Бусовны (1248),¹⁾ то пробиваясь къ Люблину,

¹⁾ Въ словѣ о полку Игоревѣ поется: „Всю ночь съ вечера Бусови врани възграяху“ Максимовичъ разумѣетъ здѣсь Бусову гору или Бусовицу подъ Кіевомъ надъ Лыбедью. Вѣроятно, и Бусовна и Бусовица происходятъ отъ имени Буса.

гдѣ въ 1278 г. Ятвяги свирѣпствовали въ теченіи трехъ дней, то устремляясь, наконецъ, къ Владиміру и Червену (въ 1209). Поэтому мы съ полнымъ правомъ можемъ объявить, что Червенская земля, или княжество (послѣ образованія княжествъ Галичскаго и Перемышльскаго), разстилалась между Люблинскою землею и Западнымъ Бугомъ. Подъ 1163 г. въ Волынской и Густынской лѣтописяхъ коротко записано, что „воеваша Ляхове около Червена“. Въ 1205 г., когда Александръ сидѣлъ во Владимірѣ, а братъ его Всеволодъ въ Червинѣ, Литва и Ятвяги сдѣлали набѣгъ и „повоева Турійскъ и около Комова оли и до Червна и бишася у воротъ Червенскихъ, и застава бѣ (въ) Уханяхъ¹⁾. Тогда же убиша Матѣя Любова зятя, и Доброгостя, выѣхавша у сторожа“. Последнее, нѣсколько темное, но очень важное мѣсто лѣтописи требуетъ разъясненія. Одни, напримѣръ Бѣляевъ, разумѣютъ подъ заставой просто вооруженный отрядъ, другіе (Зубрицкій) — главный обозъ непріятельскій. Но изъ лѣтописей видно, что застава была вооруженная *стража*. „Угри же исполчишася на заставы. Мстиславъ (по Никонов.) затворися въ градъ съ „заставою“ (1099 г.) Сущность повѣствованія сводится, кажется, къ тому, что когда полчища Литовцевъ и Ятвяговъ наводнили Червенскую землю, то изъ Ухане двинулся на развѣдки сторожевой отрядъ подъ предводительствомъ Любова зятя и Доброгоста.—Последнее событіе, въ связи съ движеніемъ Конрада отъ Холма къ Червену въ 1234 году, служитъ поводомъ утверждать: для однихъ (Карамзинъ и Бѣляевъ), что Червень былъ около Холма, гдѣ

¹⁾ Ухане обращено въ городъ Казиміромъ Ягеллономъ въ 1485 г., съ дарованіемъ ему права Магдебургскаго (Бал. и Лип.).

Чернявъ, — для другихъ, что онъ стоялъ на мѣстѣ Чермна близъ р. Гучвы¹⁾. По моему мнѣнію, если основываться на военныхъ дѣйствіяхъ, то наиболѣе выразительнымъ представляется извѣстіе подъ 1269 г. о движеніи Василька съ Шварномъ и сыномъ Владиміромъ отъ Грабовца къ Червену, гдѣ Поляки производили опустошенія, пройдя около Воротъ по направленію къ Белзу. Узнавъ, что Поляки обманули, не пошли въ Тернаву для переговоровъ, какъ было условлено послѣ неудачнаго нападенія ихъ передъ тѣмъ на Червенъ, Василько „пойде вбо рзѣ отъ Грабовца, Шварномъ и сыномъ своимъ Владиміромъ и придоша къ Червну и видиша, оже села горятъ, а Ляхове воюють.“ Василько принудилъ поляковъ отступить. Въ погоню за ними Василько послалъ Шварна съ Владиміромъ, давъ имъ наставленіе напасть на польское войско въ тотъ моментъ, когда оно раздѣлится. Шварно шелъ впереди, а за нимъ Владиміръ съ своимъ полкомъ. „Ляхове же бяху и еще не вошли въ свою землю, но токмо бяшетъ Ворота прошли (нарѣчахуться тѣсною своею)“. Шварно, увлекшись преслѣдованіемъ, забылъ наставленіе Василька и не выждавъ „полка брата своего Владиміра, устремился на бой“. Полкъ Шварна былъ разбитъ „а инѣмъ полкомъ немочно бысть помощи ни откуда же тѣсною“. Ворота, по мнѣнію Зубрицкаго, — мѣсто на рубежѣ между польскими и русскими областями въ Тарновскомъ или Решовскомъ округѣ и были

¹⁾ Шараневичъ о мѣстоположеніи Червна высказывается неясно, но, судя по его картѣ, онъ присоединяется къ последнему мнѣнію. Излѣдов. по отеч. исторіи и географіи стр. 20, 21 и 59, примѣч. 87.

или природою, или искусством укрѣпленнымъ проходомъ изъ одной въ другую землю¹⁾. Шараневичъ объясняетъ, что Ворота находились на западъ отъ Белзскихъ полей, въ направленіи отъ Белза къ Тарнову. Всѣ извѣстныя ворота лежали на главныхъ путяхъ, ведущихъ изъ одного края въ другой. Онъ нашелъ мѣстечко Воротню (Wogotnu) на притокѣ р. Любачевки, къ сѣверу отъ Немирова, близъ горъ, служащихъ водораздѣломъ между бассейнами Буга и Сана, составляющее единственное самою природою созданное высокое ущелье на дорогѣ съ надъ Сана къ Белзскимъ полямъ²⁾.—Исслѣдованіе Шараневича я позволяю себѣ дополнить указаніемъ на село Вротковъ, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Люблина, около р. Быстрицы, получившее свое названіе иначе какъ отъ свойства мѣстности, болѣе или менѣе гористой, съ небольшими тѣснцами³⁾. Но, мнѣ кажется, лѣтописецъ разумѣлъ ворота описанныя Шараневичемъ, тѣмъ болѣе, что указаніе Волынской лѣтописи соотвѣствуетъ съ указаніями Польскихъ источниковъ о пораженіи Шварна подъ Пятою въ Перемышльской области. Въ приведенномъ отрывкѣ лѣтописи важно то, что поляки, обогнувъ Ворота, начали воевать и села жечь на пути къ Белзу, въ его окрестностяхъ. — Направленіе, въ которомъ Поляки отступали (Ворота), показываетъ, что опустошенія производились ими съ югозападной стороны Белза, въ значи-

¹⁾ Истор. Гал. Русск. Княж. т. III. стр. 208.

²⁾ Исслѣд. по отеч. ист. и геогр. стр. 66 и 67.

³⁾ Двойственное значеніе выраженія „ворота“ „обнаруживается изъ слова о полку Игоревѣ. „Затворивъ Дунаю ворота“, „отворяеши Києву врата“, „отвори врата Новуграду“, „загороди-те полю ворота своими острыми стрѣлами“.

тельномъ отдаленіи отъ него. Выступивъ изъ Грабовца, очевидно, на перерѣзъ Полякамъ, и достигнувъ Червена, Василько увидѣлъ горящія села и воюющихъ Поляковъ. Слѣдовательно Червень находился между верховьями Вепря и Гучвою. Искать Червена южнѣе не позволяетъ переправа Польскаго войска чрезъ Вепрь при отступленіи въ Польшу послѣ нападенія, сдѣланнаго Копрадомъ на Червень изъ Холма. Другое не менѣе важное для топографіи обстоятельство заключается въ событіи, случившемся 1221 г. „*Въ субботу, въ ночь* поплѣнено бысть около Бѣлза и около Червна Даниломъ и Василькомъ“. Оно свидѣлствуетъ, что Червень лежалъ отъ Белза, приблизительно, не далѣе 50 верстъ, такъ какъ иначе Данилъ и Василько не успѣли-бы опустошить окрестности этихъ двухъ городовъ въ столь незначительный промежутокъ времени. На положеніе Червена въ юго-восточномъ углу Холмскаго Забужья довольно ясно намекаютъ слова Владиміра, сказанныя Святославу Мстиславичу въ 1173 г. въ подкрѣпленіе своей просьбы объ уступкѣ ему Червена. Живя тамъ, говорилъ Владиміръ, мнѣ удобно будетъ сноситься съ Галичемъ.—На сколько благопріятны были условія сообщенія между Червеномъ и Галичемъ (при предположеніи, что Червень лежалъ близъ верховьевъ Гучвы), можно судить потому, что на переходъ изъ Угровеска въ Галичъ Данилъ употребилъ только три дня, изъ Холма въ Галичъ онъ прибылъ на третій день¹⁾, изъ Червена же до Галича было пути не болѣе двухъ дней, такъ какъ онъ облегчался водной системой Днѣстра. Близость Червена къ Владиміру также осязательно даетъ себя чувствовать. Въ 1097 г. Свято-

¹⁾ Ипат. стр. 517.

полкъ, снявъ осаду Владиміра, идетъ въ Червень. Въ 1157 г. туда же подступилъ Владиміръ Андреевичъ изъ Владиміра. Въ 1209 г. Литва и Ятвяги „пакости творятъ“ около Владиміра и Червна. Въ 1268 г. Василько изъ Червна „поиде къ Володимерю“, и т. под. Въ Галиціи есть много названій мѣстностей, напоминающихъ Червень ¹⁾. Таково напр. Czerlany въ 1½ мили отъ Городка, на западъ отъ Львова ²⁾. Въ предѣлахъ Люблинской и Сѣдлецкой губерній есть также нѣсколько селъ, имѣющихъ этимологическое родство съ Червнемъ, но ни одно изъ нихъ не имѣетъ столько общаго съ Червнемъ, какъ мѣстность Чермно—Вакіевъ. На немъ недаромъ останавливались пытливые умы, начиная съ Ходаковского и Павлицева, и дѣйствительно оно пользуется вполне заслуженною славою. Вотъ описаніе его, сдѣланное мною при содѣйствіи мѣстныхъ старожиловъ. Въ гминѣ Тышовцы, Томашовскаго уѣзда, находятся двѣ почти смежныя деревни Чермно и Вакіевъ, расположенныя въ полувѣрстномъ разстояніи отъ р. Гучвы, близъ р. Грабарки, впадающей въ Гучву, на проселочной дорогѣ въ Грубешовскій уѣздъ. Время основанія деревень неизвѣстно, сохранилось только между туземцами преданіе, что на мѣстѣ Чермно-Вакіевъ стоялъ нѣкогда городъ Червенскъ, одна изъ улицъ котораго называлась Кіевскою, по народному „во Кіевъ“. Существованіе тамъ города Червенска преданіе основываетъ на сохранившихся донинѣ памятникахъ древности, а именно: въ восточной сторонѣ, въ 250 саженьяхъ отъ деревни и 40 са-

¹⁾ Шараневичъ. Изслѣд. по вѣдѣств. истор. и геогр. стр. 94

²⁾ Н. Stupnicki. Galicya pod względem geograf.—topogr.—histor. 1849 г. стр. 70.

женяхъ отъ Гучвы, среди дворскихъ луговъ, находится „Замчиско“, состоящее изъ сохранившейся въ цѣлости крутой земляной насыпи, овальной формы, довольно правильныхъ очертаній, имѣющей 184 сажени въ окружности и обнимающей углубленную площадь въ 60 сажень длины и 37 сажень ширины, утвержденной на небольшой возвышенности (около 2 сажень отъ уровня полей). Поверхность насыпи, высокою около 3 сажень, плоская, ровная, имѣетъ до 4 сажень въ поперечникѣ. Съ сѣверной стороны вала устроенъ спускъ въ видѣ воротъ въ 6 сажень ширины.—Для какой надобности сооружены были эти окопы—преданій въ народѣ никакихъ не слышно¹⁾. Въ недалекомъ разстояніи отъ Замчиска, на низменности давно распаханной, между деревней и Замчиско, находятъ много человѣческихъ костей, а изрѣдка мѣдные крестики и деньги. Въ сосѣднемъ же Черменскомъ лѣсу разсыяно безчисленное множество зем-

¹⁾ Судя по описанію Павлищева, сдѣланному въ 1844 г., (перепечат. въ Варш. дневн. 1865. № 245), между Гучвой и Чермно-Вакіевъ было три земляныхъ укрѣпленія, окруженныхъ остатками вала со стороны деревни. На одномъ изъ нихъ открыты были слѣды каменной стѣны, а на полѣ, называемомъ золотою горкою, попадались нерѣдко кирпичи подъ плугъ. Мѣстные жители объясняли ему, что Чермно было когда-то обширнѣе, ибо къ нему принадлежалъ противоположный берегъ Гучвы, на которомъ есть также слѣды укрѣпленій, покрытыхъ дремучимъ боромъ.—Предполагаютъ, что судьба селенія Турковицъ (въ разстояніи версты отъ Гучвы) и Турковицкаго монастыря (на мѣстѣ коего теперь стоитъ православная церковь, называемая народомъ не иначе какъ монастыремъ) тѣсно связана съ судьбою Червена. Предположеніе это между прочимъ основано на преданіи, что на мѣстѣ „Бабьей могилы“ похоронена женщина; указавшая Туркамъ способъ завладѣнія Червеномъ.

ляныхъ могилъ. О находкахъ въ самомъ Замчиско ничего неизвѣстно, такъ какъ оно никѣмъ пераскапывалось. Кромѣ Замчиско, существуетъ еще нѣсколько названій урочищъ, изъ коихъ замѣчательны въ имѣніи Чермно, въ восточной сторонѣ, „Монастырь“ а въ западной—„Черноземка“. На Вакіевѣ же обращаетъ на себя вниманіе Червенецъ или „Черменецъ“. Очень вѣроятно, что въ народномъ преданіи, измѣнившемъ „Червель“ въ „Червенскъ“, отразилось древнее названіе Червенской земли и Червенскаго Монастыря, стоявшаго, несомнѣнно, на томъ самомъ урочищѣ, которое извѣстно подъ именемъ „Монастыря“¹⁾. Впрочемъ, Червень всегда былъ извѣстенъ у Поляковъ подъ именемъ Червенска. Поэтому Петрушевичъ, основываясь на описаніи Павлищева, правильно, хотя и гадательно, отнесъ Червенскій монастырь къ Холмской епархіи²⁾. Онъ считаетъ вѣроятнымъ, что предшественники Владиміро-Волинскаго епископа Стефана, избраннаго Владиміромъ Святѣмъ, Іоаннъ, Антоній, Аникій (Anythi), Θεодоръ (Kadrius) и Helias, о коихъ упоминаетъ въ историч. запискахъ униатскій митрополитъ Левъ Кишка, основываясь на древней хартіи г. Владиміра, сидѣли въ Червенѣ, находясь здѣсь со временъ господства Велико-моравскихъ князей. Трудно возражать

¹⁾ Крестьяне с. Чермно-Вакіевъ рассказываютъ, что въ былое время рыбаки нашли въ р. Гучвѣ, неподалеку отъ Замчиска, два колокола. Одинъ—большій остался на днѣ рѣки, а меньшій рыбаки вытащили и передали въ Вакіевскую церковь. Священникъ Сагринскаго прихода К. Левицкій удостовѣряетъ, что послѣдній по наружному виду рѣзко отличается отъ другихъ колоколовъ той церкви. На немъ есть надпись, но о. Левицкій не могъ ее разобрать, полагая вѣроятнымъ, что годъ значителъ 1510.

²⁾ Холмская епархія и святители ея стр. 241.

противъ этого, но мнѣніе его о постройкѣ Владиміра на мѣстѣ раззореннаго будтобы Червена нѣсколько опрометчиво¹⁾. Урочище Черноземка подтверждаетъ мое предположеніе о происхожденіи названія Червна отъ качества почвы, которая въ окрестностяхъ его славится необыкновеннымъ плодородіемъ. Единственное обстоятельство, порождающее у нѣкоторыхъ сомнѣніе въ тождествѣ Чермно—Вакіева съ Червнемъ: довольно низменное и болотистое его положеніе, свидѣтельствуєтъ скорѣе въ пользу мнѣнія объ этомъ тождествѣ, нежели его опровергаетъ. И Холмъ первобытный стоялъ не на горѣ, а у ея подошвы, въ чемъ согласны всѣ извѣстные мнѣ мѣстные изыскатели. Знаменитый Угровескъ, съ епископскою кафедрою, также стоялъ на равнинѣ. Не потому-ли Гюгандъ, описывая Славянъ, простиравшихся до Днѣстра и Вислы, сказалъ, что болота и лѣса служатъ у нихъ вмѣсто городовъ (*pro civitatibus*)? Низменное мѣстоположеніе Червна доказываетъ его необыкновенную древность. Позднѣе, когда разбросанное по лѣсамъ и полямъ населеніе сгруппировалось около опредѣленныхъ центровъ, то для постройки городовъ стало избирать, въ видахъ самозащиты, уже пункты возвышенныя. Наибольше содѣйствовало такому перевороту въ способѣ постройки городовъ нашествіе Татаръ въ XIII вѣкѣ. Тогда то и Холмъ, и Львовъ, и много другихъ городовъ въ Червонной Руси возникли на высотахъ почти неприступныхъ. Погибло все, что было на равнинахъ. По свидѣтельству лѣтописца, Батый въ 1241 г. всѣ „грады и села Волинскіе и Подляскіе огнемъ и мечемъ погубиша“. Червень

¹⁾ Введ. христ. въ предкарп. стран., стр. 52 и 54.—Петрушевичъ смѣшалъ Червень съ Волинемъ.

держался еще до конца XIII вѣка. Окончательный ударъ былъ нанесенъ ему въ началѣ XIV столѣтія. Не благоприятнымъ положеніемъ Червня объясняется и причина, по которой онъ не возникъ снова изъ пепла послѣ его разрушенія. Но названіе его народная память связала съ однимъ изъ смежныхъ урочищъ (Червенець). Чермно же, быть можетъ, искони существовало какъ одно изъ предградій Червеня. По крайней мѣрѣ, въ актахъ Люблинскаго архива, и именно Грабовецкихъ, Чермно упоминается подъ 1559 г., въ обязательствѣ, коимъ нѣкая Стржалковская обезпечила долгъ свой Чижевскому въ 282 злотыхъ на имѣніи своемъ Чермно, нынѣ принадлежащемъ Графу Роникеру¹⁾. Какъ бы то ни было,—по моему убѣжденію, названіе Червеня кроется не въ той мѣстности, которую нынѣ зовутъ Чермно, а въ той, которая, на Вакіевѣ, зовется Червенцемъ. Несомнѣнно, здѣсь былъ главный пунктъ города, обнимавшаго, вѣроятно, своими валами и предмѣстьями: Чермно, Вакіевъ Замчиско, монастырь, а быть можетъ и близлежащія съ двухъ сторонъ, въ разстояніи около версты отъ Чермно-Вакіевъ, села Переспу и Майданъ-Переспу. На мѣстахъ, гдѣ находятся обѣ Переспы, вѣроятно были насыпные валы, такъ какъ переспа, понашей лѣтописи, означаетъ насыпь²⁾. „И иде (Батый) къ Червенцу и бивъ пороки взять его“. По

¹⁾ Названіе Чермно и Вакіева упоминается въ позднѣйшемъ документѣ отъ 9 мая 1794 г., а также въ актѣ отъ 20 октября 1818 г., по которому Станиславъ и Казиміръ Роникеры совершили раздѣлъ наслѣдственнаго имущества. Въ актѣ значится, что имѣнія Чермно и Вакіевъ (Wakiow), въ коихъ находится 98 крестьянъ, поступаютъ въ собственность гр. Казиміра Роникера (Ипотечн. архивъ).

²⁾ Ипат. стр. 74, 79, 199 и 235.

Никоновской лѣтописи, это произошло въ 1240 г. Окончательное же его разрушеніе послѣдовало, какъ я сказалъ въ XIV столѣтіи. Хотя Волинская лѣтопись не описываетъ взятіе Батыемъ Червена, но ясно намекаетъ на это, сказавъ, что Батый „приде ко Володимерю и взя и конь-емъ... тако-же и градъ Галичъ, иныи грады многы имъ же нѣсть числа“. Такъ разрѣшается вопросъ, предложенный Павлищевымъ о томъ: не указываетъ ли урочище Червенецъ на имя Червена, изъ котораго образовалось нынѣшнее Чермно; такъ—другаго отвѣта, кромѣ утвердительнаго, не можетъ быть, если бы былъ предложенъ другой вопросъ: не связано ли названіе села Ратиборовице, по дорогѣ изъ Холма въ Грубешовъ—близъ Ухане, съ отчиной Черв. Посадника Оомы Ратиборовича¹⁾.

И такъ, въ конечномъ результатѣ моего изслѣдованія получается, между прочимъ, слѣдующее главнѣйшее положеніе: Подъ Червенскими городами наша начальная лѣтопись разумѣетъ обширную страну, заключающую въ себѣ Галицко-Перемышльскую область вмѣстѣ съ землями Белзскою, Бускою, Любачевскою, Звѣнигородскою и Терембовельскою, Забужныя части земли Брестской, земли Холмско-Червенскую и Люблинскую. До конца X вѣка земли эти, изъ которыхъ ни одна не была заселена Ляхами, управлялись своими племенными старѣйшинами или князьями, пока не было положено начало объединенія Червенскихъ городовъ Владиміромъ Свѣтымъ. Русская народность въ области Люблинской

¹⁾ Ратиборовиць есть нѣсколько въ Польшѣ. Въ *liber beneficiorum* (Другошъ. Opera. VII, 155, 158) сказано: *Raciborovice contulit et donavit ecclesiae cracov. donatione perpetuo Rathiberius miles heres de Raciborovice.*

была въ значительной степени подавлена подѣ влияніемъ колонизаціи чуждыхъ ей элементовъ и насильственной латинизаціи. На всемъ этомъ пространствѣ находится много названій, соотвѣствующихъ, по этимологическому значенію, общему названію страны. Въ Галиціи есть даже рѣки Червенная (Czerwieńne) и Червоная—Скала (Czerwona—skała), притоки Дунаевца¹⁾. Въ Люблинской губерніи существуетъ и туземная фамилія „Червонка“, въ чемъ можно убѣдиться по книгамъ народонаселенія.—Вводя Люблинъ съ землею въ первичные предѣлы Червонной Руси, мы можемъ съ увѣренностью сказать, что Люблинъ существовалъ въ видѣ значительнаго поселенія уже въ то время, когда Владиміръ совершалъ свой побѣдоносный походъ за Вислу, объ основаніи же этого города не дошло до насъ достовѣрныхъ свѣдѣній, и рассказъ Кадлубека о томъ, что Люблинъ заложенъ сестрою Юлія Цезаря, женою Лепка третьяго, имѣетъ легендарный характеръ. вмѣстѣ съ тѣмъ мы идемъ въ разрывъ съ мнѣніемъ наиболѣе авторитетныхъ польскихъ историковъ. Резюмируя ихъ выводы, Татоміръ въ своемъ, отличающемся большими достоинствами историко-географическомъ трактатѣ о древней Польшѣ, говоритъ, что къ Руси Червонной принадлежалъ весь край надъ Саномъ и Бугомъ до жилищъ Ятвяговъ и область по теченію верхняго Днѣстра, позднѣе воеводство Русское, съ землями Холмскою и Галицкою, и что въ 1018 г. границы Польши упирались въ Бугъ о Быстрицу, далѣе которой не простиралось завоеваніе Ярославомъ Червенскихъ городовъ, возвращенныхъ будтобы затѣмъ Болеславомъ Смѣлымъ

¹⁾ Stopnicki. Galicya pod względem geogr. topograf. histor. 1849 г. стр. 7.

около 1076 г. Большинство же Поляковъ, въ томъ числѣ Бѣлевскій¹⁾ и Мацѣевскій²⁾, считаютъ и Червень кореннымъ ляхскимъ городомъ, вопреки свидѣтельству Польскаго же лѣтописца Матеуша, называющаго его городомъ Русскимъ³⁾.

Мы видѣли какъ со второй половины XIII вѣка Червенская земля выдѣлила изъ себя землю Холмскую, которая, при постепенномъ своемъ расширеніи, затмила большую ея часть. Впослѣдствіи названіе Холмской земли распространилось за Бугъ, обнявъ нѣкоторыя части прежней Брестско-Владимірской области, до самой рѣки Туріи⁴⁾, тогда какъ еще въ половинѣ XIV вѣка Холмская земля въ географическомъ отношеніи противопоставлялась землѣ Владимірской, также какъ и Брестской, Луцкой, Белзской и Львовской⁵⁾. Тѣсная генетическая связь между Червенскою и Холмскою землями и безпрестанные передѣлы политическихъ границъ въ краяхъ прибужныхъ, затервъ слѣды начального дѣленія земель, дѣлаютъ почти не мыслимымъ проведеніе строгой черты между упомянутыми землями. Неподлежитъ лишь сомнѣнію, что Холмская земля примыкала къ землѣ Перемышльской. Иначе (т. е. еслибы Червенскій удѣлъ Василька достигалъ земли Люблинской и разобщалъ такимъ образомъ Холмскую землю отъ Перемышльской) представлялась бы не понятною удѣльная связь Холма съ Гали-

¹⁾ Bibl. ossol. 1864 г. т. IV стр. 11.

²⁾ Dopełn. къ Hist. prawod. słow. 1872 г. стр. 178.

³⁾ Lelewel. Polska wiek. śred. т. II стр. 360.

⁴⁾ Холмщина въ XVI в. состояла изъ старостовъ: Холмскаго Красноставскаго, Люблинскаго, Ратнинскаго и Грубешовскаго Tatomir. стр. 157 и 158.

⁵⁾ Договор. грамота 1340 г. Акт. Зап. Рос. т. I стр. I.

чемъ. За недостаткомъ матеріаловъ едва ли можно опредѣлить подробно, чѣмъ это сдѣлано мною, сѣверо-западную границу Холмской земли. Къ сказанному я только добавлю, что русская народность въ г. Парчевъ и Островъ¹⁾ около половины XVII вѣка преобладала, что эти коронныя мѣстечки въ самый разгаръ уніи были правительственными комиссарами изъяты изъ вѣдѣнія Холмскаго уніатскаго епископа Я. Суши, какъ населенныя русинами, упорными „схизматиками“, о чемъ онъ самъ писалъ въ дописаніи Риму 1664 г. Что же касается юго-западной части Холмской Руси, то я постараюсь обозначить всѣ точки ея соприкосновенія съ землями Люблинскою и Перемишльскою. Здѣсь главнымъ пособіемъ мнѣ служатъ малоизвѣстные статуты ординаціи Замойской, образованной въ концѣ XVI вѣка изъ громадной доли Холмско - Червенской области. Они драгоцѣнны для топографіи особенно потому, что раскрываютъ тѣ нити, которыя скрѣпляли крайніе Червонорусскіе города съ ихъ предградьями (*suburbii*).

Прежде, чѣмъ мы поведемъ рѣчь объ этихъ статутахъ, не бесполезно будетъ подмѣтить особенности правового быта въ земляхъ Люблинской и Холмско-Червенской, ибо условія національныя, этнографическія, очевидно, не могли не вліять на его складъ и развитіе. Въ этомъ отношеніи замѣтно довольно рѣзкое формальное

¹⁾ Островская церковь св. Троицы получила королевскій фундушъ въ 1632 г. (Дѣла Холм. дух. прав. № 141). Въ Колеховицахъ (около Острова), Устимовѣ (рядомъ), Радинѣ и Русской Волѣ (правѣ Лукова) церкви существовали гораздо ранѣе введенія уніи. О нихъ упоминаетъ М. Рыло въ своемъ дневникѣ. (Петрушевичъ. Холмск. епарх. стр. 87).

отличіе между упомянутыми областями. Наиболѣе наглядно выражается оно съ одной стороны въ Вислицкомъ кодексѣ 1347 г. и статутѣ Владислава Ягеллы 1420—1423 г., съ другой—въ сепаратныхъ грамотахъ, пожалованныхъ разновременно для отдѣльныхъ мѣстностей Червонной Руси.

Извѣстны два изданія Вислицкаго кодекса — одинъ на латинскомъ¹⁾, другой на западно-русскомъ языкѣ. Кѣмъ и когда сдѣланъ переводъ — неизвѣстно. Надо, однако, полагать, что онъ имѣетъ официальное значеніе и изданъ по повелѣнію Казимира, собственно для русскаго населенія Сандомірской и Люблинской земель, въ которыхъ онъ былъ введенъ наравнѣ съ землею Краковскою. Ни въ одной статьѣ кодекса не сдѣлано прямой ссылки на право русское; о нѣмецкомъ же и польскомъ трактуется очень много. Есть лишь слабый намекъ на то, что право русское не было устранено безъусловно „а хто есть у правѣ нѣмецкомъ, а жалобу учинить противъ виноватому, а виноватый въ томъ правѣ не слухаетъ... не умѣетъ отповѣдать, можетъ *къ своему праву* речъ отложить“ (ст. 64). Примѣненіе нѣмецкихъ или польскихъ законовъ ставится въ зависимость отъ мѣста совершенія преступленія. Мотивомъ приводится слѣдующее: „есть много пановъ, штожъ имѣють права нѣмецкая у своихъ селѣхъ, отъ насъ позычены а любо отъ нашихъ предковъ; а они опускають нѣмецкое право, а ведутся подлугъ польскаго права“ (ст. 68). Видно, что нѣмецкіе порядки не только русинамъ, но и многимъ полякамъ приходились не по вкусу и что вообще писанное право часто игнорировалось, а предпочиталось ему право обычное. На Ви-

¹⁾ Есть и польскій текстъ, почитаемый нѣкоторыми, едва-ли справедливо, за основной.

слишкомъ кодексъ, несомнѣнно, отразилось вліяніе русской правды, какъ обнаруживается изъ самаго поверхностнаго сличенія того и другаго законодательства¹⁾. Не вдаваясь въ дальнѣйшій разборъ этого замѣчательнаго юридическаго памятника, я остановлюсь только на тѣхъ статьяхъ кодекса, которыя имѣютъ какое либо отношеніе къ церкви. Ст. 40: Выкупить заложенное имѣніе, въ теченіи 30 лѣтъ, могъ только тотъ залогодатель или его ближній, или племянникъ, кто въ теченіи извѣстнаго срока удостовѣритъ предъ нашимъ судьей, а либо *при церкви*, котораяжъ въ томъ дѣдичствѣ есть, а либо при нашемъ сейму, въ какой суммѣ оно заложено. Ст. 54: Въмѣсто прежняго обычая о переходѣ выморочнаго имущества послѣ кметя къ пану, установлено „съ того имѣнія абы келихъ учиненъ былъ за полторы гривны *къ церкви*, гдѣ прибѣгалъ, а остатокъ, и то ближнимъ и пріятелемъ чтобы дано“.—Въ этихъ статьяхъ не полагается никакого различія вѣроисповѣданій,— что, само по себѣ, указываетъ на слабое распространеніе латинства въ Краковской, Сандомірской и Люблинской земляхъ до половины XIV столѣтія. Такимъ образомъ, въ этомъ періодѣ наряду съ преобладаніемъ въ Люблинской землѣ греческой вѣры замѣчается сильный перевѣсъ польско-нѣмецкаго права, хотя единство условій этнографиче-

¹⁾ Два обстоятельства доказываютъ, что Русская Правда дѣйствовала во всѣхъ русскихъ земляхъ: 1) Несторъ говоритъ: „Мы христіане ели ко земель иже вѣрують въ святую Троицю и въ единое крещеніе и въ единую вѣру *законъ имамъ идинъ*“, 2) По смерти Ярослава собрались сыновья его, Изяславъ, Святославъ и Всеволодъ, смягчили нѣсколько суровыя постановленія Ярославовой Правды, „а ино все якоже Ярославъ судилъ такоже и сынове его уставиша“. Въ одномъ спискѣ Правды сказано, что она „установлена Русской земли“.

скихъ земли Люблинской съ сѣдней землею Холмско-Червенскою не могло не внести однообразія въ складѣ народной жизни и юридическихъ обычаяхъ той и другой области, чѣмъ отчасти и объясняется нѣкоторое сходство Вислицкаго статута съ Русскою Правдой. — Статутъ Владислава Ягайлы, 1420—1423 г.¹⁾, очевидно, не только дѣйствовалъ въ Червоно-русскихъ земляхъ, но нѣкоторыя его постановленія, кажется, исключительно относятся къ Малопольшѣ, въ которую входили тогда и русскія земли²⁾. Объ этомъ можно заключить по ст. 15, гдѣ сказано: „судья и подсудокъ имѣютъ людямъ право чинить, какъ у *Великой Польши* уставлено“. Здѣсь особый интересъ представляютъ два положенія: Ст. 7: Если отъ втораго брака будутъ дѣти женскаго пола, а отъ перваго—мужскаго, тогда сынове, по смерти отцевъ, мають дѣвки замужь выдать *подлугъ обычая земли* а имѣютъ сестрамъ нарѣчь вѣно пѣнезное вынявши материзну“. Изъ 12 ст. мы узнаемъ, что границы селъ, полей и лѣсовъ означались „концами, яко той есть обычай“³⁾, а ст. 13 при продажѣ имѣнія предписываетъ покупщику „сусѣды того имѣнія позвать служебникомъ, абы при томъ были какъ тотъ имѣніе ему выводить хто продаваетъ“. Последнее постановленіе основано также на Червоно-Русскомъ обычаѣ, такъ какъ въ половинѣ XIV вѣ-

¹⁾ Акты зап. Россіи т. 1, № 27.

²⁾ Къ Малопольшѣ, состоявшей первоначально изъ воеводствъ Краковскаго, Сандомірскаго и Люблинскаго, были присоединены впослѣдствіи воеводства Русское съ землями Холмскою и Галицкою, Волынское, Подольское, Белзское, Подляское, Кіевское, Брацлавское и Черниговское (Tatomir geogr. ogólna. стр. 154).

³⁾ Конецъ тоже, что *дубъ знаменный или мѣстный* по Ярославовой Правдѣ, трактующей о разграниченіи земель *межами*.

ка при продажахъ дворищъ и земель приглашались въ числѣ свидѣтелей мѣстичи, бояре, поны, дьяки, бортнички и сосѣди окольные¹⁾. Почти всѣ грамоты о введеніи нѣмецкихъ законовъ въ русскихъ земляхъ, присоединенныхъ къ Люблинскому воеводству, содержатъ указанія на то, что складъ народной жизни въ этихъ земляхъ вылился въ самобытную форму, сообразно съ тѣми юридическими понятіями, которыя господствовали въ Руси при Ярославѣ Мудромъ. Несмотря на стремленіе польскихъ государей разбить эту форму, появлялись отъ времени до времени королевскіе указы которые согласовались съ мѣстными обычаями. Нѣкоторыя изъ такихъ грамотъ приведены Зубрицкимъ и Шараневичемъ. Напр. по грамотѣ 1415 г. дѣленіе полей, перешедшихъ изъ рукъ русскихъ князей къ королямъ польскимъ, было сдѣлано „juxta consuetudinem Ruthenorum“. Поля и луга, коими надѣлялись Русины, дѣлились на погоны, а погоны дѣлились на нивы (parcele). Шараневичъ замѣчаетъ, что въ Галиціи такой обычай сохранился донныѣ. Земли, по качеству, дѣлились на три категоріи. Каждый селянинъ и мѣстный священникъ имѣлъ участки во всѣхъ трехъ полосахъ²⁾. Съ переходомъ Галицкой Руси къ Болеславу Тройденевичу и королевѣ Маріи (въ концѣ XIV вѣка), первый установилъ, чтобы Львовскіе мѣщане руководились своими законами и обычаями, а вторая—раздавала села вѣрнымъ своимъ подданнымъ съ тѣмъ, чтобы, со-

¹⁾ Акт. зап. Рос. т. 1, № 3. Мацѣевскій. Истор. слав. законод. т. VI прилож. стр. 146—149.

²⁾ Шараневичъ. Rzady Władysława Opolskiego na Rusi. Bibl. Ossol. 1864 г. т. IV стр. 289—299. По Нестору, города въ Древянской землѣ пахали свои нивы.

гласно русскому обычаю (*secundum morem et consuetudinem regni Russiae*), наряжался одинъ вооруженный всадникъ на службу королевѣ и ся наслѣдникамъ. „Тии устройства, „говорить Шараневичъ“, были, якъ грамоты намекають, собствени древнему княжеству русскому¹⁾. На складъ обычаевъ Руси наибольшее вліяніе оказывало духовенство, которое хотя и „носило утисненіе“, какъ сказано въ грамотѣ 1443 г. Владислава III Ягелловича, а слѣдовательно немогло, начиная съ Казимира Великаго, въ полной мѣрѣ пользоваться правами, данными ему Владиміромъ въ земляхъ русскихъ, въ томъ числѣ и Люблинской, однако, отъ времени до времени, изрѣдка они восстанавлились; такъ въ силу упомянутой грамоты, возвращены „всѣмъ церквамъ и ихъ епископамъ албо владыкамъ, преложеннымъ духовнымъ и инымъ особомъ церковнымъ набоженства греческаго и русскаго вси права, волности, способы, звычаи и всякіе свободы“. Въмѣстѣ съ тѣмъ предписывается свѣтскимъ властямъ „не прещать“ ни власти греч. духовенства, ни судовъ поповскихъ по дѣламъ бракоразводнымъ, и проч. „хотя бы тежъ и не вѣсть якіе звычаи (въ земляхъ русскихъ) противные досѣля заховалися и по тому противни быти не мають“. Кромѣ того, утверждены за нимъ и за церковью „вси села и державы которы зъ стародавна до оныхъ церквей належали“²⁾.—Сохранилось мало актовъ, бросающихъ свѣтъ на древніе западно-русскіе обычаи. Давнѣйшіе

¹⁾ Истор. Гал. Влад. Руси, стр. 247—248.

²⁾ А. з. Р. т. I № 42.—О подтвержденіи грамоты Владислава III см. Будиловича: Недвижимыя имущества западно-русской церкви Холм. Варш. еп. вѣстн. 1878 г., № 3. Сравни. Likowski: Dzieje kościoła unickiego. стр. 230 и 231.

документы—уставныя грамоты Сигизмунда I отъ 1509 г. и Сигизмунда Августа отъ 1547 г., данныя Волынской области по просьбѣ владыкъ Владимірскаго и Луцкаго, князей, бояръ, земянъ и всей шляхты Волынской земли¹⁾. Несомнѣнно, что грамоты эти распространялись и на землю Холмско-Червенскую, которая тогда называлась Волинью и, находясь долго подъ владычествомъ Литвы, ассимилировалась съ землями Брестскою и Владимірскою. Въ такомъ объемѣ разумѣли Волинъ и великіе князья Литовскіе, избиравшіеся затѣмъ въ польскіе короли. Въ пользу моего мнѣнія говорятъ слѣдующія данныя. 1) Вскорѣ по вступленіи на польскій престолъ, именно въ 1446 г., Казиміръ IV отдѣлилъ Полубицы и Ломазы отъ Парчевской экономіи и присоединилъ ихъ къ землѣ Брестско-Литовской, вслѣдствіе справедливыхъ жалобъ литовцевъ на неправильный захватъ этихъ городовъ поляками; 2), Литовцы, недовольствуясь сдѣланною имъ уступкою, неоднократно предъявляли притязанія на нѣкоторые города съ лѣвой стороны Буга. На Люблинскомъ сеймѣ 1448 г. они представили убѣдительныя доказательства правъ своихъ на весь Городельскій округъ, ссылаясь на то, что имъ владѣлъ Витольдъ, и что онъ составляетъ часть Литовской Волини, принадлежавшей Любарту, а по его смерти перешедшей къ Ягайлу²⁾. 3), Литовскій статутъ, обнародованный впервые въ 1529 г., но пересмотрѣнный и утвержденный во второй разъ въ 1566 г., при Сигизмун-

¹⁾ Акты зап. Россіи, т. II № 54. Мацѣевскій. Истор. Слав. Законод. т. VI, прилож., стр. 151—154.

²⁾ Kronika Strykowskiego т. II стр. 228 и 229. Шараневичъ Истор. Гал. Влад. Руси стр. 416—418.

дѣ Августѣ¹⁾, былъ распространенъ на всѣ земли, издавна великому княжеству Литовскому принадлежащія²⁾, а такъ какъ границы Волыни не были въ то время строго опредѣлены, то онъ примѣнялся и въ тѣхъ западно-русскихъ земляхъ, которыя впоследствии вошли въ составъ герцогства Варшавскаго, окончательно организованнаго по Вѣнскому трактату 1809 г. Поэтому постановленіемъ короля Саксонскаго, герцога Варшавскаго, отъ 16 января 1811 г.³⁾ разрѣшено было во всемъ герцогствѣ примѣненіе Литовскаго статута къ событіямъ, совершившимся до введенія кодекса Наполеона. 4) Въ Холмскомъ уѣздѣ, близъ Войсковицъ, въ 26 верстахъ отъ Холма, есть село Витольдово, очевидно принадлежавшее Витольду, указывающее своимъ названіемъ на политическую связь Холмщины съ Литвою. Единство Волыни съ русскими землями Малопольши проявилось и въ судебномъ дѣленіи. Въ 1589 г. вѣдѣнію Люблинскаго главнаго короннаго трибунала, учрежденнаго въ 1578 г. для воеводствъ Краковскаго, Сандомирскаго, Русскаго, Подольскаго, Люблинскаго, Белзскаго и Подляскаго, были подчинены также воеводства Волынское и Брацлавское, съ тѣмъ, чтобы трибунальскіе приговоры подписывались двумя Волынскими депутатами и двумя коронными, и по отношенію къ нѣкоторымъ воеводствамъ излагались на русскомъ языкѣ⁴⁾. Значительная часть Забужной Червенской Волыни роздана была полякамъ въ награду за вѣрную службу и ка-

¹⁾ Пахманъ, Исторія кодификаціи гражд. права, т. I, стр. 193 и слѣд.

²⁾ См. артикулъ первый статута.

³⁾ Днев. зак., т. III, стр. 157.

⁴⁾ Vol. leg., т. II, f. 966, 1294, 1295 и 1297, и т. III, f. 454.

толическому духовенству въ видахъ латинизаціи края, противъ чего постоянно протестовало западно-русское дворянство. Въ одномъ изъ артикуловъ статута король обѣщаетъ прекратить раздачу чужеземцамъ земель въ Великомъ княжествѣ Литовскомъ. Упомянутые мною памятники-уставныя грамоты двухъ Сигизмундовъ—основаны на декретахъ королей Казимира IV и Александра и ихъ подтверждаютъ, съ тою цѣлю, „чтобы не изгладились изъ народной памяти полезные обычаи“.

Изъ Сигизмундовыхъ грамотъ мы узнаемъ, что назначаемые свыше старосты и ихъ намѣстники или подчиненные распоряжались совершенно произвольно во ввѣренныхъ ихъ управленію округахъ, допуская вопіющія злоупотребленія, сажая безъ всякаго полномочія у казнь и у вѣжу князей, бояръ и земянъ и соромота ихъ злыми словами,—отдавая ярмарки въ жалованье своимъ слугамъ, и т. под.¹⁾. Грамоты стремятся ограничить ихъ власть, особливо въ отношеніи судебномъ, и возстановить права высшихъ состояній, въ предѣлахъ, освященныхъ древними обычаями. Такъ постановлено: князя, боярина, и земянина старостѣ и намѣстнику — одному не судить, а долженъ онъ при себѣ посадить князей и бояръ и земянъ, тѣ должны съ нимъ судить. Отмѣняется единоличныи судъ старосты даже надъ простыми людьми, съ предоставленіемъ имъ судью себѣ съ своей руки посадити котораго земянина обравши²⁾. Нѣкото-

¹⁾ Власть старосты простиралась на имѣнія епископскія не иначе какъ чрезъ посредство епископа (сравни. Шараневича Истор. Галиц. Влад. княж., стр. 247).

²⁾ Выраженіе „съ своей руки посадить“, уясняетъ темную 15 ст. статута Ягеллы, устанавливающей „подърочковъ или подрочиковъ“ каждому повѣту одново въ мѣсяць, что означаетъ, кажется, періодическія засѣданія выборческіхъ судей.

рымъ высшимъ состояніямъ предоставлено самимъ ѣбратъ съ своихъ людей „головщину“ помимо старосты и намѣстниковъ. Что касается разбоя, ранъ и поджога, то приказано, судить приличнаго—злѣя тамъ, гдѣ его задержутъ и тамъ же его карать *по давнему обычаю*; а кто его пуститъ или на „окупъ“ дастъ и на него будутъ ясныя доказательства, тотъ обязанъ вину заплатить *по давнишнему, какъ прежде было*. На ярмарки старостины намѣстники имѣютъ ѣздить *по давнему*.— Оставляя въ сторонѣ интересныя постановленія о „зарукахъ“, напоминающихъ взаимныя отношенія членовъ „верви“, останавлиюсь на „дѣцкомъ“ роль котораго совпадаетъ съ обязанностью судебного разсильнаго. Мнѣ кажется, дѣцкій былъ наимладшій чиномъ при княжескомъ дворѣ, однимъ рангомъ ниже отрока, и состоялъ на посылкахъ въ качествѣ вѣстового (прибѣгоша дѣцкы, пригна дѣтскый, погна дѣтскій). Позднѣе во всей западной Руси названіе дѣцкій перешло на лицъ, уполномоченныхъ приводить въ исполненіе судебныя приказы. Въ послѣднемъ смыслѣ выраженіе дѣцкій, дѣцкованье и употреблено въ грамотахъ. На кого поступить жалоба, тому послатъ двукратный позывъ, если же онъ на два позыва не станетъ, то послать къ нему децкова, а коли за дѣцкимъ не станетъ, то ушлотитъ дѣцкованье и проч.¹⁾ Сравнивая обычные судебныя порядки Червонорусскіе и Волынскіе съ существовавшими въ Польшѣ, мы находимъ, что тамъ подобныя исполнительныя органы носили названіе *возныхъ*, каковыми они никогда въ Руси не назывались, судя по грамотамъ Псковской 1337, Двинской 1398., Нов-

¹⁾ По Русской Правдѣ, дѣтскій присутствовалъ при испытаніи желѣзомъ.

городской 1471 г. и др., по которымъ вызовъ къ суду производился чрезъ *позывниковъ, приставовъ и подвойскихъ*, а пошлина, взимавшаяся въ ихъ пользу, называлась *пздомъ*¹⁾. Слѣдовательно въ приведенномъ постановленіи мы имѣемъ дѣло съ самобытнымъ западно-русскимъ учрежденіемъ²⁾).

Представленная мною характеристика правового быта Червонной Руси выдвигаетъ на первый планъ одну особенность—необыкновенную устойчивость древне-русского обычая, который всегда пробивается живымъ ключемъ сквозь наносный слой магдебурскаго и польскаго права³⁾. Поэтому при изслѣдованіи процесса образованія городскихъ округовъ въ областяхъ западной Руси, безъ чего

¹⁾ Ср. ст. 98 Вислицкаго статута и R. Hube kilka aktów sądowych z wieku XIV i XV. Warszawa 1873 г. О позывахъ (pozwy) стр. 2—5.—Позднѣ Русскимъ православною вѣрой самимъ, безъ посредства патроновъ и возныхъ, было, на основаніи польскаго права, запрещено дѣлать жалобные позвы,—какъ значится въ дѣлѣ арх. св. синода 1733 г. № 20 т. III стр. 74. (Чистовичъ, Очерки ист. зап. русск. цер. т. II, стр. 96, примѣч.).

²⁾ Изъ позднѣйшихъ указовъ, дающихъ юридическимъ обычаямъ законодательную санкцію, замѣчательнъ указъ Стефана Баторія 1581 г., въ силу котораго имѣнія, пожалованныя на правѣ феодальномъ или имѣющія быть пожалованными въ русскіхъ земляхъ, обращены въ вотчинныя для наслѣдниковъ обоюго пола, согласно мѣстному земскому праву (Vol. leg. т. II, стр. 209 j. 1018).

³⁾ Магдебургское право появилось въ Великопольшѣ въ XII в., одновременно съ нѣмецкими колоніями. Отсюда оно проникло въ Малопольшу и Мазовію, а при Казиміръ Великомъ, и особенно при Ягайлѣ, распространилось на Русь, гдѣ оно вводилось разновременно до самаго исхода XVIII в. По словамъ Антоновича (Арх. ю.-з. Рос., т. I, ч. 5, предисловіе къ актамъ о городахъ, стр. 48 и 49), время пожалованія Магдебурскаго права совпадаетъ съ временемъ упадка общиннаго строя жизни въ каждой области. Оно не

осталось-бы непонятнымъ отношеніе перечисленныхъ въ статутѣ Замойской ординаціи предградій къ городамъ, необходимо отрѣшиться отъ точки зрѣнія тѣхъ польскихъ мыслителей, которые не признаютъ самостоятельнаго развитія русскаго элемента въ общественномъ строѣ присоединенныхъ къ Польшѣ Червоно-русскихъ земель, полагая, что они какъ бы потонули въ волнахъ польско-латинской цивилизаціи. Нетолько въ обрядахъ судопроизводства, но и въ матеріальномъ правѣ червонорусскій народъ свято хранилъ свои древніе обычаи. Какъ ни боролось съ ними польское правительство, но никогда не въ силахъ было заковать ихъ въ мертвыя и чуждыя ихъ природѣ формы. Вотъ почему мы изрѣдка встрѣчаемъ конституціи, дающія юридическимъ обычаямъ законодательную санкцію. Такова, напримѣръ, конституція Стефана Баторія 1581 г., въ силу которой „имѣнія, дарованныя на правѣ феодальномъ (*nomine feudi*), если будутъ впредь жаловаться въ русскихъ земляхъ, должны считаться вотчинными (дѣдичными) для наслѣдниковъ обоюго пола, *согласно мѣстному земскому праву* (*secundum jus terrestria*), и вторично никому не могутъ быть падѣляемы отъ насъ“¹⁾.

Завоеванія нашихъ великихъ князей въ Червенскомъ краѣ уже застали тамъ обширные городскіе округа (въ земляхъ Брестской, Перемышльской, Белзской и другихъ). Съ образованіемъ княжескихъ удѣловъ, съ увеличеніемъ населенія, съ развитіемъ торговопромышленной жизни и заложеніемъ новыхъ мѣстечекъ и крѣпостей, чи-

могло быть усвоено жителями южно-русскихъ городовъ, ибо противорѣчило ихъ юридическимъ понятіямъ и историческимъ пресаніямъ. Стремленіе къ удержанію древнихъ общинныхъ формъ та проявляется въ городахъ, наслѣдственныхъ Магдебургскимъ бавомъ, также какъ и въ другихъ сословіяхъ южно-русскаго края”.

¹⁾ Vol. leg. т, II стр. 209 f. 1018.

сло городскихъ округовъ должно было постепенно возрастать. Городскіе округа слагались изъ совокупности земскихъ волостей, какъ общинныхъ союзовъ. Средоточіемъ волости первоначально былъ погостъ, (отъ слова гостить, т. е. торговать), преимущественно на берегу славныхъ рѣкъ или при большихъ гостинцахъ (дорогахъ), гдѣ обыкновенно воздвигались храмы и остапавливались пріѣзжіе изъ отдаленныхъ странъ купцы. На погосты населеніе стекалось изъ окрестныхъ селеній и дворищъ на торжища ¹⁾, на богомолье и на вѣча. Когда политическій центръ тяжести перешелъ на города, (управлявшіеся первоначально или самими князьями, или ихъ представителями—тивунами и посадниками), то послѣдніе сдѣлались главными двигателями во всѣхъ отрасляхъ окружнаго управленія. Села тянули къ городу судомъ и данью (по землѣ и по водѣ) ²⁾. Важнѣйшіе вопросы рѣшались вѣчевыми собраніями, на которыхъ принимали участіе и представители пригородовъ. „Новгородцы изначала и Смоленне и Кіяне и Полочане, и вся власти ³⁾ егда на вѣче сходятся, что старѣйшіи здумаютъ, на томъ и прогороди стануть“ (подъ 1176 г.). Вѣча собирались также въ Галичѣ, Владимірѣ, Звѣнигородѣ и другихъ червоно-русскихъ городахъ. Когда Давидъ созвалъ вѣче въ Галичѣ, то, кромѣ княжеской свиты (отроковъ), присутствовали на нихъ сотскіе (старшины городскихъ и пригородныхъ становъ) и тысяцкіи (воевода и правитель) ⁴⁾. Во всей за-

¹⁾ По Русской правдѣ нѣкоторыя судопроизводственныя дѣйствія совершались за торгу.

²⁾ „А судомъ и данью потянути по удѣломъ, гдѣ кто живетъ“. Гос. грам. и догов. т. I № 40.

³⁾ Колюпановъ разумѣетъ здѣсь главные города волостей. Бояр. дума др. Руси, стр. 80.

⁴⁾ При княземъ дворъ состояли также: дворскій командо-

падной Руси на погосты перешло названіе мѣста. Известно, что еще княгиня Ольга устраивала погосты по Мстѣ, Лугѣ и въ другихъ частяхъ Руси. Какъ объ оставленныхъ ею знаменіяхъ, лѣтописецъ упоминаетъ, кромѣ погостовъ, и о „мѣстахъ“. Тутъ-же онъ говоритъ объ Ольгиныхъ городахъ и о селѣ ея Ольжичахъ. Слѣдовательно Несторъ различалъ мѣсто отъ погоста, города, и села. Мѣстомъ былъ погостъ осаженный (посадъ), нерѣдко обведенный рвомъ (гроблей) и валами (urbs), а городомъ была часть мѣста, обнесенная стѣною, нерѣдко съ дѣтинцемъ (внутреннее укрѣпленіе), иногда же просто монастырская или церковная ограда¹⁾, подобно тому, какъ городищемъ назывался въ древнѣйшую эпоху окопъ, окружавшій селѣбныя дворища²⁾. Лѣтопись часто упоминаетъ о товарныхъ складахъ, дворахъ и селахъ близъ самыхъ городовъ. „Наполниша дворы окрестъ града (Холма) поле и села“. Погосты встрѣчаются и у инородцевъ. Такъ, Мстиславъ Владиміровичъ въ 1116 г. взялъ у Чуди городъ Медвѣжью Главу „и погостъ бещисла“. На образованіе мѣстъ изъ погостныхъ осадъ указываетъ между прочимъ единство земельныхъ мѣръ—мѣстичныхъ;

вавший княжеской дружиной, и низшіе чины:—сѣдельничіе, ловчіе и ключники (завѣдывавшіе финансами, и т. д.).

Яронтъ тысячу держалъ въ Перемышлѣ. Юрьеви тысящу держащую преда Переремышль. Въ походѣ на Угровъ, Демьянъ Тысяцкій командовалъ полкомъ. (Ипат. стр. 490, 499, 511 и др.) О вѣчахъ Ипат. стр. 259, 509 и др. Подробно въ соч. Сергѣевича: вѣче и князь. См. также главу IV соч. Дьячана: участіе народа въ верховной власти (Очерки вѣчевой жизни въ древней Россіи).

¹⁾ Въ Галичѣ „бѣ градъ створенъ на церкви пречистое Владычице Богородице“ (Ипат. стр. 493).

²⁾ Самоквасовъ. Древняя и Новая Россія 1876 г.

городскихъ и сельскихъ во многихъ Червонорусскихъ гминахъ. Такова древняя единица мѣры „четверть“, четь или цверть поля, встрѣчающаяся индѣ въ Червоной Руси и по селамъ, и по слившимся съ городами пригородамъ, напримѣръ въ Ленчинѣ, Любартовскаго уѣзда. Не отсюда ли происходитъ и названіе Чвартковаго предмѣстья въ Люблинѣ? Общинная четверть была, кажется, прототипомъ правительственнаго морга (нѣмецкое - моргенъ)¹⁾. Такимъ образомъ объясняется образованіе многочисленнаго класса мѣщанъ рольниковъ, принадлежавшихъ къ городской общинѣ, но занимавшихся хлѣбопашествомъ на отведенныхъ имъ участкахъ²⁾. Въ Червоной Руси, съ размноженіемъ осадъ, съ расширеніемъ мѣста и возведеніемъ въ немъ укрѣпленнаго замка на какой нибудь „приспѣ“ или переспѣ (насыпи), оно, по просьбѣ владѣльца его, обращалось въ окружной городъ (civitas), вводилось въ немъ Тевтонско-Магдебургское право³⁾ (съ радой-подѣ предсѣдательствомъ бургомистра,

¹⁾ Новгородская коробья равнялась двумъ четвертямъ или одной десятинѣ (Лешковъ. Русск. нар. и госуд. стр. 334). Въ одной древней записи прямо сказано: „на десятину ржи сѣяти двѣ чети“.

²⁾ Есть много общаго между ними и ролейными закупами, сидѣвшими на чужой землѣ.

³⁾ Въ Нурскомъ округѣ съ 1434 г. дѣйствовало Тевтонско Кульменское или Хелминское право, введенное Болеславомъ Мазовецкимъ, называвшимъ себя *dux Masoviae et Russiae terrarum* и пр. (Gawarecki. *Przywileje udzielone miastom województwa Płockiego*. 1828, стр. 145). Разница между Магдебургскимъ и Кульменскимъ правомъ заключается въ томъ, что въ мѣстностяхъ, надѣленныхъ первымъ, апелліація приносилась въ Магдебургъ и Любекъ, а въ мѣстностяхъ, надѣленныхъ вторымъ, она приносилась въ Кульмъ (Хелминъ).

лавничимъ судомъ и наблюдательнымъ совѣтомъ). Затѣмъ учреждались въ немъ ярмарки и базары, или, другими словами, стародавній обычай собираться на торжища получалъ законодательную санкцію. Съ тѣхъ поръ городъ становился административно-податнымъ и военнымъ центромъ всего округа (*districtus*), а тяготѣвшія къ нему села, если они были надѣлены Магдебургскимъ правомъ, получали только самостоятельное судебное управленіе въ границахъ своей охожи или своего уѣзда¹⁾, съ предоставленіемъ солтысу (обыкновенно самому основателю села), подчиненному исключительно королевской юрисдикціи, суда и расправы надъ сельскими обывателями²⁾. Въ основѣ городского округа лежала связь племенная³⁾, не разрупившаяся и тогда, когда, по призыву князя или въ качествѣ „гостей“, къ туземному населенію стало приливать населеніе инопороческое—нѣмцы, евреи, армяне и др.⁴⁾.

¹⁾ Границы селъ и волостей опредѣлялись посредствомъ обхода или объѣзда (*circuitus, ambitus*). *Virgulta et ugiązdy habentur pro limitibus*. *Lib. benef.* III, 29.

²⁾ Кажется, солтысу подвѣдомы были только важныя дѣла. Менѣ важныя вершились такъ наз. конными судами, по обычаю.

³⁾ По словамъ Антоновича, понятіе о городѣ въ южной Руси, исходя изъ древне-славянскаго понятія общиннаго центра, постепенно переходитъ въ понятіе крѣпости и мѣстопребыванія старосты и привилегированнаго торговаго рынка (*Арх. ю. з. Россіи т. I. ч. V. Предисл. стр. 48 и слѣд.*).

⁴⁾ Въ Люблинѣ, кромѣ упомянутыхъ народностей, издавна поселилась цѣлая греческая колонія, основавшая церковь во имя Рождества Богородицы на Зеленой (Ковальской) улицѣ, въ зданіяхъ, пріобрѣтенныхъ грекомъ Георгіемъ Шагуной въ 1785 г. Польское правительство разрѣшило въ ней богослуженіе 23 іюля 1790 г., съ тѣмъ, чтобы не было колокольнаго звона и неустраива-

Познакомившись съ организаціей городского округа и ролью, какую выполняли въ немъ предграды, обратимся къ статутамъ ординаціи Яна Замойскаго, значеніе которыхъ въ топографіи русской земли могло бы ускользнуть отъ нашего вниманія безъ предварительныхъ комментариевъ, такъ какъ о русской народности, не безъ задней, конечно, мысли, они хранятъ глубокое молчаніе. Статуты обнаруживаютъ ревностное стремленіе Яна Замойскаго къ распространенію въ его владѣніяхъ римско-католической вѣры. На первомъ планѣ (*primum atque ante omnia*) онъ вмѣняетъ въ обязанность своимъ наследникамъ не измѣнять обряда римско-католическаго въ костелахъ какъ существующихъ въ его земляхъ, такъ и имѣющихъ быть построенными, и бдительно охранять

лись церковныя процессіи. Первымъ настоятелемъ этой церкви считается іеромонахъ Брестскаго Симоновскаго монастыря Деидерій, состоявшій въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ Яблочинскимъ монастыремъ и въ подчиненіи Переяславскаго епархіальнаго начальства (указъ на имя Люблинскихъ грековъ отъ 24 октября 1786 г.). Послѣ раздѣла Польши въ 1794 г. и присоединенія Люблинской губер. къ Австріи, Рождественская церковь поступила въ вѣдѣніе Буковинскихъ епископовъ. Въ 1825 г. она была подчинена Минскому архіепископу, затѣмъ причислена въ 1827 г. къ Волынской и въ 1834 г. къ Варшавской православной епархіи. Документы церковнаго архива свидѣлствуютъ, что Люблинскіе греки имѣли Антимиръ, освященный Іерусалимскимъ патріархомъ Ефремомъ, и приглашали священниковъ изъ Македоніи. (Сравни. Лотоцкаго Истор. опис. Варш. епархіи стр. 157 и слѣд. Памятная книжка Любл. губ. 1871 г. стр. 155 и 156). По созданіи Холма Даниилъ „видивъ се, яко Богу посѣвшаюшу мѣсту тому, нача призывать прихожаѣ Нѣмцѣ и Русь, иноязычники и Ляхы”.— Ярославъ населялъ города плѣнниками, приведенными изъ Польши.

костельные госпитали и школы, костельное имущество и духовенство латинское¹⁾. О православныхъ церквахъ, школахъ, богадѣльняхъ и братствахъ онъ и не заикнулся. Впрочемъ, вмѣстѣ съ тѣмъ Замойскій обязываетъ своихъ наслѣдниковъ блюсти права и привиллегіи, данныя и тѣ, какія будутъ даны его наслѣдниками какой бы ни было національности какъ польской, такъ нѣмецкой, греческой, армянской и всякой другой, и оборонять ихъ отъ всякихъ обидъ²⁾. Редакція этого пункта (четвертого) интересна въ томъ отношеніи, что, перечисливъ національности польскую, нѣмецкую, армянскую и греческую (...cujuscunque nationis, tam polonicae, quam germanicae, graecae, armenicae, aut cuicunque alii), редакторы этой обширной и искусно составленной грамоты во все неупомянули о Русскомъ населеніи, какъ будто его не существовало въ предѣлахъ ординаціи, тогда какъ оно всегда было тамъ въ громаднѣйшемъ большинствѣ. Все это станетъ понятнымъ, если мы вспомнимъ, что учрежденіе Замойской ординаціи послѣдовало лишь за нѣсколько лѣтъ до введенія Брестской уніи, когда уже созрѣла у іезуитовъ мысль затоптать русскую народность, лишить ее всѣхъ правъ гражданства въ земляхъ, состоявшихъ подъ державой Сигизмунда III. Но мыѣ могутъ вразить, что признаки русской народности въ населеніи Замойской ординаціи къ исходу XVI в. изгладилась до такой степени, что на нее не стоило тратить словъ государственному канцлеру. Такъ ли это было въ дѣйствительности, отвѣтитъ намъ метрическія книги Замост-

¹⁾ Statuta ordynacyi Zamojskiej od r. 1589—1848. Warszawa. 1867, стр. 19 и 20.

²⁾ Ibid, стр. 23.

скихъ церквей, которыя едвали кто-нибудь рѣшится заподозрить въ пристрастіи.

При церкви св. Николая въ Замостьѣ есть двѣ метрическія книги, именно: а) Прототипон онома сирѣчь метрика имепъ крещающихся въ православіи восточныя церкви благочестивыхъ христіанъ при храмѣ братскомъ святаго отца іерарха и чудотворца Христова Николы-ставропигіи святѣйшаго Орону Константинопольскаго патріарха, снаряженная за стараніемъ папа Григорія Сакевича поручника его милости княжеской, а на тотъ часъ брата старшаго презъ Григорія Волостовскаго, въ лѣто отъ созданія міра 71. 8 (предпоследняя цифра стерлась) а отъ Рождества Христова 16.. (последнія двѣ цифры разобрать нельзя¹⁾), и б) метрика именъ крещающихся малыхъ дѣтей въ православныя вѣры христіанской при храмѣ братскомъ подъ титуломъ Св. Вознесенія *W colla-cyі I. W. S. Pana Tomasza na Zamosci Zamojskiego ordynata Starosty Proskurowskiego etc. etc.*, при священникѣ Константинѣ Кольчицкомъ, въ року 1740, 1-го

¹⁾ Прототипонъ продолжается другимъ томомъ, въ концѣ коего занесены акты бракосочетанія. Въ 1-мъ томѣ между актами о родившихся встрѣчаются акты 1630 г. Акты оканчиваются въ концѣ прошлаго столѣтія и написаны по церковно-славянски, исключая послѣднихъ актовъ, написанныхъ по польски, а отчасти по латыни. Судя по метрикамъ, при церкви Св. Николая уже въ XVII столѣтіи было два или три пресвитера изъ бѣлаго или чернаго духовенства. Въ метрикахъ церкви Вознесенія, кончающихся 1776 г., изложенныхъ также на разныхъ языкахъ, есть и акты погребенія. Изъ книги видно, что церковь Вознесенія Господня находилась на Львовскомъ предмѣстьѣ около г. Замостья и при ней было особое кладбище. Церковь эта называется сначала Вознесенской предмѣтской или предмѣтной приходской русской или общей приходской (стр. 12, 59—61, 87—88, 144, 145, 152—158 и др.).

мая. По даннымъ, заключающимся въ метрическихъ книгахъ, число прихожанъ обѣихъ церквей какъ изъ самаго города и предмѣстій, такъ и изъ прилежащихъ мѣстностей, было весьма велико. Въ нихъ крестили дѣтей и вѣнчались Русскіе съ Казацкой, Лановой и Борковской, Гусей и Русской улицъ, предмѣстевъ Скальце, Львовскаго, Яновице и Люблинскаго, съ Армянской улицы на предмѣстьи, съ улицы Скербешовской, предмѣстья Садовиско, съ Вульки, съ Калиновице, съ Кемпы Замойской; съ предмѣстской Гребли, съ Новаго Свѣта, съ предмѣстій Замойскаго и Торговиска или Торговой улицы, съ фольварка Газовскаго, Подстава и брамы Щебревской (вѣроятно Щебрешипская¹⁾). Однимъ словомъ до XVIII вѣка русское населеніе г. Замостья и особенно его предмѣстій составляло подавляющее большинство. Даже въ послѣдней четверти XVIII в. число исповѣдующихся и причащающихся въ одной только Никольской церкви доходило до тысячи²⁾. То же явленіе замѣтимъ мы на пространствѣ всего Замостскаго уѣзда, если о пропорціо-

¹⁾ Стр. 3, 35, 46, 64, 96, 106, 152, 157, 159, 160 т. I; стр. 54, 69, 74, 84—87, 90—94, 107, 108 и 150—160 т. II. Изъ поименованныхъ предмѣстій теперь существуетъ только Люблинское, Вулька-Мейская, Яновице и Калиновице. Объ остальныхъ сохранилось лишь смутное преданіе. Что касается Армянской улицы то, очевидно, начало ея положили Армяне. Въ актахъ I т. упоминаются войтъ и пробощъ армянскіе. — Переселеніе Армянъ въ Червонную Русь началось въ концѣ XIII в., по завоеваніи Арменій татарами. Преобладающимъ занятіемъ Армянъ была торговля Съ 1363 г. они имѣли своего епископа, — во Львовѣ. (II. Житецкій Смѣна народностей въ южной Руси. Киев. стар. Ноябрь 1884 г. стр. 400 и 401).

²⁾ Прототипъ. т. I стр. 153, 159 и 160.

нальномъ отношеніи русскаго и польскаго элемента станемъ заключать по однимъ лишь метрическимъ книгамъ церквей св. Николая и Вознесенія Господня, не смотря на то, что указаніе на мѣстожителства въ старыхъ метрическихъ записяхъ дѣлалось весьма рѣдко. Для исполненія таинствъ, населеніе стекалось въ эти церкви между прочимъ изъ слѣдующихъ мѣстностей *Замостскаго* уѣзда. Изъ Липска, Бартотыча, изъ гмины Ковичовной (теперь Кавенчинъ въ гминѣ Звѣринецкой), изъ Лабуне, Гиржи, Горышева, Ятутова, Топульчи (нынѣ Тополже), изъ Заровицы Штебравской парахи (теперь Журавнице), изъ Пнѳова или Пнѳовки, изъ Бѣлой-Воли, Сѣдлиска Паненскаго (теперь просто Сѣдлиска¹⁾), изъ Ярославца Ситанца, Жданова, Злоца, Вепржеца и нѣкоторыхъ другихъ селъ. Есть много и такихъ записей, въ коихъ упоминаются села и города другихъ уѣздовъ: Холмскаго, Красноставскаго, Томашовскаго, Грубешовскаго и Бѣлгорайскаго. Такъ напр. русскій народъ приходилъ въ Замостскія церкви изъ Щебрешина, Томашова, Краспоставы, изъ подъ Тарногорода (с. Липенць или Липница нынѣ Липовець, въ гминѣ Княжполь), изъ самаго Тарногорода, изъ Бѣльска Сѣдлецкой губ. и даже изъ Сокаля и Ярославля²⁾). Кромѣ того, изъ метрикъ оказывается, что священнослужители разныхъ окрестныхъ селъ, прѣзжая въ Замостье, совершали здѣсь духовныя требы

¹⁾ Вѣроятно, былъ нѣкогда фольваркомъ паненъ Францишкановъ, жившихъ въ Замостьѣ (Метр. кн. Вознес. стр. 157).

²⁾ Прототип. т. I стр. 19, 22, 26, 35, 47, 89, 123, 124, 126, 135, 143, 152, 162, 179, 211, 216 и 217, т. II. стр. 68, 73, 101, 111 и 155 Метр. Вознес. стр. 2, 25, 37, 66, 72, 79, 84, 88, 91, 105, 108, 127, 129, 137—139, 153 и 157. Сравн. алфавитный списокъ населенныхъ мѣстъ Люблинской губ. Изданъ мною въ 1880 году.

для мѣстныхъ прихожанъ, или являлись воспріемниками при крещеніи. Иногда же упоминаются ихъ жены. Перечислимъ ихъ въ хронологическомъ порядкѣ: іерей Краснобродскій 1671 и 1673 г., пресвитеръ Горишевскій 1703 г., пресвитеръ Лабунскій 1709 г., пресвитеръ Вепрецкій 1711 г., пресвитеръ Бартотычскій 1722 г., плебанъ Ситанскій 1731 г., позднѣе пресвитеръ Снятыцкій, настоятель Сульмецкій, пробощъ изъ Ситна¹⁾. Итакъ церковныя метрики, сами по себѣ, помимо всякихъ другихъ источниковъ, возводятъ на степень непреложной истины то, что центръ Замойской ординаціи—предмѣстья города Замостья, окруженнаго крѣпостными стѣнами, всегда былъ однимъ изъ главнѣйшихъ центровъ русской народности въ Холмскомъ Забужьи, сильнѣйшимъ оплотомъ православія, и авторъ народной исторіи Руси Дѣдицкій нисколько не преувеличивалъ, сказавъ, что во время движенія Богдана Хмѣльницкаго къ Замостью въ 1648 г. окрестное русское населеніе приняло казаковъ съ наибольшею радостью и торжествомъ. Посланный Хмѣльницкимъ впередъ къ Замостью полковникъ Небаба встрѣтилъ подъ самымъ городомъ русскихъ предмѣщанъ, которые охотно обѣщали казакамъ всякую помощь. Однакожъ „Ляхи въ Замостью поспѣшили сдѣлать предмѣщанамъ такую же пакость, яку Львовяне сотворили своимъ предмѣщанамъ, т. е. они спалили всѣ предмѣстья и чрезъ то позбылись небезпечныхъ сусѣдъ, якими были

¹⁾ Прототип. т. I стр. 33, 35, 38, 58, 66, 96, 122, 123, 138, 158. Метр. Возн. стр. 2—8, 16, 35 и 39. Въ этихъ селахъ православныя церкви существуютъ понынѣ, исключая Вепреца, гдѣ уже церкви нѣтъ.

для нихъ всѣ русскіе люде докрестъ Замостья¹⁾. Едва ли можно сдѣлать упрекъ въ преувеличеніи Рѣшетиллову²⁾ и Петрову³⁾, что между жителями г. Замостья, русскіе занимали самое видное мѣсто. Несмотря на то, разрѣшеніе на постройку церкви во имя св. Николая, дано было Яномъ Замойскимъ, въ 1589 г., не столько русскимъ, сколько грекамъ, поселившимся въ Замостьѣ вскорѣ по его основаніи въ 1580 г., для торговыхъ дѣлъ, какъ видно изъ того, что грамотою 1589 г. имъ предоставлялось имѣть въ городѣ склады товаровъ и дома и составлять торговые товарищества. Вскорѣ образовалась въ Замостьѣ греко-русская община, положившая начало братству при церкви св. Николая. Грамотой 28 Мая 1601 г. Янъ Замойскій разрѣшилъ мѣщанину Замостскому, греку Іоанну Константиновичу построить и открыть госпиталь для убогихъ *греческаго и русскаго* происхожденія. Завѣдываніе имѣніемъ, пожертвованнымъ Іоанномъ Константиновичемъ на госпиталь, предоставлено исключительно ему самому съ братіей его религіи греческой, съ тѣмъ чтобы какъ онъ, такъ и потомки его, попечители госпиталя, безпрепятственно принимали людей греческой вѣры изъ Замостья и принадлежащихъ къ нему колоній. Имѣніе (половина у плаца съ огородомъ), какъ сказано въ грамотѣ, купилъ І. Константиновичъ у попа церкви русской Вознесенской на предмѣстьѣ Замостскомъ, называе-

¹⁾ Народная исторія Руси, ч. 3, стр. 77. Подробности у Костомарова: Богданъ Хмѣльницкій. Послѣ того многіе изъ русскихъ предмѣщанъ выселились, а на мѣсто ихъ поселены мазуры.

²⁾ О церкви Св. Николая въ Замостьѣ. Холм. мѣсяц. 1869 г. и Холм. Варш. епарх. Вѣстн. 1879 г. № 18.

³⁾ Забытые иноческіе обители. Кіевская старина 1882 г., июль, стр. 28.

момъ Львовскимъ, и у жены послѣдняго Аполлоніи. Хотя русское населеніе принимало, вѣроятно, главное участие въ постройкѣ Никольской церкви и вообще въ полезной дѣятельности ея братства, оказавшаго важныя услуги дѣлу православія, не смотря на то, что въ рядахъ его не было цвѣта западнорусскаго боярства, какимъ блистало братство Люблинское, но нельзя, однако, не признать права первенства за церковью Вознесенія Господня, какъ древнѣйшей. Неизвѣстно—когда она основана, но въ универсалѣ Ѳомы Іосифа Замойскаго отъ 21 апрѣля 1712 г. заключается ясное указаніе на существованіе при ней братства уже 1590¹⁾. Будучи старѣйшимъ, по времени, оно, повидимому, обнаружило и большую энергію въ борьбѣ съ унией, сравнительно съ братствомъ св. Николаевскимъ. Въ 1674 г. при Вознесенской церкви, помимо братства, былъ поставленъ униатскій попъ Іоаннъ Кириловичъ.—Братство протестовало противъ такого назначенія и отказалось давать ему средства на содержаніе. Напрасно Холмскій униатскій епископъ Александръ Лодзянка предписывалъ братству уплачивать издавна установленный сборъ въ пользу попа

¹⁾ Откуда взялъ г. Чистовичъ, что она построена около 1589 г.? (Очерк. истор. зап. русск. церк. т. II стр. 297). Нѣтъ, она построена въ незапамятныя времена. До пожертвованія печатнаго евангелія, она пользовалась *писаннымъ*, сохранившимся донинѣ евангеліемъ. Братство Вознесенское получило благословеніе отъ патріарха Іереміи, бывшаго въ Замостьѣ въ 1589 г., тогда какъ Никольское братство, раздѣлившееся на старшее и младшее (Покрова пресв. Богородицы) получило уставную грамоту отъ Львовскаго епископа Гедеона Балабана только въ 1606 г. Ставропигіальнымъ оно признано въ 1615 г. Іерусалимскимъ патріархомъ.

(декретъ 1687 г.), выражая надежду, что „панове братство не стануть оказывать никакого насилія правамъ приходскаго священника“, братство продолжало отбирать назначенные декретомъ въ пользу священника доходы и старалось всѣми силами изгнать изъ церкви, за что епископъ угрожалъ братчикамъ своею немилостію и уничиженіемъ самаго братства. Около этого времени, по настоянію „панни подскарбины“ Анны Замойской (жена Михаила Замойскаго, урожденная Дзялынская), какъ видно изъ посланія уніатскаго митрополита Льва Шлюбичъ-Заленскаго, св. Никольское братство вынуждено было (хотя формально) принять унію¹⁾. Церковь Вознесенская въ 1689 г. *считалась* уніатскою. По крайней мѣрѣ въ надписи на евангеліи, пожертвованномъ въ этомъ году церкви братствомъ, значитси, что она находится „въ едности святой съ церковью заходнею“. Сама Анна Замойская не довѣряла искренности согласія на унію св. Никольскаго братства. Коммисарамъ ея поручено было обревизовать церковь (воплѣдствіе требованія братчиковъ обезпечить ее на средства Замойской) и дознать—не кроется ли какого обмана противъ уніи, ибо „сомнительно“, писала она „чтобы ихъ внутреннее убѣжденіе мирилось съ уніатскими обрядами“. Послѣ продолжительныхъ пререканій и переговоровъ съ братствомъ, продолжавшихся до начала XVIII в., Анна Замойская, чрезъ посредство Холмскаго епископа Левицкаго, ввела

¹⁾ Петровъ замѣчаетъ, что обращеніе Никольскаго братства въ унію небыло свободное и искренное. Братчики сдѣлали это, уступая силѣ и разсчитывая на матеріальныя выгоды (Кіев. стар. 1882 г., іюль, стр. 38).

въ Никольскую церковь монаховъ базилианъ въ 1706г.¹⁾, окончательно завладѣвшихъ ею послѣ Замостскаго собора 1720 г.²⁾, но и до этого не состоявшихъ въ зависимости отъ братства. Тогда прибѣжищемъ устоявшаго въ православіи русскаго населенія Замостья и его предмѣстій была церковь Вознесенія Господня, сохранившая свои обряды во всей чистотѣ до половины XVIII вѣка, тогда какъ по смерти Машкевича, послѣ нѣкотораго перерыва, въ теченіи котораго совершали таинства въ Николаевской церкви священники сосѣднихъ селъ (1722—1731), „велебные“ отцы базилиане совершенно завладѣли церковью и ея землями, а епископъ Левицкій назначилъ туда своего капеллана Блащинскаго чина св. Василия Великаго. Обстоятельство это, вѣроятно, болѣе всего и побудило епископа Холмскаго Іосифа Левицкаго

¹⁾ Ср. Кіев. стар. іюль 1882 г., стр. 39—41 Холм. Варш. еп. вѣст. 1879 г., стр. 309—310. Съ 1714 г. въ прототиповѣ упоминается уже объ обители св. Василия Великаго и старшихъ монахахъ при церкви Святителя Николая. Въ 1749 г. упоминается іеромонахъ, живущій при храмѣ Николая „монастыря Замойскаго“ (стр. 117, 86—88, 221 и др.), называемомъ то мѣстскимъ, то Базилианскимъ, то просто мурованымъ (стр. 40, 53, 85, 94, 95, 108, 117 159, 160 и др. II т.).

²⁾ Замойскій соборъ имѣлъ цѣлью изгладить различіе между римско-католическими и греко-уніатскими обрядами и былъ назначенъ въ Замостьѣ по внушенію польскаго нунція Іеронима Гримальди. Три засѣданія его происходили въ церкви святителя Николая (а какъ, въ коллегіальномъ костелѣ не думаетъ Петровъ). Нѣкоторые постановленія синода утверждены папою Бенедиктомъ XIII въ 1724 г. Объ этомъ важномъ событіи см. между прочимъ Edward Likowski. Dzieje kośc. unickiego XVIII i XIX w. 1880 г. стр. 33—47. Чистовичъ въ истор. западно русск. церк. (т. II стр. 378—381) Замойскому Синоду отвелъ слишкомъ мало мѣста. Обстоятельство изложеніе Попова (Судьбы уніи въ Холм еп. стр. 33—38).

въ 1726 г. строго разграничить оба прихода, бывшіе въ вѣдѣніи протопресвитера Николая Машкевича¹⁾, такимъ образомъ, чтобы къ Никольской церкви принадлежали дома въ стѣнахъ крѣпости и на улицахъ Лановой, Садовискѣ, Подгроблѣ и Яновичахъ, а къ Вознесенской предмѣстье Львовское, Новый-Свѣтъ, Гусиная улица, Подставье и Волька - Калиновская. Позднѣе Вознесенская церковь приписана была къ городской, а 12 мая 1740 г., по распоряженію не благоволившаго къ базилианамъ Холмскаго униатскаго епископа Фелиціана Валодкевича, получила особаго администратора, дабы Вознесенскіе прихожане „болѣе не принадлежали городской церкви“²⁾. Въ завѣдываніе базилианъ поступила Вознесенская церковь со всѣми ея принадлежностями не ранѣе 1758 г.³⁾, а окончательное упраздненіе ея послѣдовало въ 1779 году. Однако, братство ея существовало еще въ 1767 г.⁴⁾; но подъ напоромъ враждебной стихіи оно потерпѣло такую же участь, какъ и другія братства. Въ Замостьѣ православію нанесенъ былъ послѣдній ударъ Францишка-

¹⁾ Машкевичъ былъ настоятелемъ предмѣстскимъ уже въ 1685 г. Предъ этимъ и позднѣе 1689—1716 г. упоминаются иногда другіе пресвитеры ц. Николаевской (прототипонъ стр. 61, 72 и 74). Будучи протопресвитеромъ церкви Вознесенія, онъ называется „застающимъ“ и „при мурованой церкви“ (Вознесенская была деревянная).

²⁾ См. метр. Возн. 34, 59, 88 и 101.

³⁾ Метр. кн. стр. 87. Характерна запись въ метрич. актѣ отъ 16 марта 1756 г. базилианина Платона Гуйца. Похоронилъ при церкви (предмѣстской) Мартина двухлѣтняго ochrzczonego w kościele dla poświęcenia obrządku niegodziwego (стр. 146).

⁴⁾ Въ то же время упоминается здѣсь и „бакалажъ“ (учитель). Метр. кн. стр. 129.

нами¹⁾, для которыхъ подготовлена была почва открытіемъ въ 1698 г. теологическаго факультета при Замойской академіи, основанной Яномъ Замойскимъ въ 1593 г.²⁾, и іезуитскихъ школъ въ Люблинѣ и Красновѣ. Съ распаденіемъ братскихъ союзовъ въ Замостьи и его предмѣстьяхъ, не представлялось никакихъ затрудненій для базилианъ и францишкановъ прибрать къ своимъ рукамъ и сосѣднія церкви. Въ числѣ другихъ церквей, Замостскіе базилиане получили въ свое завѣдываніе и Лабунскую церковь со всѣми ея принадлежностями³⁾. Не мало другихъ древнихъ церквей въ ординаціи Замойскаго были или разрушены, или сдѣлались жертвою пламени (съ 1750 г.). Постепенно обращались въ уніатскія, а затѣмъ, съ переходомъ населенія цѣлыми массами въ латинство, упразднены церкви въ Лазискахъ, Стабровѣ, Пескахъ—русскихъ, Красномъ, Плоске, Шевни, Чарпостокѣ, Розлонахъ (всѣ Замост. уѣзда), въ Тышовцѣ, Замлынѣ (предмѣстье Томашова), въ с. Микулинѣ, Дутровѣ, Лыкошинѣ, Василевѣ, Стенятынѣ, Кмичинѣ, Ратычовѣ, Подледовѣ, Гопкѣ, Раханяхъ, Семшицахъ, Зубовицахъ, Невѣрковѣ, Гонятчахъ, Дерожицѣ, Паньковѣ, Немировкѣ (Томашов. уѣзда), въ п. Юзефовѣ и Тарногурѣ. Несравненно больше уничтожено церквей до половины XVIII вѣка. Но и приведенный мною списокъ, позднѣе

¹⁾ Во второй половинѣ XVIII вѣка Францишкане имѣли близъ Замостья уже богатые фольварки (стр. 127 и 158 метр. Возн.).

²⁾ Академія эта была закрыта въ концѣ XVIII вѣка.

³⁾ Забыт. иноч. обит. Кіев. стар. Августъ. 1882 г. 212 стр; Свѣдѣнія извлечены Петровымъ изъ архива Базилианскаго монастыря.

упраздненныхъ, далеко не полонъ. Позднѣе упразднены церкви: въ с. Плузахъ (Бѣлгорайскаго уѣзда), въ Краснобродѣ, Ждановѣ и Веирецѣ (Замост. уѣзда), въ Тарнавѣ, Орловѣ и Стенжицѣ (Красностав. уѣзда) и сел. Зиминѣ (Томашов. уѣзда). Кромѣ того, упразднено въ разное время нѣсколько церквей въ Люблинскомъ уѣздѣ и много въ Холмскомъ и Грубешовскомъ уѣздахъ¹⁾.— На генеральномъ собраніи духовенства Холмской діоцезіи, происходившемъ 11 мая 1749 г. въ Бѣлополѣ, подъ председательствомъ Максимилиана Рыла, (бывшаго тогда настоятелемъ Холмскаго монастыря), по словамъ послѣдняго, присутствовали депутаты отъ всѣхъ благочиній Холмской епархіи. Изъ описанія Рылы оказывается, что Холмская епархія имѣла 10 благочиній: Холмское съ 65 приходами, Грубешовское съ 27, Тышовецкое съ 35, Замостское съ 21, Городельское съ 22, Щебрешинское съ 26 и Люблинское съ 20¹⁾. Если не принимать въ расчетъ депутатовъ благочиній Любомльскаго (28 приходовъ), Ратненскаго (28 приходовъ) и Кашоградскаго (13 приходовъ), принадлежавшихъ къ Холмской епархіи, и исключить приходы, расположенные въ Сѣдлецкой губерніи, но принадлежавшіе къ Люблинскому деканату, то изъ общаго числа приходовъ Холмской униатской епархіи придется на Люблинскую губернію 207 приходовъ. Въ настоящее же время ихъ только 154³⁾. Слѣдовательно, съ полови-

¹⁾ Свѣдѣнія эти почерпнуты изъ архива б. греко-униатскаго управленія (Холм. Варш. епарх. вѣст. 1884 г., № 16, стр. 243—244.

²⁾ Дневникъ М. Рыло, въ архивѣ Львовскаго греко-униатскаго капитула.

³⁾ Пам. кн. Любл. губ. 1884 г. стр. 81—87.

ны XVIII вѣка упразднено около 54 приходоѡ. Большая часть приходоѡ упразднена въ Замойской ординаціи, какъ увидимъ изъ перечня поселеній, вошедшихъ въ ея предѣлы при организаціи въ послѣдней четверти XVI вѣка. Непріязненные дѣйствія противъ православныхъ, совершавшіяся подъ покровительствомъ высшаго уніатскаго духовенства,—съ такою же почти жестокостію и съ такимъ же поруганіемъ свободы ихъ совѣсти, какими латынники ознаменовали предшествующія полтора столѣтія,—безпрестанныя жалобы и вмѣшательство русскаго правительства, побудили короля Станислава Августа, 19 февраля 1766 г., обратиться къ Холмскому уніатскому епископу М. Рылѣ съ приказомъ, которымъ король требовалъ прекращенія: преслѣдовацій дизунитовъ, принужденій ихъ къ принятію уніи, насильственнаго отнятія у нихъ церквей и запрещенія имъ поправлять тѣ, которыя приходятъ въ ветхость, а на мѣста разрушенныхъ ставить новыя. Почти одновременно, подобное же увѣщаніе было получено Рыломъ отъ короннаго канцлера Андрея Замойскаго. „Запрещеніе дизунитамъ возобновлять старыя церкви или строить новыя на мѣстѣ прежнихъ“¹⁾ писалъ Замойскій, „не согласуется съ духомъ законовъ и вѣротерпимостію... а потому пусть же постыдныя и наглые поступки будутъ устранины въ вашей епархіи и пусть дизуниты будутъ оставлены въ совершенномъ покоѣ¹⁾“.

Какими, послѣ этого, жалкими и смѣшными кажутся причитанія ученаго прелата Ликовскаго, который, проли-

¹⁾ Дневникъ М. Рыло.

вая слезы надъ излюбленной его уніей, увѣряетъ, что если бы въ эпоху паденія Польши русско-уніатская церковь во всѣхъ діоцезіяхъ была поставлена подъ руководство такого геніальнаго духовенства, какое стояло во главѣ Холмскаго народа, то многострадальная унія не легла бы трупомъ подъ сѣкирою Москвы¹⁾.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Право на учрежденіе ординаціи (маіората)²⁾ дано было канцлеру и коронному гетману Яну Замоискому (герба Елиътъ) за государственныя заслуги, въ 1589 г., и въ томъ же году послѣдовало устройство ординаціи³⁾. Вошедшія въ составъ ея имѣнія дѣлятся на три категоріи: 1. города (civitates) съ предмѣстскими селами (villae-suburbii). 2. города съ принадлежащими къ нимъ самостоятельными селами (villae), или же только съ непосредственно принадлежащимъ къ нимъ предградьемъ и съ войтовствомъ, и 3. имѣнія, состоящія изъ однихъ только селъ, и носящія, каждое, общее названіе по имени какого либо одного изъ нихъ. *Первая группа.* 1. Щебрешинъ съ предмѣстями, селами Недзѣлиска, Волонча съ Завадой, часть Бодачова, Топольча, Кавенчинъ большой, Кавенчинъ малый, Журавница, Михайловъ и Кле-

¹⁾ Dzieje kość: unick. w XVIII i XIX w. стр. 227.

²⁾ Маіоратный институтъ вытекаетъ изъ феодальнаго права. Первый въ русскихъ провинціяхъ Польши маіоратъ былъ устроенъ Тарновскимъ на Ярославѣ, 1470 г., Czacki. O litewsk. i polsk. praw. 1861 г., ч. 2, стр. 12, примѣч.

³⁾ Stat. ord. Zam. стр. 1—25.

менсовъ, Розлупы, Дешковице, Бродъ-ватажки, Бродъ-старый; 2. Крешовъ съ предмѣстями, селами: Крешовъ-горный съ Подольщиной, Крешовъ дольный съ Покоемъ, Быстре, Хута-Крешовская, Сѣраковъ, Руда-Дымарская, Жукъ, Сушки, Каменка, Хуциско съ Волей; 3. Томашовъ съ предмѣстями, селами: Рогозно, Шароволя, Лосинець и Завадки, Волька Лосинецкая, Пасѣки, Мазилы, часть въ Вепровомъ озерѣ; 4. Туробинъ съ предмѣстями, селами: Рокитовъ, Ольшанка, Майданъ Туробинскій, Грудки, Токары и Олендры, Хута, Тарнава, Бискупе, Пониква съ Волей, Чернечинъ съ Волькой, Жураве, Быки, Жабно, Гузовка; 5. Красникъ съ предмѣстями селами: Вишница, Вишнянка, Будзинъ, Сухиня, Стружа, Слудковъ, Блиновъ, Майданъ - Блиновскій, Вилколазъ, Волька Рудницкая съ Залѣсьемъ. *Вторая группа*: 1. Замостье съ селами: Вулька-Замойская, Сѣдлискъ и Яновице; 2. Юзefовъ съ селами: Пардизовка, Майданъ-Неприскій, Гурники, Длуги-Контъ, Подрузовъ, Хамерня, Избице или Новине, Майданъ-Сопoцкій; 3. Горай съ войтовствомъ и предмѣстемъ (suburbio); села: участокъ въ Хржановѣ, участокъ въ Браневѣ, Лада, Малине, Дзволя, Хошня и Банонья; 4. Яновъ съ предмѣстемъ Яновъ, селами: Бяла, Годзишевъ съ войтовствомъ, Кремень, Липа, Вулька-Ратайская, Коцуджа и 5. Тарногородъ съ войтовствомъ (advocatia). *Третья группа*: Имѣнія: 1. Ситаницкія, 2. Липское, 3. Оришевское, 4. Стараго-Замостья, 5. Ждановское. 6. Латичинское, 7. Горaeцкое, 8. Творичевское, 9. Мокре-Липское, 10. Хуциско, 11. Рыбницкое, 12. Замѣховское, 13. Луковское, 14. Рожанецкое, 15. Потокъ, 16. Накликское, 17. Липинское, 18. Бицское, 19) Княжпольское, 20. Звѣринецкое, 21. Пискоровицкое. 22. Баторское, 23. Соленское.—

Всего въ 23-хъ имѣніяхъ вмѣстѣ съ тремя селами, принадлежавшими Замойскому лицу, насчитывается 133 села. Перечисленные города, села и земли перешли къ Яну Замойскому путемъ наслѣдства, купли и пожалованія. Къ наслѣдственнымъ имѣніямъ относятся г. Замость, основанный на земляхъ с. Калиповки и Скоковки, купленныхъ Феликсомъ Замойскимъ, подкоморіемъ и судьей земли Холмской, и Николаемъ Замойскимъ, короннымъ референдаріемъ¹⁾. Щебрешинскій округъ перешелъ къ Яну Замойскому отъ Андрея каштеляна Накельскаго, Петра подкоморія Познанскаго, Станислава и Яна братьевъ изъ Чарикова. Крешовъ, Тарногородъ, Замѣхъ и проч. были пожалованы королемъ въ награду за государственныя заслуги. Нѣкогда владѣнія Замойскаго были еще обширнѣе, такъ какъ къ нимъ принадлежала Корчмаровская волость (съ селами Корчмаровъ, Поповице, Василевице, Кадниковце, Канчице и Микулинце²⁾). Города и села Замойской ординаціи лежали въ земляхъ: Белзской, Холмской, Перемышльской и отчасти Люблинской. По статутамъ, Рогозно (предмѣстье Томашова), Вѣпрое озеро съ принадлежащими къ нимъ селами и угодьями (имѣніе Томашовское), помѣщаются въ уѣздѣ Белзскомъ; Яновице съ принадлежностями (имѣнія Ново-Замостскаго), Стабровъ (имѣніе Ситаницкое); Ярославецъ и участокъ Ляцкаго-Горишова (имѣніе Оришевское)—въ уѣздѣ Грабовецкомъ Белзскаго воеводства³⁾; Творичевъ

¹⁾ Stat. ord. Zam. стр. 7.

²⁾ Въ этомъ имѣніи Стефанъ Баторій разрѣшилъ Яну Замойскому заложить г. Шароградъ (при впаденіи р. Колбаски въ Мораньку.—Tatomir Geogr. стр. 193 и 194).

³⁾ Stat. ord. Zam. стр. 7.

(имѣніе Творичевское), Сульмице съ принадлежностями (имѣнья Ситаницкаго), Мокре (имѣнья Мокре-Липинскаго), Туробинскій и Щебрешияскій округа, Замость старый и новый съ принадлежностями—въ землѣ Холмской. Креповъ, Тарногородъ, Замѣхъ со всѣми селами и принадлежностями помѣщаются въ землѣ Перемышльской.—Бяла со всѣми селами и фольварками, — села Дзволя и Коцуджа (имѣніе Яновское) съ новооснованными селами помѣщаются въ землѣ Люблинской¹⁾. Нельзя требовать лучшаго матеріала для топографіи Червонной Руси. Онъ даетъ возможность опредѣлить почти съ математическою точностью прежнюю границу, отдѣлявшую Холмско-Червенскую область съ одной стороны отъ земли Перемышльской, а съ другой—отъ земли Люблинской. Правда, мы имѣемъ дѣло съ актами XVI вѣка, но такъ какъ въ основу ихъ легли древнѣйшіе документы, то они носятъ на себѣ всѣ признаки глубокой старины и именно указаніе въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ на органическую первобытную связь селъ съ *мѣстами*, названными окружными городами. Въ другихъ же сельско-городскихъ имѣніяхъ Замойскаго отсутствіе слѣдовъ такой связи даетъ поводъ приписывать поселеніямъ, изъ коихъ образовались окружные города, позднѣйшее происхожденіе или же основаніе окружныхъ городовъ, по произволу владѣльца, не въ тѣхъ поселеніяхъ, которыя по историческимъ условіямъ имѣли значеніе важнѣйшихъ мѣстъ, притягивая къ себѣ, какъ къ центру, окрестныя села, а въ тѣхъ, гдѣ владѣлецъ намѣренъ былъ создать искусственный центръ изъ какихъ нибудь личныхъ расчетовъ, напр. изъ видовъ подавленія православія и усиленія колонизаціи. Конечно,

¹⁾ Ibid. стр. 7—50.

здѣсь открывается широкое поле предположеніямъ, но мнѣніе мое находитъ себѣ оправданіе какъ въ общемъ историческомъ законѣ кристаллизаціи селеній, такъ и при сличеніи списка окружныхъ городовъ Замойскаго маіората съ учредительными грамотами. Изъ сличенія этого оказывается, что всѣ города, происхожденіе коихъ, какъ болѣе важныхъ поселеній, кроется въ глубокой древности, окружены предмѣстскими селами. Таковы—Щебрешинъ, Туробинъ, Красникъ, Крешовъ и Рогозно, перенесенное въ предмѣстье Томашова. Къ числу старѣйшихъ Червенскихъ городовъ принадлежитъ Щебрешинъ. Когда онъ возникъ—неизвѣстно. Нельзя, однако, сомнѣваться, что онъ существовалъ уже въ XII столѣтіи. Немного сохранилось въ немъ памятниковъ старины, но и то немногое, что пощадило время, проливаетъ нѣкоторый свѣтъ на прошлую судьбу этого города и уясняетъ его важное значеніе какъ одного изъ столбовъ православія и русской народности въ Забужьи. Я разумѣю не большую, но чрезвычайно интересную хронику, составленную въ 1783 г. бывшимъ настоятелемъ церкви Успенія Пресвятой Дѣвы Маріи Иваномъ Липовецкимъ „во славу и честь Щебрешинской чудотворной иконы Божіей Матери”. Послѣ продолжительнаго и тщательнаго изслѣдованія на основаніи различныхъ дапныхъ, какъ-то церковныхъ дарственныхъ записей, эрекцій католическихъ костеловъ и рассказовъ заслуживающихъ вѣры старожиловъ, Липовецкому, по его словамъ, удалось обнаружить слѣдующее: „Владѣлецъ Щебрешинскаго округа, воевода Межпрѣчія графъ Андрей Горка, русскаго происхожденія и греческой вѣры, имѣвшій двухъ сыновей — старшаго Бориса, младшаго Романа, исповѣдывавшихъ также православіе, построилъ въ Щебрешинѣ каменную церковь во имя Успенія Пресвятой Дѣвы Маріи. Это святое

дѣло счастливо началъ Андрей Горка въ 1194 году и, по окончаніи, украсилъ ее иконою Божіей Матери, подъ сѣнью которой похороненъ въ церкви, возлѣ небольшого алтаря, гдѣ по серединѣ находится одинъ только престолъ. Подъ иконою Божіей Матери, которая нынѣ перенесена въ алтарь, нѣкогда открыта была могила съ девятью великолѣпными гробами, обитыми парчею⁴). Липовецкій утверждаетъ, что самъ видѣлъ эти гробы, но, по отсутствію какихъ либо явственныхъ признаковъ, не могъ съ достовѣрностью опредѣлить—кто былъ въ нихъ похороненъ; по собраннымъ же имъ преданіямъ, то были основатели упомянутаго храма — Горки. Весьма естественно, замѣчаетъ Липовецкій, что они были похоронены въ самой церкви, а не на общемъ кладбищѣ¹). Свидѣтельство Ивана Липовецкаго мы можемъ до нѣкоторой степени провѣрить подлинною дарственной записью Ивана Чарнковского изъ Чарнкова, б. владѣльца Щебрешинскаго округа, отъ 1-го апрѣля 1593 года, за его печатью и подписью. По важности этого документа, привожу полный его текстъ въ переводѣ съ польскаго: „Посредствомъ письменныхъ актовъ я дозналъ, что предокъ мой славной памяти вельможный властелинъ графъ Андрей изъ Горки, каштелянъ Межирѣчія, владѣлецъ Щебрешина, предоставилъ въ пользу церкви и богодѣльни

⁴) Липовецкій подробно описываетъ икону Божіей Матери и совершенныя ею чудеса. На ней были необыкновенно богатые клады. Но по повелѣнію императора Іосифа II они были сняты и переданы въ государственное казначейство въ Вѣнѣ, въ 1783 г., за что церковь получала ежегодно изъ Замостскаго казначейства по три злотыхъ отъ ста, (т. е., вѣроятно, 3% со стоимости окладовъ.

русской въ г. Щебрешинѣ полланокъ поля въ селѣ Дешковицахъ, между полями — съ одной стороны — возлѣ лана Мѣвичицы, а съ другой — около полланка Дешковского, и что тѣмъ полланкомъ *издревле* владѣла русская церковь и богодѣльня въ г. Щебрешинѣ, — съ недавняго же времени онъ отнять и переданъ, на чиншевомъ правѣ, моему подданному Игнатію въ деревнѣ Розлопахъ Снисходя къ пуждамъ людей убогихъ и неимущихъ, я возвращаю упомянутый полланокъ съ лугомъ, загородію и всѣми принадлежностями, въ полную собственность русской церкви и богодѣльни въ гор. Щебрешинѣ разрѣшая владѣть ими и пользоваться на вѣчныя времена, съ освобожденіемъ отъ обязательныхъ работъ и платежей подати мѣ и моимъ потомкамъ“. — Черезъ нѣсколько дней послѣ выдачи упомянутаго акта, именно 7 апрѣля 1593 г., русское общество мѣщанъ гор. Щебрешина обратилось къ Ивану Чарнковскому съ просьбою, чтобы онъ утвердилъ записъ другаго предка его — графа Станислава изъ Горки, составленную въ Красноставѣ, 5 мая 1588 г., въ присутствіи нѣсколькихъ свидѣтелей, за собственноручною подписью послѣдняго и привѣшенною печатью, причемъ предъявило ему и самый актъ такого содержанія: „Я, Станиславъ изъ Горки, воевода Познанскій, староста Русскій, властитель Щебрешинскаго округа, объявляю во всеобщее свѣдѣніе, что, какъ видно изъ присяжныхъ показаній жителей г. Щебрешина и другихъ достовѣрныхъ лицъ, церковный ланъ поля въ нашей деревнѣ Броды, находящійся между полями нашего войта Теодора Бубы, хозяина этой деревни, давно уже присвоилъ себѣ панъ Станиславъ Фаликовскій, бывшій нѣкогда нашимъ старостою и арендаторомъ въ гор. Щебрешинѣ, и передалъ въ пользованіе своему слугѣ

Данишевскому. Между тѣмъ, съ *давнѣйшихъ, незапамятныхъ* временъ, ланъ этотъ всегда принадлежалъ нашей церкви въ нашемъ г. Щебрешинѣ для содержанія служителей ея и нищихъ въ богодѣльнѣ ¹⁾. Вслѣдствіе прошенія, обращеннаго къ намъ нашими подданными русской вѣры, упомянутый ланъ въ деревнѣ Броды, съ лугомъ и всѣми къ нему принадлежностями, означенной церкви и ея служителямъ возвращаемъ полностью, предоставляя пользоваться имъ на томъ правѣ, на какомъ доселѣ церковные служители владѣли имъ до захвата покойнымъ паномъ Фаликовскимъ“, и т. д. — Иванъ Чарниковскій утвердилъ предъявленную ему запись, выразивъ притомъ, по обыкновенію, обѣщаніе за себя и своихъ потомковъ, что его подданные русской вѣры будутъ навсегда безпрепятственно и неограниченно пользоваться этимъ ланомъ ²⁾. Дарственные записи — одна Андрея Горки, неизвѣстно когда совершенная, и другая — Станислава Горки, отъ 5 мая 1588 года, особенно употреблен-

¹⁾ Призрѣвая нищихъ, Червонорусскія церкви и братства слѣдовали примѣру и завѣту русскихъ князей. Въ поученіи Кирилла говорится: „тѣ десятины и суды и дома великіе, которые даны церкви, то дано крилошанамъ на потребу, и старости и немощи и въ недугъ впадшихъ чадъ много прокормленіе, обидимымъ помоганіе, страннымъ прилежаніе, въ напастѣхъ пособіе, въ пожарѣхъ, въ потопахъ, плѣннымъ искупленіе, въ гладѣ прокормленіе, вдовамъ пособіе, въ худобѣ умирая покровы и гробы и погребеніе, церквамъ и монастырямъ подаваніе, живымъ прибіжище и утѣшеніе, а мертвымъ память“ (Бѣляевъ. Обществ. знач. русск. цер. до Монголовъ. Ж. М. Н. П. 1856 № 7.

²⁾ Приведенныя записи внесены въ Грабовецкія актовыя книги 1740 г. Андреемъ Карпинскимъ, Холмскимъ офиціаломъ-деканомъ и блюстителемъ щебрешинскимъ греко-уніатскимъ.

ное въ послѣдней выраженіе о принадлежности Щебрешинской церкви незаконно отобраннаго отъ нея лана земли „съ незапамятныхъ временъ“ указываютъ дѣйствительно на глубокою древность этой церкви¹⁾ и самаго Щебрешина. Но первоначальное основаніе ея Горками представляется сомнительнымъ. Щебрешинъ въ XIV столѣтіи былъ дарованъ Владиславомъ Опольскимъ Дмитрію изъ Горая (или Горы), съ правомъ дѣдичства, т. е. съ предоставленіемъ ему управленія и феодальной власти надъ мѣстнымъ населеніемъ. Людовикъ король угорско-польскій утвердилъ Щебрешинскій округъ за Дмитріемъ и Иваномъ, владѣтелями Клеца²⁾. Повидимому, они пользовались особеннымъ расположеніемъ короля Людовика и были облечены широкою властью. Грамотою отъ 26 Іюля 1377 года, онъ пожаловалъ тѣмъ же Ивану и Дмитрію королевскій замокъ Горай, или иначе Ладу (Łada) съ восемью селами, а также городъ Красникъ (нынѣ Яновскаго уѣзда) съ селами Строжей, Вижницей и половиной села Ржедицы, расположеннаго въ Сандоміріи³⁾. Дмитрій назывался въ послѣдней грамотѣ „strepius vir Dymitrius vicethesaurarius regni Poloniae“. — До того Щебрешинъ, входившій въ составъ Холмской

¹⁾ Сохранившіяся метрическія книги ея восходятъ къ началу XVII вѣка. Есть старинныя богослужебныя книги, въ томъ числѣ служебникъ, пріобрѣтенный 4 сентября 1656 г. Въ надписи значится: „Служебникъ купилъ Яковъ и жена Христина для церкви св. чудотворца Космы и Деміана до с. *Переіемъ* 1624 г., въ Базалѣи (Вол. губ.). А хто бы си мять отдалити отъ той церкви святой, тотъ будетъ проклятъ въ семъ вѣкѣ и въ будущемъ.“

²⁾ Сравни. Balinsky i Lipinski—*Starożytna Polska*, т. II, и Шараневичъ—истор. Галицк. Влад. княж. стр. 221, примѣч. 17.

³⁾ Bal. i Lip. т. II, стр. 1149.

земли, какъ значитъся въ привиллегіяхъ Людовика, едва ли не принадлежалъ къ владѣніямъ Холмскаго князя. Въ собственность Андрея Горки Щебрешинъ поступилъ во второй половинѣ XVI вѣка. Грамотой, данной въ Люблинѣ 12 ноября 1583 г., Стефанъ Баторій призналъ за Андреемъ Горкой всѣ права, какія имѣли надъ Щебрешинымъ его прежніе владѣльцы. „Поелику“, сказано въ ней, „Щебрешинскій замокъ, принадлежащій каштеляну Межирѣчскому графу Андрею Горкѣ, сгорѣлъ до тла, приче́мъ погибли акты городскіе и земскіе вмѣстѣ со всѣми стародавними привиллегіями, между коими находилась особливо важная привиллегія Владислава Ягайлы, яданна въ Краковѣ на Тройцынъ день, 1388 г., то взамѣнъ тѣхъ утраченныхъ документовъ жалуется ему, Андрею Горкѣ, новая грамота, коею подтверждается право его собственности на замокъ и село къ нему принадлежащее—Мокре, и дозволяется ему учредить суды городскіе и земскіе¹⁾. Горки (или, какъ ихъ иногда называютъ, Гурки), оставили по себѣ добрую память въ русскомъ населеніи Щебрешинскаго округа, пользовавшемся ихъ покровительствомъ, не смотря на то, что въ половинѣ XVI столѣтія они не были православными, а стояли во главѣ реформаціоннаго движенія въ русскихъ провинціяхъ Малопольши, въ которомъ наиболѣе дѣятельное участіе принималъ Андрей Горка, при содѣйствіи Феликса Круцигера изъ Щебрешина²⁾.

¹⁾ Act. Szczebresk. связка 4, fasc. 324. Къ исторіи г. Щебрешина за XVIII в. матеріалами могутъ служить: Грамоты Ооы Замойскаго отъ 12 ноября 1718 г., Клементія Замойскаго отъ 0 мая 1761 г. 22 сентября 1763 и др. (Act. Szczebr. связка 3, исс. 275, связка 4, fasc. 239 и кн. 23 fol. 179).

²⁾ Stan hystoryi narodu Polskiego. Изд. въ Варшавѣ 1791 г.

Къ сказанному мною о Туробинѣ остается добавить немного. Въ 1380 г. онъ былъ присоединенъ къ владѣніямъ Дмитрія Горайскаго, согласно привилегіи, данной этого года Владиславомъ Ягайлой. Цвѣтушая пора Туробина началась въ XV вѣкѣ, когда онъ сдѣлался однимъ изъ торговыхъ пунктовъ (грамота Владислава Ягайлы 1420 г. на открытіе въ немъ ярмарокъ) и когда учреждено было въ немъ войтовство (грамота Добротоста Швидвы 1424 г.). Съ тѣхъ поръ Туробинъ подвергался неоднократнымъ опустошеніямъ, вслѣдствіе чего временно получилъ отъ королей и своихъ владѣтелей болѣе пятнадцати привилегій¹⁾. Изъ нихъ четыре выданы графомъ Станиславомъ Горкою въ 1573 г. 1578 и двѣ въ 1589 году²⁾.

О г. Красникѣ мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній до половины XIII вѣка. Изъ свидѣтельствъ Несецкаго и Папроцкаго можно заключить, что въ XII вѣкѣ онъ былъ значительно укрѣпленъ и потому въ 1241 г., при Болеславѣ Стыдливомъ, удачно отразилъ нападеніе татаръ, благодаря мужеству его владѣльца Христина Корчака, потомка древне-русскаго боярскаго дома, преданнаго, по словамъ Карла Шайнохи, всею душою русскою вѣрѣ, русскимъ обычаямъ и учрежденіямъ³⁾. Русская народность вытѣснена изъ Красника къ концу XIV вѣка. Въ ту пору не оставалось въ немъ осязательныхъ приз-

Галичанинъ. 1862 г., вып. 1, стр. 125.—Любовичъ. Истор. реформациі въ Польшѣ; 1883 г., стр. 60, 73, 77, 94, 105, 139.

¹⁾ Всѣ находятся въ Люблинскомъ архивѣ др. актовъ.

²⁾ Основаніе Туробина нельзя ли приписать князю Туру, брату Рогвольда Полоцкаго, пришедшему въ IX в., „изъ заморья“ (Несторъ).

³⁾ О Корчакахъ сравн. Холм. мѣсяцесл. 1867 г., стр. 63.

наковъ русскихъ обычаевъ. Поэтому при распростра-
неніи на него Тевтонскаго права, король Людовикъ, въ
грамотѣ своей отъ 1377 года, упомянувъ объ отмѣнѣ
права польскаго, ничего не сказалъ о правѣ русскомъ¹⁾.
Съ постройкою же въ Красникѣ *перваго* латинскаго ко-
стела въ 1400 г. Тенчинскими, совпадаетъ и окончатель-
ное подавленіе тамъ русскаго элемента, память о кото-
ромъ сохранилась въ названіи одного изъ ближайшихъ
предмѣстій Красника „Подляшскаго“ — Если Щебре-
шинъ, Туробинъ и Красникъ были издавна русскими го-
родами, если русская народность является и теперь еще
господствующимъ типомъ въ первыхъ двухъ городахъ и
окрестностяхъ послѣдняго, если справедливо, что между
Червонорусскими городами и ихъ предградьями сущес-
твовало близкое родство этнографическое (а этому мною
представлены вѣскія доказательства), то нельзя не прид-
ти къ убѣжденію, что всѣ предмѣстья Щебрешина, Ту-
робины и Красника, въ XIII столѣтіи, лежали въ рус-
ской украинѣ, тѣмъ болѣе, что предмѣстья не только
Щебрешина, но и Туробина помѣщаются Замоискими
статутами въ землѣ Холмской. Пунктами, чрезъ кото-
рыя, до самыхъ истоковъ р. Бялой, проходила древняя
межа, отдѣлявшая Холмско-Червенскую землю отъ Лю-
блинской, были, кромѣ Красника, слѣдующія села: Су-
хиня, Выжница, Выжнянка, Стружа, Слодковъ, Блиновъ,
Вилколазъ, Волька-Рудницкая, Пониква, Токары, Би-
скупе, Тарнава и Хута. Здѣсь пресѣкается путеводная
нить, которую даетъ намъ перечень предградій въ ста-
тутахъ Замоиской ординаціи, такъ какъ предградья Ще-
брешина не доходили до украинны Люблинской. Даль-

¹⁾ См. *Zróżła do dziejów polsk.* Вильно 1843 г. т. 1 стр. 141.

нѣйшая граница на югозападъ выяснится послѣ того, какъ мы изслѣдуемъ границу земель Холмской и Перемышльской, принявъ за основаніе указаніе актовъ Замѣйской ординаціи, что Крешовъ, Тарногородъ и Замѣхъ, со всѣми селами, лежали въ землѣ Перемышльской. Я привелъ уже не мало фактовъ, свидѣтельствующихъ объ исконномъ существованіи русской стихіи и православія въ Крешовѣ и Тарногородѣ, но далеко не исчерпалъ всего запаса матеріала. Упомяну, кстати, еще о двухъ памятникахъ. Въ Холмскомъ музеѣ хранится рукописное евангеліе Крешовской церкви съ такою записью: „Року Божію 1552 марта 25. Сталось певное постановленія зъ одной стороны отца Филимона священника Крышовскаго, а съ другой стороны громады Крышовской“ о церковныхъ доходахъ. Въ силу этого приговора: въ пользу церкви должно было поступать съ каждой роли по копѣ жита, за исключеніемъ доли, подлежащей взносу въ пользу „власнаго господаря“. Кромѣ того, въ опредѣленные сроки, каждый домохозяинъ обязывался удѣлять извѣстную плату денежную и разными хозяйственными продуктами. На послѣднемъ листѣ евангелія значится: „Року Божію 1631 стѣтябри дня 1-го церковь зачато будовати Крышовскую за панованія его милости пана Томаша Замосцкаго, подканцлерого коронного и за пана Максиміана Тросцинска на той часъ державцы Крышовскаго, а за стараніемъ отца Иліи Терновскаго презвитера Крышовскаго коштомъ и працою не малою“. Другою рукою прибавлено: „котора-то церковь сгорела 1653 года“. Въ рукописномъ часословѣ, находящемся въ томъ же музеѣ, записано: „Въ лѣто по нарсженіи Христовѣ 1586 отменилъ богобойный мужъ именемъ Кузьма Писковскій и съ богоданною женою его Настасією, мониты

королевскія золотыхъ пять далъ отъ работы и придалъ ея въ церковь святоя и живоначальныя Тройца вѣчно и непорочно въ градъ нарицаемѣмъ Трънградъ за державы новаго короля Свайдайскаго, именемъ Жигимонта, и при державѣ цана его милости канцлера и при епископе *Примышкомъ* Брильенскомъ шляхетномъ Арсенію. И тыжъ яко Козма даю и придаю святому тому мѣсту, якомъ именовалъ напредъ, на вѣкъ вѣчный. Если-жъ бы кто нарушилъ или не обчнымъ разомъ отнялъ или предалъ, я съ таковымъ судъ предъ Господомъ Богомъ буду имати на онъ часъ¹⁾. Ясно, что Крешовъ и Тарногородъ принадлежали къ кореннымъ русскимъ городамъ; ясно также станетъ для насъ, если мы обратимъ вниманіе на мѣстоположеніе Крешовскихъ и Замѣховскихъ предградій, что раздѣльной чертой между Холмской и Перемышльской землей былъ бассейнъ р. Танева, начиная отъ истоковъ впадающаго въ него Соцота и до сліянія Танева съ Саномъ. Словомъ, весь юго-западный уголъ Люблинской губерніи, начиная почти отъ границы Томашовскаго и Бѣлгорайскаго уѣздовъ до пункта, гдѣ началась юго-восточная граница земли Люблинской, входилъ въ составъ земли Перемышльской, а слѣдовательно — удѣла Перемышльскаго и Перемышльской епископіи²⁾. Юго-западная граница земли Люблинской должна была, такимъ образомъ, начинаться значительно лѣвѣе Уланова, около котораго оканчивались Крешовскія предградья. При дальнѣйшихъ розыскахъ начальнаго пункта Люблинской

¹⁾ Свѣд. о сост. церк. арх. музея при Холм. св. Богор. братствѣ. Холм. Варш. епарх. вѣстникъ 1882 годъ, № 22, стр. 385 и 386.

²⁾ Въ этой мѣстности на югъ отъ Тарногорода, на рѣчкѣ Зло-

земли на юго-востокъ, къ даннымъ, мною ранѣе представленнымъ, можно прибавить еще одно соображеніе. Села имѣнія Яновскаго: Бяла съ принадлежностями, Дзвоя и Косуджа (между Горасемъ и Фрамполемъ) статутами Замойскаго маіората причисляются къ землѣ Люблинской. Къ тому же Яновскому имѣнію принадлежатъ Годзишевѣ, Кремень, Липа и Вулька Ратайская, по опи не отнесены къ Люблинской землѣ; здѣсь - то (повторяю) у верховьевъ р. Бялой и шла граница, спускаясь по долинѣ р. Бялой до впаденія ея въ Санъ. Поднимаясь отъ Краспика на сѣверъ къ Люблину по долинѣ Быстрицы, мы оставляемъ почти на окраинѣ Люблинской земли одинъ изъ значительныхъ городовъ Уржендовъ (на р. Уржеповкѣ, притокѣ Визницы, впадающей въ Вислу). Въ немъ не найдено мною слѣдовъ русской народности. При введеніи въ Уржеповѣ, въ 1405 г., Тевтонскаго права, „такого же, какое дано Люблину“, Владиславъ Ягайло присоединилъ къ городу половину села Скорчице¹⁾, соображая, вѣроятно, раздѣлъ съ рубежомъ между Холмскою землею и Лю-

торинкѣ, впадающей въ Санъ, въ селѣ Люховѣ, древняя церковь, какъ видно изъ надписи на рукописной книгѣ дѣяній св. Апостоловъ отъ XVI вѣка: „Року Божію 1606 мѣсяца апрѣля 27 въ недѣлю Антипасхи поновилъ сію книгу Апостоль рекомую священноерей Савроній викарій Люховскій накладомъ раба Божія Семёона, который ерей будетъ при семъ храмѣ въ Люховѣ, преподобныя матери нашея Параскопії повиненъ будетъ Господа Бога молити за отпущеніе грѣховъ раба Божія Семёона о здравіи и заупокой раба Божія Прокопія (еп. Модестъ о церковно арх. музеѣ въ Холмѣ. Холмско Варшавскій епархіальный Вѣстникъ 1882 г., № 22, стр. 386.).

¹⁾ Obl. grod. Lubel. кн. 281 стр. 470.

блинскою¹⁾, который отъ Люблипа направлялся къ Венрю, правѣ (посада) Каменки. Послѣдняя всегда находилась въ землѣ Люблинской. Давнѣйшіе, довольно важные архивные документы, относящіеся къ этой части Любартовскаго уѣзда, захватываютъ половину XV вѣка²⁾. Въ 1447 г. состоялось постановленіе о разграниченіи имѣнія Каменка Іоанна Олесницкаго, паллатипа Сандомірскаго, отъ имѣнія Луцкаго и иныхъ, принадлежавшихъ Якубовскому, Бочкѣ, Часловицкому и др. Проводя граицу по рѣкамъ Снѣжку и Липинской, неподалеку отъ р. Менины (притокъ Венря), граничный комиссаръ *Люблинской земли* упомянулъ о большомъ древнемъ межевомъ камнѣ, который, быть можетъ, и раздѣлялъ Люблинскую землю отъ Холмской. Другимъ актомъ, составленнымъ также комиссаромъ Люблинской земли, отъ 1466 г., были разграничены имѣнія упомянутаго Іоанна Олесницкаго, посадъ Каменка, Носатовъ и Сѣдлискъ, отъ сосѣдняго Щекаркова—имѣнія нѣкоего Грота изъ Острова³⁾. Еще въ XVI вѣкѣ Любартовскія имѣнія составляли одно цѣлое съ Коцкомъ надъ Венремъ (Сѣдл. губ.). Пѣтръ Фирлей изъ Домбровиць, дѣдичъ Яновца и Коцка, воевода Люблинскій, Радомскій и Межирѣчскій, грамотою 1543 г., при введеніи Магдебургскаго права въ Левартовѣ, наложилъ на обывателей его повинность съ cadaго ремесла по обы-

¹⁾ Мало интереса представляютъ другія граматы, данныя Уржендову: Сигизмунда I отъ 1527, 1543 и 1545 годовъ, Сигизмунда Августа 1571 г., Яна-Казимира 1649, 1655, Михаила 1669, Яна III отъ 1681 г. и Августа II отъ 1703 г. (Obl. grod. Lubl. кн. 230, fasc. 120—122).

²⁾ Я ихъ извлекъ изъ частнаго архива въ Любартовѣ.

³⁾ Akta graniczne majątnosc. Lubartow. стр. 1—5.

чаю мѣстечка Кодка¹⁾. Въ Каменкѣ, Левартовѣ и ближайшемъ околоткѣ съ половины XVI в. церковей православныхъ, кажется, не было. Но и признаковъ существованія тамъ латинскаго костела не имѣется. Первый костелъ возникаетъ въ Левартовѣ 1549 г., въ силу грамоты Краковскаго епископа Мацѣевского на учрежденіе тамъ въ упомянутомъ году приходскаго костела и десятины „осыль“ съ селъ Бржезины, Грохово, Ясло и Луцкой-Воли²⁾, тогда какъ по сосѣдству кругомъ были православныя церкви: въ Островѣ, Устимовѣ, Колеховицахъ, Ленчѣ, Дратовѣ, Сверщовѣ и нѣсколько южнѣе, близъ Бискупнице—въ Хойнѣ, а сѣвернѣе—въ Парчевѣ, Воинѣ и Радинѣ³⁾. Распространенію латинства помѣшало пачавшееся около того времени сильное реформаціонное движеніе въ Малой Польшѣ, къ которому примкнули Фирлеи и Горки. Однимъ изъ центровъ протестантизма была Быхава (Любл. уѣзда), гдѣ въ теченіи одного 1560 г. соби-
рались два синода⁴⁾. Довольно яркое отраженіе русской народности на украинѣ Холмской земли, примыкающей къ нижнему Вепрю, заключается въ рукописномъ евангеліи 1541 г., принадлежавшемъ православной церкви въ

¹⁾ Права и привиллегиі, данныя жителямъ Левартова Фирлеемъ, подтверждены грамотами старосты Левартовскаго Владислава Доминика Острожскаго и Заславскаго отъ 1643 г. и Юрія Корибута Вишневецкаго и Збазарскаго 27 марта 1678 г.

²⁾ Все это почерпнуто мною изъ мѣстнаго Любартовскаго архива.

³⁾ См. *Decanatus Lublinensis* въ Дневникѣ М. Рылы. Вогинской церкви дана грамота 1550 г., подтвержденная Стефаномъ Баторіемъ 1586 года. (Архивъ Холмскаго духовнаго правленія.)

⁴⁾ Н. Любовичъ. Истор. реформац. въ Польшѣ, стр. 319.

Колеховицахъ¹⁾ (въ 8 верстахъ на юго-западъ отъ Острова). На немъ записано рукою мѣстнаго священника Назара: „Въ року 1541, мѣсяца ноября 1 сталося постановленіе певное и неотмѣнное, которое належитъ церкви Колеховской заложенія св. Космы и Деяна въ той способъ, ижъ мы село *Колеховиче* и вся громада на то зезволивши и намысливши... таковое постановленіе чинимо... вѣчное докуль станетъ Колеховичи... два грошей нашихъ, а третій отца Стефана. Такъ тежъ зъ нашихъ священниковъ при той церкви будущихъ, теды третій грошъ мають до громады прикладаты на всѣ потребности церковныя... и на побуръ церковный также нашихъ грошей два, а третіи поповскій, и на дяка нашихъ два, а третій поповскій“, и т. д. Въ концѣ прибавлено: „Видимо чинимо ижъ предъ нами призналъ отецъ Стефанъ, ижъ его *придокъ* оставилъ на осади церковномъ городѣ Зертимово и Любольки до самаго колодизя попувскаго въ должъ побудовався на томъ городѣ церковномъ²⁾. Сопоставленіе въ записи ссылки на какого-то предка священника Стефана съ церковною „осадою“ свидѣтельствуеетъ о существованіи Колеховицкой церкви въ XV, а пожалуй и въ XIV в. Основаніе другихъ сосѣднихъ православныхъ церквей кроется также въ глубокой древности. Для примѣра укажу на церковь въ г. Радинѣ, Сѣдлец-

¹⁾ Въ Любартов. архивѣ есть актъ 1555 г. о разграниченіи имѣній г. Домбровицкихъ и др.—Березницы и Воли Березницкой ключа Любартовскаго, и королевскихъ селъ Тысменице, Колеховице, Ямы, Бабенка и Островъ, причисленныхъ къ староству Парчевскому.

²⁾ Описаніе Холмск. церковно-арх. музея. Холмско-Варшавскій епархіальный вѣстникъ 1882 годъ, страницы 384 и 385.

кой губ., отнесенномъ мною къ граничнымъ городамъ между Русью и Мазовіею. Станиславъ Антоій Щука, подкоморій великаго князя Литовскаго, 26 ноября 1703 года, предоставляя средства на постройку греко-уніатской церкви въ Радинѣ, выразился, что „не будучи въ состояніи допытаться о земляхъ принадлежавшихъ *древней церкви*, которая стояла на старомъ Радинѣ или Козьмѣ Рынкѣ¹⁾, возъ, имѣлъ намѣреніе соорудить на Новомъ Радинѣ или Будзинѣ Божій храмъ во имя св. Георгія, съ отдачей его подъ вѣдѣніе епископовъ греческой вѣры, состоящихъ въ единеніи съ св. костеломъ римско-католическимъ,—и предоставитъ для священника и причта церковнаго жилища помѣщенія. Въ эрекціонной грамотѣ прибавлено, что въ случаѣ отпаденія основываемаго храма отъ единенія съ римско-католическою церковью запись его о пожертвованіяхъ теряетъ свою силу и что десятина отъ прихожанъ должна поступать на поддержаніе храма лишь по доброй ихъ волѣ, безъ принужденія и экзекуціонныхъ мѣръ²⁾).

Обозрѣвъ главнѣйшіе моменты исторіи Червонной Руси, въ той степени, въ какой того требовали задачи этнографіи и топографіи, и проведя съ возможною точностью границы княжескихъ удѣловъ и земель, изъ коихъ она слагалась, я закончу свой трудъ изложеніемъ судьбы

¹⁾ Радинѣ дѣйствительно возникъ на Козьмѣ Рынкѣ. Въ привиллегіяхъ 1534 и 1548 г. сказано: „miasto Kozirynek zwane Radzyn”—oppidum antiquum Radzin, nunc vero Kozirynek dictum. (Балинскій и Липинскій: *Starożytna Polska*, томъ II, страница 1167).

²⁾ Obl grod. Chelm. кн. 164, стр. 520.

нѣкоторыхъ Червенскихъ посадовъ и городовъ, обращая особенное вниманіе на факты, обрисовывающіе состояніе въ нихъ и окрестныхъ селахъ православной церкви, такъ какъ нигдѣ, быть можетъ, теченіе жизни народной не подвергалось въ такой сильной мѣрѣ вліянію господствующаго религіознаго настроенія, какъ въ Руси Червонной. На долю ея по истинѣ выпала самая горькая участь. Вся она вдоль и поперекъ облита слезами русскаго народа, который до послѣдней капли крови всегда отстаивалъ свою вѣру. Не такъ тягостны были для него бѣдствія войны, внутреннія междоусобія князей и бояръ, и даже ярмо татарское, какъ мучительны были наглыя посягательства на его духовную природу, жестокія наслія надъ его религіозными убѣжденіями. Не въ моихъ средствахъ разоблачить всѣ детали той вопіющей неправды, того потрясающаго душу поруганія правъ Божескихъ и человѣческихъ, которое провозвѣстники латино-польской цивилизаціи начертали на своемъ знамени¹⁾.. Моя задача скромнѣе: усилія мои направлены къ тому, чтобы подобрать и вызвать къ жизни памятники русской старины тамъ, гдѣ она была наиболѣе забита и гдѣ, поэтому, многіе вовсе не подозрѣвали ея существованія, сгруппировать ихъ и привести хоть въ какую нибудь систему. Смотрю я на свои изысканія, какъ на трудъ чернорабочаго, будучи проникнутъ надеждой, что мои замѣтки хоть сколько нибудь помогутъ нашимъ историкамъ разобраться въ томъ хаосѣ, какимъ до нынѣ, во многихъ отношеніяхъ, представляется этно-топографическій отдѣлъ исторіи Червонной Руси, и озарить его свѣтомъ научной истины.

¹⁾ Ссылаюсь на необъятный матеріалъ, кроющійся, въ Любл. архивѣ древнихъ актовъ и еще вовсе не разработанный.

Собранный мною скудный запасъ архивныхъ матеріаловъ, относящихся къ исторіи Червонорусскихъ церквей, городовъ и посадовъ, распадается на двѣ части: одна заключаетъ въ себѣ свѣдѣнія о тѣхъ изъ нихъ, которые расположены въ древней Червенской землѣ,—другая касается церквей, городовъ и посадовъ древней земли Холмской. Начну съ лѣваго берега западнаго Буга и буду постепенно подвигаться къ долинѣ Вепря до самыхъ его верховьевъ, минуя уже хорошо извѣстный памѣ Замость¹⁾. Далѣе я не пойду, такъ какъ о важнѣйшихъ городахъ и поселеніяхъ Червонорусскихъ съ лѣвой стороны Вепря (Люблинъ, Щебрешинъ) я исчерпалъ почти все мнѣ извѣстное. Не стану вести рѣчь о всѣхъ замѣчательныхъ поселеніяхъ въ предѣлахъ Холмско-Червенскихъ. Что касается Холма, то пусть описываютъ его мѣстные ученые, имѣющіе въ рукахъ важнѣйшіе источники для изученія старины этого священнаго для каждаго русскаго сердца города, гдѣ покоится прахъ многихъ Червонорусскихъ князей... Не стану распространяться и о древнемъ Спасскомъ монастырѣ близъ Холма²⁾, но останавлиюсь прежде всего на Савинѣ, про-

¹⁾ Какъ и другіе Червонорусскіе города, Холмъ часто страдалъ отъ пожаровъ, уничтожившихъ большую часть памятниковъ его старины. Стефанъ Баторій грамотою отъ 24 іюня 1578 г., предоставляя мѣщанамъ различныя облегченія и свободную поруку въ лѣсахъ старостинскихъ, мотивируетъ даруемыя милости совершеннымъ обѣдненіемъ города вслѣдствіе пожара (Oblat. grod. Chelm. кн. 22, стр. 303).

²⁾ Этому монастырю въ 1440 г. пожертвованъ садъ въ Холмѣ (Annal. eccl. Ruth. Naras., p. 75), а позднѣе дано было, въ лицѣ священниковъ Ивана Гавриловича и сына его Теодора, „по просьбѣ дворянъ греческаго обряда“, нѣсколько королевскихъ

шная судьба котораго весьма мало извѣстна, какъ я убѣдился во время моего пребыванія въ этомъ посадѣ, гдѣ въ настоящее время живетъ смѣшанное населеніе, и рядомъ съ церковью, возобновленною въ 1867 году, стоитъ костелъ, основанный въ XV вѣкѣ. Не смотря на близость посада къ Холму, съ перваго взгляда наблюдателю, незнакому съ дѣломъ, могло бы представиться, что здѣсь православіе водворено путемъ искусственной прививки,—между тѣмъ стоитъ лишь нѣсколько глубже копнуть историческую почву и окажется, что полонизмъ и латинство ворвались сюда какъ непрошенные гости и свили себѣ теплое гнѣздо подъ охраною разныхъ привилегій, которыя Владиславъ Ягайло, по обязанности генеральнаго папскаго викарія въ областяхъ русскихъ¹⁾, щедрою рукою разсыпалъ латинскому духовенству, отдавая ему въ кабалу ненавистныхъ королю „схизматиковъ“ вмѣстѣ съ церковными землями. Преданіе ходитъ въ народѣ, что Савинъ заложенъ при князѣ Даниилѣ епископомъ Асафомъ, и въ преданіи этомъ есть крупная доля вѣроятія. Савинъ отстоитъ отъ Угровеска (Угруска) въ десяти верстахъ и весьма естественно могъ получить свое названіе отъ Асафа (Іоасафа), при которомъ епископія изъ Угровеска была переведена въ Холмъ²⁾. Мало сохранилось свѣдѣній о судьбѣ Савин-

грамотъ: Сигизмундомъ Августомъ въ 1270 г., Стефаномъ Баторіемъ въ 1578 г. и Сигизмундомъ III въ 1590—1595 г. Въ половинѣ XVII вѣка Спасскій монастырь сдѣлался резиденціей базилианъ, выгнанныхъ оттуда митрополитомъ Сильвестромъ Коссовымъ въ 1650 г. (арх. Холм. базил. монаст.).

¹⁾ Такое званіе дано ему папою Мартиномъ V въ 1418 году. Hist. Russiae monum. т. I стр. 117—119.

²⁾ Ипат. лѣт. стр. 494 и 495,

ской церкви до обращенія ее въ униатскую, въ XVII в., о чемъ свидѣтельствуесть М. Рыло, помѣстивъ Савинскій приходъ въ числѣ самостоятельныхъ греко-униатскихъ приходовъ. Какъ бы нибыло, она была тѣсно связана съ судьбою самаго Савина. Когда въ 1429 г., грамотой короля Владислава II, недавно учрежденный въ Холмѣ костелъ былъ обращенъ въ кафедральный въ память побѣды, одержанной надъ крестоносцами въ Пруссіи, (съ назначеніемъ двухъ прелатовъ, декана и десяти канониковъ)¹⁾, то, мало по малу, имѣнія, принадлежавшія Холмскимъ православнымъ епископамъ, отбирались и переходили въ руки латинскихъ епископовъ. Первоначально переданы были въ собственность кафедральнаго костела Владиславомъ Ягайлой Кумовъ, Подлубице (1417 г.) и Павловъ (1419 г.) и Владиславомъ II село Париспы (перешедшее въ XVII вѣкѣ въ пользованіе Базиліанъ), а въ 1456 г. Казиміръ IV, подтверждая упомянутую учредительную грамоту, передалъ въ распоряженіе Холмскаго епископа Іоанна и его преемниковъ приходскую церковь во имя Успенія Богородицы и село Савинъ²⁾. Съ переходомъ Савина въ вѣдѣніе католическаго епископа, польско-латинская пропаганда стала приносить тамъ обильные плоды. Видно католическіе епископы свято исполняли волю Владислава II, выраженную въ привилегіи 1429 г., „преподавать народу схизматическому, обитаю-

¹⁾ Балинскій и Липинскій утверждаютъ, что римско-католическій костелъ въ Холмѣ основанъ Болеславомъ Стыдливымъ съ разрѣшенія папы Урбана IV (Staroż. Polska т. II, страница 753).

²⁾ Даръ этотъ былъ въ послѣдствіи закрѣпленъ грамотами Казиміра IV отъ 1485 года и Сигизмунда I отъ 1508 г.

щему въ окрестностях Холма, душеспасительные уроки“. Къ концу XV вѣка, судя по привилегіи короля Альберта отъ 1494 г. и другимъ подобнымъ, латинская епископія, (переведенная изъ Холма въ Грубешовъ 1473 года, а оттуда въ Краспоставъ 1490 г.), располагала уже, кромѣ поименованныхъ мѣстечекъ, еще Скербешовымъ и значительными участками въ чертѣ самаго Холма¹⁾. Нѣкоторые изъ нихъ были отняты отъ православныхъ церквей. Староста и воеводы Холмскіе покровительствовали такимъ захватамъ. Сохранившееся посланіе къ мѣстнымъ властямъ митрополита Исихора отъ 1440 г., въ защиту земли съ садикомъ, принадлежащей церкви св. Спаса „отъ столпа“, прямо укаываетъ, что у попа Вавилы отбивали этотъ садикъ безъ всякаго законнаго повода. Потому-то, вѣроятно, Холмскіе православные епископы хлопотали объ изыятіи ихъ населенныхъ имѣній изъ подсудности свѣтскихъ властей. Такъ грамотою Казимира IV отъ 1463 г., данною Холмскому епископу Григорію, были подчинены исключительному епископскому суду принадлежавшіе епископской каѳедрѣ села Стрижевъ, Незвѣрковъ, Перемилловка, Жуковъ и Бутынь²⁾. Русское и Польское право было замѣнено Магдебургскимъ въ Савинѣ епископомъ Матвѣемъ изъ старой Лолжи, но такъ какъ, при нашествіи татаръ, вмѣстѣ съ посадомъ сгорѣли и всѣ привилегіи, то епископъ Холмскій Николай грамотою 1506 г. далъ Савину вторично Магдебург-

¹⁾ Obl. grod. Chelm. кн. 173. стр. 60.

²⁾ Грамота находится въ Холмскомъ музеѣ. Села Жуковъ и Незвѣрковъ въ началѣ XVI вѣка были отчуждены Холмскимъ епископомъ Филаретомъ (Акты, б. Холмской Консисторіи, страница 86).

ское право¹⁾. Подтвердительныя грамоты послѣдовали 1537, 1558, 1589 и 1763 гг., причѣмъ власть епископа надъ мѣстными жителями была значительно расширена, дано право на беспошлинный провозъ товаровъ и т. под. льготы.

Въ Люблинскомъ архивѣ наиболѣе свѣдѣній встрѣчается о церквахъ, разбросанныхъ по лѣвой сторонѣ Буга между Влодавой и Холмомъ, но такъ какъ восточная граница Холмской униатской епархіи распространялась, до конца XVIII вѣка, на значительную часть Волинской губерніи, то въ Холмскихъ городскихъ книгахъ попадаются записи о церквахъ съ правой стороны Буга. По лѣвой сторонѣ Буга, въ прежнихъ предѣлахъ Холмской епархіи, наибольшее число древнихъ церквей группируется въ окрестностяхъ Влодавы, Холма и Красностава. Это явленіе не объясняется ли тѣмъ, что проповѣдь слова Божія началась и принесла ранніе плоды въ „при-Бузьи“, именно въ означенномъ направленіи, проложивъ путь постепенному возникновенію здѣсь церквей. Еще въ XI и XII вѣкахъ ходили туда подвижники Антонія и Афанасія Кіевскихъ, которые „въ при-Бузьѣ, въ Долгоброды (на сѣверъ отъ Влодавы) научили страну ту православной вѣрѣ и поставили домъ Божій“²⁾. Мѣстности, гдѣ были основаны первыя церкви, весьма естественно привлекали къ себѣ особенное вниманіе людей благочестивыхъ; сюда стекались несмѣтныя толпы богомольцевъ, отъ князей и бояръ поступали на первооснованные храмы богатые вклады. Къ сожалѣнію, уцѣлѣвшіе документы церковно-

¹⁾ Грамота Николая находится въ мѣстномъ костелѣ.

²⁾ Лѣтопись Долгобродская. Холм. Варш. еп. вѣстн. 1882 г. № 22, стр. 289—290.

историческіе рѣдко сообщаютъ намъ свѣдѣнія о временахъ, предшествовавшихъ введенію уніи, но акты и позднѣйшей эпохи не лишены интереса, такъ какъ фактъ существованія или постройки въ извѣстной мѣстности церкви въ XVII и даже въ XVIII в. знаменуетъ въ большинствѣ случаевъ преемственную связь ея съ церковью бывшею когда-то на томъ же мѣстѣ или по близости. Посредствующими звѣньями этой связи являются: благоговѣйная память народная, лѣтописи, завѣщанія и т. под. Важны эти позднѣйшіе акты потому, что въ нихъ русскій историкъ найдетъ одинъ изъ многихъ доводовъ, на который онъ всегда можетъ съ полнымъ правомъ опереться въ научной схваткѣ съ безчисленными врагами православія, живость коихъ (какъ напр. Ликовскаго), доходитъ подъ часъ до беззастѣнливаго утвержденія, что большая часть православныхъ церквей въ Холмщинѣ построена на развалинахъ костеловъ, воздвигнутыхъ еще первыми польскими князьями. При необыкновенной трудности розысканія старыхъ церковныхъ документовъ, понятно, я могу представить только отрывочные, далеко не полные, матеріалы, которые самъ считаю каплей въ морѣ нашихъ Червонорусскихъ архивовъ¹⁾. Начну съ Сѣдлецкой губерніи²⁾.

¹⁾ Трудность архивныхъ изысканій усугубляется еще тѣмъ, что мы не имѣемъ буквально ни одного документа на русскомъ, языкѣ. Все латинскіе и польскіе, отчасти греческіе.

²⁾ Изъ Червонорусскихъ церквей и монастырей, находящихся въ Сѣдлецкой губ. и уже описанныхъ, нельзя не указать, между прочимъ, на церкви: св. Михайловскую—въ Коденѣ, на Бугѣ, южнѣе Бреста, построенную Иваномъ Сапѣгой въ концѣ XV в. (Х. В. Еп. Вѣстн. 1883 г., № 20 стр. 350 и др.), св. Михайловскую—въ Витулинѣ, на с. отъ Бѣлы, построенную въ 1573 г. (Х. В. Еп.

Сосновицкая церковь (на с. в. отъ Острова). Актъ отъ 8-го септября 1607 г. гласитъ слѣдующее: „Мы Богданъ Ивановичъ Сосновскій, Янъ Фридрихъ Вѣтржинскій, Павелъ Ганскій, Далмать Михаловичъ, Александръ Осташкевичъ, Янъ Журковичъ, всѣ обыватели Сосновицкой волости, объявляемъ сею нашею записью, что вслѣдствіе перадиваго и непорядочнаго образа жизни состоящаго при церкви нашей Сосновицкой священника Игнатія Василевича и небрежнаго богослуженія, отрѣшаемъ его отъ нашей Сосновицкой церкви, съ вѣдома владыки Холмскаго. Желая однако, чтобы въ ней безостановочно отправлялась служба Божія, и предназначивъ на мѣсто священника способнаго и хорошо знакомаго съ церковною письменностью Максима Будкевича, всѣ, нижеподписавшіеся, единогласно уполномочиваемъ его быть настоятелемъ при церкви нашей Сосновицкой Покрова Пресв. Богородицы, предоставляя ему завѣдывать и пользоваться церковнымъ имуществомъ на тѣхъ-же основаніяхъ какъ и его предмѣстники, а именно: постройками на церковной землѣ, огородамъ и уволокою земли въ селѣ Горкахъ, сѣнокосами въ лугахъ, съ правомъ свободной ловли рыбы въ нашихъ озерахъ и рубки деревъ въ нашихъ пущахъ на постройки и отопленіе. Зато священникъ повиненъ усердно отправлять богослуженіе, достойно вести себя, какъ подобаетъ по закону греческо-

Вѣстн. 1883 г. № 1 стр. 8. и слѣд.) и Яблочинскій св. Онуфріевскій монастырь, на Бугѣ, южнѣе Коденя, существовавшій уже въ XVI в. (Холм. мѣяц. 1866 г.) и получившій въ 1624 г. значительныя имѣнія отъ Лещинскаго, Пронскаго и Сангушковой (Арх. Вил. арх. ком. III № 17).

му, и молить Создателя за короля, правителей и за насъ всѣхъ грѣшныхъ обывателей¹⁾“.

Стульненская церковь (близъ Угруска, на с. отъ него). Въ дарственной записи князя Владислава Острожскаго отъ 27 марта 1630 г. изложено: „Владиславъ Острожскій (пзъ Крылова), владѣлецъ Стульненскій, передалъ въ собственность церкви волости своей Стульненской, чрезъ посредство преподобнаго отца Ивана Андреевича, земельные участки: уволоку поля у брода Грязный Куть,—поля, прилежающія къ этому урочищу, и уволоку подъ боромъ Рисокъ, луга въ Лазипахъ и уволоку въ Нисвиннѣ. Также и другія принадлежащія къ нимъ земли, сѣнокосы и постройки, въ составѣ, въ какомъ издавна находились. Кромѣ того разрѣшилъ свящ. бесплатно пользоваться мельницами въ этихъ участкахъ, варить пиво, курить вино и ловлю рыбы на свою потребу, съ увольненіемъ отъ всякихъ чиншей, податей и повинностей²⁾“. Впослѣдствіи, именпо 20 ноября 1656 г., тому же настоятелю Стульненской церкви во имя св. Софіи Ивану Андреевичу и его преемникамъ 21 ноября 1656 г. былъ записанъ участокъ лѣса „на Волчинахъ“ каштеляномъ и владѣльцемъ Стульненскимъ Станиславомъ Ясколскимъ³⁾.

*Ровенская церковь*⁴⁾. Андрей, Даніилъ и Христофоръ Волчки, Петръ и Елена Бобовскіе 18 августа 1658., составили слѣдующій актъ: „Мы, наслѣдники и дѣдичи селъ Ровно и Перевоза, въ воеводствѣ Русскомъ,—землѣ Холмской, объявляемъ всѣмъ, а особливо потомкамъ на

¹⁾ Relat. et oblat. grod. Chelm. кн. 152, стр. 51.

²⁾ Ingross. Chelm. lib. 5 fol. 318.

³⁾ Ibid.

⁴⁾ Kowieński приходъ отнесенъ м. Рылой къ Холмскому деканату.

шимъ и наслѣдникамъ, что предки наши Самуилъ, Даниилъ, Рудольфъ и Владиславъ Волчки дѣдичи упомянутыхъ селъ, исповѣдывавшіе вѣру римско-католическую и оставившіе потомство этой же вѣры,—для вѣчной славы Божіей вознамѣрились выстроить уніатскую церковь. Избравъ мѣсто въ с. Ровно надъ озеромъ, заложили они на свои средства церковь во имя св. мученика Евстафія и благополучно отстроили въ 1624 г: Освящена была она епископомъ Холмско-Белзскимъ Афанасіемъ Пакостою въ 1625 г. Настоятелемъ этой церкви предки наши избрали преподобнаго отца Афанасія и снабдили ее вѣчнымъ фундаментомъ. По случаю непріятельскихъ нападеній на Рѣчь посполитую и опустошенія церквей, грамота та погибла, а потому мы учиняемъ новую запись въ пользу того храма и передаемъ ее на руки законному правопреемнику умершаго пресвитера Афанасія Афанасьевича, преподобному отцу пресвитеру Григорію Афанасьевичу, знающему славянскій языкъ, пагая на него и преемниковъ его обязанность непрестанно молить Бога за всю родню нашу. Утверждая за церковью всѣ дарованныя ей имѣнія, владѣльцы ставятъ условіемъ, чтобы подданные с. Ровна и Перевоза по прежнему вносили—сидящіе на полланкахъ по 30 сноповъ жита, а сидящіе на четвертяхъ—по 15 сноповъ“, затѣмъ перечисляютъ отведенныя церкви строенія и угодья, предоставляютъ настоятелю безпошлинное право курить горѣлку и варить пиво, и безвозмездно пользоваться мельницами съ освобожденіемъ его вообще отъ всякихъ повинностей¹⁾.

Блѣжская церковь, (на с. з. отъ Холма). Иванъ и Маріанна супруги Иловицкіе, наслѣдники Каспра Ви-

¹⁾ Obl. grod. Chelm. lib. 128., fol. 242.

чинскаго, дѣдичи села Бежекъ въ записи отъ 20 апрѣля 1687 г. изложили: „Соболѣзнуя объ упадкѣ храма Божьяго въ селѣ Бежекѣ, который пришелъ въ совершенную ветхость и поддерживался только благодаря стараніямъ настоятеля Иліи Воловича, мы рѣшились жертвовать всѣмъ нашимъ достояніемъ для постройки новой церкви, каковая и была поставлена на наши средства, 8 іюня 1680 г., Львовскимъ мѣщаниномъ Якентіемъ. Такъ какъ церковь ощущаетъ большой недостатокъ въ землѣ, то записываемъ въ ея пользу нашъ собственный участокъ, называемый Залѣсье, смежный съ землей пана Вацлава Стоинскаго, вмѣстѣ съ лугомъ, прилежающимъ къ Могильницкой границѣ. Зато настоятели той церкви да поминаютъ насъ въ своихъ молитвахъ“¹⁾.

Стенжицкая церковь (сѣвернѣе Красностава, на Вепрѣ). По просьбѣ громады с. Стенжицы (Красноставскаго староства), предъявленной чрезъ мѣстнаго войта, Михаилъ изъ Потока Потоцкій, староста Красноставскій, отдѣлилъ участокъ своей земли подъ постройку новой уніатской церкви въ распоряженіе отца Андрея Ходоровскаго, разрѣшивъ ему пользоваться полями и лугами войтовскими, называемыми Власовскими, безъ платежа какихъ либо податей и повинностей. Запись совершена въ Красноставѣ 12 іюля 1691 г., а 13 декабря 1695 г. она была одобрена и внесена въ епископскія книги по приказу епископа Холмско-Белзскаго, архимандрита Жидичинскаго и Мелецкаго, Гедеопа Война—Оранскаго²⁾.

Плавяницкая церковь (на в. отъ Холма). Въ записи 13 іюня 1640 г. графы Андрей и Иванъ, дѣдичи Плавя-

¹⁾ Obl. grod. Chelm. lib. 135, fol. 447.

²⁾ Obl. grod. Chelm. lib. 138, fol. 96

ницкой волости, заявили, что они желаютъ имѣть священникомъ Стефана Стахевича, котораго, безъ малѣйшаго ограниченія давнихъ льготъ, данныхъ мѣстному священнику ихъ *предками*, освобождаютъ отъ всякихъ повинностей, вмѣстѣ съ его потомками, кои оказались бы достойными духовнаго сана. Подданнымъ же своимъ поставили въ обязанность оказывать ему, Стахевичу, какъ своему пастырю, почетъ и повиновеніе, съ тѣмъ, чтобы тотъ, кто въ воскресный день не пришелъ въ церковь, уплачивалъ по 6 грошей на потребности церкви и что бы, независимо отъ сего, каждый обыватель ежегодно давалъ священнику четверть жита¹⁾.

Собиборская церковь (на Бугѣ, южнѣе Влодавы). Бенигна Ружковская, по предложенію Брестскаго конвента Францисканскаго ордена, съ разрѣшеніемъ и по благословенію епископа Холмско-Белзскаго Мефодія Терлецкаго, основала въ имѣніи своемъ Собиборѣ, уѣзда Холмскаго, церковь во имя св. Іоанна евангелиста, во славу Божию, для отвращенія подданныхъ ея отъ схизмы, съ правомъ устройства общежитія сестеръ Францишканокъ. Церкви этой Ружковская даровала на вѣчныя времена полторы увологи поля со всѣми принадлежностями, вмѣстѣ съ участками въ Орѣховцѣ и въ Липовцѣ и сѣнокосами въ Булычѣ и на болотахъ; кромѣ того, предоставила священнику пользованіе лѣсомъ, мельницами на Бугѣ, ловлею рыбы въ рѣкѣ, и назначила ему ежегодную выдачу 30 злотыхъ и пшеницы на просфоры. Подданныхъ всѣхъ она обязала давать на вино и ладанъ по четыре польскихъ гроша. Отъ священника же и его преемниковъ требовала, чтобы онъ въ опредѣленные дни молился за свою

¹⁾ Obl. grod. Chelm., lib. 139., fol. 764.

благодѣтельницу и за весь конвентъ, не упуская отправлять Божественную службу каждый праздничный день, и внушалось ему ничего не вымогать отъ ея подданныхъ, а довольствоваться полученіемъ—за вѣнчаніе по 6 грошей, за погребеніе двѣнадцать грошей, за исповѣдь—кто что можетъ дать, за освященіе куличей и проч. по грошу, согласно стародавнему обычаю. Фундаторша заявляетъ наконецъ, что при zaloженіи новой церкви она передала священнику Алексѣю Абрамовичу всю церковную утварь,—да по парѣ воловъ, коровъ, овецъ, козъ и свиней, Запись совершена въ Брестѣ, въ присутствіи сестеръ Францисканокъ, 9 ноября 1637 г., и утверждена Мефодіемъ Терлецкимъ въ Холмѣ, 16 сентября 1640 г.¹⁾

Орховская церковь (въ с. Орховѣ, близъ Влодавы). Въ 1718 г. Людвигъ Поцей, Влодавскій и Рожанскій, каштелянъ Виленскій, гетманъ в. кн. Литовскаго, староста Ратенскій и проч., представилъ епископу Холмскому и Белзскому о назначеніи Θεодора Мышинскаго настоятелемъ униатской церкви въ с. Орховѣ²⁾.

Косинская церковь (въ с. Косинѣ, близъ Влодавы). 8 іюля 1738 г., съ соизволенія пана Вацлава Ржевускаго, воеводы Подольскаго, обыватели Косинской волости отвели землю на постройку церкви во имя св. Іоанна Крестителя, приходскаго дома и на содержаніе священника. Фундаторами этой церкви значатся: Данило Копецъ, войтъ Косинскій, Мишка Давидюкъ, староста Косинскій, Иванъ Соколъ, староста Махошинскій, и Грицко Стаюкъ, староста Осовскій³⁾.

¹⁾ Obl. grod. Chelm., lib. 146., fol. 121.

²⁾ Obl. grod. Chelm. кн. 141, стр. 759.

³⁾ Obla. castr. Chelm. lib. 169, fol. 205.

Влодавская церковь. Владѣлец Влодавскій, Рожанскій, Ржечицкій, графъ Антоній Поцей записью 1742 г. одаряетъ священника, настоятеля при церкви пресвятой Богородицы во Влодавѣ Василия Зелипскаго и его преемниковъ землями и десятинами¹⁾. Грамота важна потому, что ею подтверждены имущественныя права церкви согласно съ инвентарною описью, данною Людвигомъ Поцѣмъ 1694 г. священнику Василию Павловичу, и все вообще полученныя ею отъ предковъ графа Антонія Поцея привилегіи, въ томъ числѣ привилегія князя Романа Θεодоровича Сангушко (жившаго въ XVI вѣкѣ). Грамота изложена весьма обстоятельно и подробно, заключая въ себѣ, кромѣ перечисленія предоставляемыхъ церкви правъ пользованія лугами, лѣсами, мельницами на р. Влодавѣ, и т. под., обозначеніе границы прихода (Влодава, Сушне, Шумника, Королевка, Комаровка и проч.)²⁾.

Уеровеская церковь. 13 января 1771 г. Хорунжій Холмской земли Францишекъ Длужевскій записалъ даръ въ пользу Угрусской церкви и ея настоятеля Ивана Вижавскаго, подтвердивъ вмѣстѣ съ тѣмъ дарственную записъ, сдѣланную въ пользу церкви его *бабкой*³⁾.

Сычинская церковь. Дѣдичъ Сычина Графъ Вацлавъ Ржевускій, воевода Подольскій, 22 мая 1758 г. снабдилъ греко-уніатскую церковь св. Іоанна въ с. Сычинѣ, Ленчицкой волости, (въ шести верстахъ на западъ отъ Савина) землей, сѣнокосами и т. под., для поддержки свя

¹⁾ Возникла, вѣроятно, на мѣстѣ Данилова монастыря, упоминаемаго Ипатскою лѣтописью подъ 1268.

²⁾ Obl. grod. Chelm. кн. 643, стр. 62.

³⁾ Ingross. Chelm: Lib. 5 fol. 319.

щепника и его преемниковъ, и десятиной, которая наложена имъ на подданныхъ (по 15 сноповъ съ четверти) согласно *стародавнему* обычаю, обязавъ настоятелей неперестанно молиться за фундаторовъ и жертвователей живыхъ и умершихъ. Даруемый (безъ права отчужденія) имѣнія онъ освобождаетъ отъ всякихъ податей и чиншей¹⁾.

Луковская церковь. 28 іюля 1700 г. Францишекъ Цетнеръ, староста Холмскій, Каменецкій и проч., осповываетъ церковь въ селѣ Луковкѣ (лѣвъѣ Опалина) и доводитъ о томъ до свѣдѣнія епископа Холмскаго въ такихъ выраженіяхъ: „Донынѣ подданные мои, грековосточнаго обряда, въ Луковкѣ и въ сосѣдней Буковой и во всей волости Луковской, принадлежащей вашей діоцезіи, оставаясь безъ пастыря, который бы направлялъ ихъ на путь спасенія, впади во многія заблужденія. Поэтому я воздвигъ новый храмъ Божій, во имя св. Покрова, къ которому избравъ настоятелемъ отца Даниіла Ганскаго, предоставилъ ему, по давно установленнымъ обычаямъ, поланокъ поля, подъ названіемъ Зайчиковскій, и нивы на Островкѣ съ сѣнокосами“. Въ актѣ подробно перечислены льготы, данныя священнику съ тѣмъ, чтобы какъ онъ, такъ и его преемники, молились за основателя храма и его жену²⁾.

Серебрищенская церковь. Іосифъ Лопускій, мечникъ земскій, подстароста и судья городскій Холмскій, съ женою своею Людвиною, 6 января 1751 г. записалъ актъ заложенія церкви въ с. Серебрищахъ (близъ Холма) такого содержанія: „Съ разрѣшенія владыки Филиппа Володкевича епископа Холмскаго, припимаемъ на свою обязан-

¹⁾ Relat. et oblat. grod. Chelm. кн. 166, стр. 444.

²⁾ Obl. grod. Chelm. кн. 122, № 1085.

ность устроить въ нынѣшнемъ году церковь, во имя св. Онуфрія, въ нашихъ имѣніяхъ дѣдичныхъ села Серебрище, на которую уже заготовлены необходимыя принадлежности алтарныя, равно образа и вся утварь вообще церковная. На содержаніе настоятеля ассигнуется тысяча злотыхъ польскихъ, съ обезпеченіемъ на всемъ имѣніи Серебрищахъ (въ Холмской землѣ, воеводства русскаго)¹⁾. Далѣе назначается въ пользу церкви десятина, съ подробнымъ наименованіемъ всѣхъ ея видовъ, и отводятся постройки для настоятеля, съ предоставленіемъ ему рубки дерева въ лѣсахъ Серебрищенскихъ на ремонтровку и отопленіе, и разрѣшается варить пиво въ нѣкоторые опредѣленные дни. За все это фундаторы, по обыкновенію, требуютъ отъ настоятеля и его преемниковъ, чтобы, ради спасенія души ихъ и всѣхъ ихъ родныхъ, служили св. мшу. Запись утверждена Фелиціаномъ Володкевичемъ¹⁾.

Гусинская церковь. Іосифъ изъ Тарговиска Галензовскій, казначей Красноставскій, дѣдичъ волости Гусинне (на Бугѣ, правѣ Плавяницъ), актомъ отъ 15 мая 1741 г. объ основаніи греко-уніатской церкви въ с. Гусинне объявляетъ: „Во славу Божію возымѣлъ я намѣреніе построить въ имѣніи моемъ Гусинне церковь во имя св. Онуфрія пустынножителя и мученика Іосафата архіепископа Полоцкаго, патроновъ Польской короны и вел. кн. Литовскаго, устроивъ въ ней моимъ собственнымъ иждивеніемъ три алтаря съ принадлежностями (всѣ они перечислены въ актѣ). Жертвую три колокола (большой, средній, и малый) и 50 злотыхъ на необходимыя богослужебныя книги и обязуюсь на мои же средства отвести

¹⁾ Obl. grod. Chelm. кн. 150, № 624.

для настоятеля помѣщеніе съ надлежащими службами. Описавъ земельные участки, жертвуемые церкви, фундаторъ даетъ право попу и его преемникамъ бесплатно молоть зерно въ праздники св. Онуфрія и св. Іосафата, варить пиво, ловить рыбу, рубить лѣсъ и т. под. Своихъ наслѣдниковъ фундаторъ обязываетъ свято блюсти церковные интересы, съ угрозой призвать на судъ Божій того изъ нихъ, кто нарушитъ его волю, не выполнивъ какого либо утвержденного грамотою обязательства ¹⁾.

Спускаясь отъ Холма на югъ, я могъ бы представить доказательства древняго происхожденія большей части нынѣ существующихъ здѣсь церквей, основываясь частью на разныхъ записяхъ въ церковныхъ книгахъ, вроде записи на книгѣ дѣяній св. Апостоловъ, хранящейся въ Холмскомъ музеѣ, о томъ, что 1687 г. „купивъ книгу, рекомую Апостолъ, рабъ Божій Теодоръ и куплена для церкви въ селѣ Коссобудахъ Воздвиженія честнаго креста,, (въ 15 вер. на ю.-з. отъ Замостья) ²⁾, частью на отка-

¹⁾ Oblat. castr. Chelm. lib. 165, fol. 349.

²⁾ Весьма характеристичны записи на стр. 701, трефологіона (trefolog. seu cantanda in ecclesia), принадлежавшаго Люблинской Спасо-Преображенской церкви, а нынѣ находящагося въ Львовской университетской бібліотекѣ: „Въ лѣтъ 1527 индикта І совершишася сія богодухновенная книга, глаголемая трефологіонъ мѣсяца августа 25. На память св. Апостолъ Вареоломѣя и Варнавы, повеленіемъ раба Божія пана Василя Богдановича Чижа. Рукою многогрѣшнаго и недостойнаго раба Божія Семёна Михайлова сына Стогова съ Переяслава Залѣскаго при великомъ короліи Жигимонтѣ, при архіепископѣ Іосифѣ Кіевскомъ и всея Руси. А вы, братія діакове, а господія моя священники попове благородія чтите, а где буде описался и ваша милость въ томъ исправляить. А мене многогрѣшнаго не клените. А хто иметь сія книги чести albo чтучи услышитъ, Богъ того помилуй,

захъ въ пользу Забужныхъ церквей, напр. Опольской (въ 1521 г.), Устимовской, (въ 1658) и др.¹⁾ частью же на старинныхъ актахъ судебныхъ, такъ какъ настоятелямъ церквей приходилось часто вести дѣла тяжёбныя по взысканію долговъ, нарушеніямъ церковной собственности²⁾ и т. под., и уголовныя, возникавшія вслѣдствіе безпрестанныхъ посягательствъ на ихъ честь и свободу. Такъ напр. Евставій Грабовскій, настоятель церкви въ с. Терятинѣ, (на в. отъ Ухачей), въ 1689 г. вызывалъ въ городскій Холмскій судъ Михаила Скотницкаго, дѣдича Терятина, требуя уплаты долга въ 600 злотыхъ³⁾. Про-

Слава совершителю Богу нашему, аминь. Другу вѣренъ кровь крѣико(?). Другу вѣрну нѣтъ измѣны. А со всѣми ся любю. А всяѣ ся блюди".—„Аще приими“ Сверху надписано: „Унѣя докончиси у Люблинѣ за Жигимонта Августа отъ naroженія Христова року 1569 при Петру поцу Спасскомъ Люблинскомъ“. Въ другомъ мѣстѣ, на стр. 2—7 отмѣчено: „Сія книга рекомаа треологіонъ священно-іерея Петра и сына его ерея Саввы, службъ церковныхъ храма Преображенія Госнода Бога Спаса нашего Иисуса Христа“. Кромѣ того, на стр. 184—186 записано:—„Сія книга есть напоряжена(?) за стараніемъ священно-ерея Саввы и братства Люблинскаго“.—Рукописный Номоканонъ, вѣходящійся нынѣ въ Румянцовскомъ музеѣ, принадлежалъ также Спасо-Преображенской церкви, какъ показывасть имѣющаяся на немъ отмѣтка: „Написася Божею помощю мною многогрѣшнымъ рабомъ Христовымъ іересемъ Василиемъ, церкви Преображенія Господня въ Люблинѣ предстателемъ, лѣта по Рождествѣ Бога нашего 1601, мѣсяца іюня третьяго дня (Розенкампфъ, Обзор. кормч. кн., 1829, стр. 78).

¹⁾ Арх. Вил. арх. ком. III, № 5.—Поцей. О десятинахъ. стр. 24—25.

²⁾ Образцомъ можетъ служить долговременная тяжба, начатая въ 1509 г. Люблинскою Спасо Преображенскою церковію противъ сосѣдняго св. Николаевского костела.

³⁾ Obl. grod. Chelm. lib 4, fasc 341.

тестаций православнаго духовенства по поводу разных притѣсненій—безчисленное множество. Мы коснемся ихъ позднѣе.

Возникновеніе греко-уніатскихъ церквей на мѣстѣ прежнихъ не уніатскихъ, сгорѣвшихъ или обветшавшихъ, мы встрѣчаемъ на всемъ лѣвомъ побережьи зап. Буга (разумѣю губернію Люблинскую) и южнѣе до самаго Белжеца. И тутъ 3 февраля 1755 г. братья Мартынъ и Михаилъ изъ Липоваго Липскіе, съ разрѣшенія Холмско-Белзскаго епископа Фелиціана Володкевича, основываютъ греко-уніатскую церковь во имя св. Василія Великаго, въ собственной своей усадьбѣ, снабжаютъ ее и священника приходскаго участками земли и десятинами, поставляя при томъ, по обыкновенію, непременнымъ условіемъ, чтобы онъ усердно молился за фундаторовъ церкви и ихъ родню¹⁾.

Оставляя въ сторонѣ документы позднѣйшіе,—представимъ такіе, которые могутъ дать болѣе цѣнный матеріалъ по исторіи церкви въ землѣ Холмской. Между древними церквами на западъ отъ Холма, недалеко отъ предѣловъ земли Люблинской, серіознаго вниманія заслуживаютъ: одна въ с. Лопенникѣ, и двѣ—въ с. Войсковицахъ.

Лопенникская церковь. Въ весьма отдаленной эпохѣ надо искать основанія православной церкви въ селѣ Лопенникахъ, (на полпути между посадомъ Писка и Красноставомъ). Положеніе ся замѣчательно тѣмъ, что она находится въ близкомъ разстояніи отъ описанной мною границы Люблинской земли. Изъ грамоты короля Александра отъ 1524 г., подтвержденной Августомъ III и

¹⁾ Oblat. Chelm. castr. lib. 160, fol. 159.

данной по представленію епископа Холмскаго Іоны Со-
смовскаго, вслѣдствіе ходатайства попа Іоанна Мелешки,
видно, что она существовала задолго до того. Грамотой
пожалованъ „греческой“ церкви въ Лопенникахъ ланъ
поля, подъ названіемъ Нищица, по направленію отъ цер-
кви до самой границы Стенжицкой,—вмѣстѣ съ поллан-
комъ, смежнымъ съ тѣмъ ланомъ, по правой сторонѣ, въ
упорѣ съ границею Стенжицкою.

При этихъ участкахъ отводится пастбище и пожни
надъ р. Вѣпремъ на 20 косцовъ, начиная отъ горы до са-
мага Вепря. Независимо отъ того, дана упомянутой
церкви сноповая десятина отъ прихожанъ¹⁾. Въ 1628 г.
было пожертвовано въ пользу Лопенникской церкви не-
извѣстно кѣмъ отъ полланниковъ и загородниковъ по копѣ
ржи, согласно стародавнему обычаю²⁾. За позднѣйшее
время сохранилось извѣстіе 1723 г. о представленіи кан-
дидата въ настоятели греко-уніатскаго прихода въ Ло-
пенникахъ, нѣкоего Антонія Яхимовича по пошѣ Симеонѣ
Яхимовичѣ³⁾.

Войславицкія церкви. Принадлежатъ къ старѣйшимъ
Годъ заложения ихъ неизвѣстенъ, также какъ и села Вой-
славицъ, по названію своему напоминающаго княжескихъ
„воевъ“, прославившихся какою либо побѣдой надъ Ля-
хами. Одно только не подлежитъ спору, что въ XV вѣ-
кѣ въ Войславицахъ было двѣ церкви, называвшіяся
Онуфріевскою и Пятницкою⁴⁾, Вотъ содержаніе грамоты

¹⁾ Act. grod. Krasnost. relat. кн. 59, стр. 174.

²⁾ Поцей, о десятинахъ, стр. 24 и 25.

³⁾ Act. grod. Krasnost. oblat. кн. 45, стр. 487.

⁴⁾ М. Рыло называетъ три Войславицкіхъ греко-уніатскихъ
церкви, въ половинѣ XVIII в.: Ильинскую, Онуфріевскую и Пят-

дѣдича Войславицкаго Заклики, писанной въ субботу послѣ св. Троицы 1508 г., въ Люблинѣ; „Я Іеронимъ изъ Чижева Заклика объявляю всѣмъ и каждому, что мною восстанавливается сила учредительной грамоты на мѣстечко мое Войславице, данной моими *предками* и погибшей въ время нашествія Татаръ“. Радѣя о благѣ обывателей мѣстечка и желая дать имъ возможность вновь выстроиться, владѣлецъ ставитъ ихъ подъ охрану Магдебургскихъ законовъ, назначаетъ ярмарки и базары, разрѣшаетъ свободное занятіе ремеслами, устройство складовъ соли и рядовъ пекарскихъ, рѣзничьихъ и т. п. для потребностей какъ самихъ обывателей, такъ и двора. „Что же касается церковей“, продолжаетъ Заклика, „то передаю въ вѣчную собственность св. Онуфріевской церкви ниву на Подзамчьи и лань, прилегающій къ двору, безъ платежа какого либо чинша, а Пятницкой церкви одинъ ланъ съ лугомъ за мельницей“. Затѣмъ грамота предоставляетъ мѣщанамъ пользоваться выгономъ, лѣсомъ и лугами, съ увольненіемъ отъ многихъ обязательныхъ дворскихъ работъ. Въ случаѣ смерти обывателя, не сдѣлавшаго завѣщанія, но оставившаго дѣтей, опека надъ ними ввѣрялась мѣстичнымъ радцамъ, которые назначались—трое изъ поляковъ, а одинъ изъ русиновъ. Лавниковъ установлено пять изъ поляковъ, а два изъ русиновъ. Членамъ ремесленныхъ братствъ вѣнялось соблюденіе согласія, порядка и дисциплины, съ тѣмъ, чтобы, посѣщая храмы, они сходились—поляки съ поляками, а русины съ русинами¹⁾.

ницкую.—Теперь въ Войславицахъ числится одна прав. церковь и костель.

¹⁾ Relat. et. oblat. castr. Chelm. lib. 151 fol. 65.

Въ Войславической привилегіи, какъ и въ другихъ подобныхъ, проглядываетъ стремленіе владѣльца, происходящаго отъ славнаго русскаго рода Закликъ, по очевидно ополяченнаго, поставить интересы русскаго населенія его волости въ зависимость отъ преобладающаго голоса поляковъ въ городскомъ управленіи и лавничьемъ судѣ. Вліяніе это не могло не проникать во все отправленія народной жизни общественной и частной, такъ какъ въ то время не было строгаго разграниченія обязанностей должностныхъ органовъ мѣстнаго управленія, какъ не было предѣловъ произволу землевладѣльцевъ, изъ коихъ каждый былъ царемъ и законодателемъ въ своемъ околоткѣ. Мы знаемъ, что къ концу XVI вѣка латино-польская пропаганда проникла во все закоулки Червонной Руси, и только этимъ можно объяснить крайнюю неравномѣрность процентнаго отношенія между русскими и польскими радцами и лавниками въ Войславичахъ и другихъ русскихъ мѣстечкахъ и городахъ. Учредительная грамота костела въ с. Хланевѣ (въ 6 вер. на в. отъ Туробина) нѣсколько поясняетъ успѣхъ, съ коимъ велось дѣло постепенной латинизаціи Забужной Украины. Кажется, Хланевскій костелъ выросъ въ ней одинъ изъ первыхъ. Онъ учрежденъ въ 1411 году въ честь св. Апостоловъ Филиппа, Якова и Матвѣя, братьями Николаемъ и Маргиномъ Говорковыми, съ разрѣшенія и по благословенію епископа Холмскаго Яна (изъ доминиканцевъ), которымъ и дана первоначальная эрекціонная грамота, въ Щебрешинѣ. Костелу отказаны двѣ уволоки земли въ Хланевѣ и луга на пространствѣ двухъ лановъ, съ рыбными ловлями. Ксендзу отведены постройки и предоставлены большія льготы. Такъ, кромѣ права держать корчму, ему дана десятина со всего урожая не только Хланевскихъ имѣній, но и сосѣдняго села Бзовецъ, принадлежавшаго Лаврен-

тію Стрончику. Ежегодно по одному разу жители Хланева и Бзовца повинны были приносить ксендзу три кони хлѣба (пшеницы, жита и овса). По грошу съ лана обязывались платить костелу и католики и *русины*. Лаврентію Стрончику предоставлено вмѣстѣ съ Говорковыми участвовать въ избраніи ксендза, обязаннаго (также какъ и преемники послѣдняго) на свѣтлое Христово Воскресенье „святить“ въ домахъ у своихъ патроновъ. Грамота одобрена 1419 г. дскапомъ Балипой и Краковскимъ капитуломъ, а затѣмъ подтверждена Холмскимъ католическимъ епископомъ Павломъ въ 1464 г.¹⁾ И такъ, вотъ еще одно непреложное удостовѣреніе факта, что русины всегда принадлежали къ коренному населенію Туробинскаго округа, удостовѣреніе, почерпнутое изъ такого акта, который налагаетъ на нихъ тяжелыя повинности ради процвѣтанія латинскаго костела.

Изъ церквей, расположенныхъ по правой сторонѣ Буга и принадлежавшихъ нѣкогда къ Холмской епархіи, скажу нѣсколько словъ только о церквахъ Любомльскихъ, а затѣмъ перейду къ мѣстечкамъ и городамъ въ предѣлахъ Холмско-Червенской области, которыя послѣ Холма и Люблина играли наиболѣе выдающуюся роль въ борьбѣ Руси съ польско-латинскимъ міромъ.

¹⁾ Obl. grod. Krasnost. кн. 92, стр. 578. Приводя содержаніе костельной грамоты, авторъ долженъ сознаться, что не приводитъ другихъ подобныхъ только потому, что въ теченіи трехъ лѣтъ, не смотря на тщательные поиски, при помощи опытнаго архиваріуса, другихъ такихъ же древнихъ не нашелъ въ Люблинскомъ архивѣ.

ГЛАВА ОСЬМАЯ.

Съ одною изъ Любомльскихъ церквей знакомить насъ Волинская лѣтопись. Любомль былъ любимымъ мѣстопребываніемъ князя Владиміра Васильковича. Тутъ же онъ „лежаше всю зиму въ болести своей“, съ 1287 г., и „преставленіе его бысть въ Любомлѣ городѣ“, 10 декабря 1289 г.¹⁾ Въ числѣ многихъ созданныхъ Владиміромъ Васильковичемъ храмовъ лѣтопись приписываетъ ему постройку въ Любомлѣ каменной церкви св. Георгія, которую онъ одарилъ съ необыкновенною щедростью. Для нея онъ самъ написалъ всѣ богослужебныя книги, кромѣ одного молитвенника, купленнаго имъ въ Протопопиномъ за 8 гривенъ кунъ, и самъ парисовалъ „на золотѣ“ двѣ намѣстныя иконы: св. Георгія, возложивъ на нее „гривну злату съ женчюгомъ“, и св. Богородицы, возложивъ на нее „монисто золото съ каменіемъ дорогымъ“. „И двери солія мѣдяны; началъ же быше писати ю и списа всѣ три олтарѣ и шія вся съписана бысть, но не скончана, зайде бо и болѣсть; полія же и колоколы дивны слышаніемъ, такихъ же не бысть во всей земли“... Съ конца XIII до XVII в. о св. Георгіевской церкви ничего неизвѣстно, хотя въ ея пользу не могли не поступать пожертвованія отъ западно-русскихъ князей и бояръ. Въ XVII в. церковь владѣла весьма значительнымъ недвижимымъ имуществомъ, какъ слѣдуетъ заключить по описи земель внесенной въ Холмскія городскія книги настоятелемъ ея Григоріемъ Корачевскимъ, съ указаніемъ ихъ границъ. Въ актѣ упоминается между прочимъ о по-

¹⁾ Ипат., стр. 596 и 604.

сѣщеніи Любомля епископомъ Меоодіемъ Терлецкимъ, объ осмотрѣ имъ и приведеніи въ извѣстность принадлежащихъ св. Георгіевской церкви земель¹⁾. Въ Рхоєпіх'ѣ своемъ Яковъ Суша рассказываетъ, что въ одной изъ хартій этой именно церкви онъ нашелъ доказательства основанія Холмскаго собора Владиміромъ Свѣтымъ. Въ упомянутой мною описи, при означеніи границъ земель св. Георгіевской церкви упоминаются двѣ другія церкви въ Любомлѣ, св. Михаила и Рождества пресв. Богородицы. Относительно первой нельзя указать никакихъ актовъ. Всѣ свѣдѣнія о послѣдней сводятся къ привиллегіи короля Михаила отъ 14 іюля 1670 г., изъ которой видно, что ей дана была учредительная грамота Сигизмундомъ Августомъ и фундушъ княземъ Дмитріемъ Юрьевичемъ Корибутомъ Вишневецкимъ и Збаражскимъ (23 мая 1669 г.). Подтвердительная грамота пожалована настоятелю Ивану Лукашевичу по просьбѣ мѣстныхъ дворянъ и заключаетъ въ себѣ описаніе границъ церковныхъ земель, простиравшихся, по словамъ грамоты, отъ Вретища или Пасеки до села Подгороднаго и полей Юновскаго и Лосивы²⁾. По Любомльскому староству найдена мною только одна грамота объ учрежденіи православной церкви. Владѣлецъ Бара и Любомля воевода Кіевскій Иванъ Выговскій, „радѣя объ укрѣпленіи пра-

¹⁾ Act. grod. Chelm. кн. 162, стр. 726.

²⁾ Obl. grod. Chelm. lib. 128, fol. 241—Относительно роли, какую играли настоятели Любомльскихъ церквей въ борьбѣ съ унией см. Семеновича: Начало уни въ Холмской епархіи; Х. В. епарх. вѣстн. 1882 г. № 3, стр. 43 и 44. Чистовичъ въ своей исторіи Западно-русской церкви вовсе не коснулся почему-то Любомльскихъ церквей.

вославія“ въ имѣніи своемъ Нудищѣ, записью отъ 10 февраля 1661 г. разрѣшилъ подданнымъ своимъ Нудицкимъ возвести церковь Воздвиженія Честнаго Креста, назначилъ къ ней настоятелемъ священника Ивана Ѳеодоровича и далъ ему въ волости Нудицкой ланъ поля Сѣмянковскій съ четырьмя борьями и т. наз. Ниву съ огородами, покосами и всѣми принадлежностями, съ тѣмъ, чтобы подданные его выстроили домъ для священника.—Запись одобрена Любомльскими комиссарами Яномъ Малаховскимъ 8 ноября 1664 г., Францомъ Далевскимъ 20 мая 1667 и Любомльскимъ старостою Иваномъ Романовскимъ 30 ноября 1667 г. и утверждена княземъ Дмитріемъ Корибутъ-Вишневецкимъ 20 апр. 1669 г.¹⁾

Изъ другихъ церквей по правой сторонѣ Буга, принадлежавшихъ Холмской епархіи, къ старѣйшимъ можно отнести Ратнинскую—пресв. Богородицы, существовавшую уже въ 1526 г., и Глуховскую (б. Ратнинскаго староства), имѣвшую привиллегію 1501 года²⁾.

Возвращаясь въ предѣлы Червенской земли, къ лѣвому берегу з. Буга. Немного сѣвернѣе Устилуга, названнаго въ лѣтописи Устилогомъ, куда Изяславъ посылалъ союзниковъ своихъ Угровъ на кокормъ въ 1150 г.,³⁾ лежитъ Городло (Hrodlo). Оно было значительнымъ селомъ въ XIII вѣкѣ и принадлежало князю Владиміру Васильковичу, который, по завѣщанію, отказалъ его сво-

¹⁾ Obl. grod. Chelm. кн. 170, стр. 204.—Любомль пожалованъ Выговскому въ 1659 г. за заслуги, оказанныя Рѣчи Посполитой. (Бал. и Лип. Star. Pol. т. II, стр. 771.

²⁾ Дѣла Холмскаго духовнаго правленія № 163 и др.

³⁾ Ипат., стр. 283.

ей женѣ. „Даль семь ей (княгинѣ своей) село свое Городло, (по другому списку Городелъ) и съ мытомъ, а людѣ какъ то на мя страдали, тако и на княгиню мою по моемъ животѣ, аже будетъ князю городъ рубити ино къ городу, а поборомъ и Татарычиною ко князю“¹⁾.— Съ половины XIV вѣка Городло, подѣ владычествомъ Любарта, является важнѣйшимъ политическимъ пунктомъ Червенской земли, какъ главный городъ Городельскаго округа, уступленнаго, какъ мы знаемъ, литовцами Казимиру Великому въ 1366 г. и перешедшаго къ концу XIV вѣка во временное владѣніе къ князьямъ Мазовецко-русскимъ вмѣстѣ съ землею Белзской, а затѣмъ въ 1462 года, по смерти бездѣтнаго Владислава, присоединеннаго къ коронѣ въ видѣ леннаго удѣла.—Послѣдующія усилія Литвы возвратить Городло съ землею были безплодны. Захвативъ Городло, поляки позаботились ввести во всемъ округѣ свои законы²⁾ и съ особеннымъ усердіемъ принялись за сооруженіе латинскихъ костеловъ, для подержанія которыхъ, кромѣ сбора десятины со всѣхъ русиновъ, установили особую подать подѣ названіемъ выморочной или „одумарцизны“, состоявшей въ томъ, что по смерти настоятеля православной церкви, все бывшее въ его распоряженіи церковное имущество и церковные

¹⁾ Ibid. стр. 595. Кромѣ Городла, Владиміръ Васильковичъ завѣщалъ своей женѣ села Садовое, Сомино и Березовичи, лежавшія, кажется, съ правой стороны Буга.

²⁾ Въ нѣкоторыхъ Червенскихъ городахъ, оставшихся подѣ владычествомъ Литвы, слѣдовъ польскаго права вовсе незамѣтно. Такъ въ Лосице надѣ р. Точной (лѣв. притокъ Буга) право Магдебургское введено въ 1505 г. Александромъ вмѣсто правъ *рускаго* и *литовскаго* (Сѣдлецкій арх. др. акт. и метр. корон. кн. 21, стр. 180).

доходы переходили въ полное распоряженіе королевскихъ чиновниковъ¹⁾. Вслѣдъ за учрежденіемъ Городельскаго войтовства княземъ Владиславомъ, въ 1447 г., эта несправедливая повинность была уничтожена имъ при введеніи Магдебургскаго права въ 1454 г. вмѣсто законовъ польскихъ и русскихъ. Если въ половинѣ XV вѣка выморочная подать была *отмѣнена* въ Городлѣ, то нѣкъимъ инымъ она не могла быть *введена* тамъ, какъ Казиміромъ Великимъ. Вотъ доказательство, что уже при немъ были православныя церкви въ Городлѣ. Число ихъ стало убывать, кажется, только съ конца XVII вѣка, такъ какъ по люстраціонному акту, составленному въ 1571 г., значится въ Городлѣ *три пона*²⁾. Теперь въ посадѣ одна православная церковь, римско-католическій костелъ, явившійся на смѣну основаннаго княземъ Владиславомъ Мазовецкимъ 1476 г. Доминиканскаго монастыря³⁾, и еврейская синагога. Всего естественнѣе приливъ сюда еврейскаго элемента объясняется торговымъ значеніемъ Городло, какъ хлѣбной пристани и одного изъ привилегированныхъ мѣстъ для соляныхъ складовъ. Разрѣшивъ учрежденіе въ Городлѣ оптовыхъ складовъ соли, провозимой „изъ русскихъ земель“, Сигизмундъ Августъ, грамотой 8-го мая 1550 года, освободилъ ее отъ оплаты всякихъ пошлинъ⁴⁾. Въ 1574 г. (20 мая) король Ген-

¹⁾ Одунарцизна практиковалась въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Червонной Руси до половины XVI вѣка, какъ показываетъ жалованная грамота Сигизмунда Авг. 1553 г. о запрещеніи Перемышльскимъ старостамъ присвоивать имущество умершихъ священниковъ (Pociej. O dziesięcinach, стр. 14 и 15. Haras. Annal. eccl. ruth., стр. 51 и 52 примѣч).

²⁾ Bal. i Lip. Star. Pol. т. II стр. 1195—1198.

³⁾ Bulinski. Hyst. kosc. Polsk. Krakow. 1873 г. т. II стр. 234.

⁴⁾ Inscript. et. relat. castr. Horodlen. lib. 2, fol. 616.

рихъ передалъ староство Городельское со всеѣми принадлежащими къ нему селами своему секретарю Яну Лесневскому, чашнику Львовскому, старостѣ Далинскому, за заслуги, оказанныя Сигизмундамъ I и II-му и всей Рѣ-ни-посполтой¹⁾. Сдѣлавшись жертвою старостинскаго произвола, мѣщане неоднократно обращались къ королямъ съ просьбою о сохраненіи за ними исконныхъ правъ и привиллегій. Нарушенныя права возстановлялись въ видѣ какого нибудь разрѣшенія пользоваться старостинскими лѣсами (привиллегія Стефана Баторія 18 февраля 1578 г.)²⁾ и т. под., но мы не находимъ ни одного спеціальнаго королевскаго декрета, направленнаго къ охранѣ русской народности въ Городлѣ.

Спускаясь на югъ, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ селія Гучвы съ Бугомъ, мы встрѣчаемъ весьма важный по историческимъ воспоминаніямъ Грубешовъ. Вслѣдъ за принятіемъ въ Дорогичинѣ королевскаго вѣнца, при-сланнаго папою Иннокентіемъ (1255 г.), Даниилъ Романовичъ послалъ войско въ Галичъ—предупредить занятіе этого города Изяславомъ. „Бдущу же ему (Данилу) де Грубешова³⁾ и уби вепревъ шесть, самъ же уби и ро-

¹⁾ Ibid. fol. 610.

²⁾ Induct. rel. et. decret. castr. Horodlen. lib. 5, fol. 28.

³⁾ Слѣдовательно нынѣшній уѣздный городъ Грубешовъ въ половинѣ XIII вѣка не назывался Рубежовымъ или Рубешовымъ. Последнее названіе онъ получилъ не ранѣе XIV столѣтія и сохранялъ, съ нѣкоторыми перерывами, до начала текущаго столѣтія, такъ я убѣдился изъ актовъ юридическихъ. Слѣдовательно о сближеніи Грубешова съ р. Rubess'-ой, гдѣ происходило будтобы столкновение Владимира съ Поляками въ 981 г. (Длугошъ lib. 1, p. 123), не можетъ быть рѣчи. Думаю, что начальное названіе Грубешова возстановилось съ отысканіемъ Волынской лѣтописи.

гатиною три, а три отроци его, и вдасть мяса во емъ на путь, а самъ помолился святому *Николъ*, и рече во емъ своемъ: аще сами будутъ Татарове, да не виидеть ужась во сердце ваше“...¹⁾). Нельзя достаточно оцѣнить эти подробности, сообщаемыя Волынскимъ лѣтописцемъ. Записалъ онъ ихъ, очевидно, не столько потому, чтобы придавалъ особенное значеніе поѣздкѣ Даниїла въ Грубешовъ, предпринятой лишь для того, чтобы проводить сына своего Романа, посланнаго съ отрядомъ противъ Изяслава за то, что послѣдній помимо воли Даниїла двинулся для занятія Галича,—сколько потому, что поѣздка Даниїла сопровождалась чрезвычайно удачной охотой на веерей, изъ которыхъ три убиты были имъ *рогатикою*. Изъ разсказа лѣтописца открывается не только древность Грубешова, но и существованіе въ немъ церкви св. Николая въ 1255 году. Далѣе Грубешова Даниїль не пошелъ, а повелъ „Романъ вои, иде день и ночь“. Ясно, что Даниїль молился въ самомъ Грубешовѣ. Лѣтописецъ, часто повѣствуя о молитвѣ нашихъ набожныхъ князей предъ выступленіемъ въ походъ, по окончаніи военныхъ дѣйствій и въ другихъ случаяхъ, рѣдко поясняетъ, что они заходили въ церковь, но это всегда подражывается въ его словахъ. Такъ въ 1151 г. Вячеславъ, Изяславъ и Ростиславъ и при выступленіи изъ Кіева, и по возвращеніи туда, „поклонившеся *святѣй Богородици Десятиннѣй и святѣй Софїи*“²⁾). „Въ 1231 г. Даниїль перешелъ р. Велью на Шумьскъ, и „поклонився Богу и святому *Семеону*“. Въ 1237 г. Даниїль „вииде во градъ свой (Галичъ) и прииде пречистѣй *святѣй Богородици*, и прия

¹⁾ Ипат. стр. 550.

²⁾ Ипат. стр. 300 и 305.

столъ отца своего, и обличи побѣду и постави на Нѣмечскихъ вратѣхъ хоругвовъ свою“. Определеннѣ сказано годъ 1260 г. Данилъ, проводивъ на войну брата, Василька, до Бреста“, помолился Богу святому Спасу Избавнику, яже есть икона, яже есть въ городѣ Мѣльницѣ во *церкви святой Богородицы* и нынѣ стоитъ въ величѣ чести, обѣща ему Данило король украшеніемъ украсити“. Также въ 1254 г., возвратясь изъ Чешской земли, Данилъ „приде во градъ Холмъ съ честью и со славою въ *домъ Пречистой* падъ поклонися и прослави Бога о бывшемъ“.... а по свиданіи съ братомъ, „*пребываше въ дому сятаго Ивана* въ городѣ Холмѣ (т. е. въ церкви св. Іоанна Златоустаго, имъ самимъ созданной¹⁾), и веселіемъ слави Бога и пречистую его Матерь и сятаго Ивана Златоустаго“. Послѣ того какъ въ 1229 г. „одержавъ свой Галичъ“, гдѣ вслѣдъ за тѣмъ начались мятежи, Данилъ въ 1231 г. и „помолившуся Богу и святѣй пречистѣй Богородицѣ, Михаилу архангелу Божію, устремися изыти“... Въ 1235 г. Данилъ во Владимірѣ „молящюся Богу и святому архиерѣю Николѣ“, и т. д. Для разясненія послѣднихъ словъ необходимо сдѣлать небольшое отступленіе. Извѣстно, что Николай Чудотворецъ (жившій въ г. Мирѣ) былъ архіепископомъ Ликійскимъ. Потому лѣтописецъ и назвалъ Николу архіереємъ. Но откуда же извѣстно, спросятъ меня, что въ половинѣ XIII вѣка существовала во Владимірѣ-Волинскомъ церковь во имя Николы Миръ-Ликійскаго? Въ географическомъ указателѣ археографической коммисіи, приложенномъ къ Ипатской лѣтописи (стр. 26), перечислены только двѣ Владимірскія (городскія) церкви — пресв.

¹⁾ Ипат. под. 1260 г. стр. 560,

Богородицы и св. Димитрія. Голубинскій знаетъ во Владимірѣ одинъ лишь монастырь св. Михаила великаго, гдѣ былъ убитъ Войшелкъ (Ипат. стр. 573)¹⁾. Чистовичъ изъ Владимірскихъ церквей упомянулъ только—Успенія Пресв. Богородицы и монастырь св. Спаса²⁾. Противъ этого слѣдуетъ замѣтить, что тамъ же былъ знаменитый монастырь св. Апостоловъ, для котораго Владиміръ Васильковичъ далъ „евангеліе опракосъ“³⁾ и записалъ село Березовичи⁴⁾. На него же поступали пожертвованія въ XVI вѣкѣ⁵⁾. Въ числѣ древнѣйшихъ Владимірскихъ церквей была и Никольская, существовавшая подъ этимъ названіемъ еще въ половинѣ XVI вѣка, какъ видно изъ весьма важнаго для исторіи Владимірскихъ церквей ревизіоннаго акта отъ 1552 г.⁶⁾, гдѣ перечисляются церкви во Владимірѣ: св. Іоакима, Спасская, Пятницкая, *Никольская, Апостольская*, Ильинская, Васильевская, Введенская и Іоанновская⁷⁾. Итакъ Даниилъ молился во Владимірѣ въ церкви св. Николая. Очевидно, что и въ

¹⁾ Истор. русск. церкви т. I, стр. 263.

²⁾ Очерки истор. зап. русск. церкви ч. I. стр. 161 и 164.

³⁾ Ипат. стр. 609.

⁴⁾ Будиловичъ. Перечневая опись недв. имѣн. з. русск. церкви. 1882 г. стр. VII.

⁵⁾ Арх. Ю. з. Россіи I, 1. № 16 и др.

⁶⁾ Val. i Lip. Star. Pol. т. II, стр. 1413—1418.

⁷⁾ При каждой церкви состоялъ особый священникъ. Въ городѣ насчитывалось пять вежъ, одна изъ коихъ принадлежала Теодору Сангушкѣ. Самое мѣсто расположено было около р. Смоха, Рыловицы и Луга. Дмитрію Сангушковичу принадлежало 20 домовъ. Въ числѣ фольварковъ господарскихъ, изъ которыхъ „люди служивали ку замку Владимірскому, Пороново, Михалъ и Лецинца привернени отъ сорока лѣтъ (т. е. около 1512 г.) ку *Крылову* (на Бугѣ), ку Коронѣ Польской“.

Грубешовъ онъ молился Николѣ Мирликійскому въ самой церкви, носившей имя чудотворца. Вѣроятно ту же св. Николаевскую церковь въ Грубешовѣ разумѣть древнѣйшая его грамота, данная 1400 г. Владиславомъ Ягайлой во Львовѣ, въ день Мих. Арх., при свидѣтеляхъ Яковѣ Архіепископѣ Львовскомъ, епископахъ Петрѣ Краковскомъ и Матвѣѣ Перемышльскомъ, воеводѣ Сандомірскомъ Янѣ изъ Тарнова, старостѣ русскомъ Бенонѣ Жабокрицкомъ и проч. Вотъ содержаніе этой любопытной грамоты: „Мы, Божією милостію Владиславъ, (rex Poloniae, Lithuaniae, princeps supremus et haeres Russiae) объявляемъ всѣмъ кому вѣдать надлежитъ, что заботясь о благосостояніи нашего опустошеннаго государства и увеличеніи доходовъ нашей казны, село наше Рубешовъ, въ землѣ Холмской, отнынѣ преобразуемъ въ окружной городъ и продаемъ Рубешовское войтовство Холмскому мѣщанину Вареоломею за 100 марокъ пражскихъ, считая въ каждой маркѣ по 48 грошей польскихъ, предоставляя въ его пользу два лана и половину доходовъ ремесленныхъ... третій грошъ съ пеней и шестой грошъ съ чиншей. Назначаются два лана для *церкви* (pro ecclesia) и два участка на пастбище съ тѣмъ, чтобы обыватели Рубешовскіе были надѣлены достаточными участками земли и уплачивали съ cadaго участка, въ видѣ чинша, по три злотыхъ и, въ видѣ десятины, по шести грошей. За отводомъ церкви (ecclesiae) двухъ участковъ, усадьбу, на постройку дома, и луга Вареоломей имѣетъ самъ себѣ избрать. Войтовство уступается ему и его наслѣдникамъ на дѣдичномъ правѣ, съ дозволеніемъ продажи, мѣны, пользованія и т. д. Военную повинность Вареоломей и его наслѣдники обязываются отбывать лично, или поставкою лучниковъ... Въ его же распоряженіе предоставляется запруда (саджавка) съ мельницей на Гучвѣ

каковую онъ самъ имѣть устроить безъ ущерба королевскимъ мельницамъ, допуская пользованіе ею обывателямъ... *Настоятелю церкви* (pro rectore ecclesiae) повинны обыватели Рубешова уплачивать, какъ это нынѣ они дѣлають, подать или контрибуцію съ каждого лава наравнѣ съ другими городами въ нашихъ земляхъ русскихъ. Для скорѣйшаго благоустройства города распространяемъ на него право такъ наз. Тевтонское или Магдебургское, взамѣнъ правъ польскаго, *русскаго* и всякаго иного, съ устраненіемъ *законовъ и обычаевъ* польскихъ и *русскихъ*, противныхъ сему праву. Освобождаемъ войта, мѣщанъ и обывателей Рубешова отъ всякой юрисдикціи и подчиненности кому бы то нибыло изъ воеводъ, каштеляновъ, старостъ, судей, подсудковъ и иныхъ властей и ихъ наместниковъ, дабы не повинны были становиться предъ ними ни въ важныхъ, ни въ малыхъ дѣлахъ, какъ-то: разбояхъ, убійствахъ, причиненіи поврежденій и другихъ проступкахъ, и не подлежали бы никакому отъ нихъ наказанію, но дабы мѣщане и обыватели Рубешовскіе отвѣтственны были исключительно предъ своимъ войтомъ и предъ королемъ; и если бы кто-либо изъ нихъ былъ позванъ къ отвѣту, то не иначе можетъ быть обвиненъ, какъ на основаніи права Магдебургскаго и даннаго войту Рубешовскому полномочія¹⁾.—Невозможно допустить, что бы грамота Ягайлы разумѣла какой либо латинскій костель, такъ какъ первый латинскій костель въ Грубешовѣ (съ монастыремъ для Доминикановъ) былъ основанъ 1416 г., Яномъ епископомъ Холмскимъ²⁾. До половины

¹⁾ Грамота Ягайлы подтверждена Александромъ, Сигизмундомъ III, Владиславомъ IV и Яномъ Казиміромъ (1502, 1606, 1640 и 1658).

²⁾ Bulinski. Hist. kośc. polsk. т. II, стр. 234.

XV вѣка костель этотъ имѣлъ крайне скудныя средства, и только въ 1449 г. Казиміръ IV надѣлилъ его фундаментомъ, давъ ему два лана земли, два огорода, десятины со всѣхъ доходовъ отъ мельницъ и отъ соли, поставляемой въ Грубешовское управленіе, и плацъ между управленіемъ и дорогой въ Славенчинъ¹⁾. Другое доказательство того, что въ грамотѣ Ягайлы идетъ рѣчь о церкви православной, заключается въ привилегіи Сигизмунда I-го отъ 1518 г.²⁾, подтверждающей дарованное мѣщанамъ „предмѣстниками его право пользованія городской саджавкой, называемой Новой Греблей, подлѣ проѣзжей дороги Холмской, со стороны *русской церкви* (Synagoga Ruthenorum), близъ предмѣстья Грубешовскаго, называемаго Хрусть“.—Другаго костела въ Грубешовѣ не было. Вообще въ XV вѣкѣ католицизмъ въ этомъ городѣ не прививался, какъ видно изъ того, что латинская епископская кафедра (Холмская), переведенная 1475 г., по инициативѣ епископа Павла, въ Грубешовѣ, признававшійся пунктомъ центральнымъ по отношенію къ діоцезіи, продержалась тамъ только 15 лѣтъ, до 1490 г.³⁾.

¹⁾ Bal. i Lip. Star. Pol. т. II, стр. 779. Этотъ костель въ 1565 г. получилъ отъ Сигизмунда Августа привилегію на сборъ десятины съ полей села Слепче и др., принадлежащихъ къ замку Рубешовскому, а въ 1786 г. обращенъ въ кафедральный (Ibid. стр. 781 и 784).

²⁾ Собрн. Грубеш. привилегій, стр. 16.

³⁾ Болеславъ Стыдливый, по покореніи Ятвяговъ, намѣревался учредить новое епископство на Подлясьи, въ г. Луковѣ, Папа Иннокентій VI въ 1254 г. поручилъ нунцію апостольской столицы олату де-Мезу, по соглашенію съ архіепископ. Гисзненскимъ и съ другими епископами, основать въ Луковѣ епископскую кафедру и поставить епископомъ кого либо изъ монаховъ Францишканскаго ордена, заслуженаго и свѣдущаго въ наукахъ.

На приведенных мною свидѣтельствахъ обрывается начальный періодъ исторіи св. Никольской церкви, если не считать преданія о прибытіи въ Грубешовъ, въ XV вѣкѣ, для проповѣднической дѣятельности, по благословенію Кіевского владыки, какого-то игумена, надъ могилою котораго, около церкви, лежитъ большой камень съ неразборчивою надписью.

(Theiner. стр. 58). Папскіе комиссары, прибывъ въ Луковъ, нашли его несоотвѣтственнымъ для предназначенной цѣли и назначили епископскую столицу въ Холмъ. (Odericus Rainaldus. *Annales eccl.* под. 1254 г.) Учрежденіе каѳедры въ Холмъ не удалось, какъ видно изъ того, что 1257 г. папа Александръ IV поручилъ архіепископу Гнізненскому и епископу Краковскому учредить епископію на границѣ Литовской, въ г. Луковъ, и оставить во главѣ ея Вареолема Чеха (Theiner, т. I. стр. 73). Я уже упоминалъ о причинѣ, которая помѣшала послѣдней попыткѣ основать епископію въ Луковъ. Тѣже причины препятствовали утвердиться латинской епископіи въ Холмъ до 1359 г., когда папа Иннокентій VI назначилъ Холмскимъ епископомъ Оому изъ ордена францискановъ (Wadding. т. IV *annal. ord. minor*, подъ 1359 г.), а въ 1362 г. Доминиканецъ Яковъ былъ поставленъ въ епископы Холмскіе папой Урбаномъ V. Историкъ польской церкви Булинскій говоритъ, что Холмское епископство не имѣло ни постоянной каѳедры, ни постоянныхъ фундушей, ни постоянныхъ епископовъ до того времени, когда папа Григорій XI, по просьбѣ короля Людовика, въ 1375 г. возвелъ Холмскій костелъ на степень каѳедральнаго, подчинивъ его юрисдикціи новопоставленнаго архіепископа Галицкаго. (Бул-ла Григорія XI). Но и тогда еще Холмская каѳедра имѣла весьма скудные средства, и только Владыславъ Ягайло, послѣ побѣды подъ Грюнвальдомъ въ 1410 г., снабдилъ ее большими имѣніями и доходами, почему нѣкоторые приписываютъ ему и самое ея основаніе. Учредительная грамота помѣчена 1417 г. При Сигизмундѣ Августѣ епископы имѣли ежегодно дохода 60,000 злотыхъ польскихъ. Въ XVI вѣкѣ Холмская латинская діоцезія заключала въ себѣ 10 деканатовъ (Холмскій, Красноставскій, Замостскій,

Кромѣ св. Николаевской, было въ Грубешовѣ двѣ церкви—Успенская и Честнаго Креста, возникшія въ разное время¹⁾. Скажемъ сначала нѣсколько дополнительныхъ словъ о св. Николаевскомъ храмѣ, какъ о такомъ, съ которымъ связаны особенно дорогія воспоминанія. Жаль, что нельзя разобрать ни одной буквы въ совершенно испорченныхъ временемъ пергаментныхъ документахъ, видѣнныхъ мною въ мѣстномъ церковномъ архивѣ. Судя, однако, по всему, они должны относиться къ XVII вѣку, будучи подлинникомъ списковъ, помѣщенныхъ, въ сокращеніи, въ историко-статистическомъ описаніи Грубешова, сдѣланномъ въ началѣ этого столѣтія²⁾. Церковь имѣла привиллегіи: 1) короля Сигизмунда III на участокъ Салоринскій, простирающійся до границы земель латинскаго костела, подтвержденную 26 іюля 1630 г.; 2) короля Яна III на пивы Дембинскія, на предмѣстьѣ Славцинѣ, и на участокъ за валомъ, смежный съ землею латинскаго костела (ланъ Турчеській), и участокъ, прилежающій къ Сокальской дорогѣ, смежный съ землею Госпитальною, предназначенный на потребности убогихъ; 3) короля Августа II отъ 1714 г. на право варенія меду, пива и др. напитковъ настоятелемъ церкви,

Грубешовскій, Грабовецкій, Туробинскій, Любомльскій, Белзскій, Сокальскій и Потыличскій), 81 приходецкихъ костеловъ и одинъ коллегіатъ въ Замостьѣ. (Bulinski Hist. kość. polsk. т. I стр. 262, т. II. стр. 191 и т. III стр. 267). На мѣстѣ б. кафедральнаго костела въ Холмѣ построенъ костель Піаровъ съ монастыремъ 1667 г. Реформаты появились тамъ 1734 г. Былъ еще Доминиканскій св. Духа. Bal i Lip. Star. PoI. т. II. стр. 763; Bul., Hist. kość. polsk. т. III, стр. 324, 341.

¹⁾ Св. Николаевская и Успенская существуютъ понынѣ.

²⁾ Описаніе въ архивѣ Грубешовскаго магистрата.

а также на другія льготы. Кромѣ того, церковь имѣла: 4) записъ на землю около церковнаго кладбища, купленную настоятелемъ у Данила Козули за 10 злотыхъ польскихъ,—отъ 6 января 1649 г.; 5) записъ на участокъ рядомъ съ церковнымъ кладбищемъ, пожертвованный Грубешовскими мѣщанами, отъ 26 февраля 1710 г.—Не подлежитъ сомнѣнію, что св. Николаевская церковь имѣла гораздо болѣе древнія грамоты, но они погибли во время казацкихъ и татарскихъ набѣговъ, вмѣстѣ съ старинными грамотами, выданными мѣщанамъ Грубешовскимъ. Вслѣдствіе утраты прежнихъ документовъ, привилегіей Сигизмунда I-го отъ 1518 г. (подтвержденной Яномъ Казиміромъ и Августомъ II), восстанавливаются нарушенныя права Грубешовскихъ мѣщанъ на угодья около *русской церкви*. Въ другихъ привилегіяхъ, выданныхъ Грубешовскимъ мѣщанамъ, не встрѣчается ссылки на какую либо церковь¹⁾. Получая значительные доходы съ своихъ имѣній, увеличивавшіеся разновременными пожертвованіями, и состоя подъ покровительствомъ многочисленнаго братства, церковь св. Николая въ половинѣ XVII вѣка по богатству своему имѣла не много равныхъ во всей Холмщинѣ. Свободные капиталы свои церковь нерѣдко отдавала въ ссуду и притомъ на выгодныхъ условіяхъ. Одна изъ такихъ крупныхъ сдѣлокъ записана въ Городельскіе акты 29 октября 1668 г. Грубешовскіе евреи, отъ имени всего ихъ кагала, заняли на свои нужды изъ суммъ церкви св. Николая 300 злот. польск., выдан-

¹⁾ Грамоты Сигизмунда I отъ 1529 г., подтв. Владиславомъ IV въ 1633 г. и Яномъ Казиміромъ 1650 г., Сигизмунда Августа отъ 1550 г., Стефана отъ 1558, Сигизмунда III отъ 1619 г. Списки всѣхъ Грубешовскихъ грамотъ, кромѣ специальныхъ церковныхъ, находятся въ особой книгѣ (Любл. арх. древн. акт.).

ныхъ имъ кураторомъ церкви Стефаномъ Крашкевичемъ, съ вѣдома и согласія исполнявшаго обязанности Холмскаго епископа, генеральнаго протопопа Грубешовскаго, отца Николая Борисовича. Долгъ этотъ евреи обезпечили на всемъ своемъ движимомъ и недвижимомъ имуществѣ, не исключая божницы, и даже на своихъ личностяхъ, обязавшись уплачивать 12% годовыхъ въ день Воздвиженія св. креста. Въ случаѣ неуплаты процентовъ въ сроки, все имущество ихъ, вмѣстѣ съ божницей, подлежало передать въ распоряженіе церкви¹⁾.

Изъ двухъ остальныхъ Грубешовскихъ церквей Успенская построена (изъ камня) въ XVI вѣкѣ,—благочестивымъ Грубешовскимъ мѣщаниномъ Софроніемъ Козулемъ, который и надѣлилъ ее первоначальными средствами, записавъ на нее полланокъ поля, между землями Гриця изъ Фабна и ланомъ Плебанскаго и участокъ при огородахъ Барзовскомъ и Сулижанскомъ. Имущественныя права церкви Успенія пресв. Дѣвы Маріи, по просьбѣ дѣтей Софронія Козули, были укрѣплены королемъ Сигизмундомъ III 26 іюня 1630 г., но съ тѣмъ, чтобы церковь эта поступила подъ вѣдѣніе Холмскаго униатскаго епископа. Условіе, конечно, было соблюдено и чрезъ нѣсколько лѣтъ Холмскій владыка является посредникомъ между дѣтьми С. Козули и королемъ Владиславомъ IV, ходатайствуя о присоединеніи къ церковному имѣнію поллана поля, куплезнаго Козулями отъ Грубешовскаго мѣщанина Марка Демковича, и лана, приобрѣтеннаго ими для церкви отъ пона Севка, и объ освобожденіи церковныхъ земель отъ всякихъ повинностей, на что и послѣдовало королевское разрѣшеніе 9 іюля 1633 г.²⁾ О дальнѣйшей судьбѣ Успенской цер-

¹⁾ Кн. Horodel. inscript. induct. Lib. 20, fol. 897.

²⁾ См. привил. 1732 г. въ X. В. еп. вѣстн. 1884 г. № 16.

кви акты сообщаютъ намъ немного свѣдѣній. Богослуженіе отправлялось въ ней непрерывно, но иногда (въ смутное время)—настоятелями сосѣднихъ приходовъ. Такъ настоятель Шпиколосской церкви Александръ Сибицкій, объясняя подробно, въ протестаціи 1667 г., о нападеніи на него служителями епископа Цитрійскаго и причиненіи ему насильственныхъ дѣйствій за то, что осмѣлился отстаивать забираемые епископомъ десятины, говорить, что нападеніе сдѣлано на него тогда, когда онъ возвращался домой по совершеніи богослуженія въ Грубешовской Успенской церкви¹⁾.

Учредительныхъ грамотъ церкви св. Креста не только не сохранилось, но на нихъ нѣтъ никакого указанія. Въ историко-статистической описи Грубешова объяснено, что земли ея прилегали къ землямъ церкви св. Николая и что она пользовалась ими въ силу давностнаго владѣнія.—Едва ли нужно объяснять причины, по которымъ разливъ уніи по Холмской епархіи встрѣтилъ такое сильное сопротивленіе въ Грубешовѣ. Прежде всего была занята уніатами св. Николаевская церковь патеромъ Василиемъ Гочемъ. Грубешовскіе мѣщане прогнали его отсюда; тогда онъ овладѣлъ церковью Успенскою, начавъ

¹⁾ Въ протестаціи 1667 г. противъ неправильнаго присвоенія десятины латинскимъ духовенствомъ, между прочимъ упомянуты: Священникъ Андрей Матѣевскій настоятель *Путновичскаго* прихода (близъ Ухань); Протопресвитеръ *Тышовецкій* Іоаннъ Квятковскій; Протопресвитеръ Люблинскій и настоятель *Устимовскаго* прихода Наумъ Евлошевичъ; настоятель *Савинскій* Алексѣй Щасникъ; настоятель *Гущинскій* и *Опалинскій* Николай Славенскій; настоятель *Крыловскаго* прихода Стефанъ Олелько.—Семеновичъ. Нач. уніи въ Холм. еп. Х. В. еп. вѣстн. 1881 г. № 24, стр. 399 и 1882 г. № 3, стр. 34).

проповѣдывать буллу объ индульгенціяхъ, данную уніатамъ папою Урбаномъ VIII, прибивъ ее къ церковнымъ дверямъ по распоряженію епископа Терлецкаго. Толпа Грубешовскихъ русиновъ, имѣя во главѣ своихъ радцевъ и лавниковъ, не замедлила разорвать въ клочки латинскую, ненавистную для нихъ грамоту. Противъ этого протестовалъ Василій Гочъ, приписывая произведенное противъ него возмущеніе „дьявольскому навожденію, помрачившему выродившихся потомковъ вѣрныхъ уніатовъ“¹⁾. По восшествіи на престолъ Владислава, русское населеніе Грубешова, какъ и во всей Холмщинѣ, вздохнуло свободнѣе, не безъ основанія рассчитывая на покровительство новаго короля.—Назначены были комиссары для возвращенія православнымъ всѣхъ незаконно отнятыхъ у нихъ церквей, но вездѣ они встрѣтили открытое противодѣйствіе со стороны „стола уні“ Меодія Терлецкаго, орудовавшаго въ союзѣ съ лядскими членами Грубешовскаго городского совѣта, съ которыми велъ переписку, подстрекая ихъ къ самымъ безчеловѣчнымъ мѣрамъ для склоненія православныхъ въ унію. Въ перепискѣ съ Терлецкимъ Грубешовскій ландвойтъ безцеремонно глумится надъ русинами, называя ихъ „хищными волками“, „презрѣнной схизматической сектой“, и обѣщаетъ, что радцы лядскаго обряда, издавна засѣдавшіе съ правой руки въ городскомъ совѣтѣ, не станутъ болѣе засѣдать рядомъ со схизматиками. Однако, комиссары, волей не волей, а должны были исполнить королевскій приказъ. Одинъ изъ старшихъ комиссаровъ, Городельскій староста, пріѣхалъ въ Грубешовъ и назначилъ срокъ

¹⁾ Свящ. Семеновичъ. Начало уніи въ Холм. епархіи. Х. В. еп. вѣстн. 1881 г. № 22. стр. 364.

передачи церквей.—Терлецкій, приписавъ это щедрымъ подаркамъ „всякой сволочи“, посылаетъ нарочнаго въ Городло къ старостѣ съ убѣжденіемъ оставить затѣю ради спасенія его души, но, несмотря на всѣ происки епископа, комиссары возвратили православнымъ церкви Воздвиженія честнаго креста и св. Николая, взявъ съ русиновъ, по словамъ малодостовѣрнымъ Терлецкаго, 3000 злотыхъ. Въ порывѣ негодованія, поборникъ уніи шлетъ повелѣніе запечатать церкви. Въ субботу передъ пасхой (1636) Грубешовскіе мѣщане отперли церкви и при колокольномъ звонѣ возстановили священника іеромонаха Мартина. Неудача озлобила Терлецкаго, тѣмъ болѣе, что и во многихъ другихъ городахъ и мѣстечкахъ не удалось ему остановить исполненія королевской воли. Одинъ изъ услужливыхъ друзей Терлецкаго, нѣкій Грубешовскій шляхтичъ Шановскій настроилъ протестацію противъ Грубешовскихъ мѣщанъ, обратившихъ будтобы церкви въ разбойничьи вертепы, выставляя благородные поступки русиновъ въ самыхъ черныхъ краскахъ и ругая ихъ площадными словами. Не менѣе усерднаго помощника пріобрѣлъ Терлецкій въ лицѣ Грубешовскаго бургомистра, слезно просившаго владыку прислать уніатскаго священника въ церковь св. Креста, изъявляя готовность пожертвовать большихъ размѣровъ колоколъ въ память искорененія схизмы¹⁾. Преемникъ Меоодія Терлецкаго Яковъ Суша въ донесеніи конгрегаціи распространенія вѣры, подробно описывая подвиги своего предмѣстника и возмущеніе противъ него Грубешовскихъ русиновъ, говоритъ, что Терлецкій усмирилъ ихъ при помощи суда,

¹⁾ Сравни. Семеновича. Начало уніи въ Холм. епархіи. Х. В. еп. вѣстн. 1881 г. № 23, стр. 380—387.

причемъ многіе приговорены были къ смертной казни и конфискаціи имущества, но получили прощеніе, когда, раскаявшись, заявили просьбу о помилованіи. „По приказанію своего пастыря“, пишетъ Суша, „русины, порывшись вретischemъ и съ зажженными свѣчами въ рукахъ, шли попарно къ оскорбленной ими церкви и тамъ произнесли торжественную клятву присоединенія къ униі“. Описанный эпизодъ приведенъ и въ рукописи Льва Кишки, который предпосылаетъ ему рассказъ о волненіяхъ среди Грубешовскихъ мѣщанъ, вызванныхъ суффраганомъ Холмскаго латинскаго епископа Павла Пясецкаго Авраамомъ Сладковскимъ¹⁾. Изъ сопоставленія рассказа Кишки съ актами Грубешовскаго братства св. Николая²⁾, можно вывести заключеніе, что Сладковскій, пользуясь неурядицей и безправіемъ православныхъ гражданъ Грубешова, открыто присвоивалъ ихъ недвижимое имущество: дома, луга, пастбища, огороды, и захватилъ даже городскую башню, устроенную для отраженія непріятелей, на городскія суммы.—При помощи инквизиціонной политики Терлецкому удалось окончательно утвердить свою власть надъ св. Николаевскою церковью. Афанасій Филипповичъ, игуменъ Брестскій, описывая притѣсненіе униатами православныхъ въ Червонной Руси, причисляетъ Грубешовъ къ городамъ, гдѣ православные подвергались наибольшему угнетенію, и ссылается на жалобы мѣщанъ о недостаткѣ у нихъ людей, съ которыми они могли бы отстаивать свои церкви³⁾. Что каса-

¹⁾ Петрушевичъ. Холм. еп. стр. 51.

²⁾ Выписки изъ нихъ приведены свящ. Смигельскимъ. Х.-В. еп. вѣстн. 1882 г. № 5. стр. 84—86.

³⁾ Русск. истор. библ. т. IV. Сравн. Х.-В. еп. вѣстн. 1879 г. стр. 375 и 416.

ется церкви св. Креста, то она временно была возвращена православнымъ въ 1650 г. по Зборовскому договору¹⁾, но послѣ несчастной для казаковъ битвы подъ Берестечкомъ, снова захвачена уніатами, и съ тѣхъ поръ дѣлила участь другихъ уніатскихъ церквей, пока не была разрушена временемъ, если не погибла отъ пожара, въ началѣ текущаго столѣтія²⁾.—Когда Я. Суша кончилъ свою миссію по распространенію уніи въ Холмской епархіи и съ торжествомъ доносилъ Риму о подвигахъ своихъ и своихъ предшественниковъ, латинское духовенство, быть можетъ по секретнымъ инструкціямъ папы, напрягло всѣ свои силы съ цѣлью вырвать у него захваченную добычу.—Уловить всѣ нити заговора, давно уже созрѣвшаго въ средѣ латинскаго духовенства—постепенно замѣнить въ греко-уніатскомъ богослуженіи славянскій языкъ и обряды латинскими—весьма трудно. Въ исторіи уніи много подробностей остаются еще покрытыми непроницаемымъ покровомъ. Но несомнѣнно, что однимъ изъ могучихъ средствъ обращенія уніатскаго населенія въ латинство было обложеніе уніатовъ десятинной повинностью въ пользу костеловъ и ксендзовъ. Дѣлалось это по распоряженію латинскихъ епископовъ, а послѣдніе опирались на папскія инструкціи. Иначе нельзя объяснить дерзость, съ какою уніаты принуждались платить десятины костеламъ, напр. Грубешовскимъ пробощемъ Михаиломъ Свирскимъ, который, какъ видно изъ протестацій Грубешовскаго благочиннаго ц. св. Николая и священника Крестовоздвиженской церкви Мартына Молчановича, подкрѣпленныхъ свидѣтельскими показаніями 5

¹⁾ Бантышъ-Каменскій Историч. изв. объ уніи, стр. 106.

²⁾ Въ дневникѣ М. Рылы она помѣщена въ числѣ приходскихъ церквей наряду съ св. Николаевскою.

декабря 1667 г.,—батогами дралъ русиновъ, отказывавшихся везти ему десятину, забиралъ ихъ телѣги и лошадей, а дворянъ его угрожала даже смертью уніатскимъ священникамъ, если они не уступятъ слѣдующей имъ десятины, ссылаясь притомъ на приказъ епископа. Что подобное приказаніе было дано латинскимъ епископомъ, показывается предложеніе Холмскаго латинскаго капитула (имѣвшее значеніе одной лишь насмѣшки) уплатить уніатскому епископу 300, вмѣсто 12000 червонцевъ, присужденныхъ ему кардиналомъ Паулучи за присвоенныя десятины. Судебные споры всегда почти оканчивались въ пользу латинниковъ. Такъ въ 1643 г. пробошъ Грубешовскій Авраамъ Сладковскій выигралъ тяжбу съ уніатами о десятинахъ¹⁾. Систематическое истощеніе церковныхъ имуществъ и постепенный переходъ многихъ уніатовъ въ латинство повели къ соединенію приходовъ св. Николаевского и Крестовоздвиженскаго въ 1694 г. на основаніи грамоты короля Яна III, ввѣрившей имѣнія обѣихъ церквей настоятелю церкви св. Николая²⁾. Кромѣ приведенныхъ мною обстоятельствъ, обѣдненію церковей Грубешовскихъ въ концѣ XVII вѣка содѣйствовалъ наплывъ иновѣрцевъ, преимущественно евреевъ. Конституціею вальнаго сейма 15 ноября 1678 г., для поддержки Грубешова, раззореннаго войнами и стоянками польскихъ жолнеровъ, разрѣшено строиться тамъ людямъ всякой національности и какой бы нибыло вѣры съ раздачей имъ, по усмотрѣнію

¹⁾ Сравн: Акты нотаріа апостольск. Арх. Холм. консисторіи.

²⁾ См. статью Смигельскаго. Х. В. еп. вѣстя. 1882 г. № 5, стр. 83. Основываясь на сомнительномъ извлеченіи изъ Владимірскихъ книгъ, онъ полагаетъ, что существовала въ Грубешовѣ еще Пятницкая церковь, но я не нашелъ никакихъ актовъ до нея относящихся.

старосты, пустопорожнихъ участковъ, неизвѣстно кому принадлежащихъ. Поселенцамъ всякаго состоянія и всякой вѣры дозволена торговля, выдѣлка нитей и т. под., лишь-бы не нарушались замковые интересы. На шесть лѣтъ городъ увольнялся отъ постоя войска, съ тѣмъ, чтобы оно расквартировывалось по окрестнымъ селамъ, и на четыре года освобождался отъ платежа чиншей¹⁾. Пренебреженіе со стороны польскаго правительства интересами туземной національности повело къ тому, что половину города заселили евреи, коихъ насчитывается въ Грубешовѣ болѣе 5000, но врагамъ ся никогда не удавалось подавить въ немъ русскую народность, и теперь, не смотря на сравнительно неблагопріятныя условія, какъ напр. противовѣсъ, который она встрѣчаетъ въ организаціи Грубешовскаго земледѣльческаго общества, основаннаго ксендзомъ Станиславомъ Стапицомъ въ 1816 г.²⁾, православіе, имѣя средоточіемъ своимъ два прихода—древній св. Николаевскій и Успенскій, является господствующимъ исповѣданіемъ какъ въ самомъ Грубешовѣ, такъ и въ его окрестностяхъ.

Близъ Грубешова, на югъ отъ него въ семи верстахъ, находится село Черпечинъ, извѣстное въ лѣтописи подъ именемъ Черпечьска (Ипат.) или Чернска (Лаврент., Кенигсб. и др.). Барсовъ смѣшалъ его съ Черскомъ, на Ви-

¹⁾ Vol. leg. V f. 580.

²⁾ Уставъ общества утвержденъ 13 іюня 1822 г. Онъ имѣеть цѣлью: 1) обезпеченіе матеріальнаго благосостоянія крестьянъ; 2) улучшеніе и развитіе земледѣльческаго хозяйства, промышленности и торговли 3) кооперативную дѣятельность для поднятія общественнаго благосостоянія и возвышенія нравственности, и тому подобное.

слѣ¹⁾), а Шараневичъ принялъ его—одинъ разъ за Черскъ²⁾), другой разъ за Червенскъ³⁾). Линниченко, приводя мнѣніе Карамзина и Татищева, полагавшихъ Чернскъ въ Мазовіи на Вислѣ, повидимому согласился съ ними⁴⁾. Для меня представляется яснымъ, что лѣтописецъ разумѣлъ Чернечинъ. По смерти Болеслава Кривоустаго въ 1139 г. произошли несогласія между его сыновьями. Младшіе братья отказывались подчиниться старшему—Краковскому князю Владиславу. Послѣдній вооружился противъ нихъ, призвавъ на помощь русскихъ князей. Въ 1142 г. Всеволодъ Ольговичъ Кіевскій (тестъ Владислава) послалъ сына своего Святослава, коему передъ тѣмъ отдалъ Владиміръ, Изяслава Давидовича и Владимірка Галичскаго въ помощь своему зятю, „и сняшася вси у Чернечьска и вѣзавша“, т. е. русскіе князья выступили изъ Чернечьска и пошли въ Лядскую землю. Черскъ (не много южнѣе Варшавы) никакъ не могъ быть сборнымъ пунктомъ русскихъ силъ, такъ какъ онъ лежалъ въ глубинѣ Мазовіи, доставшейся по раздѣлу Болеслава Кривоустаго, вмѣстѣ съ Куявами, сыну его Болеславу. По описаніямъ польскихъ хроникъ, война началась въ Сандоміріи, до усмиренія которой, Владиславу (кн. Краковскому и Силезскому) нельзя было проникнуть въ Мазовію. Понятно, что туда же, въ Сандомірію, первоначально устремились и русскіе князья, посланные Всеволодомъ на „меньшую братью“, Владислава, (т. е. вѣроятно, на двухъ меньшихъ братьевъ: Мечислава, получившаго Великопольшу и Поморье, и

¹⁾ Матер. истор. геогр. слов., стр. 215.

²⁾ Истор. Гал. Влад. Руси, стр. 38.

³⁾ Изслѣд. по отеч. истор. и геогр. стр. 34, примѣч. 41.

⁴⁾ Взаимн. отнош. Руси и Польши, ч. 1, стр. 156 и примѣч 2,

Генриха, получившаго Сандомірію). На старшаго же—Болеслава Всеволодъ едва ли рѣшился бы вооружиться, такъ какъ за нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ отдалъ за него дочь свою Звѣнславу¹⁾. Добрыя отношенія Всеволода къ Болеславу Мазовецкому (Высокому) показываютъ отказъ Всеволода въ 1145 г. идти на него по приглашенію Владислава, и позднѣйшій походъ его на Владиміра Галичскаго въ 1146 г., въ которомъ принималъ участіе и Болеславъ²⁾. Если Чернечинъ былъ однимъ изъ старѣйшихъ Червенскихъ поселеній, то не удивительно, что среди Чернечинскаго населенія уніа встрѣтила такое же упорное сопротивленіе, какъ и въ Грубешовѣ. Вскорѣ послѣ обнародованія королевскаго приказа о передачѣ православному незаконно захваченной уніатами церкви въ Чернечинѣ, нѣкто Стефанъ Красневичъ собралъ крестьянъ, ворвался въ церковь и выгналъ уніатскаго священника Григорія. Левъ Кишка, въ своихъ мемуарахъ, рассказываетъ, что встрѣтивъ Григорія, спасавшагося бѣгствомъ, на пути въ Грубешовъ, суфраганъ (Авраамъ Сладковскій) посадилъ его въ свою повозку и, прибывъ въ Чернечинъ, сталъ укорять въ буйствѣ сначала своихъ подчиненныхъ, а потомъ неунитовъ, но послѣдніе, не внимая его увѣщаніямъ, избили приходскаго священника, а затѣмъ и самаго суффрагана, избѣжавшаго смерти только благодаря подоспѣвшей стражѣ. Подобныя же волненія происходили въ Тышовцахъ, не менѣе древнемъ Червенскомъ поселеніи, хотя въ лѣтописяхъ нашихъ оно не встрѣчается. Тышовцы (Tissovecia, Thissowize, по народному Тушевци), на Гучвѣ (Hoszeff), быть можетъ то самое, которое княземъ Львомъ пожаловано въ 1292 г. Перемышльско-Самбор-

¹⁾ Ипат. стр. 224.

²⁾ Ипат. стр. 227 и 228.

скому епископу¹⁾, обращено въ городъ и получило отъ Владислава Мазовецкаго и Русскаго, 1453 г., право Магдебургское вмѣсто польскаго и *русскаго*, а мѣщане освобождены отъ извѣстной уже намъ повинности—одумарщины, „вытекающей изъ обычаевъ русскихъ“. По люстраціи, произведенной 1571 г, числилось въ городѣ *три попа*²⁾. Русское право, русскіе обычаи въ половинѣ XV вѣка и три священнослужителя въ половинѣ XVII вѣка, сосѣдство съ Червенецъ, расположеніе у самой Гучвы, и остатки, по близости, древней земляной насыпи,—все это вмѣстѣ взятое даетъ полное основаніе отнести Тышовцы къ Несторовымъ Червенскимъ городамъ³⁾. Когда были первоначально заложены три православныя Тышовецкія церкви, которыя застала тамъ люстрація 1571 г. и которыя пережили тяжкія времена уніи, я не могу сказать. Старѣйшею изъ нихъ должна быть Рождества Пресв. Богородицы, захваченная уніатами при Мееодіѣ Терлецкомъ. За нее-то и стояли горой Тышовецкіе православные обыватели, руководимые отважными Пащенюками, Костусевичемъ, Лащукомъ, Лукьянкомъ, Крыцемъ, Краско и др. По жалобѣ Терлецкаго и вслѣдствіе королевскаго приказа, они были преданы суду и 25 января

¹⁾ Грамота Льва подтверждена Сигизмундомъ Августомъ 1549 г. Kolosowicz. Die ruthenische Frage in Galizien. Lemberg. 1849 года, стр. 29.

²⁾ Бал. и Лип. Star. Pol. т. II стр. 1245—1247. Въ грамотѣ упомянуто сосѣднее село Переспа.

³⁾ Ю. Бартошевичъ, болѣе многихъ другихъ историковъ останавливавшійся надъ Червенскими городами, давшими, по его мнѣнію, имя Червонной Хорватіи (?), рѣшилъ назвать таковыми только шесть городовъ: Червень, Перемышль, Волянъ, Верещинъ, Столпье и Комовъ (Hist. pierwotna Polski. Krakow. 1878 г. т. I, стр. 167—172).

1641 г. приговорены къ смертной казни (одни чрезъ обезглавленіе, другіе чрезъ сожженіе) за возмущеніе народа противъ уніи и расхищеніе изъ церкви священныхъ предметовъ. Такіе приговоры, имѣя значеніе угрозы, не приводились въ исполненіе, когда осужденные отрекались отъ вѣры своихъ отцовъ, и Тышовецкимъ мѣщанамъ ничего болѣе не оставалось, какъ покориться силѣ, давъ подписку о вѣчной покорности уніатскому епископу, не совращаться и не совращать другихъ въ схизму, подѣ страхомъ конфискаціи всего имущества¹⁾. О всемъ этомъ Я. Суща съ похвалою отзывается въ донсеніи своемъ Риму.—Другая Тышовецкая церковь, св. Никиты, что на Замлынѣ, была ранѣе отдана въ распоряженіе уніатскаго священника о. Гавріила, имѣвшаго кровавое столкновеніе съ какимъ-то мѣстнымъ обывателемъ Зубчикомъ²⁾. По архивнымъ документамъ, послѣдняя церковь существовала уже въ 1595 г. и по грамотѣ 1654 г., выданной ея настоятелю, утверждены за нею права на десятину³⁾.

Не останавливаясь на сосѣднихъ съ Тышовцами и Грубешовымъ селеніяхъ, изъ коихъ многія представляются замѣчательными и заслуживаютъ подробнаго изслѣдованія, напр. Ярославце (около Ухане), основанное или переименованное, вѣроятно, Ярославомъ Мудрымъ, по занятіи Черненскихъ городовъ⁴⁾, направились къ Гра-

¹⁾ Подробно-Семеновичъ: Начало уніи въ Холмской епархіи Х. В. епарх. вѣстн. 1881 г. № 24, стр. 401 и 402.

²⁾ Ibid стр. 398.

³⁾ Арх. Холм. дух. правл. № 226. Также acta notar. apost. Chelm. стр. 139—141.

⁴⁾ Имущественныя права Ярославичей церкви выражены въ грамотѣ Владислава IV отъ 30 іюля 1640 г.

бовцу, столь прославленному Вольнымъ лѣтописцемъ¹⁾.

Почти вся позднѣйшая исторія его (если не считать

¹⁾ Весьма важные матеріалы къ исторіи епископскихъ сель Слепче, Космова, Сtryжева, Невѣркова, Перемиловки, Жукова и Бутыни содержатся въ грамотахъ Влидислава Ягайлы и Казимира IV. Три такихъ грамоты находятся въ книгѣ привиллегій Холмско-уніатской епископской кафедры (Холмскій церк. арх. музей). Одною грамотою, по просьбѣ Холмскаго епископа Харитона, въ 1425 г., введено Ягайлой Тевтонское право, *quod sredense dicitur*, вмѣсто польско-русскаго, въ селахъ Слепче и Космовѣ, надъ Бугомъ, Холмскаго округа, земли русскаго. Другою грамотою, отъ 1461 г., Казимиръ IV, по просьбѣ Холмскаго епископа Григорія, ввелъ Тевтонско-Магдебургское право взаменъ польско-русскаго, въ селахъ послѣдняго Стрижевѣ, Невѣрковѣ и Перемиловкѣ *Грубешовскаго* округа, Жуковѣ и Бутынѣ округа *Холмскаго*. Обѣ грамоты составляютъ почти буквальное повтореніе подобныхъ-же грамотъ, данныхъ Червонорусскимъ городамъ, съ тою лишь разницею, что вмѣсто мѣщанъ, въ ней говорится о сельскихъ обывателяхъ, а вмѣсто войта фигурируетъ солтысъ. Кмети и другіе сельскіе жители подчинялись юрисдикціи своего солтысы, а солтысъ—суду владыки, или его уполномоченныхъ, или королевскому генеральному суду, по письменному приказу короля. Третья грамота, Владислава Ягайлы, отъ 1428 г., подтверждаетъ совершенный 1424 г., въ г. Грубешовѣ, актъ продажи дворянину Лаврентію Странчику Холмскимъ епископомъ Харитономъ солтыства съ шестью ланами земли въ селахъ Слепче и Космовѣ, съ мельницами и рыбною ловлею въ р. Бугѣ и сосѣднихъ р. Волынкѣ и Конотопѣ, съ третьею частью оброчныхъ статей, которыя обыватели платили епископу хлѣбомъ, яйцами, курами, каплунами, и шестую часть денежной подати, но съ тѣмъ, чтобы обыватели не стѣснялись въ предоставленныхъ имъ правахъ пользованія мельницами, рыбными ловлями, и т. под., и уплачивали бы ежегодно съ cadaго лана, ко дню св. Мартина, установленную королемъ повинность: по сорока грошей, шестидесяти яицъ и по двѣ пары куръ и каулуновъ.

документовъ экономического характера), исчерпывается обстоятельствами, изложенными въ люстраціонномъ актѣ 1628 г. Грабовець (надъ Калиповкою, притокомъ Вепря), принадлежалъ къ волости Юрія Наримунтовича и вмѣстѣ съ землею Белзскою перешелъ къ Земовиту Мазовецкому, женатому на сестрѣ Ягайлы. По описанію Гвагнини, въ началѣ XVI вѣка около города былъ замокъ на высокой горѣ¹⁾. Грамотою князя Мазовецкаго Владислава, данною въ Сокалѣ 1447 г., введено въ Грабовцѣ, называемомъ „*civitas*“, Магдебурго-Тевтонское право взаимно польскаго и русскаго. Въ подтвердительной грамотѣ Сигизмунда I отъ 1511 г. говорится о церковной десятинѣ, размѣръ которой опредѣленъ въ шесть грошей съ cadaго двора. Обѣ грамоты подтверждены Сигизмундомъ Августомъ 1566 г. и Стефаномъ Баторіемъ въ 1578 году. Привиллегіей Сигизмунда III отъ 15-го мая 1593 г. остаются въ силѣ права, предоставленныя Грабовецкимъ обывателямъ, ограничивается самовластіе старосты и улаживаются споры между нимъ и мѣщанами въ отношеніи пользованія лѣсомъ и пастбищами, обязательныхъ замковыхъ работъ, избранія войта и т. под. Запрещается ему выматательство и всякія поборы, противные издавна установившимся и засвидѣтельствованнымъ присягою обычаямъ, какъ напр. требованіе свѣше четырехъ мѣръ солоду въ опредѣленные сроки. Наконецъ староста обязывается возратить *русской церкви* (вѣроятно Вознесенія Господня)²⁾ отобранныя отъ нея земли и луга. Изъ люстраціоннаго протокола 1629 г. открывается, что лю-

¹⁾ Бал. и Лип. Star. Pol. т. II стр. 1193.

²⁾ Фундушъ ея подтвержденъ въ 1701 г. Августомъ II (Арх. Холм. Дух. Правл. № 42).

страторы, обязанные по четвертямъ года представлять отчеты (lupary), назначались два религіи римской, и одинъ—религіи греческой, и что во вносъ церковной десятины (ко дню св. Мартина) принимали участіе все городскіе ремесленные цѣхи¹⁾.

Въ полосѣ, пограничной между областями Холмско-Червенской и Галичско-Перемышльской, изъ многихъ древнихъ поселеній заслуживаетъ упоминанія с. Рогозно, рядомъ съ основаннымъ Оомою Замойскимъ въ 1618 г. Томашовымъ. Нельзя сближать Рогозно съ лѣтописной Рогожиной (1213 г.)²⁾, но есть основаніе отнести это село къ одному изъ тѣхъ, которыя жгли поляки во время движенія къ Белзу въ 1268 г. Случайно мы узнаемъ, что уже въ половинѣ XVI вѣка была тамъ православная церковь. Въ надписи на одномъ рукописномъ евангеліи означено, что въ 1552 г. при королѣ Сигизмундѣ Августѣ и при епископѣ Холмскомъ Θεодосіѣ, евангеліе купилъ нѣкто Игнатъ Мацевичъ и „придалъ къ церкви великаго собора Архистратига Михаила у селѣ Рогознѣ... на вѣкъ вѣчный“, и. т. д.³⁾. Въ топографическомъ отношеніи любопытно описаніе границъ Рогозинскихъ полей въ грамотѣ Оомы Замойскаго, данной Тома-

¹⁾ Obl. grod. Gorodel. 1730. Копія люстраціоннаго акта имѣется и въ Холмскомъ музеѣ.

²⁾ Такъ называлась, вѣроятно, какая нибудь рѣка въ Галиціи, хотя теперь такого названія не встрѣчается (см. Я. Головацкаго географич.-статистич. и историко-этнографич. очерки Галичины. Предисловіе къ народнымъ пѣснямъ Галицкой и Угорской Руси. Москва. 1878 г. т. I).

³⁾ Модестъ. Опис. Холм. церковн. арх. музея. Въ метрической книгѣ Николаевской (Томашевской) церкви подъ 1740 г. упоминается пресвитеръ Рогозскій Василій.

шовскимъ мѣщанамъ 15 мая 1621 г. Начинаясь отъ сел. Рогозно, они тянулись по дорогѣ къ Венржку и Жеребичей; отъ Сѣнковскаго рва къ Медвѣжьему лѣсу надъ Свинюшкой, по дорогѣ вдоль Лосинецкихъ полей на Чижи. Далѣе къ ручью Ворѣново, по долину Склукцѣ, до лѣса, называемаго Дубомъ, по рѣчкѣ Коссовый—Ровъ, и т. д. Поля (перешедшія къ Замоискому по наследственному праву) разбиты были на „четверти“. Тою же грамотою устанавливаются повинности въ пользу владѣльца и церкви. Последней надлежало давать съ лапа земли по два корца жита, одинъ корецъ овса, Белзской мѣры, и шесть грошей ежегодно. Торгово-промышленныя льготы и Тевтонско-Магдебургское право даровано обывателямъ и города, и предмѣстья, наравнѣ съ восемью другими окружными городами въ ординаціи. Для управленія городомъ учреждались четыре радца. Двое назначались уполномоченнымъ Замоискаго. При выборѣ остальныхъ предоставлено участвовать всѣмъ обывателямъ, какъ римско-католическаго исповѣданія, такъ и принявшимъ унию съ костеломъ римскимъ¹⁾. Подобный же порядокъ узаконенъ и для лавниковъ. Во славу Божию, горожане обязывались построить въ городѣ, на свой счетъ, въ теченіи трехъ лѣтъ, приходскій костелъ (*ecclesiam parochialem*), подъ страхомъ потери даруемыхъ имъ преимуществъ,—для чего установленъ сборъ по два гроша со двора²⁾. По непонятной небрежности, грамота не пояс-

¹⁾ Слѣдовательно, неуниты не могли занимать никакой должности въ городскомъ управленіи.

²⁾ Подл. привил. въ Любл. арх. Oblat. 1750 г. № 109. Сравн. Метр. корон. стр. 167, стр. 48. Условіе постройки костела—лучшее доказательство, что на Рогозинскихъ поляхъ до XVII в. его не было. Спустя цѣлое столѣтіе, въ 1725 г., возникъ въ Томашовѣ монастырь Тринитаріевъ (*Bulinski Hist. kośc. polsk. т. III стр. 346, Сравн. Bal. и Lip. Star. Pol. т. II стр. 1245*).

няетъ, о какой именно существующей церкви идетъ въ цей рѣчь. Только изъ актовъ Томашовскаго православнаго прихода оказывается, что въ предѣлахъ Рогозинскихъ полей, вошедшихъ въ черту Томашова (кромѣ церкви с. Рогозна) было три церкви: двѣ предмѣстскія во имя Николы Мирликійскаго и Успенія Божіей Матери и собственно городская во имя св. великомученика Христова Георгія. О нихъ мы имѣемъ свидѣтельства достовѣрныя за вторую половину XVII вѣка, а именно метрическія книги св. Николаевской съ 1689 г. и св. Георгіевской съ 1657 г. Старѣйшихъ метрикъ Успенской церкви не сохранилось, но въ метрикахъ св. Георгіевской церкви я нашелъ, подъ 1690 г., отмѣтку о совершеніи крещенія „Ѳеодоромъ, пресвитеромъ св. Успенскимъ Томашовскимъ¹⁾. Предоставляя мѣстнымъ изслѣдователямъ привести въ извѣстность, — когда именно возникли поименованныя церкви, замѣчу съ своей стороны, что если на такомъ незначительномъ пространствѣ (Рогозно и Томашовъ) еще въ XVII вѣкѣ было четыре православныхъ церкви, изъ которыхъ три основаны во времена незапамятныя, то, очевидно, туземная народность на юго-западной окраинѣ Холмско-Червенской области искони была исключительно русскою. Такой характеръ она сохранила донинѣ, подвергшись въ незначительной степени латинизація, усилившейся вслѣдъ за учрежденіемъ Замоиской ординаціи и постройкой въ Томашовѣ 1725 г. (для Трини-

¹⁾ Кажется, въ протестаціи 1667 г., этому самому священнику принадлежитъ заявленіе о томъ, что ксендзъ Сеправскій отдалъ десятину въ аренду жидамъ, которые взыскиваютъ ее съ русскихъ прихожанъ и причиняютъ имъ разныя обиды. Семеновичъ. Начало униі въ Холм. еп. (Х. В. Еп. Вѣстн. 1882 г. № 3, стр. 44 и 45).

таріевъ) и окрестностяхъ нѣсколькихъ костеловъ, напр. въ Юзefовѣ¹⁾. Образчикомъ того предпочтенія, какой нѣкоторые изъ Замойскихъ отдавали послѣдователямъ латинской вѣры, можно выставить привиллегію 1732 г. (10 сентября), данную ординатомъ Михаиломъ Здиславомъ Замойскимъ населенію г. Юзefова (земли Холмской), занимающемуся выдѣлкою ситъ. Онъ разрѣшилъ ему пользоваться ординацкимъ лѣсомъ и торговать ситами въ ординаціи и во всѣхъ другихъ мѣстахъ, съ тѣмъ лишь условіемъ, чтобы они уплачивали денежную подать на нужды Юзefовскаго костела²⁾. Подобныя же явленія наблюдаются во всѣхъ почти городахъ, перешедшихъ въ руки Яна Замойскаго. Такъ было и въ Крешовскомъ округѣ, который еще въ жалованной грамотѣ Сигизмунда ІІІ (отъ 1588 г.) полагается въ области *русской*, въ землѣ *Перемишльской*³⁾. До преобразования Крешова въ городъ (на Магдебургскомъ правѣ), что подтверждено Владиславомъ ІV въ 1641 г. для Екатерины, вдовы Оомы

¹⁾ Основанъ также въ 1725 г. Оомою Замойскимъ. Булинскій утверждаетъ, что по примѣру и подстрекательству Яна Замойскаго, немало шляхты въ воеводствахъ Белзскомъ и Люблинскомъ перешло въ католицизмъ. Основанная имъ Замойская академія была разсадникомъ сего послѣдняго. Сынъ Яна Оома пошелъ по стопамъ отца и своей пропагандой многихъ совратилъ въ католическую вѣру (Hist. kosc. Polsk. т. ІІІ стр. 173, 174 и 345)

²⁾ Подлин. привил. въ Любл. арх. Такой политикѣ слѣдовали далеко не всѣ Замойскіе. Вѣротерпимость лучшихъ представителей этой фамиліи доходила до того, что они давали средства на постройку православныхъ церквей (въ текущемъ столѣтіи).

³⁾ Въ грамотѣ говорится: „Въ уваженіе государственныхъ заслугъ Яна Замойскаго, Крешовское староство въ земляхъ русскихъ, коими онъ пожизненно владѣетъ, жалуемъ ему и его потомкамъ на правѣ дѣдичномъ (Bal. и Lip. Star. Pol. т. ІІ стр. 672).

Замойскаго, основательницы Замостской семинаріи¹⁾, въ Крешовѣ не было никакого костела, а была церковь Преображенія *съ монастыремъ*. Какъ давно она существовала, кромѣ приведенной мною отмѣтки на евангеліи, даетъ нѣкоторое понятіе сеймовая грамота Яна Казимира, отъ 1659 г., санкціонирующая всѣ пожертвованія и отказы разныхъ лицъ въ пользу монастыря при церкви Преображенія, одобренная многими *предмѣстниками* короля²⁾. Въ книгѣ, изданной въ прошломъ столѣтіи (Географія Галиціи 1786 г.), при описаніи Крешова упоминается о монастырѣ Паулиновъ, основанномъ какими то Молодечками, вѣроятно не ранѣе второй половины XVII вѣка³⁾. Нигдѣ, однако, въ ординаціи Замойской католическая пропаганда не принимала такихъ грандіозныхъ размѣровъ, какъ въ Замостьѣ. Въ самое короткое время, послѣ постройки Яномъ Замойскимъ костела (1580 г.), причемъ всѣмъ мѣщанамъ внушалось исповѣдывать римс католическую вѣру, съ освобожденіемъ на 25 лѣтъ отъ всякихъ повинностей, исключая платежей на костель, — къ коимъ привлечены были и предмѣщане,—въ Замостьѣ стали расоваться богатые костелы Францишкановъ, Бонифратровъ, Реформатовъ...⁴⁾. Въ началѣ XVIII вѣка столпомъ католицизма въ Холмщинѣ считался епископъ Холмскій (латинскій) Юрій Замойскій (умеръ 1620 г.).

¹⁾ Bulinski. Hist. kośc. polsk. т. III стр. 451,

²⁾ VoL. leg. т. IV., f. 651.

³⁾ Первый монастырь Паулиновъ въ Холмщинѣ появился, какъжется, въ Уханяхъ 1482 г. Nakielski Mieczowia, стр. 538.

⁴⁾ По количеству католическихъ костеловъ и монастырей первенство принадлежитъ Люблину. Перечислю ихъ въ хронологическомъ порядкѣ: костель Михаила Архангела 1282 г., костель Св. Духа,—костель съ монастыремъ Доминикановъ 1342 г. ко-

Біографъ его Пиховскій свидѣтельствовалъ въ 1717 г., что и понинѣ вѣрный народъ и духовенство вдохновляются его преданностью вѣрѣ и примѣрнымъ благочестіемъ¹⁾.

стель Св. Троицы 1395 г., костель Пресв. Дѣвы Маріи съ монастыремъ Бригидокъ 1426 г., монастырь Бернандинскій 1458 г., Іезуитскій 1582, братства Милосердія 1590, костель св. Креста съ монастыремъ Доминикановъ обсерваторъ 1607, костель съ монастыремъ Кармелитовъ 1610, костель св. Войцѣха 1611, костель съ монастыремъ Бернардинокъ 1618, костель съ монастыремъ Францисканокъ 1619, (близъ Солом. рынка), Августинскій 1624, (на Калиновщинѣ), монастырь Бонифратровъ 1653 г. По учрежденіи семинаріи, 1675 г., введены 1714 г. миссіонаріи, костель, при семинаріи, Кармелитовъ 1659, Реформатскій костель 1674, Кармелитки 1680., Визитки 1700, Капуцины 1724, Сестры Милосердія 1730, и костель Тринитаріевъ 1731 г. Всего около 25 костеловъ и монастырей съ конца XIII до половины XVIII столѣтія.

¹⁾ Buliński Hist. kość. pol. т. II. стр. 267 и 268.

Г. КРАСНОСТАВЪ

И ЕГО ПРАВОСЛАВНЫЯ ЦЕРКВИ.

Обзоръ Червенскихъ городовъ закончу г. Красноставомъ. Онъ основанъ въ 1394 г. на поляхъ села Щекарева. Объ этомъ селѣ, имѣвшемъ важное стратегическое значеніе въ XIII вѣкѣ, двукратно упоминаетъ Волинская лѣтопись. Въ немъ, какъ видно, нерѣдко проживали русскіе князья. „Приде Лестько на Данила къ Щекареву бороня ему ити на помощь Мстиславу тестеву своему“. (1219 г.). Болеславъ Польскій въ 1282 г. „воева около Щекарева, взя десять селъ и тако идяшетъ назадъ съ великою тордостью; творяшетъ бо ся аки всю землю вземъ“ (по другимъ спискамъ: „аки всю Русь взялъ“). Погодинъ и Бѣляевъ затруднялись опредѣлить мѣстоположеніе Щекарева. Балинскій, Липинскій, Зубрицкій и Шараневичъ впервые сообщили вѣрныя топографическія свѣдѣнія о немъ, указавъ на тождество его съ Красноставомъ. Мнѣніе ихъ вполне оправдывается грамотою короля Казимира IV, данной въ Краковѣ 1462 г., которою подтверждается привиллегія Владислава Ягайлы отъ 1394 г. о преобразованіи Щекарева въ городъ Красноставъ и о дарованіи ему Магдебургскаго права. Вотъ ея начало: „Мы, Божією милостію, Польскій король Казиміръ объявляемъ всѣмъ, кому о томъ вѣдать надлежитъ, что намъ предъявлена просьба шляхетнаго Стани-

слава изъ Пржибыславиць, войта Щекарева или Красностава, дабы мы подтвердили ниже изложенную привилегию польскаго короля Владислава: Владиславъ король Польскій объявляемъ..., что въ воздаяніе многихъ важныхъ вѣрноподданическихъ заслугъ, оказанныхъ Станиславомъ изъ Кожиць, мы жалуемъ ему и потомкамъ его, на вотчинномъ правѣ, войтовство наше Щекаревъ, въ землѣ Люблинской, на р. Вепрѣ, каковое село или мѣстечко Щекаревъ отнынѣ преобразуемъ въ городъ и этому городу даруемъ 100 лановъ франконскихъ земли, изъ коихъ два лана для *церковныхъ* нуждъ," и т. д.— Монахи Красноставскаго Августинскаго монастыря, основываясь на какихъ-то своихъ лѣтописяхъ, утверждали въ 1669 г., что до основанія Красностава Щекаревъ погибъ вслѣдствіе обвала земли (*per absorptionem abyssus terrae periit*)¹⁾. Народное преданіе приписываетъ основаніе Щекарева Щеку — брату Кія и Хорива, унаслѣдовавшему западную часть Руси. Имъ же, вѣроятно, былъ заложенъ упоминаемый въ Волынской лѣтописи и

¹⁾ Oblat Grod. Krasnost. N. 6, fol. 10. — Такимъ образомъ въ концѣ XIV в. прежнія границы Люблинской земли значительно расширились, захвативъ часть земли Холмской, къ которой принадлежалъ и Туробинъ, относившійся съ XV в. къ Холмской епархіи и православной, и католической, ибо тамъ былъ уже въ 1447 г. костель, получившій по просьбѣ Петра Шамотульскаго отпустить отъ папы Николая V—въ этомъ году. Theiner т. II, рад. 45. Бул. Hist. kośc. Pol. т. II стр. 372. Вѣроятно, это тотъ амый каедральный костель, который въ 1574 г. былъ Горками передѣланъ въ аріанскую церковь и который въ 1595 г. возвращенъ католикамъ епископомъ Холм. Станиславомъ Гомолинскимъ и освященъ вновь епископомъ Свирскимъ 1623 г. (Бал. и Лип. St. Pol., т. II, стр. 814).

неизвѣстно гдѣ лежавшій Щекотовъ¹⁾. Его же именемъ названа находящаяся въ сосѣдствѣ съ селомъ Столпье, Холмскаго уѣзда, — гора Щекавица, гдѣ, по преданію, также какъ и въ самомъ Холмѣ (пишетъ Я. Суша), было поставлено Щекомъ языческое капище, и вмѣстѣ съ тѣмъ напоминающая Кіевскую гору Щековицу, на которой, по словамъ Нестора, находится Олегова могила („погребомша его на горѣ, еже глаголется Щековица²⁾). Щекаревъ, нынѣ Красноставъ, расположенный въ живописной мѣстности, на самомъ берегу судоходнаго Вепря, былъ однимъ изъ древнѣйшихъ русскихъ поселеній въ Холмщинѣ. Красноставскій округъ окаймлялся рѣкою Вепремъ и притокомъ его Гелчевомъ, называвшимся прежде Белзой, и лежалъ между землей Люблинской и округами или уѣздами Холмской земли Холмскимъ, Грубешовскимъ и Щебрешинскимъ. Какъ главный городъ центральнаго округа Холмской земли, Красноставъ былъ избранъ въ 1477 г. мѣстомъ съѣзда всего ея дворянства съ цѣлью постановленія для нея общаго земскаго статута, а въ 1490 г. резиденціей Холмскаго латинскаго епископа³⁾. Переводъ латинской епископіи въ Красноставъ значительно способствовалъ латинизаціи нѣкоторыхъ частей округа, хотя, повидимому, она дѣлала медленные успѣхи. Костелы начали постепенно возникать въ окрестностяхъ Красностава лишь съ половины XVI вѣка.

¹⁾ По словамъ Барсова, слѣды его указываются къ сѣверу отъ Львова въ Городищѣ близъ с. Глинска въ Жолковскомъ округѣ (Очерки историч. геогр. стр. 118, изд. 1885 г.).

²⁾ По Никоновскому списку Олегъ умеръ въ Ладогѣ.

³⁾ Актъ перевода латинской епископской кафедры изъ Грубешова въ Красноставъ записанъ въ Metr. Когон. кн. 14, стр. 369

Такъ, въ Пяскахъ (прежній Погорѣлый Ставъ, надъ Гелчевомъ, гдѣ въ XV в. сидѣлъ русскій дѣдичъ Яковъ Долото), построенъ костелъ въ 1531 г.¹⁾ Красноставскій округъ по своему географическому положенію былъ едва ли не важнѣйшимъ во всей Холмщинѣ по присоединеніи ея къ Польшѣ. Нѣкоторыя села его считались въ XV вѣкѣ предградьями Красностава не иначе какъ потому, что до основанія послѣдняго тянули къ Щекареву. Въ этомъ убѣждаетъ грамота Казимира IV, отъ 1477 г. Нуждаясь въ деньгахъ „для государственныхъ потребностей“, король занялъ на одинъ годъ у славетнаго Іоанна Оссолинскаго и его братьевъ 3.000 венгерскихъ флориновъ золотомъ. Уплата долга была обезпечена на королевскомъ имѣніи Красноставъ со всѣми его предградьями и принадлежащими къ нему селами (*in bona nostra regalia Crasznystaw civitatem nostram cum suburbiis parte ex utraque et villis ad predictam civitatem spectantibus, ad predicta bona pertinentibus*) и на всѣхъ оброчныхъ статьяхъ, получавшихся *издревле* съ этого имѣнія предмѣстниками короля. Такъ какъ Красноставскій округъ недостаточно гарантировалъ долга, то одновременно были отданы въ заставъ имѣнія королевскихъ поручителей, занимавшихъ высшія государственныя должности, Петра Курочвинскаго, Петра Кмиты и Андрея Роши²⁾.

По свидѣтельству польскихъ хроникъ, согласныхъ съ приведенною выше привиллегіею Казимира, уже въ половинѣ XIV вѣка существовалъ въ Щекаревѣ православный храмъ³⁾. Подтвержденіе этого свидѣтельства я от-

¹⁾ Bal. i Lip. Star. Pol. т. II, стр. 1124.

²⁾ Metr. koron. lib. 14, p. 210. Варш. гл. арх.

³⁾ Bal. i Lip. Star. Pol. т. II, стр. 785. Święcki. Opis Starod. Polski Т. II, стр. 65.

части нахожу въ жалованной грамотѣ короля Александра Ягеллона отъ 1505 г., данной въ Брестѣ, Красноставскому Августинскому монастырю. Упомянутая грамота короля Александра гласитъ слѣдующее: „Такъ какъ послѣ опустошенія нашихъ владѣній Татарами нѣсколько лѣтъ тому назадъ,—принадлежавшій монастырю св. Троицы братьевъ Пустынниковъ Августинскаго ордена въ городѣ Красноставѣ домъ съ землею обращенъ на городскія нужды съ фортификаціонною цѣлью и, будучи изъятъ изъ вѣдѣнія духовенства, поступилъ во владѣніе города, то въ вознагражденіе монастыря предоставляемъ въ его полную и вѣчную собственность два дома, расположенные между монастырскимъ костеломъ съ одной стороны и домомъ Олески — съ другой, ланъ земли между Радостомъ и Святскомъ (Radosth et Swijathek), средній ланъ между усадьбою Матвѣя Готарда и Михновича и участокъ, между приходскими постройками и полями обывателей Качковскихъ, съ частью поля, называемаго Обшаръ, въ предградьи Госпитальномъ, граничащія съ владѣніями обывателей и *русскаго овященника* (poronis ruthenici). Вмѣстѣ съ тѣмъ освобождаемъ упомянутые дома, усадьбы и земли отъ всякихъ налоговъ и повинностей, какъ то подводной и т. под., передавая ихъ въ исключительное завѣдываніе братьевъ Августиновъ на началахъ гражданскаго права, и проч.¹⁾ Надо полагать, что грамота разумѣетъ нашествіе Татаръ, о которомъ Густынская лѣтопись упоминаетъ подъ 1499 г. „Миндикирей Татаринъ, помогая Москвѣ, послалъ сыновей своихъ со множествомъ татаръ на Вольты и „поплѣниша около Бѣлза, Красника, Туробина,

¹⁾ Метр. корон. кн. 21, стр. 137.

Красного Ставу, Люблина, Урендова и Володымеръ и Берестя сожгоша“... „даже до Высолы огнемъ и мечемъ поплѣниша“.—О томъ же, несомнѣнно, событія доносили Ромодановскій Іоанну Васильевичу III около 1500 г. „Въ Ляцкой землѣ взяли городъ Рубешовъ и сожгли.... да городокъ Белзу, да Львовъ, да Бойской на Сокалѣ на рѣкѣ, да Холмъ, да Люблинъ, да *Красный Ставъ* посадъ сожгли, да въ Литовской землѣ завоевали Берестъ и проч.¹⁾ Въ то время Августинскаго монастыря еще не существовало въ Красноставѣ. Онъ основанъ не ранѣе 1503 г.²⁾ Вѣроятно скоро вслѣдъ затѣмъ былъ построенъ въ Красноставѣ кафедральный католическій костелъ, сгорѣвшій въ первой четверти XVI вѣка. Холмскій католическій епископъ Яковъ Бучацкій, заботясь о возобновленіи его, 1526 г. испросилъ у папы Климента VII отпущеніе для тѣхъ, кто поможетъ этому дѣлу³⁾. При костелѣ учреждена была іезуитская семинарія Валентіемъ Чулскимъ, Холмскимъ архидіакономъ и офиціаломъ, пожертвовавшимъ подъ семинарію обширное зданіе и снабдившимъ ее фундушемъ⁴⁾. Хотя въ актѣ 1505 г. заключается лишь косвенное указаніе на православную церковь и не указывается ея названіе, но, вѣроятно, здѣсь разумѣется церковь во имя св. Параскевы, ибо во 1-хъ, церковь св. Троицкая въ Красноставѣ начата постройкою позднѣе, какъ мы сейчасъ увидимъ, 2)

¹⁾ Карамзинъ. Истор. госуд. Рос. Т. VI, примѣч. 496.

²⁾ M. Buliński. Histor. kościoła Powszechnego Т. IV стр. 281—282. Сравн. того же автора. Hist. Kość. Polsk. т. II. стр. 235.

³⁾ Ibid. стр. 379, Theiner. Т. II, стр. 439.

⁴⁾ Bulinski Hyst. kosc. pol. т. III, стр. 451. Другая семинарія іезуитская была основана въ Замостьѣ Екатериною Замойскою, вдовою Оомы Замойскаго.

въ учредительной грамотѣ церкви св. Троицкой ни слова не говорится о ея *возобновленіи*, и въ 3-хъ, въ той же грамотѣ есть ссылка на церковь св. Параскевы.

Православные Красноставскіе мѣщане получили отъ Короля Сигизмунда Августа слѣдующую привиллегію, данную въ Краковѣ 1542 года (*feria quinta in crastino festi S. Annae*). „Мы, Божіею Милостію, Сигизмундъ Августъ, король Польскій, Великій Князь Литовскій, Русскій, Пруссскій, Мазовецкій и проч.... во вниманіе къ нуждамъ гор. Красностава и-вслѣдствіе челобитной подданныхъ нашихъ Красноставскихъ гражданъ русскаго обряда, разрѣшаемъ имъ построить, изъ камня, русскую церковь (*Synagoga Ruthenica*) во имя пресвятой и нераздѣльной Троицы въ городъ нашъ Красноставъ, позади королевскаго двора, между стѣнами, на валу. Усадьба церковная съ кладбищемъ имѣютъ находиться въ томъ участкѣ, гдѣ расположенъ королевскій дворъ, и простираться въ длину и ширину по тому направленію, какое укажетъ гражданамъ нашъ Красноставскій староста. Граждане греческаго обряда должны заплатить за указанную площадь, по ея дѣйствительной стоимости, цѣну, за какую она ранѣе была приобрѣтена. Вышереченную церковь граждане греческаго обряда обязаны постоянно содержать и поправлять собственными средствами, принимая, однако, наравнѣ со всѣми остальными гражданами участіе по защитѣ города. Для доставленія же гражданамъ греческаго обряда возможности построить церковь, поддерживать ее и охранять, предоставляемъ имъ *jus patronatus* по завѣдыванію церковью и представленію кандидатовъ въ настоятели согласно ихъ обряду и избранію, съ тѣмъ, чтобы это *jus patronatus* отнюдь не нарушалось ни нашимъ старостою, ни влады-

кою, настоящими и будущими, ни остальными гражданами, ни другими лицами какого бы ни было состоянія или званія, но только сами обыватели русины, какъ нынѣ, такъ и впредь, представляли бы по своему выбору священниковъ для своей церкви. Владыка же долженъ утверждать лишь представленнаго ими священника, который засимъ навсегда ввѣряется покровительству и защитѣ нашего Красноставскаго старосты. Независимо отъ того, освобождаемъ самого попа Красноставской церкви и его преемниковъ отъ всякихъ городскихъ податей и повинностей и подчиняемъ его исключительно вѣдѣнію и власти духовной“. Далѣе идетъ перечисленіе утвержденной за церковью недвижимой собственности, начиная съ участка, называемаго Пригородокъ, примыкающаго къ *другой церкви*, св. Параскевы. Засимъ упоминаются: полланокъ земли съ лугами, простирающимися до р. Вепря и границъ с. Лопенника; три участка земли подъ названіемъ Обшары, первый съ лугами — до р. Вепря, второй до Решовской мельницы, третій до с. Ясликова, усадьба Обжарокъ, при дорогѣ Люблинской, и лугъ, называемый Грондекъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ представляется десятина со всѣхъ русиновъ во всемъ староствѣ Красноставскомъ, свободное пользованіе королевскими лѣсами, мельницами, рыбною ловлею въ Вепрѣ и другихъ рѣчкахъ.— Подлинникъ грамоты этой сгорѣлъ. Православные мѣщане Красноставскіе не могли найти ее ни въ актахъ королевской канцеляріи, ни въ другихъ архивахъ, а потому сохранившуюся у нихъ копію грамоты представили, 26 февраля 1581 года, чрезъ своихъ уполномоченныхъ Іова Журавлевича и Илью Михайловича, королю Стефану Баторію и просили возстановить силу и значеніе утраченной грамоты. Стефанъ Баторій

обязать уполномоченныхъ принять въ королевской канцеляріи присягу въ томъ, что предъявленная ими копія согласна съ полученнымъ ими отъ Сигизмунда Августа и погибшимъ отъ ножара подлинникомъ и что они въ дѣйствительности пользовались и пользуются всѣми правами, изложенными въ грамотѣ. По выполненіи ими присяги, Стефанъ Баторій возстановилъ силу утраченной грамоты¹⁾. Впослѣдствіи она была подтверждена Сигизмундомъ III, 15 апрѣля 1589 г., Владиславомъ IV — 13 марта 1634 г., Августомъ III — въ 1755 г. и Станиславомъ въ 1780 г.

Черезъ восемь лѣтъ, т. е. въ 1550 г. (*feria sexta ante festum s. Ioannis Bapt. proxima*), выдана была Сигизмундомъ Августомъ Красноставскимъ мѣщанамъ православнога исповѣданія грамота такого содержанія: „Мы, Сигизмундъ Августъ, доводимъ до всеобщаго свѣдѣнія, что учинили обмѣнъ съ Красноставскими мѣщанами греческаго обряда, по которому уступаемъ имъ усадьбу нашу, гдѣ помѣщался прежде нашъ дворъ, между стѣнами городскими, за цѣлую усадьбу, расположенную на предмѣстьи городскомъ, гдѣ находятся домъ русскаго священника, храмъ пресвятой Троицы и *госпиталь* церковный съ огородами, съ тѣмъ, чтобы вся означенная предмѣстская усадьба навсегда служила для нашихъ надобностей,—а мѣщане употребили бы нашу дворскую усадьбу на надобности *школы* и для жилища священника. Такъ какъ мѣщане изъявили желаніе устроить особыя ворота въ стѣнѣ смежной съ тѣмъ участкомъ, то должны отдѣлить отъ кладбища, для прохода къ нимъ,

¹⁾ Корон. метр., кн. 123, стр. 697 и Obl. grad. Krasn. relationum lib. 79, стр. 593—600.

часть земли по указанію Красноставскаго старосты Николая Богуша, причемъ церковь имѣетъ получать добавочнаго вознагражденія десять марокъ изъ королевской казны, па вѣчныя времена, отъ старосты и его преемниковъ. Равно вмѣняется мѣщанамъ въ обязанность, чтобы, для удобнаго прохода публичныхъ процессій, дорога была открыта отъ храма пресв. Троицы чрезъ владѣнія того храма до церкви св. Параскевы, находящейся между городскими стѣнами близъ воротъ Люблинскихъ. По отношенію къ владѣніямъ церковнымъ, начинающимся отъ этихъ воротъ и доходящимъ до усадьбы монаховъ Августинскаго ордена съ одной стороны, а съ другой до площади Гребеневской, за домами Красноставскихъ мѣщанъ, утверждаемъ десятину, льготы и права, имъ присвоенныя, съ освобожденіемъ отъ государственныхъ податей и повинностей“¹⁾).

Итакъ, благодаря усердію Красноставскихъ русиновъ, уже въ половинѣ XVI вѣка процвѣтала въ Красноставѣ церковно-приходская школа и богадѣльня, гдѣ призрѣвались нищіе и убогіе православной вѣры. И та и другая состояли въ ближайшемъ завѣдываніи Красноставскаго братства. Нельзя сказать, когда послѣднее организовалось и получило ли утвержденіе, подобно братствамъ Люблинскому, Холимскому и Замостскому, но, вѣроятно, возникло оно не позже XV вѣка. О существованіи Красноставскаго братства и его дѣятельности сохранилось немного свидѣтельствъ. Одно, самое раннее, отысканное мною, заключается въ дарственной записи Богдана Мельяновича отъ 1607 г. (*feria tertia post festum Visitationis beatae Virginis*). Предъ Красностав-

¹⁾ Obl. grod. Krasn. relat., lib. 79, стр. 393—600.

скимъ войтовскимъ и лавничимъ управленіемъ явился дворянинъ г. Красностава Богданъ Мельяновичъ и заявилъ, что онъ отказываетъ, по смерти своей и жены своей Маруси, имущество, доставшееся ему по записи отъ Мельхіора Поліевскаго, совершенной въ Красноставскихъ земскихъ актахъ: домъ съ землею и строениями, между домами Лебедевскаго, съ одной, и Беднаржевскаго, съ другой стороны, на Люблинской улицѣ,—въ пользу церкви св. Троицы, госпиталя для убогихъ греческаго обряда при той церкви и мѣстнаго русскаго *братства*, на вѣчныя времена, передавая послѣднему всѣ свои имущественныя права, съ тѣмъ, чтобы доходы съ этого имѣнія, которое онъ оставляетъ за собою и женою Марусею лишь въ пожизненное владѣніе, обращались единственно на содержаніе настоятеля церкви и призрѣваемыхъ въ госпиталѣ. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ, Богданъ Мельяновичъ, отдаетъ свою землю въ аренду мѣщанамъ Якову Корыткѣ, Лукѣ Зенковичу и Андрею Горчицѣ, возлагая на нихъ огражденіе госпиталя отъ всякихъ претензій, городскихъ сборовъ, и защиту интересовъ онаго согласно съ Магдебургскимъ правомъ, и уполномочиваетъ мѣщанина Зенковича принимать всѣ законныя къ тому мѣры, какія онъ признаетъ нужными. Запись Мельяновича неоднократно подтверждалась польскими королями до самаго раздѣла Польши (Сигизмундомъ III въ 1613 г., Августомъ III въ 1757 г., Станиславомъ—Августомъ въ 1766 г.)¹⁾. Подобныхъ отказовъ въ пользу Красноставскихъ и другихъ Червоно-русскихъ церквей много можно было бы найти. Такова, напр., совершенная въ 1659 г. старостою Брацлавскимъ и Нѣ-

¹⁾ Ibid.

жинскимъ Павломъ Тетерей запись для церкви св. Николая въ Замостьѣ, принадлежавшаго ему дома (близъ церкви), который онъ передавалъ въ вѣдѣніе тамошняго братства ¹⁾. Во всѣхъ такихъ дарственныхъ актахъ Червонорусскія братства, въ лицѣ ихъ выборныхъ старшинъ, являются полными распорядителями церковнаго имущества, изъ чего нельзя не заключить, что они пользовались большимъ довѣріемъ западнорусскаго населенія. Красноставское братство едва ли имѣло формальный уставъ, а слѣдовало освященнымъ вѣками западно-рускимъ обычаямъ, въ силу которыхъ сама приходская община, безъ всякаго правительственнаго участія и контроля, заботилась о матеріальномъ обезпеченіи и украшеніи своего храма, содержаніи престарѣлыхъ, увѣчныхъ, больныхъ и сиротъ, объ устройствѣ и поддержкѣ приходской школы, открытой не только для дѣтей православныхъ, но и для католиковъ ²⁾. Проникнутые евангельскимъ духомъ взаимной любви и самоотверженія, братчики даже бѣднѣйшіе охотно несли свои трудовые гроши въ общую скринку. Кто при жизни почему либо не могъ подѣлиться съ братствомъ своими достатками, тотъ безусловно обязанъ былъ часть своего имущества завѣщать братству, на церковныя потребности. Такой обычай занесенъ и въ нѣкоторые уставы Червонорусскихъ братствъ. „Каждый братъ, либо притомный, либо не притомный, при смерти, останокъ выроку живота своего повиненъ на testamentъ положить своемъ, абы по смерти его дана была вѣдомость братству, и що колвекъ

¹⁾ Akt. grod. Lubel. lib. 109, fol. 323.

²⁾ См. постановл. Красноставскаго синода 12 апр. 1644 г. Историч. записки Бродовича. Львовъ. 1861 г. ч. 2, стр. 81.

будетъ субстанціи, абы легацію учинилъ на убогіе и хоріе того зебранья“ и проч.¹⁾). Кромѣ приведенныхъ началъ, лежавшихъ въ основѣ Червонорусскихъ братствъ, послѣднія почерпали свою мощь и силу въ условіяхъ государственнаго строя Рѣчи Посполитой. Тѣ самыя средства, которыми разнузданная шляхта и ослѣпленное фанатизмомъ духовенство латинское думали разрушить русскую Красноставскую общину и перекроить ее на свой ладъ, придавали ей несокрушимую твердость. Стѣсняемая до послѣдней степени въ гражданскихъ правахъ, она сплотилась въ замкнутый союзъ и, путемъ тѣснаго сближенія своихъ членовъ, одушевляемыхъ одними интересами, одною вѣрою и одною мыслью объ угрожавшей опасности, сама вырабатывала свой жизненный кодексъ и свято соблюдала его, не смотря ни на какія превратности судьбы. Однако, въ XVI столѣтіи братство стало замѣтно изнемогать въ борьбѣ за существованіе и нѣсколько разъ, чрезъ своихъ уполномоченныхъ, искало защиты у короля. Дѣятельное вмѣшательство королевской власти въ раздоры, носяемые Красноставскими католиками, захватившими въ свои руки городское управленіе и считавшими себя въ правѣ, подъ покровомъ разныхъ старинныхъ привилегій, жестоко угнетать русскую народность, начинается при Сигизмундѣ I-мъ. Изъ донесеній, полученныхъ отъ Красноставскихъ войтовъ Андрея и Станислава Ржешовскихъ, производившихъ дознаніе о причинѣ возникшихъ въ Красноставѣ волнений, обнаружилось, что католики безъ всякаго законнаго основанія не допускаютъ проживающихъ тамъ въ большемъ числѣ русиновъ къ отпавленію городскихъ дол-

¹⁾ См. уставъ Замостск. братства.

жностей радцевъ и лавниковъ, отстраняють ихъ отъ участія въ дѣлахъ, мѣшаютъ имъ свободно заниматься ремеслами и исполнять религіозные обряды. Сигизмундъ, на Петроковскомъ сеймѣ, въ 1523 г., издалъ слѣдующій указъ: „Имѣя въ виду, что въ нашемъ городѣ Красноставѣ находится много жителей греческаго обряда, отличающихся способностями, трудолюбіемъ, похвальными обычаями, добродѣтелями, вѣрнопопданностью и исправнымъ отбываніемъ повинностей, — мы предоставляемъ имъ, наравнѣ съ обывателями другихъ городовъ въ нашихъ русскихъ земляхъ, право быть избираемыми на общественныя должности радцевъ и лавниковъ, съ тѣмъ, чтобы, въ предѣлахъ одинаковой съ католиками власти, заботились о городскихъ пользахъ и нуждахъ, за принятіемъ на то присяги по одной съ католиками формулѣ, и равное право заниматься ремеслами, вступать въ цехи, держать учениковъ и обучать ихъ мастерствамъ“. — Далѣе католикамъ запрещалось нарушать королевское повелѣніе подъ страхомъ наказанія и опалы. „Что же касается благочинія церковнаго“, сказано въ указѣ, „то мы желаемъ, чтобы наблюденіе за нимъ лежало исключительно на радцахъ римскаго обряда“¹⁾. Королевскій декретъ не успокоилъ волненій, но поселилъ еще большее раздраженіе между русинами и католиками, такъ какъ совершенно несправедливо давалъ католикамъ полный произволъ во всемъ, что касалось публичныхъ религіозныхъ церемоній. Русины завопили громче прежняго и снова обратились къ королю. Сигизмундъ приказалъ своимъ комиссарамъ произвести подробное разслѣдованіе и, выслушавъ обѣ стороны, отдалъ приказъ, въ

¹⁾ Metr. koron. lib. 36, p. 367.

которомъ, разрѣшая городскому обществу избрать по два русскихъ члена на должности радцевъ и лавниковъ, для примиренія враждующихъ, не скупился на увѣщанія, совѣтуя русинамъ и полякамъ жить въ добромъ согласіи, внушалъ, чтобы одинъ изъ цеховыхъ старшинъ, подъ страхомъ денежной пени, присутствовалъ и на общемъ богослуженіи въ память усопшихъ и на похоронахъ членовъ своего цеха, и чтобы въ случаѣ смерти одного изъ членовъ цеха латинскаго обряда другіе члены того же цеха изъ русиновъ провожали умершаго до самаго кладбища. Такая же обязанность возлагалась на цеховыхъ латинскаго обряда въ случаѣ смерти кого либо изъ русиновъ¹⁾. Притѣсненія русскихъ католиками въ Красноставѣ не прекращались въ теченіи всего XVI столѣтія, какъ видно изъ подтвердительныхъ королевскихъ грамотъ.

Второй періодъ исторіи Красноставскихъ церквей начинается около 1632 г., когда унія проникла въ Красноставъ и церкви св. Троицы и Параскевы обращены были въ уніатскія. Къ тому времени католицизмъ разбросилъ сѣти по всему Красноставскому скругу. Замѣчательны нѣкоторыя постановленія діоцезіальнаго синода, созданнаго въ Красноставѣ 1624 г. епископомъ Матвѣемъ Лубенскимъ. Между прочимъ, въ нихъ изложено: „Поелику въ Холмской діоцезіи приходскихъ костеловъ такъ мало, что одинъ отъ другаго отстоитъ на двѣ или на три мили, вслѣдствіе чего посѣщеніе ихъ сопряжено для населенія съ большими затрудненіями, допускается постройка частныхъ каплицъ съ нашего каждый разъ

¹⁾ Metr. koron. кн. 36, р. 672.

на то разрѣшенія¹⁾. Тѣмъ не менѣе вѣнялось въ обязанность посѣщеніе костеловъ въ большіе праздники. Діаунитскому духовенству внушалось, чтобы оно не благословляло браковъ между лицами обряда латинскаго и обряда греческаго²⁾. Последнее правило было не болѣе какъ повтореніемъ правила, установленнаго Холмскимъ синодомъ въ 1604 г. и запрещаващаго католикамъ соединяться бракомъ со схизматиками, по поощряващаго вступленіе въ бракъ съ уніатами³⁾. Первымъ уніатскимъ священникомъ въ Красноставѣ является, въ 1632 году, Василій Черникевичъ, при которомъ, кажется, и послѣдовало соединеніе обоихъ приходовъ. Называя себя настоятелемъ церквей св. Троицы и св. Параскевы, онъ подавалъ въ этомъ году жалобу на Красноставскихъ мѣщанъ Захарія Подольчика и Тимофея Куснера за оскорбленіе его и подговоръ обывателей къ исполненію духовныхъ требъ у „схизматическаго“ попа въ сосѣднемъ с. Крупе,—на Крупскаго священника Григорія, обвиняя его въ томъ, что исповѣдалъ и причащалъ Красноставскаго прихожанина Болховника, и на мѣщанъ Охримовича и Филипповича по поводу нехожденія ихъ въ уніатскую церковь, посѣщенія схизматической церкви въ Крупе и подстрекательства къ тому другихъ мѣщанъ⁴⁾.

¹⁾ Каплицы эти слыли подъ названіемъ „самоловокъ на русскія души.“

²⁾ Позднѣйшій Красноставскій синодъ, созванный въ 1694 г. Холмскимъ латинскимъ епископомъ Станиславомъ Свѣнцицкимъ, замѣчателенъ развѣ тѣмъ только, что ксендзамъ запрещалось отпускать длинные волосы и рекомендовалось носить бобровыя шапки. (Bulinski. Hist. kosc. pol., т. III, стр. 270—273).

³⁾ Ibid., стр. 493.

⁴⁾ Семеновичъ. Начало уніи въ Холмской епархіи. Холм. Варш. еп. вѣстн. 1881 г. № 22, стр. 361 и 362.

По восшествіи на престолъ Владиславъ IV, склонившись на усиленные просьбы западно-русскаго дворянства и козаковъ, 1-го ноября 1632 г. возстановилъ всѣ нарушенныя права православія въ Червонной Руси¹⁾.

20-го іюня 1633 г., по просьбѣ князя Григорія Четвертинскаго и дворянина Семена Гулевича Воютинскаго отъ имени ихъ и митрополита Кіевскаго Петра Могилы, былъ занесенъ въ Луцкія градскія книги утвержденный королемъ списокъ коронныхъ городовъ и мѣстечекъ русскихъ, въ которыхъ разрѣшалось „добровольное и спокойное одержаніе по одной церкви не въ уніи будущій.“ Въ Холмской Руси поименованы: Люблинъ, Красноставъ, Холмъ, Грубешовъ, Городло, Грабовець, Тышовцы, Тарногура²⁾. Такимъ ограниченіемъ числа церквей, подлежащихъ возвращенію неунитамъ, объясняется почему дальнѣйшая борьба ихъ съ уніатами въ Красноставѣ сосредоточилась около одной Троицкой церкви. Королевскими универсалиями было поручено Луцкому земскому писарю Семену Гулевичу отобрать отъ униатовъ церковь св. Троицы. Приѣхавъ въ Красноставъ 10 іюня 1633 г., онъ объявилъ о содержаніи универсала въ замковскомъ и городскомъ урядахъ и, при содѣйствіи взятаго имъ съ собою вознаго, „церковь св. Троицы мѣщанамъ Красноставскимъ въ уніи не будущимъ... до отправления набоженства подалъ“. Отперевъ церковь, онъ не нашелъ тамъ „святостей давнихъ“. Приведя все въ порядокъ, тотчасъ же начали отправлять „набоженство: на хвалу имени Божьяго, а потомъ за доброе здо-

¹⁾ Подробн. Макарій. Истор. Русск. церкви Т. XI, стр. 436—476.

²⁾ Арх. ю. з. Россіи Т. VI ч. 1, стр. 656—658.

ровѣ и счастливое панованье короля... его милости... и весь родъ христіанскій“. Богослуженіе продолжалось до 21 іюля. Въ этотъ день прїѣхалъ Красноставскій староста и приказалъ гайдукамъ своимъ „церковь каменную св. Троицы, за замками и ключами ихъ пановъ не уни-товъ будущую, отбити и знову ку уніи подати. Которые той гайдуки чинечи досытъ воли и розказаню его милости старостинскому, пана своего, нереспектуючи ничего на домъ Божій, обухами замки поотбіяли и тую церковь знову унитами зо всіми охендозствомъ, аппаратами церковными, книгами до отправления пабоженства ново наданными и тамъ будущими подали“. Обо всемъ этомъ Гулевичъ 22 августа 1633 г. занесъ протестъ въ Луцкія городскія книги противъ кравчаго короннаго Красноставскаго пана Якуба Собесскаго и одновременно обѣщаль довести до свѣдѣнія на сеймѣ въ сенатѣ и въ посольской избѣ для обузданія старосты. Узнавъ же, что староста въ свою очередь подалъ на него жалобу, въ которой, между прочимъ, ссылался на произвольное удаленіе уніатскаго священника, Гулевичъ репротестовалъ, доказывая, что онъ свято исполнялъ возложенное на него порученіе и что „попа жаднаго (никакого), бо его тежъ тамъ и не было, не выкидалъ“¹⁾. Дальнѣйшая передача братству церкви св. Троицы замедлилась надолго вслѣдствіе про-исковъ епископа Терлецакаго и противодѣйствія уніатскаго священника Черникевича, отражавшаго, при помощи вооруженныхъ гайдуковъ, всѣ попытки православныхъ завладѣть храмомъ. Напрасно жаловались Грабовецкому городскому суду на такое насиліе старшины братства Охримовичъ и Филипповичъ. Черникевичъ,

¹⁾ Ibid. стр. 670—672.

ободренный потворствомъ суда, въ свою очередь предъявилъ противъ нихъ обвиненіе въ самовольномъ присвоеніи себѣ званія старшинъ какого-то фиктивного братства, оскорбленіи его и напрасномъ его оклеветаніи¹⁾. Въ 1634 году Красноставскіе мѣщане повторили попытку отобрать церковь св. Троицы, но встрѣтили снова отпоръ со стороны Черникевича, который прикрывался приказомъ Терлецаго, своевременно извѣщеннаго о замыслѣ русиновъ мѣстнымъ старостою Маркомъ Собѣскимъ²⁾. Ожесточенная борьба между православными и уніатами въ Красноставѣ продолжалась много лѣтъ, съ переменнымъ успѣхомъ. Такъ, изъ протеста уніатскаго настоятеля церкви св. Троицы Григорія Гичевича видно, что въ великій постъ Красноставскіе мѣщане Дажбоговичъ, Гребенчукъ, Георгій Филипповичъ и др. ночью выломали церковныя двери, возстановили въ ней своего священника и вновь освятили церковь. Неизвѣстно—какой послѣдовалъ приговоръ по этому дѣлу, но, вѣроятно, имъ угрожала смертная казнь, если мѣщанинъ Николай Волыневичъ былъ приговоренъ Красноставскимъ судомъ къ 4-хъ мѣсячному тюремному заключенію и уплатѣ пени въ 50 гривенъ лишь за то, что въ присутствіи судей осмѣлился поднять палецъ и тѣмъ якобы оказалъ дерзкое неуваженіе къ власти³⁾. Церковь же снова поступила въ вѣдѣніе Терлецаго. По крайней мѣрѣ въ представленномъ королю 1639 г. коллективномъ заявленіи Волынское дворянство, обвиняя Терлецаго въ возмутитель-

¹⁾ См. упом. соч. Семеновича.

²⁾ Записки Л. Кишки, стр. 724.

³⁾ Арх. б. Холмской консисторіи. Выдержки приведены Семеновичемъ (Х. В. еп. вѣстн. 1881 г. № 22, 23, 24).

ныхъ злодѣяніяхъ относительно неунитовъ и православнаго духовенства, указывало и на незаконное отнятіе имъ Красноставской церкви. Бѣдствія православныхъ мѣщанъ Красностава, несмотря на энергическую поддержку дворянства, не прекращались до той поры, пока на защиту ихъ не возсталъ Богданъ Хмѣльницкій. Извѣстные челобитныя его на имя польскаго правительства, 1648—1650 г., служатъ несомнѣннымъ доказательствомъ, что Красноставскія церкви пользовались среди южнорусскаго народа такою же популярностью какъ и церковь Люблинская. Настаивая на возвращеніи православнымъ отнятыхъ уніатами церквей съ ихъ имѣніями, Хмѣльницкій прямо называлъ Красноставскія церкви, и выдача ихъ была поставлена однимъ изъ условій Зборовскаго договора. Въ привилегіи, данной на основаніи этого договора, 1650 г., король Янъ Казиміръ объявилъ, что возвращаетъ Красноставскую церковь св. Троицы всему русскому не состоящему въ уніи народу¹⁾. Подробно описывая занятіе Холмской епархіи Кіевскимъ Митрополитомъ Сильвестромъ Коссовымъ, Я. Суша говоритъ, что изъ Люблина митрополитъ проѣхалъ въ Красноставъ и отстранилъ отъ церкви уніатскаго настоятеля, который, взявъ св. дары, перенесъ ихъ въ латинскій костелъ. Вскорѣ потомъ въ Красноставѣ повторилось то же, что и въ другихъ городахъ Червонной Руси, послѣ пораженія козаковъ подъ Берестечкомъ,—т. е. церкви были отданы снова уніатскому духовенству (1651 г.), впрочемъ лишь во временную администрацію (для охраненія ихъ отъ православнаго епископа Деонисія Балабана), такъ какъ было рѣшено присоединить Холмскую уніатскую епархію

¹⁾ Бентышъ-Каменскій. Историч. изв. объ уніи, стр. 112—131

къ латинской. Потому-то (писалъ Суша) прахъ Мееодія Терлецкаго латинскимъ капитуломъ былъ взятъ изъ Холмскаго кафедральнаго собора, находившагося тогда въ рукахъ неунитовъ, и перенесенъ въ гробницу латинскихъ епископовъ въ Красноставѣ, въ знакъ присоединенія его къ латинскимъ епископамъ. Вскорѣ по объявленіи царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ войны Польшѣ за нарушеніе Зборовскаго договора, въ 1654 г., Красноставъ былъ взятъ соединеннымъ отрядомъ козаковъ и Московскаго войска подъ начальствомъ Данила Выговскаго и Петра Потемкина и сдѣлался ареной такихъ же кровавыхъ событій, какія происходили тамъ въ 1649 г., при первомъ походѣ козаковъ въ Червонную Русь. Современный актъ служить самымъ краснорѣчивымъ свидѣтельствомъ пребыванія козаковъ въ Красноставѣ, въ 1649 г.: „Во время бурнаго безкорольевья, наступившаго по смерти короля Владислава IV, взбунтовались козаки подъ предводительствомъ главнаго своего агитатора Богдана Хмѣльницкаго, который, соединившись со Скифами (cum Scythia) и собравъ большія полчища, поразилъ войско наше подъ Корсунемъ и часть его, съ двумя воеводами, взялъ въ плѣнъ, затѣмъ снова разбилъ наше вновь организованное войско подъ Пилавцами и обратилъ въ бѣгство. Во время выборовъ новаго короля Хмѣльницкій съ своими ордами козаковъ и татаръ проникъ въ глубь страны и опустошилъ ее огнемъ и мечемъ. Наконецъ Хмѣльницкій раскинулъ свои обозы подъ Замостьемъ и обложилъ этотъ укрѣпленный городъ. Оттуда онъ высылалъ козаковъ и Скифовъ въ окрестности на грабежи, продержавъ Замостье въ осадѣ цѣлый мѣсяцъ или нѣсколько долѣе, до самаго избранія новаго короля Яна Казимира. Хотя Хмѣльницкимъ и заключено было пе-

ремиріє съ Замостьемъ, но онъ не отступалъ отъ города и не прекращалъ набѣговъ до тѣхъ поръ, пока вновь избранный король не отправилъ къ нему своего посла. Только тогда Хмѣльницкій снялъ осаду, въ первыхъ числахъ ноября прошлаго года, разрушивъ много замковъ и имѣній королевскихъ, костеловъ, а также имѣній, дворовъ и построекъ шляхетскихъ. Въ то именно время козаки сожгли акты городскіе Красноставскіе, остались же только разрозненные акты Красноставскіе земскіе, спрятанные въ мѣстномъ кафедральномъ костелѣ¹⁾. Слѣды пребыванія козаковъ въ Красноставѣ сохранились, кромѣ того, въ двухъ грамотахъ короля Яна Казимира отъ 20 іюля 1649 г. и 14 мая 1651 г. Одною изъ нихъ во вниманіе къ тому, что, городъ Красноставъ сильно пострадалъ „отъ наѣзда взбунтовавшихся козаковъ“ и мостъ на рѣкѣ Вепрѣ пришелъ въ совершенный упадокъ, разрѣшено выстроить новый мостъ, а пошлину за проѣздъ черезъ него обращать на разныя городскія нужды. Другою грамотою король, въ виду того, что козаки совершенно опустошили г. Красноставъ и обратили его въ пепелъ, вслѣдствіе чего граждане впали въ страшную нищету, повелѣлъ освободить жителей Красностава отъ военного постоя и отъ всякихъ повинностей въ пользу войска какъ регулярнаго, такъ и посполитаго. Янъ Казиміръ не переставалъ заботиться о благосостояніи Красностава и 2-го августа 1677 г. утвердилъ привиллегію, данную этому городу Сигизмундомъ III, 2-го сентября 1611 г., въ силу которой купцы, проѣзжавшіе чрезъ Красноставъ съ товаромъ изъ Волыни и Подоліи въ Люблинъ и Казимержъ, обязаны были останавливаться въ Красно-

¹⁾ Кн. зем. Красност. 27; стр. 750.

ставѣ въ теченіи четырехъ дней, для продажи своихъ товаровъ¹⁾. Последняя грамота и грамота Сигизмунда Августа 1542 г., разрѣшившая устройство въ Красноставѣ складовъ русской соли²⁾, важны въ томъ отношеніи, что указываютъ на Красноставъ, какъ на промежуточный торговый пунктъ, чрезъ который русскіе товары слѣдовали въ Люблинъ и далѣе въ Великопольшу. Такою промежуточною станціей онъ служилъ, наравнѣ съ Грубешовымъ, въ XV вѣкѣ и ранѣе, какъ видно изъ грамоты 1450 г., дарованной русскимъ купцамъ, проѣзжавшимъ въ Люблинъ³⁾. Этимъ же отчасти объясняется—почему Красноставскія церкви православныя пользовались во всей южной Руси большею популярностью, нежели многія другія древнія Червонорусскія церкви. Грамоты, подобныя Красноставской, съ ссылкой на козацкіе набѣги, жаловались Яномъ Казиміромъ многимъ городамъ и мѣстечкамъ Забужья. Козаки, какъ видно, побывали вездѣ, гдѣ православные храмы перешли въ распоряженіе уніатскаго духовенства. — Заботясь объ экономическомъ развитіи раззоренныхъ войнами городовъ, Янъ Казиміръ еще въ большей степени содѣйствовалъ успѣхамъ латинской пропаганды въ его владѣніяхъ. При немъ быстро стало возрастать число латинскихъ монастырей и костеловъ. Особенною ревностью въ этомъ отношеніи отличался Холмскій суфраганъ Николай Свирскій, основавшій монастырь Бонифратровъ въ Красноставѣ (одновременно съ Люблинскимъ и Замостскимъ) и монастырь Бернардинскій на горѣ св. Антонія (Кра-

¹⁾ Всѣ эти грамоты—въ Люблин. арх. древ. актовъ.

²⁾ Метр. корон. кн. 63, стр. 223.

³⁾ Метр. Корон. кн. 10, стр. 52.

спост. округа, выше Туробина). Фундаціи и того, и другого, были утверждены сеймовыми постановленіями 1676 и 1677 г.¹⁾. Еще ранѣе іезуитами былъ построенъ въ Красноставѣ костелъ подѣ титуломъ св. Францишка, обновленный епископомъ Матвѣемъ Лубенскимъ въ 1626 году²⁾. Въ исходѣ XVII вѣка, Красноставъ находился уже въ полной власти латинниковъ, имѣвшихъ въ своемъ распоряженіи, для противодѣйствія благотворному вліянію церковно-приходской школы, іезуитскую коллегію и семинарію, которыя надѣлены были богатыми фундашами³⁾. Въ ознаменованіе одержанной надѣ схизматиками побѣды, 18 іюля 1717 г., епископомъ Яномъ Шембекомъ былъ созванъ въ Красноставѣ, изъ духовенства всей діоцезіи, синодъ, продолжавшійся три дня. На четырехъ городскихъ воротахъ торжественно повѣшены были изображенія папы Клементя XI, короля Августа II, Владислава Ягайлы—учредителя Холмской латинской епископіи, и епископа Шембека⁴⁾. — За XVIII вѣкъ о красноставскихъ церквяхъ сохранилось извѣстіе, дающее понятіе какъ о нихъ заботились польскіе короли. Въ 1786 году король Станиславъ Августъ издалъ такой указъ на имя Холмско-Белзскаго епископа Максимиліана Рылы: „По отставкѣ Ильи Издебскаго⁵⁾ приходская церковь въ

¹⁾ Vol. leg. т. V. fasc. 397 и 487. Того же 1677 г. Холмскій суффраганъ Николай Свирскій основалъ въ Красноставѣ костелъ Бонифратровъ и учредилъ при кафедральномъ костелѣ братство св. Анны (Бал. и Лип. т. II, стр. 788)

²⁾ Bulinski. Hist. kosc. pol. т. III стр. 538—540.

³⁾ Bulinski. Hist. kosc. pol. т. III, стр. 451.

⁴⁾ Bulinski. Hist. kosc. pol. т. III, стр. 273.

⁵⁾ Въ 1755 г. Илья Издебскій значится настоятелемъ униатскихъ церквей св. Троицы и св. Параскевы и деканомъ Люблинскимъ (Obl. grod. Krasn. relat. lib. 79, p. 593—600).

городѣ нашемъ Красноставѣ, во имя святой и нераздѣльной Троицы, съ філіальною во имя великомученицы Параскевы, остаются безъ пастыря, а потому мы, нашею королевскою властью, предлагаемъ (prezentujemy i podajemy) на вакантное мѣсто благонадежнаго и свѣдущаго въ душеспасительныхъ дѣлахъ, греко-уніатскаго капеллана, преподобнаго Георгія Берунтовича, уповаю на то, что вы не преминете посвятить его и наречь настоятелемъ упомянутой церкви, предоставивъ ему, въ силу присвоенной вамъ власти, какъ поощреніе о душахъ прихожанъ, такъ и завѣдываніе всѣмъ имѣніемъ и доходами, ей принадлежащими, съ тѣмъ, однако, чтобы Георгій Берунтовичъ всегда оставался въ единеніи съ общео-римско-католическою церковью¹⁾.

Я привелъ нѣсколько характеристическихъ подробностей, относящихся собственно къ исторіи города Красностава, потому, что онъ въ теченіи весьма долгаго времени служилъ средоточіемъ упорной борьбы между русскою и польскою народностями въ Червонной Руси. Тѣ же возмутительныя проявленія фанатизма, съ нѣкоторыми лишь видоизмѣненіями, имѣли мѣсто и въ другихъ важнѣйшихъ ея городахъ. Повсюду, начиная съ XIV столѣтія, они выражаются въ однихъ и тѣхъ же формахъ и сводятся: къ угнетенію русскаго населенія, лишенію его гражданскихъ правъ, отобранію православныхъ храмовъ, сопровождавшемуся нерѣдко вооруженными нападеніями,— ограбленію православнаго духовенства, присоединенію церковныхъ имѣній къ католическимъ епископіямъ,— безплоднымъ жалобамъ и протестамъ западно-русскихъ братствъ, поступавшимъ въ изобіи на раз-

¹⁾ Кн. канцлерск. 31, стр. 12. Варш. главн. арх.

рѣшеніе судовъ и сеймовъ. Сами короли иногда открыто сознавались въ беззаконіяхъ. Такое признаніе проглядываетъ, напримѣръ, въ привилегіи Владислава Ягайлы, пожалованной жителямъ Луцкой земли, 31-го октября 1432 г., на Магдебургское право. Въ ней, между прочимъ, король обѣщаетъ „не притѣснять православныя церкви, — не обращать ихъ въ латинскіе костелы и насильно не принуждать послѣдователей греческаго обряда къ переходу въ римско-католическую вѣру“¹⁾. При такомъ порядкѣ вещей неудивительно, что православные храмы, православное духовенство и церковное имущество обрекались въ жертву необузданнаго произвола. Защита духовенствомъ церковной собственности сдѣлалась почти немислимою, потому, что свидѣтельство русскихъ по большей части не принималось въ соображеніе въ тяжбахъ съ поляками²⁾. Поэтому можно было католикамъ безнаказанно „убиваться у церковную землю, какъ убивались „Стрѣлковцѣ, у землю у церковную Св. Спаса,“ на что въ 1412 г. жаловался королю владыка Перемышльскій и Самборскій Илья³⁾. Сотни тысячъ актовъ свидѣтельствуютъ—съ какимъ остревненіемъ и злорадствомъ попиралась и унижалась русская народность въ Червенской области начиная съ XIV и до конца XVIII вѣка (съ нѣкоторыми промежутками). Какъ бы въ насмѣшку надъ православіемъ, весьма часто земли съ поселенными на нихъ русскими крестьянами отдавались въ пожизненное владѣніе евреямъ. Такова напр. грамота Ягайлы, пожа-

¹⁾ Акты ю. з. Россіи, т. I, ч. V, стр. 1 и 2.

²⁾ Шараневичъ. *Rys wewnetr. stos. Gal. wschodn.* стр. 119, 118 и др.

³⁾ Акты з. Р. Т. I. № 31.

лованная еврею Волчку на дер. Вербѣжу при р. Щиржѣ въ 1424 г¹⁾). Въ глазахъ латинскихъ епископовъ и ксендзовъ русины были презрѣннымъ племенемъ, которое огуломъ обрекалось ими на позоръ и посрамленіе. „Угнетеніе народа“, говоритъ Грондскій, безпристрастно изобразившій картину бѣдствій, какія приходилось переносить Червонорусскому народу около половины XVІІ вѣка, „со дня на день принимало все болѣе и болѣе грозныя размѣры и достигло своего апогея тогда, когда евреи путемъ аренды не только выжимали изъ него всѣ соки, но и пріобрѣли надъ нимъ отъ поляковъ право суда и расправы. Что же касается вѣры греческой, то землевладѣльцы, исповѣдывавшіе римско-католическую вѣру, всякими истязаніями принуждали русскій народъ къ ея принятію, а въ случаѣ сопротивленія, отнимали у нихъ церкви и превращали въ латинскіе костелы²⁾). Наиболѣе печальный жребій выпалъ на долю греческаго духовенства. Въ яркомъ свѣтѣ выставляетъ его страданія универсалъ Яна Казимира 28 августа 1657 года. „Часто“, объявляетъ Казиміръ, „поступаютъ къ намъ горькія и слезныя жалобы духовенства греческой вѣры на то, что мѣстные землевладѣльцы, лично и чрезъ своихъ подчиненныхъ и управителей, приневоливаютъ его къ отбыванію повинностей, возложенныхъ на людей несвободнаго состоянія, заставляя священниковъ исполнять самыя позорныя (podlejsze) услуги; запрещаютъ имъ сноситься съ своимъ епископомъ, подстрекаютъ ихъ къ неповиновенію владыкъ, подчиняютъ ихъ своей юрисдикціи, сажаютъ

¹⁾ Головацкій. Карпатская Русь, стр. 560.

²⁾ Grondski de Gtondi. Hist. belli cosacco-poloniei. 1676 года, стр. 31 и слѣд.

нихъ въ тюрьмы, вслѣдствіе чего они лишаются возможности отправлять Божественную службу, съ великимъ ущербомъ для спасенія душъ христіанскихъ. Поэтому впредь мы возбраняемъ чинить русскому духовенству подобныя несправедливости и беззаконія“. Въ другомъ декретѣ, данномъ въ Варшавѣ 17 Іюня 1659 г. по просьбѣ Львовскаго епископа Арсенія Зелиберскаго, Янъ Казиміръ подробнѣе перечисляетъ работы, къ которымъ принуждалось духовенство и которыя свойственны были только холопамъ. Сыновья священниковъ обращены были въ полное рабство. Бродовичъ, Луцкій офиціалъ, (въ своихъ запискахъ), смотритъ на это какъ на одинъ изъ признаковъ того, что королевскія привилегіи, начиная отъ Владислава III-го до Яна Казимира и позднѣе, не имѣли никакой силы. Конституціей конвокаціоннаго сейма, подъ предлогомъ устраненія пролетаріата, узаконено, что если бы кто изъ поповичей не былъ до 15-ти лѣтняго возраста опредѣленъ въ школу или приставленъ къ какому-либо ремеслу, или, окончивъ курсъ ученія или научившись ремеслу, не былъ бы пригоденъ къ духовному званію и вообще не получилъ бы мѣста при церкви,—то онъ подлежитъ отдачѣ въ подданство королевскихъ коллаторовъ. Въ словахъ этихъ, замѣчаетъ Бродовичъ, слышится затаенная ненависть законодателей. „Нѣтъ силъ перечислить всѣ утѣсненія, какимъ подвергались русины. Города, земства, трибуналы, королевскіе чиновники — какъ будто поклялись ставить русинамъ всевозможныя преграды во всякомъ правомъ дѣлѣ. Остались только у русиновъ на рукахъ превратившіяся въ мертвую букву грамоты на разные церковные фондуши, отсужденныя въ собственность жидовъ и другихъ иновѣрцевъ... Дошло до того, что грамоты отбирались у русиновъ по подозрѣнію

въ поддѣлкѣ съ тою единственною цѣлью, чтобы лишить ихъ способо́въ въ послѣдствіи отыскивать свои права¹⁾. Даже злѣйшій врагъ православія Ликовскій не могъ удержаться, чтобы не разразиться укоризнами по поводу гоненій, какія испытывало русское духовенство,—гоненій „якоже бысть во днѣ Аріанскія или Нероновы” (Густ. лѣт.). По словамъ ученаго прелата, бенефиціи русскихъ священниковъ были вообще столь скудны, что настоятелю прихода, для прокормленія семьи, приходилось въ потѣ лица обрабатывать свой кусокъ земли наравнѣ съ крестьянами. Причиною такой бѣдности было отчасти то, что почти каждое село имѣло свою приходскую церковь и что содержаніе настоятеля лежало на одной громадѣ. Въмѣсто какихъ либо раціональных мѣръ, польское правительство отдало русскихъ священниковъ въ кабалу жидамъ, арендовавшимъ шляхетскія имѣнія, латинскимъ ксендзамъ и епископамъ. Въ тѣхъ селахъ, гдѣ арендовали жи́ды, положеніе священниковъ было въ высшей степени печально. По контракту, заключенному жидомъ съ управляющимъ помѣщика, всѣ сельскіе обыватели, въ томъ числѣ и священникъ, обязывались покупать жизненные припасы только у жи́да и то по возвышеннымъ обыкновенно цѣнамъ, условленнымъ въ контрактѣ, и не смѣли молотъ хлѣба иначе какъ на жидовской мельницѣ, и. т. д. Если ради экономіи священникъ тайкомъ закупалъ продукты гдѣ либо на сторонѣ, то жи́ды, провѣдавъ объ этомъ, безъ дальнихъ разговоровъ самовольно вриваясь въ домъ настоятеля, производилъ обыскъ, отбиралъ

¹⁾ Плоды такого порядка вещей донны́е даютъ себя чувствовать. Напр. большая часть земель нѣкогда богатой Спасо-Преображенской церкви въ Люблинѣ перешла въ руки жи́довъ, окружившихъ ее сплошною стѣною.—

заподозрѣнные предметы и, въ довершеніе всего, налагалъ на настоятеля денежную пеню. Жалобы, подаваемые епископу и правительству, не приносили никакого облегченія¹⁾. Дѣятельное участіе въ угнетеніи русскаго духовенства принимало духовенство латинское, имѣвшее свои парафіи среди русскаго населенія. Вопреки декретамъ апостольской столицы, вымогало (ściagało) оно десятины съ приходовъ русскихъ, находившихся въ предѣлахъ его парафій, и такимъ путемъ, не смотря на свое болѣе, нежели достаточное, обезпеченіе, умаляло и безъ того нищенскіе доходы священниковъ униатскихъ. На синодѣ провинціальномъ Варшавскомъ 1643 г. внушалось русскимъ священникамъ, чтобы они не отклоняли свою паству отъ платежа десятины латинскимъ настоятелямъ. Сверхъ того должны были униатскіе настоятели платить рочное своимъ епископамъ, хотя послѣдніе имѣли большіе достатки для своего содержанія, а корыстолюбивые епископы не гнушались прибѣгать и къ вооруженной силѣ для сдиранія слѣдовавшихъ имъ повинностей съ бѣдныхъ настоятелей²⁾. Ликовскій забылъ упомянуть еще о повинностяхъ, которыя духовенство русское обязано было платить на военныя потребности Рѣчи Посполитой въ силу универсала Сигизмунда Августа

¹⁾ Народная малорусская поэзія сохранила много воспоминаній о жидяхъ арендаторахъ: „Мы мусѣли бидувати, голодомъ терпѣти, а все того черезъ жида, та черезъ ихъ дѣти. „(Головацкій. Нар. пѣсни, ч. II, стр. 465). Въ Холмщинѣ наиболѣе распространена пѣсня, выражающая народное горе вслѣдствіе того, что жида позапирали церкви: „Нема попка дома, поихавъ до Львова, ключики выкупаты, церковцю отпыраты“, и т. д. Пѣсня поется во многихъ вариантахъ.

²⁾ Edw. Likowski. Dz. kosc. unick., стр. 236 и 236

тъ 1564 г. и др.¹⁾. Неизвѣстный авторъ рукописи (1791 г.), озаглавленной „Stan hystoryi narodu polskiego”, идѣдуя распространенному между поляками убѣжденію, съ бѣдствія, обрушившіяся на Польшу и главную причину ея паденія приписываетъ Брестской уніи. „Дотолѣ”, говоритъ онъ, „православный народъ въ польскихъ провинціяхъ, начиная съ IX в. до 1595 г., чуждался уніи съ Римомъ, повинаясь въ духовныхъ дѣлахъ Цареградской патріаршей столицѣ, дотолѣ вся Русь была преданною охранительницею польской свободы, и въ русскихъ земляхъ не происходило никакихъ волненій, враждебныхъ Польшѣ. Положеніе дѣлъ радикально измѣнилось, когда при Стефанѣ Баторіѣ вторглись іезуиты. Расплывшись при Сигизмундѣ III, эти самозванные апостолы, предводимые Петромъ Скаргой, захватили въ свои руки кормило правленія”.....²⁾. Нѣтъ спора, что Брестская унія была зловѣщимъ предзнаменованіемъ для Польши. Въ тотъ самый моментъ, когда митрополитъ Кіевскій Михаилъ Рогоза, „облобызавшись съ бискупами и ксендзами”, началъ служить литургію по обычаю Римскому, въ Брестскомъ соборѣ, то „егда приде время причащенію, чудомъ Божиимъ обрѣтесе въ келиху божественная кровь въ воду перемѣненна”. Таково народное преданіе, занесенное въ Густынскую лѣтопись. Но не менѣе справедливо и то, что разложеніе государственнаго организма Польши подготовлялось въ теченіи нѣсколькихъ вѣковъ, съ той самой поры, какъ латинское духовенство начало стремиться къ полной независимости отъ княжеской и

¹⁾ Vol. leg., т. II, стр. 39.

²⁾ Галичанинъ. 1862 г., вып. 1, стр. 124 — 134. Статья А. Петрушевича. Историч. очеркъ о состояніи Польскаго народа.

королевской власти, чему исторія представляет множество примѣровъ, начиная съ отлученія отъ церкви Болеслава Смѣлаго Краковскимъ епископомъ Станиславомъ за попытку обложить духовныя имѣнія казенными повинностями. Когда Болеславъ собственноручно умертвилъ Станислава, то былъ лишенъ короны папою Григоріемъ VII, а Станиславъ причисленъ къ лику святыхъ и сталъ предметомъ народнаго поклоненія. „Такимъ образомъ,“ замѣчаетъ гр. Толстой „первымъ святымъ Польши сдѣлался подданный, неповинующійся своему государю. Въ этомъ фактѣ выражается весь духъ іерархическаго ученія католической церкви, корыстолюбивой и самовластной”¹⁾. Корень же всего зла Толстой видитъ въ томъ, что чуждые славянскому племени политическіе элементы: феодализмъ, католицизмъ, муниципіи, тянули Польшу къ западу, къ Германіи и Риму, и разрывали племенные ея связи съ другими славянскими народами и Россіей²⁾.

Окончивъ обзоръ главнѣйшихъ поселеній земли Холмско-Червенской, заключу мое изслѣдованіе возраженіемъ Н. П. Барсову. Авторъ очерковъ русской исторической географіи” полагаетъ, что Червенская земля или (что, по его мнѣнію, одно и то же) область Червенскихъ городовъ, имѣла (ранѣе XIII вѣка) своими центральными пунктами Червень (на р. Гучвѣ) и Теребовль (на рѣкѣ Гнѣзнѣ, лѣтописной Нѣздѣ), помѣщаемый имъ сначала въ юговосточной части Червенской земли, а затѣмъ въ землѣ Перемышльской. Всю область Перемышльскую и большую часть Галичской онъ выдѣляетъ изъ территоріи Червенскихъ городовъ, значительно умаляя дѣйствитель-

¹⁾ Римскій католицизмъ въ Россіи 1876 г. Т. I, стр. 431.

²⁾ Ibid. стр. 480.

ный объемъ древней Галичской земли¹⁾ и оговариваясь притомъ, что въ XIII вѣкѣ собственно Галицкая земля простиралась уже отъ р. Боброка до р. Ушицы и Прута. Допуская, что Теробовль попалъ въ землю Перемышльскую по ошибкѣ, такъ какъ иначе выходило бы, что лѣтопись умалчиваетъ о взятіи Теробовля Ярославомъ въ 1031 г., коль скоро, по словамъ г. Барсова, она ничего не сообщаетъ о взятіи Ярославомъ Перемышльской области²⁾, всетаки теорія г. Барсова представляется мнѣ, въ существѣ, совершенно несостоятельною. Въ концѣ X вѣка Теробовль былъ дѣйствительно, также какъ и Перемышль, Червенскимъ городомъ, но съ XI вѣка онъ сдѣлался уже столицей земли Теробовельской, превратившейся около половины XII вѣка въ землю Галицкую, и не имѣлъ ничего общаго съ землею Червенскою; какъ особою властью. Не объясняется ли приведенный взглядъ г. Барсова излишнимъ недоувѣріемъ его къ лѣтописямъ, которое приводитъ иногда достоуважаемаго ученаго къ страннымъ умозаключеніямъ. Такъ, названіе Бужанъ—онъ производитъ не отъ р. Буга, а отъ гор. Бужскы, вопреки ясному свидѣтельству лѣтописи, что они именовались такъ, „зане сѣдоша по Бугу“. Не задумывается г. Барсовъ произвести и Полочанъ отъ гор. Полоцка, хотя по Нестору „нарекошася Полочане рѣчки ради, яже втечетъ въ Двину, именемъ Полота, отъ сея прозвашася Полочане³⁾“. Развивая свою аргументацію, г. Барсовъ ут-

¹⁾ Очерки русск. истор. геогр. изд. 1885 г. стр. 85, 86, 93, 101, 102, 106, 109, 118 и 119.

²⁾ Ibid. стр. 105.

³⁾ Объ этомъ самъ г. Барсовъ говоритъ на стр. 69, 81 своего сочиненія.

верждаетъ, что если бы Бужане происходили отъ р. Вуга, то слыли бы Побужцами, какъ Посемцы (р. Семъ) Посульцы (р. Сула), Поршане (р. Росъ) и др.¹⁾ Но во 1-хъ, все это имена мѣстныхъ, не племенныхъ, и во 2-хъ, не говоря уже о Полочанахъ, г. Барсовъ упускаетъ изъ виду Моравянъ или Мораву, сидѣвшихъ „на рѣцѣ именемъ Морава“, Вислянъ—Ляховъ (Vuislane), о которыхъ упоминаетъ Англо-саксонскій король Альфредъ въ описаніи Германіи конца IX вѣка²⁾, Печеру, жившую, по словамъ г. Барсова, по р. Вычегдѣ и Печерѣ³⁾, Мордву, жившую по р. Мордвези, вливающейся въ Остерь⁴⁾ и т. д. Вотъ почему я не пошелъ по пути, указанному г. Барсовымъ, и оставилъ въ сторонѣ города Терембовльскаго княжества, какъ выходившіе, съ половины XI вѣка, изъ предѣловъ земли Червенской.

¹⁾ Тутъ же названы Дунайцы, очевидно некстати. Лучше бы сослаться на Подунайцевъ (Ипат. стр. 451).

²⁾ Monum. pol. hist. 13.

³⁾ Очер. ист. геогр. стр. 57.

⁴⁾ Ibid, стр. 56.

ПРИЛОЖЕНИЕ.

Дополнительныя свѣдѣнія о Червонорусскихъ церквахъ и монастыряхъ, Холмской епархіи, до начала XIX вѣка.

Предлагаемая мною дополнительныя свѣдѣнія хотя бѣдны по своему содержанію, но всегда будутъ служить полезнымъ пособіемъ для историка Червонорусскихъ церквей, ибо этими свѣдѣніями исчерпывается значительная часть уцѣлѣвшихъ письменныхъ памятниковъ церк. нашей старины въ Сѣдлецкой и Люблинской губерніяхъ. Отвожу въ своемъ изслѣдованіи видное мѣсто матеріаламъ, относящимся собственно къ исторіи Червонорусскихъ церквей потому, что, по моему крайнему разумѣнію, они оказываютъ не маловажную услугу при разрѣшеніи спорнаго между учеными этнографическаго вопроса о томъ, къ какой національности-польской или русской-припадали давнѣйшіе обитатели Червенскихъ городовъ, услугу во всякомъ случаѣ гораздо большую, чѣмъ самыя блестящія *разсужденія*, какъ напр. *разсужденіе* Е. Крыжановскаго¹⁾.

I. Сѣдлецкая губернія.

Церковь *Коссовская*. Рождества Пресвятой Дѣвы Маріи. Въ сѣверной части Соколовскаго уѣзда²⁾. Въ инвентарной описи

¹⁾ Забужная Русь. 1885 г.

²⁾ На картѣ Щебальскаго не показана,

последней четверти прошлаго столѣтія сказано, что она весьма ветха и что русскіе прихожане изъ селъ Ломна, Новая-весь, Хрощевка и Теляки приняли латинскій обрядъ. Десятипа съ этихъ селъ издревле принадлежала церкви, но обращена незаконно на нужды латинскаго костела. Особою записью писаря гродскаго Дрогичинскаго Лаврентія Коссовскаго отъ 25 іюля 1718 г. церковь надѣлена участкамъ подъ названіемъ Ситно. Запись занесена въ визитаторскія книги 14 іюля 1759 г.¹⁾

Церковь *Сорочинская*. Воздвиженія Честнаго Креста. Правѣс Стердыня. Надѣлы получила: одинъ 15 марта 1611 г. отъ Дрогичинскаго старосты Николая Кишки, послѣдующіе, подтвердительные, 1670 г. отъ графа Ивана Збигнева Оссолинскаго изъ Тенчина и 1674 г. отъ Максимиліана и Юрія Оссолинскихъ изъ Тенчина, сыновей старосты Дрогичинскаго. Надѣлы записаны 1731 г. въ Нурскія книги и 1759 г. въ книги Брестскія визитаторскія. Давнія границы прихода: села Сорочинъ и Веса²⁾.

Церковь *Лазовская* св. апостоловъ Петра и Павла. Рядомъ съ Сорочиномъ, на югъ. Новый фундушъ данъ церкви графомъ Антоніемъ Збигневомъ изъ Тенчина Оссолинскимъ, старостою Сулѣвскимъ, 27 января 1772 г. Этою записью, одобренною Брестскимъ епископомъ Антоніемъ 21 марта того же года, утверждаются за церковью земли, коими она прежде пользовалась, съ подробнымъ ихъ описаніемъ³⁾. Нынѣ Лазовская церковь приписана къ Сорочинской.

Церковь *Городиская* св. Михаила Архангела. Между Стердынемъ и Соколовымъ. Описаніе церковныхъ земель, сдѣланное при Плоцкомъ епископѣ Фердинандѣ Прокущѣ въ 1650 г., находится въ инвентарной книгѣ Пултускаго замка. Прежнія грани-

¹⁾ Упомянутая инвентарная опись обязательно сообщена мнѣ О. С. Сидорскимъ.

²⁾ Сообщение свящ. Игнатія Паевского дополн. инвентарною описью.

³⁾ Инвентар. опись сообщ. О. С. Сидорскимъ.

ы прихода: села Гродискъ, Голбузенки, Жабне (Сабне), Сухолъ¹⁾).

Церковь *Городецкая*. Св. чудотворца Николы Мирликійскаго. Правѣ Городиска, на Бугѣ. Надѣлъ данъ церкви Войцѣхомъ епископомъ Плоцкимъ 1607 г. Актъ занесенъ въ книги Плоцкія консисторскія и Дрогичинскія 1648 г.²⁾

Церкви *Дрогичинскія*. По лѣвой сторонѣ Буга. Кромѣ древнѣйшей св. Богородичной, построенной Даниломъ въ 1240 г., были въ русской части Дрогичина церкви св. Николая и Спасская (при монастырѣ), упоминаемая уже въ XV вѣкѣ³⁾. Въ актѣ отъ 10 ноября 1632 г. Дрогичинъ помѣщенъ въ числѣ мѣстностей, гдѣ православныя церкви подлежали возвращенію дизунитамъ⁴⁾. Въ постановленій правительственной комисіи отъ 14 марта 1636 г. изложено, что комиссары, прибывъ на русскую сторону королевскаго города Дрогичина, стали собирать свѣдѣнія объ уніятахъ. Не найдя тамъ ни одного уніата и убѣдившись, что все жители русскаго мѣстечка твердо придерживаются православія, выдали имъ церковь св. Спаса⁵⁾.

Церковь *Чекановская*. Преображенія Господня. Южнѣе Городка. Получила надѣлы отъ стольничихъ земли Дрогичинской Балтазара Цицерскаго 27 мая 1725 и 20 іюля 1744 г. (записанъ въ книги визитаторскія Брестскія 13 іюля 1759 г.) и Игнатія Цицерскаго 7-го іюня 1757 г. (внесенъ тогоже года въ акты Дрогичинскіе). *Братство* Чекановское получило разныя льготы⁶⁾.

Церковь *Роговская* великомуч. Дмитрія. Правѣ Соколо-

¹⁾ Ibid.

²⁾ Ibid. См. также докум. 1779 г. Акт. Вил. арх. ком., III, 248.

³⁾ Чистовичъ. Очеркъ истор. зап. русск. церкви. т. I стр. 139 и т. II стр. 216.

⁴⁾ Арх. ю. в. Россіи т. VI ч. I стр. 657.

⁵⁾ Ibid стр. 722, 723.

⁶⁾ Инвентарн. опись сообщ. О. С. Сидорскимъ.

ва. Фундушъ данъ церкви 8 января 1546 г. Анной Николаевной Любецкой и занесенъ въ Дрогичинскіе акты 1646 г.¹⁾

Церковь *Соколовская* Покрова Пресв. Богородицы. Надѣлена 18 мая 1757 г. каштеляномъ Ленчицкимъ Фаддѣемъ Липскимъ, со внесеніемъ надѣла того же года въ Дрогичинскія книги. При церкви была школа и больница. Къ приходу принадлежало село Галки²⁾.

Церковь *Шкоповская* св. Троицы. На востокъ отъ Соколова. Записъ о надѣлѣ уволокою земли, отъ 1644 г., внесена въ книги Мельницкія. Давнія границы прихода: села Шконы, Рыбки и Молмотки³⁾.

Церковь *Савицкая* св. великомуч. Георгія. Рядомъ съ Шкоповскою. Надѣлена 26 июня 1738 г. Иваномъ Колумною и женою его Францискою изъ Цицершевскихъ, Теофилою и Агнешкою изъ Колумнъ Цицершевскими Копаковскими⁴⁾.

Церковь *Лысовская* св. Михаила и Параскевы. На югъ отъ Дрогичина. Возобновлена во второй половинѣ прошлаго вѣка. Настоятель Стефанъ Разумовичъ подаванъ Мельницкимъ подкоморіемъ Иваномъ Кучинскимъ 8 февраля 1748 г. Прѣжнія границы прихода: села Лысово, Лясовичи, Круши, Кадковичи, Нѣмойки, Дуплевиче, Волька⁵⁾.

Церковь *Мордская*. Вознесенія. Правѣ Сѣдлеца. Надѣлъ данъ церкви 21 июня 1712 г. старостою Нурской земли Иваномъ Годлевскимъ, съ запискою его въ земскіе Дрогичинскіе акты того же года. Въ записи между прочимъ сказано: „Русскіе обыватели

¹⁾ Инвентарная опись сообщ. О. С. Сидорскимъ. Въ ней она называется очень ветхою. Сравни. Росіей. О dziesięcinach pag. 24.

²⁾ Ibid. Сравни. статью Е. Крыжановскаго въ X.-В. еп. вѣстн. 1877 г. № 1.

³⁾ Ibid.

⁴⁾ Ibid.

⁵⁾ Ibid.

имѣють вносить, согласно древнему обычаю, по 20 сноповъ жита съ каждой уволоки“. Настоятель обезпеченъ столынымъ Дрогичинской земли Балтазаромъ Цицерскимъ 6 іюня 1737 г. Пржегнія границы прихода: села Глуховъ, Ярковъ-большой, Сколимовъ, Вичолки¹⁾.

Гноинская церковь. На Бугѣ, сѣвернѣе Янова. Въ выпи-си изъ „справъ духовныхъ капитулы Берестичкой“ изложено: „Я Дрошъ Немира съ Остроменчина, ловчій его королевской милости земли подляеской ознаймую тымъ моимъ листомъ нынѣшнимъ ча-сы и на потомъ будущіи, ижъ мѣстности моей названой село Гной-но церковь заложенъя святой Пятницы отъ предковъ нашихъ есть збудована и уфундована, надаемы такъ грунтовъ, яко десятиною, прото и я хотячи абы хвала Божаю въ той церкви святой вѣчны-ми часы не уставала, а за насъ самыхъ и предковъ нашихъ такъ живо будущихъ яко и съ того свѣтною дочестностью пожегнавши-ся... и проч. Даю сей мой листъ подъ моею печатью и подписомъ руки моей власной. Писанъ въ Гнойнѣ року отъ нароженія Сына Божого 1592 мѣсяца 25 мая“²⁾. Позднѣ земельный надѣлъ церк-ви былъ увеличенъ Станиславомъ и Еввою Немирами въ 1649 г. Въ визитѣ 1787 г. значится, что церковь возобновлена подскар-біемъ графомъ Сѣдльнецкимъ Карломъ Одровонзомъ въ 1734 году³⁾.

Церковь Константиновская. Въ церковныхъ актахъ упоми-нается, что Павелъ Богушъ Боговитиновичъ 1576 г. придалъ до церкви уволоку земли на Передилѣ. Фундушъ записанъ въ Ново-грудскихъ городскихъ актахъ. Подъ 1726 г. городъ Константиновъ назывался Козерадами⁴⁾.

Церковь Голубьская Рождества пресв. Дѣвы Маріи. Меж-ду Сѣдлецомъ и Дрогичиномъ. Земельный надѣлъ и десятина съ села Огородниковъ (по полкопѣ жита съ каждой уволоки) даны церкви 21 мая 1525 г. маршалкомъ Иваномъ Ходкевичемъ. Фун-

¹⁾ Ibid. На картѣ Щебальскаго Мордская церковь не зна-чится.

²⁾ Сравн. Rosiej. O dziesięcinach. pag. 24.

³⁾ Сообщ. свящ. Погорецкаго.

⁴⁾ Сообщ. мѣстн. настоятеля.

душевая запись, изложенная по русски, внесена въ визитаторскія книги 12 іюля 1759 г. Запись подтверждена 19 іюля 1545 г. женою его Минскою старостиною Θεодосіей Богдановою, рожд. Сапѣговою, а затѣмъ 1 іюня 1574 г. Дрогичинскимъ старостою Николаемъ Кишкою. Послѣднія двѣ записи внесены: одна въ Дрогичинскія книги, 1552 г., другая въ Брестскія визитаторскія книги, 12 іюля 1759 г.¹⁾

Церковь *Челомыйская*. Южнѣе Голубль. Получила надѣлы отъ старосты земли Нурской Ивана Годлевскаго: земельный 1-го сентября 1706 г. (запись внесена въ акты Дрогичинскіе 1712 г.) и десятину съ села Челомы 4 іюля 1712 г. (внесено въ визитаторскія Брестскія книги 1759 г.). Возобновителемъ церкви считается подстольничій земли Дрогичинской Яковъ Цицерскій (3 янв. 1753 г.), которымъ тогда же данъ надѣлъ настоятелю. Границы прихода: села Челомы, Огородники, Чеплинъ, Стокъ, Вичолки²⁾.

Церковь *Корчевская*. На востокъ отъ Сѣдлеца. Построена ранѣе 1677 г., возобновлена въ 1778 г. владѣльцемъ села Корчевки Францискомъ Оссолинскимъ, какъ значитъ въ церковныхъ документахъ³⁾.

Церковь *Лосицкая*. Южнѣе Дрогичина. Впервые упоминается въ жалобѣ Луцкаго епископа Афанасія Пузыны, отъ 20 февр. 1648 г. Она была занята уніатами одновременно съ Парчевскою церковью вопреки королевскаго приказа⁴⁾. Изъ документовъ церковнаго архива видно, что она возобновлена прихожанами въ 1796 г.⁵⁾.

Церковь *Мостовская*. Между Сѣдлцомъ и Бѣлой. Возоб-

¹⁾ Инвентарн. опись, сообщ. О. С. Сидорскимъ.

²⁾ Ibid.

³⁾ Сообщ. мѣстн. настоятеля. Ср. Акт. Вил. арх. ком. III, 231 и 262.

⁴⁾ Арх. ю. в. Россіи, т. VI, ч. 1, стр. 816. Въ географич. указателѣ, прилож. къ арх., Лосичи ошибочно показаны въ Гродн. губ. (стр. 871).

⁵⁾ Сообщ. мѣстн. настоятеля. См. также грам. Августа III. Акт. Вил. арх. ком. III, 228.

новлена въ 1748 г. княземъ Францискомъ Корибуть-Воронцовымъ на землѣ ему принадлежащей¹⁾).

Церковь *Макаровская*. Правѣ Мостова. Построена или возобновлена 13 января 1701 г. литовскимъ канцлеромъ княземъ Карломъ Станиславомъ Радзивилломъ, съ отводомъ земли для священника²⁾).

Церковь *Корницкая*. Сѣверѣ Макаровки. Существовала уже въ 1578 г., какъ видно изъ хранящейся въ церковномъ архивѣ грамоты Сигизмунда Августа о перемѣщеніи ея въ самую деревню изъ-подъ лѣса, причемъ правительственными комиссарами выдѣленъ для нея участокъ земли³⁾).

Церковь *Сворская*. Замѣчательны двѣ относящіяся къ ней записи Николая Радзивилла князя Олыкского и Несвижскаго. Первая записъ, отъ 17 февраля 1595 г., слѣдующаго содержанія: „Наказываемъ нашему намѣстнику Бѣльскому Ивану Греку (Janowi Grekowi), чтобы распорядился выдать попу Сворской церкви Ярошу Ивановичу задержанную за прошлый 1594 годъ житную десятину съ подданныхъ нѣкоторыхъ нашихъ селъ, каковая десятина потомъ и другимъ понамъ на ту церковь имѣетъ быть отпускаема. Находящуюся при церкви уволку новой мѣры, на которой живетъ попу и съ которой донинѣ уплачивался чиншъ, освободить на будущее время отъ чинша и всякихъ повинностей и предоставить въ исключительное пользованіе церкви“⁴⁾). Въ другой записи, отъ 8 декабря 1603 г., говорится: „По просьбѣ попа Сворской церкви и въ воздаяніе за то, что онъ пристойно отправляетъ богослуженіе по уставу греческой вѣры, а обывателямъ, подданнымъ нашимъ, подаетъ добрый примѣръ благоправною жизнью и наставляетъ ихъ въ благочестіи, придаемъ къ уволокѣ земли, издавна ему отведенной для церкви, еще полуволокы пустопорожней земли, которую держала Кузьмина попадья

¹⁾ Сообщ. свящ. Шулякевича по даннымъ церковнаго архива.

²⁾ Грамота—въ Сѣдлецкомъ архивѣ древнихъ актовъ, нынѣ присоединенномъ къ Варшавскому главному архиву.

³⁾ Сообщ. мѣстн. настоятеля.

⁴⁾ Книга земск. Мельницкая Ingrossationum 1803, стр. 95.—(Сѣдлецк. арх. др. акт.).

и которая прилегаетъ съ одной стороны къ уволокъ церковной, а съ другой—къ уволокъ войта стараго Вереща. Эта полуволока сѣнокоса и зарослей предоставляется во владѣніе и пользованіе пона для вящшаго благоустройства тамошней церкви и для его поддержки, съ освобожденіемъ означенной земли отъ всякихъ повинностей¹⁾).

Церковь *Луковичкан*. На востокъ отъ Своръ. Получила въ 1695 г. земельный надѣлъ отъ князя Радзивилла, по записи, копія которой находится въ церковномъ архивѣ²⁾).

Церковь *Бубельская*. На Бугѣ, сѣвернѣе Янова. По разсказамъ старожиловъ, первобытная церковь построена крестьяниномъ села Бубля Муравскимъ на золото, будтобы найденное на его участкѣ, отведенномъ казною приблизительно въ 1740 г. Съ того времени Бубель сталъ самостоятельнымъ приходомъ, до того же времени принадлежалъ къ сосѣднему Гноенскому приходу. Получила надѣлъ въ 1749 г. отъ Франциска Антонія Кобульскаго³⁾).

Церковь *Пратулинская* св. Троицы. На Бугѣ. Правѣе Янова. Въ церковномъ документѣ подъ заглавіемъ: „Spis tabelaryczny majątku duchownego“ значитъ, что въ селѣ Пратулинѣ во времена уніи первая церковь выстроена въ 1751⁴⁾).

Цициборская церковь св. Параскевы. Сѣвернѣе Бѣлы. Перестроена 1742 г., какъ значитъ въ рѣзной надписи на стѣнѣ⁵⁾).

Церковь *Воскреницкая*. Надъ р. Красной, правѣе Бѣлы. Построена, какъ видно изъ надписи на иконѣ, въ 1678 г., иждивеніемъ крестьянина села Рокитно Трофима Загоры⁶⁾. Подкан-

¹⁾ Книга земск. Мельницкая Ingrossationum. 1803; стр. 94. (Сѣдлецк. арх. др. актовъ). Сравни замѣтку о Сворской церкви въ Х. В. Еп. вѣстн. 1880 г. № 20, стр. 328.

²⁾ Сооб. мѣстн. настоятеля. Ср. Акт. Вил. арх. ком. III, 115.

³⁾ Сообщ. свящ. Ганыткев. Сравни. Акт. Виленск. арх. ком. III, № 128.

⁴⁾ Сообщ. мѣстн. настоятеля.

⁵⁾ Тоже. Она существовала въ 1677 г. (А. Вил. арх. ком. III, 266).

⁶⁾ Сообщ. свящ. Левицкаго.

цдеръ Литовскій князь Карлъ Станиславъ Радзивиль грамотой 30 апрѣля 1697 г. надѣлилъ настоятеля тремя уволоками земли¹⁾.

Церковь *Рокитнянская*. Южнѣ Янова. По церковнымъ документамъ первая церковь въ с. Рокитно построена въ 1699 г. Павломъ Сосновскимъ²⁾.

Церковь *Неплюская*. На Бугѣ. Между Яновымъ и Брестомъ. Построена въ 1769 г. земскимъ судьсю Францискомъ Урсиномъ Нѣмцевичемъ на его землѣ³⁾. По записи 17 марта 1786 г. получила три уволоки земли отъ Закрочимскаго стольничаго Адама Скашевскаго. Духовнымъ завѣщаніемъ 8 іюля 1793 г. Нѣмцевичъ отказалъ на ежегодную починку церкви 50 злотыхъ и на дѣяка 56 злотыхъ⁴⁾.

Церковь *Горбовская* на Кроснѣ. Между Бѣлой и Брестомъ. По преданію построена въ концѣ XVII вѣка крестьяниномъ села Рокитно Трофимомъ Загорою. Священникъ получилъ въ надѣлъ по записи 18 іюля 1687 г., девять участковъ земли отъ Ѳомы Казиміра Лужекъ-Лузнецкаго и жены его Софіи Анны. Надѣлъ подтвержденъ и увеличенъ, съ назначеніемъ десятины, въ 1688 г.⁵⁾.

Церковь *Корощинская*. На Кроснѣ. Между Горбовымъ и Неплюми. Построена въ 1609 г. княземъ Иваномъ Шуйскимъ. Учредительный актъ внесенъ въ Брестскія книги. Отъ него же получила земельный надѣлъ и десятину⁶⁾.

Церковь *Кобылянская*, св. Покровская. Правѣ Корощина, близъ Бреста. Въ генеральномъ актѣ отъ 5 декабря 1679 г. о надѣлѣ войта Малыя Малашевичи Ивана Филатыка одною уволокою земли (копія въ церковн. архивѣ) возлагается на него обязанность имѣть попеченіе о благолѣпіи и порядкѣ церкви. Въ документѣ, имѣющемся въ томъ же архивѣ, отъ 4 апр. 1751 г., говорится, что церковь та отъ лѣтъ... (пропускъ) стоитъ зъ гро-

¹⁾ Грамота въ Сѣдлец. арх. др. акт.

²⁾ Сообщ. мѣстн. настоятеля. Ср. А. Вил. арх. ком. III, 121.

³⁾ Сообщ. мѣстн. настоятеля.

⁴⁾ Извлечено изъ Сѣдлецк. арх. др. актовъ.

⁵⁾ Сообщ. мѣстн. настоятеля. Сравн. Акт. Виленск. Арх. ком. III, стр. 260.

⁶⁾ Тоже.

мады выбудована...коляторами церкви были братчики и пафіане"... При первоначальномъ устройствѣ церкви колоколь помѣщалась надъ притворомъ по древнему русскому обычаю.

Церковь *Ортель-Королевская*. На р. Зелявѣ. Надъ двер церковными надписано: „Сей храмъ сбудованъ Теслею Назаро за старанемъ Билецкаго пресвитера той же церкви 1707 годъ. Земля надѣлена церкви Станиславомъ-Августомъ П³).

Церковь *Докудовская*. На р. Зелявѣ. Построена 7 іюля 16 года Карломъ Радзивилломъ на землѣ ему принадлежащей³⁾.

Церковь *Добринская* св. Успенская. Близъ Кросны. Рядомъ съ Короцинскою. Построена въ 1797 г., на мѣстѣ разрушившейся, существовавшей въ 1677 г. княземъ Адамомъ Чарторыйскимъ на его землѣ (Церковный докум. № 7⁴⁾.

Церковь *Костеневицкая*. Правѣ Докудова. Изъ церковнаго документа отъ 1821 г. видно, что она построена владѣлицей Костеневицъ Анною Русецкою изъ Шуйскихъ, женою Минскаго каштеляна Стефана Русецкаго, въ 1682 г. Фундушъ подтвержденъ и увеличенъ Минскимъ каштеляномъ Иосафатомъ Русецкимъ⁵⁾. Мѣстный владѣлецъ Мартынъ Ходишевскій 23 апрѣля 1783 г. отвелъ землю на установку 30 пней пчелъ, пожертвованныхъ церкви однимъ крестьяниномъ⁶⁾.

Церковь *Межирѣцкая*. На Кроснѣ. Очень важна слѣдующая записъ отъ 24 апрѣля 1564 г.: „Мы, Иванъ Николаевъ Журава Даниловичъ, великій подкоморій коронный, староста Перемышльскій, Самборскій, Ратненскій, и супруга его княгиня Софія Даниловичъ, симъ объявляемъ... что подданные наши русской вѣры, обыватели стараго города Межирѣчья, родоваго нашего имѣнія, обратились къ намъ, какъ прихожане церкви св. Николая, съ заявленіемъ, что по неисповѣдимымъ судьбамъ Бо-

¹⁾ Сообщ. свящ. Никанора Вѣлецкаго.

²⁾ Сообщ. мѣстн. настоятеля.

³⁾ Сообщ. мѣстн. настоятеля.

⁴⁾ Тоже. Ср. А. Вил. ар. ком. III, стр. 261.

⁵⁾ Тоже. Сравни. Акт. Виленск. арх. ком. III. № 130.

⁶⁾ Извлечено изъ Сѣдл. арх. др. акт. Ср. А. Вил. ар. ком. III, 217, 218, 228, 262.

жиимъ, при истребленіи города пожаромъ, сгорѣла и ихъ церковь, а съ нею и фундушевая грамота нашихъ *предковъ*, и просили, чтобы мы надѣлили священника при новой выстроенной ими церкви. Снисходя къ ихъ просьбѣ, ради вѣщаго прославленія имени Божьяго, утверждаемъ за священникомъ Семеномъ Саковичемъ надѣлъ, издавна церкви принадлежавшій, съ тѣмъ, чтобы онъ, и преемники его молились за насъ, а также предковъ и потомковъ нашихъ, и чтобы всѣ религіозные обряды и богослуженіе отправлялись по церковному уставу на славянскомъ языкѣ — а именно: домъ въ старомъ городѣ, три огорода и полтрети увологи поля, расположенной среди городскихъ земель, съ зарослями и лугами. Надѣлъ освобождаемъ отъ податей, а священнику, кромѣ того, разрѣшаемъ пользоваться дровами изъ пуци Межирѣчской и два раза въ годъ варить безпошлинно пиво¹⁾.

Церковь *Шостекская*. Восточнѣе Лукова. Построена до 1551 г. русскимъ воеводою Степаномъ Збаражскимъ на принадлежащей ему землѣ²⁾.

Церковь *Дрелевская*. Рядомъ съ Шостекскою. Построена 27-го сентября 1653 г. коронною подскарбиною графинею Софією изъ Тенчина Данелевичъ, съ надѣломъ земли для священника³⁾.

Церковь *Вишницкая* св. Георгія. На р. Зелявѣ. Построена 1575 г. княземъ Павломъ Ивановичемъ Сапѣгой на его землѣ, съ отводомъ для нея надѣла 6 іюля того же года. Запись имѣется въ дѣлахъ прихода. Надѣлъ увеличенъ Вишницкими мѣщанами въ 1588 г. и Николаемъ Сапѣгой въ 1591 г.⁴⁾

Церковь *Развадовская*. Между р. Зелявой и Бугомъ. Построена въ 1779 г. гусарскимъ ротмистромъ в. кн. литовскаго

¹⁾ Кн. земск. Мельницкая Ingrossationum 1802 г. стр. 419. (Сѣдл. арх. др. акт.). Сравни. 135 стр. настоящ. соч.

²⁾ Сообщ. свящ. Михалевича.

³⁾ Извлечено изъ Сѣдлецк. арх. древн. актовъ. Сравни. церковн. документъ отъ 1821 г.

⁴⁾ Сообщ. мѣстн. настоятеля. Сравни. Акт. Виленск. арх. ком. III № 12 и 13.

Ксаверіємъ Сапѣгою на приходской землѣ, съ назначеніемъ ей десятины въ 1782 г.¹⁾

Церковь *Мотвицкая*. Между р. Зелявой и Бугомъ. Перестроена въ 1796 г., мѣстнымъ владѣльцемъ Іосифомъ Мержневскимъ, какъ удостовѣряетъ вырѣзка на замкѣ у входныхъ дверей церкви²⁾.

Церковь *Славатыцкая*. На Бугѣ, сѣвернѣе Влодавы. Обращена въ уніатскую 1698 г. послѣ перехода Славатыча изъ рода Лещинскихъ къ Радзивилламъ³⁾. Возобновлена, какъ свидѣтельствуется надпись на церковныхъ дверяхъ, въ 1721 г., иждивеніемъ князей Радзивилловъ, на ихъ землѣ⁴⁾.

Церковь *Любенская*. На западѣ отъ Влодавы. Перестроена въ 1784 г. княземъ Адамомъ Чарторыйскимъ при содѣйствіи прихожанъ⁵⁾.

Церковь *Гольская*. Западнѣе Любена. Въ помянникѣ, такъ наз. Субботникѣ, находится такая замѣтка на польскомъ языкѣ: „Субботникъ этого прихода начинается перечисленіемъ священниковъ Гольской церкви, генеалогія которыхъ восходитъ къ 1696 г. Около 1700 г. во время нападенія шведовъ, погорѣла самая церковь и церковныя метрики. Извѣстно только изъ жалованной грамоты короля Августа II-го отъ 4 марта 1702 г., что священникъ Стефанъ Буловскій насталь около 1696 г. послѣ Семена Любачевского. Извѣстно также изъ повѣствованія Суши о чудотворной Холмской иконѣ, что въ половинѣ XVII в. былъ уже настоятель въ селѣ Голѣ, имя котораго неизвѣстно. Не подлежитъ сомнѣнію, что приходъ сей основанъ въ 1588 г. одновременно съ церковью села Коденца (въ семи верстахъ отъ Голы). Копія жалованной грамоты Августа II хранится въ церковномъ архивѣ⁶⁾.

¹⁾ Сообщ. мѣстн. настоятеля. Сравни. акт. Виленск. арх. ком. III № 12 и 13 и стр. 265.

²⁾ Сообщ. мѣстн. настоятеля.

³⁾ Чистовичъ. Очеркъ истор. зап. рус. церкви. т. II. стр. 212.

⁴⁾ Сообщ. свящ. Петрусевича.

⁵⁾ Сообщ. свящ. Плютинскаго.

⁶⁾ Сообщ. свящ. Гвоздовича.

Относительно *Коденецкой* церкви, кроме того, въ мѣстныхъ церковныхъ документахъ значится, что она возобновлена въ 1791 г. Австрійскимъ правительствомъ и освящена въ 1795 г. епископомъ Холмскимъ Порфиріемъ Важинскимъ¹⁾.

Церковь *Голешовская*, св. Архистратига Михаила и св. муч. Бориса и Глѣба. На сѣверъ отъ Влодавы. Начата постройкой въ 1691 г. по повелѣнію Карла Станислава Радзивилла, на отведенной имъ землѣ, какъ выражено въ фундушевой записи его, и окончена 1727 г., какъ свидѣтельствуется славянская надпись, выбитая на дверномъ косякѣ. Запись внесена въ акты городскіе Брестскіе 22 мая 1759 г.²⁾.

Церковь *Мшанская*. На востокъ отъ Сѣдлеца. При церкви есть актъ, отъ 15 февраля 1679 г., которымъ Збигневъ изъ Тенчина Оссолинскій, староста Дрогичинскій, утверждаетъ за настоятелемъ права на десятину, получавшуюся имъ, какъ выражено въ актѣ, „съ давняго времени“. Въ описи церковнаго имущества, составленной 26 марта 1790 г. Мельницкимъ благочиннымъ Іоанномъ Несторовичемъ, а также въ визитахъ за 1824 и 1828 г. упоминается о двухъ участкахъ земли, подаренныхъ Мшанской церкви, по первому документу—Войтѣхомъ, а по второму—Яномъ Шавловскимъ въ 1646 г.³⁾.

Церковь *Городищенская* Рождества Богородицы. Близъ р. Зелявы. Построена дѣдичемъ Городища старостою Метиславскимъ и Радомскимъ Василиемъ Андреевичемъ Полубинскимъ и женою его Мариною 8 авг. 1550 г. Актъ внесенъ въ земскія Мельницкія книги 1697 г. въ день муч. Валентина⁴⁾.

Церковь *Збережская*. На Бугѣ, южнѣ Влодавы. Изъ церковныхъ документовъ за 1749 г. видно, что Збережская церковь считалась приписною къ приходской въ с. Стульно. Въ документѣ 1759 г. упоминается о Збережской церкви какъ о приходской, въ Стульнѣ же только о часовнѣ. Въ визитѣ 5 марта 1749 г. отмѣчено, что церковь первоначально надѣлена Марѣемъ Стани-

¹⁾ Сообщ. мѣстн. настоятеля.

²⁾ Сообщ. свящ. Іоанна Занскаго. Ср. А. Вил. ар. ком. стр. 108.

³⁾ Сообщ. свящ. Масуры.

⁴⁾ Извлечено изъ Сѣдл. арх. др. акт.

словомъ Яскульскимъ, Каштеляномъ Кіевскимъ старостою Кульменецкимъ и Стульненскимъ (неизвѣстно когда), съ занесеніемъ записи въ акты Холмской консисторіи 1646 г.¹⁾.

Церковь *Орховская*. Близъ Влодавы, на Бугѣ. Изъ церковныхъ документовъ видно, что она построена въ 1718 г. иждивеніемъ гетмана вел. княж. Литовскаго Людвига Поцѣя²⁾.

Церковь *Ганненская*. На юго-западъ отъ Влодавы. Изъ визитовъ слѣдуетъ заключить, что въ 1726 г. при настоятелѣ Василіѣ Павловичѣ она отъ ветхости сгнила и разрушилась. Въ визитѣ 1747 г. Ганненская церковь описана какъ новая, подъ тремя куполами. Важнѣйшая починка сдѣлана въ 1797 г., въ память чего установлено обычаемъ ежегодное празднованіе. Въ копіи записи князя Іеронима Флоріана Радзивилла, великаго подчашаго Литовскаго, отъ 15 мая 1750 г., которою онъ возвращаетъ церкви всѣ отобранныя у нея неизвѣстно кѣмъ земли и надѣляеть ее новыми земельными угодьями и разными правами, между прочимъ сказано: „Обязуются какъ вышній настоятель, такъ и преемники его, подъ страхомъ Божіимъ, отправлять литургію, одну недѣлю за живыхъ, а другую, въ пятницу, за умершихъ фундаторовъ своихъ. Кромѣ того, вмѣняется настоятелямъ церкви наблюдать за тѣмъ, чтобы въ праздничные дни прихожане не производили какихъ либо ручныхъ работъ, а посѣщали бы церковь. Такое ревностное стараніе Князя Іеронима Радзивилла о благосостояніи церкви и возвышеніи нравственнаго уровня между своими подданными Ганненскаго прихода, (замѣчаетъ свящ. Калищевскій, на свѣдѣніяхъ коего я основываюсь) наводитъ на мысль, что и самая церковь построена при его дѣятельномъ участіи.

Церковь села *Лейно*. Правѣ Устимова. Построена, какъ значится въ церковныхъ актахъ, въ 1771 г., владѣльцемъ имѣнія Верещинъ, Верещинская-воля и Лейно, Львомъ Верещинскимъ³⁾.

Церковь въ селѣ *Радчѣ*. На востокъ отъ Воина. Судя по архивнымъ документамъ, построена 12 іюля 1797 г. Литовскою

¹⁾ Сообщ. мѣстн. настоятеля.

²⁾ Сообщ. мѣстн. настоятеля. Сравн. стр. 251 настоящ. соч.

³⁾ Сообщ. мѣстн. настоятеля.

боярынею, женою подстольничаго Маріанною изъ Водзицкихъ (дипіоновскою¹⁾).

Церковь въ селѣ *Рудно*. Рядомъ съ Радче. Получила въ 1661 г. три уволокы въ с. Рудно, участокъ Ростовъ Кутынъ и десятину ржаную въ селахъ Рудно, Даровизны, Весково и Березовая-гута²⁾.

Церковь *Добратычская*. Южнѣ Бреста. Церковные документы гласятъ, что она построена въ 1626 г. б. владѣльцемъ имѣнія Добратычъ княземъ Николаемъ Сапѣгой на отведенной имъ землѣ³⁾.

Церковь *Устимовская*. Рядомъ съ Островомъ. Надѣлена Парчевскимъ старостою Яномъ Даниловичемъ въ 1658 г. обычными (zwyczajne) десятинами⁴⁾.

Церковь *Островская*. Замѣчательная надпись на дарохранильницѣ, сдѣланной 1696 г., удостовѣряетъ, что церковь основана въ 1276 г. ⁵⁾. Въ 1584 г. церкви назначена, неизвѣстно кѣмъ, медовая дань отъ Скородницкихъ подданныхъ⁶⁾.

Въ инвентарной описи прошлаго вѣка, на которую я неоднократно ссылался, заключаются любопытныя свѣдѣнія о нѣкоторыхъ церквахъ Гродненской губ. по направленію отъ Дрогичина къ Бѣльску. Изъ нихъ едва ли не древнѣйшая—

Семятычская. Владѣнія ея доходили до самаго Буга, какъ видно изъ дарственной записи подскарбія Литовскаго Алексѣя Кмыты Судымонтовича и жены его Θεодоры, отъ 1431 г., представляющей въ пользованіе церкви между прочимъ озеро подъ Волкою, начиная отъ Буга до Дурной⁷⁾.

¹⁾ Извлечено изъ Сѣдлецк. арх. др. акт.

²⁾ Акт. Вилен. арх. ком. III № 65 и 124.

³⁾ Сообщ. мѣстн. настоятеля.

⁴⁾ Росіей O dziesięcinach р. 24—25. Сравн. стр. 190 настоящ. соч.

⁵⁾ Сообщ. мѣстн. настоятеля.

⁶⁾ Опис. рукоп. церк. арх. музея Кіевск. акад. стр. 603. Скородницы наход. въ Турской гминѣ, Влодавскаго уѣзда.

⁷⁾ Акт. Виленск. арх. ком. II. № 1.

II. Люблинская губернія.

Церковь прес. Богородицы въ Холмѣ и Кулемичицкій монастырь, на лѣвомъ берегу Буга, Холмскаго уѣзда. Не стану останавливаться на спорномъ вопросѣ о томъ: существовала ли помянутая церковь ранѣе XIII вѣка, полагая, что утвердительному разрѣшенію его не препятствуетъ выраженіе Ипатской лѣтописи: „Въ лѣто 1260 созда (Даніиль) церковь превеликую въ градѣ Холмѣ, во имя пресвятыя Приснодѣвы Маріи, величествомъ и красотою не менѣе сущихъ древнихъ¹⁾. Сгруппирую лишь нѣкоторыя свѣдѣнія о ея имущественныхъ средствахъ. Первоначально средства эти заключались въ десятинахъ и медовыхъ даняхъ. Любопытныя указанія по настоящему предмету содержатся въ постановленіи назначенной Королемъ Казиміромъ IV въ 1457 г., по просьбѣ мѣстнаго православнаго духовенства, посреднической комиссіи.—Коммисія, основываясь на согласныхъ показаніяхъ достовѣрныхъ свѣдущихъ людей, старожиловъ Ивана Скорухи изъ Млодчицъ, Холмскаго мечника Марка изъ Вергочина, подсудка, Феодора Ивашки изъ Андреева и Марка Ставскаго, утвердила за церковью пресв. Богородицы и ея настоятелемъ Георгіемъ медовыя и другія дани, издревле ей платимыя землянами. Плательщиками медовой дани признаны Андрюшка Гуровскій въ Луковѣ, Петръ Смѣтанка, мечникъ Холмскій, въ Гощѣ, Михаилъ Павелъ и Иванъ Смоковцы въ Сѣдлищахъ. На нихъ возложена была дань: на перваго двѣнадцать, на втораго семь и на послѣднихъ трехъ по шести корамоновъ (игнае) меду. Приведеннымъ актомъ подтверждается достовѣрность извѣстія Я. Суши (въ его исторіи чудотворной Холмской иконы) о записи въ одномъ пергаменномъ евангеліи, удостоверяющей уплату медовой дани 6-го декабря 1416 г. „изъ Лукова ко пресв. Богородицѣ Холмской кафедральной церкви“ старостою Холмскимъ Александромъ Бѣлымъ-Олехно²⁾. Точкой опоры для Холмскаго православнаго ду-

¹⁾ Ипат. стр. 560. Въ другомъ мѣстѣ, по поводу смерти Михаила Юрьевича, повторено, что Холмскую церковь пресв. Богородицы создалъ великій князь Даніиль (стр. 590).

²⁾ См. разсужд. объ этой записи: А. Будиловича. Памятн. русской стар. въ зап. губ., вып. VII стр. 82.

ховенства, стремившагося поддержать нарушенные права мѣстной церкви, предоставленныя ей или Владиміромъ св., или Данииломъ, послужила специальная грамота Владислава III (Варненчика) отъ 1444 г., данная въ Варадинѣ¹⁾ (въ субботу in—vig s. Barthol apost.), которою возстановлены всѣ права и привилегіи греко-восточнаго духовенства *Холмской земли*, вытекающія изъ древнихъ русскихъ церковныхъ обычаевъ какъ въ области вѣроисповѣданія, такъ и въ области церковнаго суда, *управленія и пользованія церковными имуществами*. „Постановляемъ, говорится между прочимъ въ грамотѣ, чтобы никто изъ лицъ, облеченныхъ свѣтскою властью, въ отступленіе отъ началъ права обычнаго, не вмѣшивался въ юрисдикцію преосвященнаго Григорія епископа сирѣчь владыки Холмско-русской епархіи, по дѣламъ брачнымъ, бракоразводнымъ, имущественнымъ, и проч. Оба акта,—одобренное Казиміромъ IV постановленіе посреднической комисіи и грамота Владислава III отъ 1444 г.,—подтверждены королемъ Александромъ въ 1505 г. по просьбѣ Холмскаго епископа Ивашки Сосновскаго²⁾. Неизвѣстно, какими недвижимыми имуществами располагала Холмская епископія и, въ частности, церковь пресв. Богородицы до XIV в., если не принимать въ расчетъ темныхъ сказаній о селѣ Покровкѣ, называвшемся по одному древнему документу Прохоровской, гдѣ М. Рыло построилъ каменную церковь въ 1775 г., какъ видно изъ его дневника³⁾. О Стрижевѣ, Слепче, Космовѣ и Цуцневѣ свидѣтельствуетъ, какъ мы уже говорили, вкладная 1376 г. Села Бутынѣ, Жуковѣ, Невѣрковѣ,

¹⁾ Неслѣдуетъ смѣшивать ее съ приведенной мною общеою грамотою того же Владислава III отъ 1443 г. (стр. 195 наст. соч.).

²⁾ Metr. koron. lib. 21, p. 226 и кн. разн. докум. Холмск. церк. арх. музея за 1882 г. № 1, стр. 2.—Сравн. о медовыхъ даняхъ, назначенныхъ Перемышльской епископіи Львомъ Даниловичемъ. Зубрицкій. Критич. пов. о Черв. Руси. Прилож., стр. 1—6.

³⁾ См. записку 1825 г. подъ № 686. въ кн. № 1. Холм. музея и историч. записку о Холмской епископіи, составленную по дѣламъ б. прав. ком. вн. дѣлъ № 45 и 46 и сообщенную мнѣ О. С. Сидорскимъ.

Перемиловка, часть Плавяницъ и Чессинь, были даны Холмской епископіи, въ надѣлъ церкви пресв. Богородицы, частью Олешкомъ Угровецкимъ (напр. Бутынъ въ 1417 г.), частью другими землями русскими. Нѣкоторыя имѣнія были отчуждены Холмскими епископами, нѣкоторыя произвольно отняты, съ передачей латинской епископіи, какъ Стрижевъ, Скурдѣвъ и Чессинъ (грамота Сигизмунда отъ 20 октября 1533 г.), нѣкоторыя же, Космовъ, Слѣпче и Цудево (Чучево), по обмѣну съ епископомъ Филаретомъ, въ 1524 г., на села Бѣлополе и Бусно, отошли, съ разрѣшенія Сигизмунда I, къ Грубѣшовскому староству¹⁾. Въ 1548 г. завѣдывавшій Грубѣшовскимъ староствомъ Дембовскій намѣревался завладѣть Бѣлополемъ и Бусно, но по ходатайству Холмскаго епископа Вассіана Баки, Сигизмундъ Августъ приказалъ оставить ихъ за Холмскою кафедрою. По представленію епископа Θεодосія въ 1557 г. подтверждено право его на эти села тѣмъ же королемъ, а въ 1567 г. подтвержденъ обмѣнъ, учиненный при Сигизмундѣ I²⁾. Бѣлополе, Бусно и Покровка считались принадлежностью Холмской кафедры до перваго раздѣла Польши, а затѣмъ перешли въ собственность Перемышльской епископіи, съ переходомъ туда Максимиліана Рылы³⁾. Въ жалованной грамотѣ Сигизмунда III, отъ 7 мая 1604 г., Ивану Андреевскому на епископію Холмскую (уніатскую) еще говорится о мѣстечкахъ, селахъ и земляхъ, какъ о неотъемлемой и исконной собственности Холмскихъ епископовъ⁴⁾. Имущественныя сред-

¹⁾ Ibid. Самая грамота въ Холм. музеѣ. — Иногда церковныя имѣнія отдавались епископами православными въ пожизненное владѣніе польскимъ магнатамъ въ благодарность за покровительство и услуги въ дѣлахъ церковныхъ. — Такую взятку получили, напримѣръ, коронный канцлеръ Янъ Замоискій и придворный вельможа Петръ Черниковскій отъ епископа Владимірскаго и Брестскаго Мелетія Хребтовича, въ 1580 г. (Арх. ю. з. Россіи т. VI ч. 1. стр. 70—72).

²⁾ Грамоты въ коронной метрицѣ. Содержаніе ихъ приводится въ упомянутой рукописи 1823 г.

³⁾ Въ той же рукописи.

⁴⁾ Этотъ важный документъ помѣщенъ въ Арх. ю. з. Россіи т. VI ч. 1. стр. 342 и 343.

ства Холмской каеелры стали значительно возрастать съ тѣхъ поръ какъ унія укрѣпилась въ Холмѣ, и при церкви преев. Богородицы былъ учрежденъ Базилианскій монастырь. Базилиане богатыли на счетъ православныхъ церквей и монастырей, отказывавшихся принять унію. Такъ, приказомъ Яна Казимира на имя старосты Холмскаго 1650 предписано отобрать отъ православныхъ церквей св. Николая съ монастыремъ Спасскимъ и передать уніатамъ Базилианамъ Холмскимъ при кафедральномъ соборѣ. При этомъ перешелъ къ Базилианамъ надѣлъ, данный Спасскому монастырю монахиней Сосновскою въ 1554 г. и внесенный въ одно старинное евангеліе. и вообще все имущество церкви св. Николая и Спасскаго монастыря¹⁾.

Въ 1676 г. переданы Холмскимъ Базилианамъ и имѣнія монастыря Кулемчицкаго. Самый же монастырь еще ранѣе, именно въ 1654 г., былъ приписанъ къ Холмскому базилианскому монастырю Яковомъ Сушей²⁾. Кулемчицкій монастырь, кажется, впервые упоминается въ протестѣ Гавріила Иваницкаго отъ 22-го Іюня 1624 г., гдѣ говорится, что какой-то чернецъ Мина „за нерядъ посполненный у монастырю Кулемчицкомъ отъ зошлого ксендза владыки Холмскаго съ поповства деградованъ³⁾“. — Любопытенъ межевой актъ, составленный подкоморіемъ Холмской земли Іоанномъ Романовскимъ въ 1677 г., коимъ разграничены земли Кулемчицкаго монастыря отъ имѣній сосѣднихъ владѣльцевъ. Въ немъ содержится важная ссылка на межевой актъ 1604 г. (*feria quinta post fest s. Annae*). Изъ акта же оказывается, что владѣнія Кулемчицкаго монастыря прилежали къ р. Неретвѣ и з. Бугу, къ полямъ сель Гусинне, Висоцкъ, Сѣдлище, Уханка и др.⁴⁾ Нѣкоторыя изъ этихъ сель—Висоцкъ, Биндуга и Уханка — платили монастырю издревле десятинные и другія дани⁵⁾. Если въ самомъ

¹⁾ Инвентарн. опись Холмск. базил. монаст. сообщ. мнѣ О. С. Сидорскимъ.

²⁾ Петровъ. Забытыя иноч. обители Кіев. стар. Іюль 1882 г. стр. 19.

³⁾ Акты ю. з. Россіи т. VI ч. 1. стр. 538.

⁴⁾ Документъ сообщ. мнѣ О. С. Сидорскимъ.

⁵⁾ М. Rylo. *Diag.* I, fol. 129.

началъ XVII вѣка происходило разжестованіе обширныхъ земель монастыря, то несомнѣнно существованіе его въ XVI в. Основаніе же его можно смѣло отодвинуть къ XV вѣку. Окончательно Куземичий монастырь упраздненъ въ 1749 г.¹⁾ Довольно подробное перечисленіе имущественныхъ средствъ Холмскаго базилианскаго монастыря за вторую половину XVIII вѣка можно найти въ рукописи подъ заглавіемъ „Status monasterii Chelmenensis ord. s. Basilii magni“. Ноябрь 1792 г.²⁾ Въ ней, при поименованіи церковныхъ доходовъ, помѣщены доходы съ села Парипсы, приобретеннаго для Холмскаго монастыря епископомъ М. Рылой. Остальные средства монастыря состояли изъ крупныхъ денежныхъ суммъ, отказанныхъ ему въ разное время, изъ коихъ многія были обременены на недвижимостяхъ³⁾. Въ одномъ изъ сохранившихся подлинномъ актѣ отъ 1707 г. изложено, что наслѣдственный владѣлецъ селъ Высоцка и Биндуги, Холмокой земли, Карлъ Линевицкій духовнымъ завѣщаніемъ, составленнымъ 9-го іюня 1708 г. и въ томъ же году внесеннымъ въ книги Люблинскаго замка, отказалъ въ пользу суперіора Холмскаго Базилианскаго монастыря Іосифа Левицкаго сумму 1,000 флориновъ польскихъ, обезпечивъ ее на помянутыхъ селахъ съ тѣмъ, чтобы ежегодно уплачивалось монастырю, въ видѣ процента, при его жизни по 10 флориновъ, а по смерти, наслѣдниками его, по 70 флориновъ въ день трехъ крулей....⁴⁾ Сами базилианцы, какъ мужской, такъ и женской обители, завѣщали на монастырскія надобности значительныя суммы, наживаясь путемъ разныхъ генераторовъ съ жидками. Сдѣлки заключались вродѣ слѣдующей: „Мы, Хаимъ Шмоновичъ, Гершъ Зелковичъ, Шмуило Гершовичъ, Іосифъ Шмуиловичъ, Лейба Якубовичъ, Лейзоръ Даниловичъ, Пеній Лейбовичъ, уполномоченные старшины Холмскаго еврейскаго кагала, каждый за себя и за весь кагалъ жидовскій, удостовѣряемъ сею

¹⁾ Diar. M. Rylo. I. 129.

²⁾ Сообщ. мнѣ О. С. Сидорскимъ. Въ ней между прочимъ значится, какими именно драгоценными украшеніями была снабжена чудотворная икона.

³⁾ Сравни. стр. 89. примѣч. 5 наст. соч.

⁴⁾ Актъ сообщ. мнѣ О. С. Сидорскимъ.

нашею записью, что, съ разрѣшенія преосвященнаго Галлеона Война-Оранскаго, епископа Холмско-Белзскаго, мы получили въ ссуду отъ монахини чина св. Василия Великаго Устиньи Будевичевой 300 злотыхъ польскихъ на три года, считая отъ праздника Спаса-Преображенія нынѣшняго 1700 года, по старому календарю, какъ-вая сумма обезпечивается на всемъ нашемъ имуществѣ. Такъ какъ покойная предназначила 100 злотыхъ изъ той суммы на погребеніе свое и заупокойную службу въ распоряженіе отцовъ Базиліановъ, остальную же сумму завѣщала монахинямъ Холмскаго монастыря,—то обязуемся ежегодно уплачивать, впередъ, по 10% со 100 злотыхъ братіи базиліанамъ, а съ 200 злотыхъ монахинямъ базиліанамъ, до возврата всей суммы въ установленный срокъ. При нарушеніи условія, мы платимъ неустойку въ 200 злотыхъ. Равно обязуемся за ссуду доплачивать монастырю, дважды въ годъ, на Рождество Христово и свѣтлое Христово Воскресенье, по одной четверти (мѣры?) разныхъ кореній—перцу, имбирю, изюму большаго и малаго, шафрану, пювдики, мускату, а также ситцу по два локтя. Въ случаѣ неисполненія нами обязательства, епископъ, какъ глава братіи, имѣетъ не только вступити во владѣніе нашимъ имуществомъ, но своему усмотрѣнію,—по даже запечатать нашу божницу, или же школу¹⁾).

Церковь *Крупская*. Между Красноставомъ и Райеводемъ. Свидѣтельствомъ ея древности служить поминикъ на славянскомъ языкѣ; неизвѣстно какаго года начатый, и три старинныхъ иконы, изъ коихъ двѣ съ славянскими надписями (одна малая передана въ Холмскій музей). Къ позднѣйшимъ памятникамъ относятся три колокола съ надписями, двѣ отъ 1750 и одна отъ 1786 г. (славянская), и ревизіонный актъ (визита) епископа М. Рыды отъ 8 іюля 1760 г., въ которомъ сказано, что церковь Іоанна Евангелиста въ имѣніи князя Радзивилла очень возвыша и что приходъ обнимаетъ села Крупе, Одесницю и Брусиень, въ которыхъ ежегодно приходитъ на исповѣдь около 200 человекъ.

¹⁾ Актъ подлинный, совершенный въ Холмѣ 6 августа 1700 г., сообщенъ мнѣ О. С. Сидорскимъ.

Настоятелемъ былъ тогда Флоріанъ Павловскій, повидимому совѣтъмъ несоблюдавшій уніатскихъ обрядовъ, такъ какъ ему наказано было Рылой купить требникъ уніатскій. Въ актѣ находится любопытная отмѣтка Рылы о томъ, что Флоріанъ Павловскій на испытаніи оказался не свѣдущимъ и не прилагаетъ никакого старанія научиться отъ декана, а потому приказано ему состоять при Холмской кафедрѣ до тѣхъ поръ, пока не исправится, съ наложеніемъ на него восьмидневной медитаціи (medytacye). Въ церковномъ архивѣ имѣются: 1) контрактъ, заключенный громадою села Крупе съ подрядчикомъ Власомъ Подольскимъ, отъ 5 іюля 1802 г., о постройкѣ новой церкви за 1300 зл. пол. съ придачей 22 корцевъ разнаго зерна, причемъ громада обязалась поставить на помочъ 70 чел. рабочихъ, 2) предписаніе епископа Порфирія Скарбека на имя Красноставскаго декана, настоятеля Красноставскаго, Андрея Грушецкаго, объ освященіи новой церкви, и 3) Актъ освященія церкви, отъ 8 октября 1804 г. Андреемъ Грушецкимъ совмѣстно съ двумя капелланами¹⁾.

Церковь *Лопенникская* Успенія пресв. Богородицы. Въ 1715 году староста Николай Разумовскій, по просьбѣ Лопенникскаго священника Симеона Яхимовича и въ воздаяніе за особыя заслуги на пользу церкви и прихожанъ, предоставилъ послѣднему въ пользованіе участки, назыв. Поповщина и прилегающее къ нему пастбище Рудки, издавна принадлежавшее церкви (но вѣроятно захваченное), сосѣднее съ крестьянскими полями, освободивъ надѣлъ отъ всякихъ повинностей. Запись, внесенная въ Грабовецкіе акты, утверждена грамотою Августа III въ 1748 г.²⁾ Какъ эта, такъ и фундушевая грамота, данная Лопенникской церкви королемъ Александромъ, отъ 1524 г., въ которой упоминается вошедшее въ церковный надѣлъ пастбище „Рудки“ (na zalewkach сігса сігсум сerkwi), одновременно подтвержденная Августомъ III, внесены въ акты Красноставскіе 1758 г. по требованію настоятеля Красноставскаго, декана Люблинскаго, Ильи Издебскаго³⁾.

¹⁾ Копія актовъ сообщ. свящ. Димитрій Низовый.

²⁾ Копія акта сообщ. свящ. Яскорскимъ.

³⁾ Сравн. стр. 257 и 258 наст. соч.

Церковь Куликская. На сѣверъ отъ Павлова. Записью 1 августа 1764 г. подетольничій земли русской, владѣлецъ имѣній Сѣдлица съ принадлежностями: Могильница, Куликъ, Божекъ и проч. Войцѣхъ Іосифъ Лонгинъ-Венглинскій объявилъ о построеніи имъ церкви въ селѣ Куликъ, воеводства Русскаго; земли Холмской, во имя Пресвятой Богородицы и объ отводѣ имъ, для содержанія настоятеля, трехъ участковъ: Поле Барвинское, поле при дворскомъ ланѣ Рудники, поле на востокъ къ Ольховцу отъ межи Приступанской и Могильницкой до луговъ крестьянскихъ на Куликовомъ болотѣ. Тою же записью предоставлено настоятелю пользоваться дворскимъ лѣсомъ, варить пиво, курить водку. и т. д., съ тѣмъ, чтобы онъ оставался въ подчиненіи св. отцу папѣ Римскому и Холмскому грекоуніатскому епископу, подѣ страхомъ утраты бенефіцій, и вмѣнено всемѣрно заботиться о спасеніи душъ прихожанъ, кротко обходиться со своею паствою, строго исполнять тайнства и молиться за фундаторовъ. Запись одобрена епископомъ М. Рылой 16-го августа 1764 г.¹⁾

Церковь Клештовская. Западнѣе Дубенки. По народной молвѣ, построена помѣщикомъ Венглинскимъ. Внутри церкви, на сѣверной сторонѣ, надписъ: Die 13 novembris 1773 anni rev Maksimilianum Rylo episcopo Chelm. et Bels. consecrata, т. е. посвящена епископомъ М. Рылой²⁾.

Церковь Копыловская св. апостола и евангелиста Марка, Рядомъ съ Городломъ. Построена по указу короля Яна III (Собесскаго) отъ 11 мая 1686 г. на средства мѣстнаго владѣльца подкоморія короннаго, старосты Грубешовскаго Марка Матченскаго, надѣлившаго ее землею³⁾. Въ напрестольномъ евангеліи напечатанномъ во Львовѣ 1686 г., записаны имена и фамиліи восьми священниковъ. Первымъ былъ Евстафій Грабовскій⁴⁾.

¹⁾ Холмскіе земск. акты кн. 8. стр. 333. Копія акта сообщ. свящ. Іосифомъ Михалевичемъ.

²⁾ Сообщ. свящ. Александръ Заремба.

³⁾ Подлин. грамота въ Варш. гл. архивѣ подѣ № 39 1/2 (fasc. registr. austr.)

⁴⁾ Сообщ. свящ. Теофілъ Заремба.

Церковь Гостинская. Южнѣ Грабовца, близъ р. Гучвы. Первоначальное основаніе ея относится къ весьма отдаленнымъ временамъ, какъ показываетъ фундушевая записъ Чуличкаго старосты, владѣльца имѣнія Гостииннаго и Лотова, Франциска Антонія Куницкаго, отъ 2 февраля 1778 г. Содержание ея слѣдующее: „Объявляемъ всѣмъ и каждому, кому вѣдать надлежитъ и впредь будетъ надлежать, особливо-же Преосвященному М. Рылѣ, епископу Холмско-Белзскому, что найдя въ имѣніи Гостиинномъ церковь и записъ (egreся), данную ей писаремъ полнымъ Литовскимъ Іосифомъ Сапѣгой, б. пожизненнымъ владѣльцемъ этого имѣнія, и намѣреваясь упрочить фундушъ церковный, я, какъ полный и наслѣдственный собственникъ имѣнія Гостииннаго и Лотова, во славу Божью и въ честь патроновъ здѣшней церкви, во имя которыхъ она основана, Григорія мученика и св. евангелиста Луки, даю ей новую арекцію и, прежде всего, признавая священника Павла Скибицкаго правомочнымъ настоятелемъ Гостинской церкви, надѣляю его и его преемниковъ участкомъ Ковалевскимъ, на которомъ стоитъ приходскій домъ, рядомъ съ кладбищемъ отъ Грубешовской дороги до дороги Добромиржицкой, равно загуменникомъ Ковалевскимъ, начиная отъ деревни при дорогѣ изъ Замостья въ Грубешовъ до озера; тремя поланками (границы ихъ подробно описаны) и лугами на Кринкахъ Ковалевскихъ среди лѣсу;—всѣмъ, чѣмъ искони церковь пользовалась и нынѣ пользуется священникъ Павелъ Скибицкій”. Засимъ, подъ условіемъ молитвы за благодѣтеля своего, предоставлено настоятелю рубить лѣсъ и выдѣлывать пиво, водку и т. д. Изъ старинныхъ иконъ обращаетъ на себя особенное вниманіе икона св. Георгія Побѣдоносца¹⁾ на которой выставленъ 1735 г.

Подгорецкій монастырь (на р. Гучвѣ, близъ Грубешова). Возникновеніе монастыря уясняется слѣдующею записью Станислава Гвоздя, владѣльца Гвоздева, Подгорца, Залѣся и проч. „Объявляю всѣмъ и каждому, кому о томъ нынѣ вѣдать надлежитъ и будетъ надлежать впослѣдствіи изъ моихъ наслѣдни-

¹⁾ Копія документа сообщ. свящ. Андреемъ Войтовичемъ.

ковъ: что въ видахъ обезпеченія имущественными средствами, данными моимъ покойнымъ отцомъ Иваномъ Гвоздемъ издавна основанному монастырю. Подгорецкому Рождества пресв. Богородицы, обряда древней греческой вѣры, находящемуся въ имѣніи моемъ Подгорцахъ при р. Гучвѣ на старомъ Сѣдлищѣ (на Siedlisko starem), съ садомъ возлѣ монастыря въ сторону Биневца при лѣсочкѣ,—равно желая, дабы это мѣсто навсегда было посвящено прославленію всемогущаго Бога и Божей матери, ради искупленія прегрѣшеній моихъ, я устроилъ монастырь чина св. Василия Великаго¹⁾. Сей монастырь имѣетъ быть подвластенъ патриарху Константинопольскому вселенскому и старшему экзарху его, нынѣшнему митрополиту Кіевскому Петру Могилѣ, и владыкѣ Луцкому Афанасію Пучинѣ. Игуменомъ же монастыря рукоположенъ покойнымъ Паисіемъ Ипполитовичемъ, владыкой Мѣлецкимъ, не состоящій въ уніи преподобный отецъ Пафнутій Обровецкій, который и поднесъ укрѣпляетъ мѣстное населеніе въ правилахъ истинной вѣры и благочестія. Твердо уповая, что имущественный надѣлъ монастыря, данный моимъ достопамятнымъ родителемъ, имѣетъ благу и душеспасительную цѣль, я таковой всецѣло утверждаю и оставляю во владѣніи монастыря все, чѣмъ онъ искони пользовался, а именно: Поле отъ Неледвы шириною въ четыре стаи полланковыя, около межи Андреевой-Кулаковцевой, съ другой стороны отъ Завика четыре стаи, нѣсколько болѣе четвертныхъ, съ лугомъ при этомъ полѣ, по направленію къ Богутычу съ третьей стороны супротивъ Безносовки за Олескомъ Мисяковичемъ (вѣроятно за его полосой), по направленію къ Волковыи семь стай четвертныхъ. Избу для священника (chajura parowska) съ огородомъ и гумениникомъ, въ которой монахи должны помѣстить своего эконома (gospodarza). Кромѣ того, разрѣшаю рыбную ловлю въ рѣкѣ и трегубцемъ и сѣтью

¹⁾ Преобразование монастырей въ общежительныя, по законоположенію Василия Великаго, было верѣдкимъ явленіемъ въ западной Руси. См. напр. запись князя Константина Острожскаго 1592 г. о преобразованіи Дубенскаго Спасскаго монастыря. Арх. ю. з. Россіи. т. VI ч. 1. стр. 93—95.

или неведомъ, и корчеванье (лазу) на старой гроблѣ и нѣсколько дальше въ двухъ мѣстахъ къ Биневцу, рубку деревьевъ на топливо и огорожу, издавна дозволенную, за что неполагается никакихъ податей, яко служителямъ Бога, коимъ ниго изъ моихъ наслѣдниковъ не долженъ препятствовать и вредить подъ страхомъ пени въ тысячу гривенъ польскихъ въ пользу монастыря. Въ случаѣ неисполненія моими наслѣдниками моей воли, возстановленіе нарушеннаго права предоставляю митрополиту Кіевскому: и подвѣдомственному ему владыкѣ православному въ униі не состоящему. Писано въ Гвоздеві 1-го января 1641 г.¹⁾ По постановленію діоцезіальнаго собора въ Бѣлополѣ 11-го мая 1741 г., Подгорецкій монастырь поступилъ въ полное распоряженіе Холмскаго епископа (in dispositione authentica²⁾). Въ Подгорецкой церкви находится евангеліе съ слѣдующимъ заглавіемъ „Благословеніемъ свѣтѣйшихъ четверопрестольныхъ патріархъ. Тиціаніемъ и иждивеніемъ братства ставропигіонъ, храма Успенія пресв. Богородицы во Львовѣ. Въ лѣто отъ рождества Христова 1644³⁾).

Церковь *Мирченская* Св. Космы и Демьяна. Между Гучвою и Бугомъ. Существованіе ея въ половинѣ XVII вѣка доказывается, за неимѣніемъ пока другихъ данныхъ, хранящимся при церкви евангеліемъ 1642 г. и цвѣтною тріодью 1663 г., львовской печати. Изъ акта благочинническаго посѣщенія Мирчинскаго прихода 16 марта 1775 г. видно, что б. деревянная церковь сгорѣла въ 1772 г.⁴⁾

Церковь *Склятыцкая*. Между Замостьемъ и Тышовцами. Судя по славянской надписи „1615 годъ“ на колоколѣ, основаніе церкви можно отнести къ первой четверти XVII в. Старѣйшіе изъ упомѣняемыхъ документовъ — визита епископа Іосифа Левицкаго 1722 г. (метрическія книги сохранились съ 1755 г.) и фунду-

¹⁾ Копія акта сообщена мнѣ настоятелемъ Подгорецкаго прихода Іосифомъ Бачинскимъ.

²⁾ Петрушевичъ. Холм. епарх. и святит. ея, стр. 81 и 87.

³⁾ Сообщ. свящ. І. Бачинскаго.

⁴⁾ Сообщ. свящ. Андрея Дѣдуниса.

павшая занемъ владѣльца имѣнія Снятычъ Петра Любовецкаго, отъ 1795 г., о надѣлѣ Снятычской церкви участкомъ земли въ 95 морговъ 153 прента¹⁾).

Церковь *Дубовская* (св. Николая Чудотворца между Тышовцами и Замостьемъ. Въ записи столника воеводства Брестскаго, старосты Тышовецкаго Адама Казимира Мишковскаго отъ 1691 г. (26 марта) говорится: послѣ обычнаго вступленія, что церковь Дубецкая издавна, отъ предковъ фундагора дѣда, бабки и родителя получила надѣлы и разныя льготы. Всѣ эти надѣлы и льготы фундагоръ утверждаетъ, какъ искони было. Далѣе перечисляются поля, отведенныя церкви *по стариннымъ грамотамъ* при подробномъ означеніи границъ: 1) Томашовка; 2) участокъ на Владычинцѣ; 3) Клины, примыкающіе къ поповскому клину и 4) участокъ близъ Котлицкой пустоши начиная отъ Грушекъ. Впослѣдствіи запись была подтверждена Яковомъ Глоговскимъ 12 октября 1798 г.²⁾ Между визитами епископа Макс. Рылы обращаетъ на себя вниманіе слѣдующій приказъ подъ 1 апрѣля 1775 г.: „вмѣнить въ обязанность священнику Вакулевичу, чтобы купилъ требникъ униатскаго изданія, а старыя или запрещенныя книги *сжечь или отобрать* отъ него. Слѣдовательно, справедливо замѣчаетъ мѣстный настоятель свящ. И. Косоноцкій, сообщившій мнѣ свѣдѣнія о Дубовской церкви, были тогда еще въ употребленіи православныя книги. Изъ церковныхъ колоколовъ на одномъ выставленъ 1622, на другомъ 1688 годъ, съ латинскою надписью „Anno domini“.

Церковь *Сапрынская* Св. Троицкая. Грубешовскаго уѣзда между Гучвой и Бугомъ. Въ ней находится евангеліе 1644 г. Львовскою печати, съ такимъ же заглавіемъ какъ и Подгорецкое; *метрическія книги* сохранились только съ 1785 г. Въ *предѣлахъ*

¹⁾ Сообщ. свящ. Іоанна Хрущевича.

²⁾ Документъ: первый и конія второго хранятся въ церкви.

Сагринскаго прихода находится на мѣстѣ древняго монастыря¹⁾ церковь въ селѣ Турковицы Положенія ризы Пресв. Богородицы съ высокоотбитою всѣмъ окрестнымъ населеніемъ запрестольною иконою Пресв. Богородицы. Была еще третья церковь—въ сел. Мягкое св. Михайловская, но по крайней ветхости разобрана въ 40-хъ годахъ текущаго столѣтія²⁾).

Церковь *Шиховицкая*. Грубеншов. уѣзда, близъ Крылова, нынѣшній Шиховицкій приходъ до уни состоялъ изъ двухъ приходовъ Шиховицкаго (с. Шиховицы и дер. Тихобужъ) съ церковью въ с. Шиховицахъ и Малковскаго (с. Малково и дер. Смолиговъ) съ церковью въ с. Малковѣ. Соединеніе приходовъ послѣдовало въ 1786 г. по смерти послѣдняго православнаго въ селѣ Шиховицахъ священника Θεодора Діаковского, *отравленнаго*, какъ значится въ метрической книгѣ, 15 апрѣля 1786 г. За время священника Діаковского есть метрическая книга съ 1757 г., писанная по славянски до 1776 г. У крестьянина с. Шиховицъ Евстафія Щирбы сохранился фамилный помянникъ 1756 года, писанный Θεодоромъ Діаковскимъ. Древне православная церковь въ Шиховицахъ стояла до 1767 г. когда владѣлецъ графъ Антоній Лещинскій построилъ тамъ новую деревянную церковь рядомъ съ ветхою, мѣсто которой до послѣдняго времени, обозначалось крестомъ. Изъ церковныхъ книгъ особенно замѣчательнъ „Маргаритъ Іоанна Златоустаго Острожской печати, переданный въ Холмскій музей³⁾).

¹⁾ По удостовѣренію М. Рылы (Diag. I. 129). Турковицкій мон., также какъ монастырь Подгорецкій, Каневскій, близъ Холма, и Кулемчицкій упразднены около 1749 г., а монастырскія земли отошли въ распоряженіе Холмской епископіи. Къ Кулемчицкому монастырю издревле принадлежали села: Биндуга, Высоцкъ и Уханка Сравни. Петрушевичъ. Холм. еп. и свят. ея стр. 87. прим. 98 и стр. 242.

²⁾ Сообщ. свящ. Климента Левицкаго.

³⁾ Сообщ. свящ. Николая Глинскаго,

Церковь *Бортатичская* св. Михаила Архангела. Сѣвернѣе Замостья. Вотъ два акта, свидѣтельствующіе о ея древности.

1) Предложеніе Мартына Замойскаго, подетольничаго Львовскаго, отъ 25 сентября 1676 г. епископу Холмско-Белзскому Яковѣ Сушѣ: „Преосвященный епископъ! Просилъ меня отецъ Тимофѣй Ивановичъ пресвитеръ Бартатичскій, дабы представилъ Вашему Преосвященству, еще при его жизни, Михаила Ивановича внука его, законнаго правопреемника на настоятельство церкви Бартатичской. Удовлетворяя сію просьбу, упомянутаго Михаила Ивановича, внука отца Тимофея, представляю Вашему Преосвященству съ тѣмъ, не угодно ли Вамъ будетъ его, Михаила Ивановича, посвятить установленнымъ порядкомъ и рукоположить въ настоятели той церкви, уполномочивъ его на управленіе духовными и свѣтскими предметами. Сохраняя за отцомъ Тимофеемъ Ивановичемъ *стародавнія* права, коими онъ дондѣхъ пользовался, присоединяемъ къ его надѣлу луга и полланокъ поля, дозволяя ему свободную рубку дѣса на домашнія потребности”. Надѣлъ одобренъ епископомъ Холмскимъ Іосифомъ Левицкимъ 13-го іюня 1720 г. 2) Запись Анны Замойской, воеводицы Подольской, отъ 20 августа 1699 г.—„Объявляю, что такъ какъ по изслѣдованію назначенной мною комиссіи оказалось, что выгонъ, принадлежащій къ селу Бѣлобреги, т. е. полланокъ выгонный издавна, еще предъ воеводой Сандомірскимъ, былъ выдѣленъ изъ полей громадскихъ села Бѣлобеговъ и часть того выгона, остающаяся свободною отъ прохода скота, издавна назначена громадой Бартатичской церкви и она имъ дондѣхъ спокойно владѣла; то я изъеволю этотъ предназначенный на богоугодную цѣль выгонъ изъ инвентаря фольварка Площанскаго, въ который онъ занесенъ для взиманія съ него чинша, и освобождаю отъ всякихъ податей”, и т. д.—Обѣ записи занесены въ акты Красноставскіе Люблинскимъ деканомъ, настоятелемъ Красноставскимъ, Ильей Издебскимъ 1752 г. (*feria sexta in crast-fisti s. Andr. Apostoli*).

Въ ревизіонномъ актѣ отъ 1 сентября 1786 г., составленномъ Щебрешинскимъ деканомъ Василіемъ Боровскимъ, къ приходу села Бортатичъ, отвесены Бѣлобреги, Высоке и Хоменциска, изъ коихъ послѣднее нынѣ принадлежитъ къ Злоецкому при-

году. Прихожанъ числилось 315. Въ инвентарѣ, составленномъ 15 іюля 1811 г., говорится, что греко-уніатская Бортатычская церковь присоединена къ главной церкви Сѣдлисской, Холмской діоцезіи. Церковная земля въ актѣ 1786 г. описана такъ: „1) лѣвъ поля, границы котораго прилегаютъ съ юга къ границамъ с. Сидицка, съ сѣвера къ р. Свинѣ, съ востока къ полю Касмову съ запада—къ полю Бурмеекову. 2) поле, подъ названіемъ Выгонъ, граничащее на югъ съ полями Вслучскими, на сѣверъ съ выгономъ Вѣлобжежскимъ, на востокъ съ полемъ Вилковъ, на западъ съ полемъ Пакеровымъ. Этотъ выгонъ отобранъ ординаціей въ 1783 г. Десятина сноповая получалась съ земель громадскихъ по одной копѣ съ полланка, съ четверти по 30 сноповъ. Подлинныя документы пергаменные взяты Австрійскимъ правительствомъ 13 Ноября 1796 г. и переданы въ Львовскій архивъ¹⁾.

Церковь *Красничинская*. Успенія пресв. Богородины. Близъ Красностава, на ю. в. — Народное преданіе сохранило память о существованіи здѣсь церкви ранѣе XVI вѣка. Отчасти оно подтверждается записью, отъ 4 Іюля 1685 г., помѣщика Іосифа Бонавентуры—Міончинскаго объ отводѣ мѣстному священнику пахатной земли,—о чемъ упоминается въ инвентарной описи церковнаго имущества отъ 1829 г.²⁾.

Церковь *Чартовицкая*. Южнѣе Тышовецъ. Приписана къ приходской Монятычской. Построена или возобновлена мѣстнымъ владѣльцемъ Өаддѣмъ Прилуцкимъ, какъ значится въ надписи, вырѣзанной за иконостасомъ. Въ Монятычской церкви на престольное евангеліе печатанное во Львовѣ 1600 г. по благословенію четырехъ восточныхъ патріарховъ³⁾.

Церковь *Крыловская*, Спаса - Преображенія, настоятелемъ которой въ 1667 г. былъ Стефанъ Олелько⁴⁾, возобновлена ижди-

¹⁾ Сооб. свящ. Крыницкаго.

²⁾ Сообщ. свящ. Л. Калинскаго.

³⁾ Сообщ. свящ. Михайлов.

⁴⁾ См. стр. 278 настоящ. соч.

венієм владѣльца имѣнія Крыловъ (на Бугѣ) въ 1777 г., какъ видно изъ надписи надъ входными церковными дверми¹⁾.

Церковь *Переюртовская*. Близъ Крылова. Приписная къ Крыловскому приходу. Возобновлена тѣмъ же помѣщикомъ въ 1785 г. Въ ней находится икона Богоматери, съ 1632 г., и напрестольное евангеліе, съ 1668 г., купленное для церкви нѣкимъ Иваномъ Малошъ за 37 злотыхъ²⁾.

Церковь *Шлятинская*. Восточнѣе Томашова. Надпись на двухъ колоколахъ гласитъ, что они литы въ 1776 г.³⁾ Подобныя же скудныя извѣстія имѣются о *Чесникской* церкви, близъ Замостья, основанная на метрическихъ книгахъ съ 1777 г.⁴⁾ а также о церкви *Матченской* (на Бугѣ), метрики которой и помянникъ сохранились съ 1760 г.⁵⁾

Церковь *Терешпольская*. Между Бѣлгораемъ и Щебрешиномъ. Начало существованія ея народное преданіе относитъ къ 1500 г. Старѣйшій ея документъ — визита епископа Фелиціана Володкевича, отъ 1743 года. Изъ церковныхъ книгъ замѣчательны: евангеліе, дѣянія апостоловъ и мѣсячная минея, писанныя вѣроятно въ началѣ XVII вѣка, и Октоихъ Львовскаго изданія, отъ 16 февраля 1715 г. Приходъ подвергся въ большой степени латинизаціи. Какъ на признакъ преобладанія здѣсь нѣкогда русскаго населенія указывается на то, что часть сосѣдняго села Черныстока, гдѣ до 1821 г. стояла церковь св. Параскевы, называется Русью⁶⁾.

Церковь *Топольская*, южнѣе Щебрешина. Обновлена 1758 года. Древнѣйшіе изъ ея памятниковъ — большой колоколъ съ надписью: „Te Deum laudamus, Te Dominum confitemur, A. D.

¹⁾ Сообщ. свящ.

²⁾ Сообщ. свящ. Петръ Васенко.

³⁾ Сообщ. свящ. Ф. Власевича.

⁴⁾ Сообщ. свящ. Смоленецъ.

⁵⁾ Сообщ. свящ. Д. Войнаковича.

⁶⁾ Сообщ. свящ. Могильницкаго.

1646,“ евангеліе, изданное при Петрѣ Могилѣ да двѣ писавшія на деревѣ иконы съ вырѣзанными на оборотѣ ихъ буквами А Х П (1680).—Дарственною записью 1742 г., имѣющеюся при церкви, ординатъ Антонъ-Оома Замойскій къ церковнымъ землямъ присоединилъ участокъ назыв. Таланщиною¹⁾.

Церковь *Сопотская*. Южнѣе Краснобрѣда, у верховьевъ р. Сопота. Неизвѣстно когда первоначально основана. (Нынѣшняя построена 1835 г. иждивеніемъ Замойской ординаціи). Отъ прежней церкви сохранились иконостасъ и четыре образа. На одномъ изъ послѣднихъ надпись: „сей образъ жаловалъ панъ Теодоръ Зубъ съ своею женою Анастасіею своимъ коштомъ 1718 г. На другомъ—подобная же надпись славянская, относящаяся къ 1724 г. Къ Сопотской приписана церковь *Цютушская*, а до 1835 г. была приписана и *Юзефовская*. Еще въ 1785 г. былъ въ посадѣ Юзевѣ настоятель Плюшинскій, какъ видно изъ Австрійскихъ актовъ того прихода. Въ 1836 г. вся церковная утварь перешла въ собственность Юзефовскаго костела, церковь же продана съ публичнаго торга²⁾. Къ даннымъ, приведеннымъ мною о систематической латинизаціи южной и юго-западной части Люблинской губерніи, умѣстно здѣсь прибавить, что съ половины XVII вѣка многія земли въ этой окраинѣ перешли въ собственность Францишканскаго монастыря села Пуши-Сольской (около Бѣлгорая), какъ удостовѣряетъ дарственная запись графа Станислава Конецпольскаго, отъ 5 мая 1676 г., подтвержденная Мартыномъ Замойскимъ 18-го мая 1677 г. Границей между владѣніями монастыря и крестьянскими полями полагалась рѣчка Шербаница (актъ 2 мая 1678 г.). Въ имѣніяхъ Оомы Іосифа Замойскаго Соли-Домбровицахъ и Майданѣ-Княжиольскомъ уже въ первой четверти XVIII вѣка большинство русскаго населенія отступило отъ православія. По силѣ грамоты Оомы Замойскаго отъ 22 Сентября 1721 г., подтвержденной Михаиломъ Замойскимъ 1728 г., крестьяне католики названныхъ селеній должны

¹⁾ Сообщ. свящ. Григоровскаго.

²⁾ Сообщ. свящ. П. Липкевича.

были платить Францисканскому монастырю ежегодно подать по два злотыхъ съ четверти¹⁾).

Церковь *Липинская* св. Димитрія. Изысканія мѣстнаго настоятеля Антонія Скробанскаго раскрываютъ слѣды существованія ея въ XVI вѣкѣ²⁾). Особенное вниманіе обращаетъ онъ на два обстоятельства: 1) Въ инвентарной описи, составленной австрійцами въ 1795 г. (утв. 1798 г.), употреблено выраженіе: *Ecclesia sub titulo s. Demetrii martiris.... antiqua superstructa*, т. е. возобновлена старинная. 2) Въ Липинской церкви находится крестъ, принадлежавшій костелу, который перенесенъ около 1581 г. изъ с. Липинъ въ сосѣднее село Потокъ. Старыя метрическія книги сохранились съ 1686 г. (писаны по славянски до 1777 г., когда послѣдовало на то запрещеніе. Въ деканальной визитѣ 1777 г. записано, что приходъ состоитъ изъ 156 дворовъ и обнимаетъ села: Липины, Березовичи, Бабице, Будзяръ. Судя по выпискамъ, приводимымъ о. Скробанскимъ изъ „documentaria“, можно съ достовѣрностью полагать, что церковь была истреблена пожаромъ 1714 г. и возобновлена въ 1754 г.

Церковь *Потоцкая*. О глубокой древности ея свидѣтельствуеъ славянскій помянникъ³⁾), носящій такое заглавіе: „Поминаніе священныхъ іереевъ рабовъ Божіихъ и рабынь младенецъ и дѣвицъ, лежащихъ при храмѣ Рождества пресвятой Дѣвы Богородицы въ селѣ Потоку отъ вѣка умершихъ. Списася року Божію 1732 мѣсяца іюня 20 дня многогрѣшнымъ рабомъ Божіимъ Даміаномъ Баневскимъ бл. Потоцкимъ“. На 3-й стр. написано: „А се поминаніе священныхъ іереевъ Іоанна и Стефана Терновскихъ, пресвитеровъ Потоцкихъ и сыновъ его... Іоанна и Григоріи. Помини Господи рабовъ священноіерея Іакова, іерея Романа, іерея Гавріила, іерея Лаврентія, іерея Василя, іерея Петра,

¹⁾ Акты сообщ. мнѣ О. С. Сидорскимъ.

²⁾ Источниковъ, по которымъ бы можно было прослѣдить судьбу ея отъ основанія Даниломъ до XVI в. нѣтъ никакихъ.

³⁾ Сообщ. мнѣ въ подлинникъ свящ. А. Скробанскимъ.

іерея Григорія, іерея Николая, іерея Григорія¹⁾, іерея Андрея, іерея Іоанна, іерея Стефана, іерея Алексія, іерея Михаила, іерея Василя. Затѣмъ подрядъ поименованы многіе обыватели Потокскіе. Надъ нѣкоторыми именами выставлены годы,—начиная съ дѣвицы Марины, надъ именемъ коей выставленъ 1735 г. Далѣе поминается іерей Стефанъ подъ 1763 г. Составитель этого помянника очевидно имѣлъ подъ рукою или старѣйшій помянникъ, или церковную лѣтопись, откуда и выписалъ, въ послѣдовательномъ порядкѣ, имена прежнихъ настоятелей, одно за другимъ, съ самаго основанія церкви. До Стефана, умершаго въ 1763 г. было всѣхъ 19 іереевъ. Если настоятельство каждого продолжалось, круглымъ счетомъ, около 15 лѣтъ, то основаніе Потоцкаго храма придется приурочить приблизительно къ половинѣ XV вѣка. Въ помянникъ занесены обыватели не только Потоцкіе и сосѣднихъ приходовъ Бищи и Тарногорода, но и болѣе отдаленныхъ мѣстностей, какъ-то Зимпа, подъ Лашевымъ, и Дзикова (въ Галиціи). На послѣднихъ двухъ страницахъ помянника стариннымъ, трудно разборчивымъ почеркомъ²⁾ записана слѣдующая древняя пѣснь въ честь пресв. Богородицы:

Пречистая Дѣво Мати Словенъ раю,
 А у веси у Тирови Украинскомъ краю
 Чуда свои показала
 Гды въ палацахъ плакаты стала
 Чистая Панна.
 Его мосць панъ Калитинскій того дознае,
 Входящи въ своихъ палацахъ главу склоняе.
 Жиды заразь стали кричати,

¹⁾ Не этотъ ли Григорій, названный „попомъ съ Потока“ подписали; вмѣстѣ съ другими, актъ избранія кандидатовъ въ санъ, правосл. епископа Перемышльскаго 26 марта 1633 г.? (Арх. ю. з. Россіи т. VI ч. 1 стр. 668).

²⁾ Нѣкоторыя слова разобраны мною только при помощи о. Скробанскаго, знатока малорусскаго нарѣчія.

Крещенія потребовати

Въ палацахъ его.

Заразь казавъ священниковъ до себѣ призвати,

Пресвятую Дѣву Марію до церкви взяти.

И тамъ чуда свои показала:

Слѣпыхъ, хромыхъ лѣчала

Чистая Панна.

Днесъ стоитъ на престолѣ храма святого

Николая Чудотворца Мирликійскаго,

Людіе къ ней приходяють,

Исцѣленіе принимаютъ

Въ потребахъ своихъ.

Не скверная, неблазная Матко единая,

Упроси намъ Христа Бога своего Сына,

Бы намъ рачиль съ Твоей благодати

Лице Его въ небѣ оглядати

Въ небѣ на вѣки.

Подъ украинской Тиравой несомнѣнно разумѣется мѣстечко Тирава близъ Санока, на ю. з. отъ Перемышля. Такимъ образомъ Потоцкій помянникъ представляется однимъ изъ наглядныхъ доказательствъ исконной національной и религіозной связи туземнаго населенія всей Перемышльской области въ ея первоначальныхъ предѣлахъ и его русскаго происхожденія. Среди этого населенія не умерла еще память о Галицко-Владимірскихъ князьяхъ. Напр., на южной окраинѣ Люблинской губерніи сложилась такая легенда:¹⁾ „На полосѣ княжяго поля (теперь село Полосы) стоялъ княжій дворъ (нынѣ Замхъ или Замокъ), построенный русскимъ княземъ, который во время непріятельскаго нашествія былъ спасенъ какою-то бабой, давшей ему у себя пріютъ. Въ память избавленія своего отъ угрожавшей опасности князь заложилъ село Бабицы²⁾).

¹⁾ Сообщена мнѣ А. Скробанскимъ.

²⁾ Изученіе церковной нашей старины по помянникамъ могло бы дать весьма цѣнные результаты. Образцемъ такого труда пред-

Преданія, переходящіи изъ поколѣнія въ поколѣніе, черѣдно разукрашенные причудливой фантазіей народа, точно также какъ и пѣсенное его творчество, таятъ въ себѣ много элементовъ, посредствомъ которыхъ выражается племенное и духовное сродство не только разорванной въ политическомъ отношеніи прежней Перемышльской области, но и всей Червонной Руси, всего древняго Галицко-Владимірскаго княжества. Таковы, на мой взглядъ, пѣсни пресвятой Богородицѣ. Стихи въ честь Холмской чудотворной иконы заключаютъ въ себѣ, между прочимъ, мольбу о благоденствіи Червонной Руси:

„Возстави въ славѣ Русь Червонную,
Утверди въ ней вѣру православную“.

Пѣснь, распѣваемая въ честь Иочаевской иконы Богоматери, оканчивается словами:

„Даждь единомышленіе
И другъ друга любленіе

Всѣмъ правовѣрнымъ“¹⁾ (православнымъ).

Пѣсни эти проникнуты единымъ чувствомъ благоговѣйной благодарности за спасеніе народа въ тѣ смутныя времена, когда

ставляется изслѣдованіе настоятеля Модрынской церкви священника Григоровича, изложенное въ самомъ помянникѣ этой церкви, который онъ случайно нашелъ въ гробѣ, приготовленномъ для крестьянки Анны Мельхерской, понынѣ благоденствующей. — Григоровичъ не оставилъ безъ вниманія даже водяныхъ знаковъ на бумагахъ. По нимъ онъ дѣлаетъ весьма остроумные выводы о времени ея фабрикаціи. Вообще памятники Модрынской церкви, особенно грамота Владислава II, помѣч. 1306 (sic). представляютъ большой интересъ, но въ виду сомнительности формы и содержанія грамоты, безъ повѣрки ея съ актами коронной метрики и львовскаго архива, откуда она извлечена опредѣлить безошибочно истинное значеніе ея невозможно.

¹⁾ См. Холм. народн. календарь 1885 г., изд. въ Кіевѣ. стр. 174—178.

нахлынули на него татарскія орды, когда ляхи ополчались на его святую вѣру. Во всѣхъ этихъ произведеніяхъ народнаго творчества проглядываютъ одни и тѣ же нравственные мотивы, одно и тоже міровозрѣніе, а нерѣдко повторяются и одинаковыя выраженія, мѣстами современныя Волынской лѣтописи¹⁾: Надѣюсь, читатель не упрекнетъ меня въ пристрастіи или преувеличеніи, если внимательно сравнить пѣсни, собранныя и опубликованныя Холмскимъ св. Богородичнымъ братствомъ, съ пѣснью въ честь Тиравской святыни и съ нижеприводимой пѣсней, сложенной нѣкогда во славу чудотворной Тарногородской иконы Божіей Матери (Бѣлгор. у. Любл. губ.²⁾).

Витай свята и зачата чиста Дѣвице;
Въ Тарногроди, нашемъ гроди, красна Царице
Ту зачавши царствовать,
Непрестаетъ ласкъ давати
Всѣмъ требующимъ.

Тебѣ егда человѣцы всѣмъ сердцемъ просятъ
Во всякихъ нуждахъ, бѣдахъ, скорбехъ ласку относятъ
Гладъ, повитра, смерть утече;
Ту удайся человѣче
До Дѣвы чистой.

Не боимся граду, мечу, огню и воды,
Егда маемъ заступницу отъ всякой шкоды.
Въ семь образѣ, яко брацкомъ —
Двери людемъ христіанскимъ
Въ каждой потреби.

Сынъ на рукахъ Дѣвическихъ сѣдитъ отвращень,

¹⁾ Въ одномъ вариантѣ пѣсни Почаевской Богороди ѣ говорится, что „Татары на гору стрѣлы яко дождь пускають.“ Сравни. описаніе осады Люблина Даниломъ и Василькомъ, — по Ипат. списку, стр. 529.

²⁾ Она записана изъ устъ старожиловъ Липинскихъ свящ. А. Скробанскимъ и не найдена мною ни въ одномъ изъ печатныхъ сборниковъ.

Аки отъ лица матерня ко намъ обращень:

Отвратися то не диво,
Бо на насъ зрить милостиво,

Яко Спаситель.

Тоей милости показавъ южъ не разъ доводъ,
Бо съ Тарногорода отдаливъ повитра, голодъ,
Чрезъ причину особливе
Матки Своей намъ счастливе

Господствующей.

Припомнійте Хмѣльницкаго овны войны,
Въ которыхъ Тарногородъ гинувъ якъ безборонный;
Но не дала тутейшая
Загинуты Пречистая

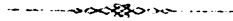
Панна ласкава.

За которы мы ласки, Пречистая Мати,
Не перестанемъ Тебе ту выхваляти:
Радуйся, Мати Дѣвице,
Прекрасная Голубице,

Панна чудовна!

Съ сыномъ Твоимъ, намъ любимымъ, хвалима буди,
Отъ всѣхъ вѣрныхъ Твоего брацтва христїянъ люди,
Додай ласки, добре жити,
По семъ въ небѣ Тя хвалити

Во вѣки вѣковъ аминь.

353
Складъ въ книжномъ магазинѣ, В. М. Истомина
въ Варшавѣ.

Princeton University Library

32101 074289008

